

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

И.А. Христофоров

«АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ»
ОППОЗИЦИЯ
ВЕЛИКИМ
РЕФОРМАМ
конец 1850 —
середина 1870-х гг.

МОСКВА
«РУССКОЕ СЛОВО»
2002

ББК 63.3—3

X 88

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 01-01-16120д

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор
Л. Г. Захарова

Рецензенты:
доктор исторических наук **С. В. Тютюкин**
доктор исторических наук **Ф. А. Петров**
На фронтисписе — фрагмент рукописи
кн. А. И. Васильчикова «Тайная полиция в России»

Художественное оформление и макет **Н. Г. Ордынский**

Христофоров И. А.

X 88 «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец
1850 — середина 1870-х гг.)/. Игорь Анатольевич Христофоров. —
М.: ООО «ТИД "Русское слово-РС"», 2002. — 432 с., ил.
ISBN 5—94853—017—5

В монографии, написанной на основе широкого круга малоизвестных, в основном архивных источников, рассматривается состав, деятельность, идеологическая ориентация и программа одной из наиболее влиятельных политических группировок пореформенной России. Анализ места этой группировки в общественном движении, взаимоотношений «аристократов» с правительственными деятелями, образа мыслей, свойственного представителям русского высшего общества, позволил автору по-новому взглянуть на такие вызывающие острые дискуссии среди историков и политологов проблемы, как сущность отечественного консерватизма, динамика реформаторских и контрреформаторских тенденций во внутренней политике России и др.

Книга предназначена для историков, преподавателей, студентов, а также всех, интересующихся отечественной историей и культурой.

ББК 63.3—3

© И.А.Христофоров, текст, 2002

© ООО «ТИД "Русское слово — РС"», 2002

9 780000 000000

ВВЕДЕНИЕ

В море исторической, публицистической и популярной литературы, так или иначе затрагивающей ключевой для понимания российской истории период преобразований 1860—1870-х годов, уделяется поразительно малое внимание взглядам и деятельности тех, кто зарекомендовал себя противниками реформаторского курса. Это обстоятельство, по-видимому, отчасти коренится в своеобразной подмене понятий. По общему признанию, реформы были не просто назревшими, но даже запоздалыми и, во всяком случае, абсолютно неизбежными. А раз так, то позицию выступавших против них можно объяснить только исключительной близорукостью или своекорыстием; и в том, и в другом случае она оказывается не слишком привлекательным для анализа материалом. При этом не учитывается, казалось бы, очевидное соображение, что *оппоненты реформаторов* могли и не быть *противниками реформ*, что вопрос мог заключаться в том, какими должны быть конечные цели и «цена» преобразований и кому должна принадлежать инициатива в их проведении.

Лишь сравнительно недавно в историографии наметился устойчивый интерес к процессу формирования внутренней политики самодержавия пореформенного периода. Представление о монолитности правящего лагеря ушло в прошлое; все большее внимание уделяется сложной, полной противоречий борьбе внутри этого лагеря, борьбе, обусловившей колебания и зигзаги правительственного курса. Не меньшее значение

для понимания специфики политической жизни страны этого времени имеет анализ деятельности тех общественных сил, на поддержку которых опирались государственные деятели. Начиная с конца 1850-х годов в России активно протекал типичный для переходного периода процесс становления политических группировок (современники часто называли их «партиями»), у каждой из которых было свое представление о будущем страны и программа действий. Невозможность организационного оформления и легального представительства различных интересов в условиях самодержавия определяла не только их размытость, но нередко и преимущественно традиционный образ действий путем закулисных интриг, поиска «высокопоставленного покровителя». С другой стороны, развитие политической печати, возможность использования в качестве своеобразной «трибуны» земских и дворянских собраний, различных обществ, ориентация на европейские формы партийной борьбы, — все это вело к становлению новой политической культуры и политического самосознания, определяло потребность в сформулированных, мотивированных программах действий не только у сторонников, но и у противников реформ.

Эти специфические условия во многом определяли и облик группировки, именовавшейся в период реформ «аристократической партией», «олигархами», «плантаторами» или «нашими доморощенными ториями». Следует подчеркнуть, что эти названия отражали главным образом восприятие группировки ее политическими противниками.

Многочисленные упоминания «аристократической партии» впервые появляются в официальных и личных документах, относящихся к периоду разработки крестьянской реформы. Подготовка отмены крепостного права не только вызвала к жизни Губернские дворянские комитеты и обширную публицистическую литературу, в которой высшее сословие отстаивало свои права. В ходе острой и динамичной полемики помещиков с реформаторами апробировались новые идеи, понятия и методы политической борьбы. Отражало ли употребление современниками накануне 1861 г. термина «аристократичес-

кая партия» действительное существование некоей влиятельной группировки в среде высшего дворянства — прояснение этого вопроса позволило бы составить более полное представление об истории крестьянской реформы и вместе с тем стало бы основой для анализа происхождения и дальнейшей эволюции программы, отстаивавшейся консервативно настроенной частью сословия в 1860—70-е гг.

Принятие Положений 19 февраля ознаменовало начало нового всплеска политической активности поместного дворянства. События первой половины 1860-х гг., выявив зависимость корпоративных дворянских учреждений от государства и их политическую беспомощность, еще более обнажили тот факт, что к середине XIX века дворянство очень мало походило на сколько-нибудь сплоченное сословие, осознающее свои традиции, цели и интересы. Отсутствие в дворянском сословии сплоченности и единства неоднократно отмечалось в литературе. Нельзя не согласиться с выводом А.Дж.Рибера, что «после Крымской войны дворянство в целом или хотя бы значительная его часть не объединилось вокруг какой-то программы, чтобы защитить свои общие привилегии»¹. На этом фоне особый интерес привлекают попытки добиться сплочения «охранительных сил» и организовать «консервативную партию», предпринятые частью дворянства (в основном именно теми, кого общественное мнение накануне 1861 г. относило к «аристократической оппозиции»).

В 1860—70-х гг. «аристократическая» группировка становится одной из наиболее заметных; влияние ее на внутривнутриполитический курс в силу близости к «высшим сферам» было хотя и неоднозначным, но постоянным и весьма значительным; достаточно сказать, что идеи «аристократов» пользовались сочувствием таких государственных деятелей, как П.А.Валуев, граф П.А.Шувалов, князь А.И.Барятинский. Фактически, на протяжении всего рассматриваемого перио-

¹ Рибер А. Социальная идентификация и политическая воля: русское дворянство от Петра I до 1861 г. // П.А.Зайончковский. 1904—1983 гг. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 308.

да, «аристократы» являлись едва ли не единственной силой, составлявшей оппозицию курсу реформ «справа».

Роль этой группировки особенно усиливается после 1866 г., когда П.А.Шувалов приобрел решающее влияние в правительстве. Однако ни деятельность Шувалова, ни усилия поддерживавших его общественных сил не привели к каким-либо значительным результатам, которые можно было бы считать практическим воплощением программы консервативного дворянства, противостоявшего реформам. При всех колебаниях внутренней политики «лицо» ее, по выражению В.Г.Чернухи, в 1860—70-е гг. «определялось либеральными реформами»². Вместе с тем причины фактического поражения «аристократической оппозиции» следует искать не только в перипетиях политической борьбы, но и в особенностях программы этой группировки: необходимо проанализировать, почему она оказалась неприемлемой для самодержавия.

Изучение социального облика, идеологических ориентиров и степени сплоченности поместного дворянства, составлявшего «аристократическую» оппозицию реформам, представляется тем более важным, поскольку сама эта тема находится на стыке таких ключевых проблем пореформенной российской истории как взаимоотношения власти и общества, самосознание дворянской элиты, динамика реформаторских и контрреформаторских тенденций во внутренней политике.

Одним из приоритетных направлений в новейшей историографии становится также анализ специфики российского консерватизма как идеологии и политической практики³. Внимание ученых, занимавшихся этой темой, как правило, обращалось прежде всего на те эпохи, когда консервативная составляющая внутренней политики явно преобладала над реформаторской. Нельзя не отметить и еще одной значимой

² Чернуха В.Г. Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (сер. 70-х гг. XIX в.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 183.

³ См.: Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения. «Круглый стол» // Отечественная история. 2001. № 3.

тенденции: идеологическое, точнее, ценностное содержание консерватизма очень часто отождествляется с традиционализмом и ориентацией на «исторические», «национальные» приоритеты. Консерваторы при этом нередко априорно зачисляются в лагерь противников европейских ценностей и европейского пути развития. Между тем анализ общественно-политических процессов пореформенного периода и, в частности, деятельности «аристократов» позволяет значительно скорректировать подобное представление, по новому оценить смысл противостояния консервативного дворянства реформаторским силам.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1857 г., то есть со времени начала разработки крестьянской реформы, до 1875 г. — следующего после отставки П.А.Шувалова с поста шефа жандармов года, в течение которого политическое поражение «аристократической» оппозиции стало достаточно очевидным. После 1875 г. активность представителей этой группировки значительно снижается. Таким образом, совпадая с традиционным определением периода Великих реформ, временные границы работы обусловлены и внутренней логикой рассматриваемой темы.

Представляется необходимым сделать некоторые пояснения относительно употребляемых мною терминов. Понятие «партия» в контексте политической истории России пореформенного периода не может являться качественной характеристикой, говорящей о сплоченности и единстве какой-либо группировки. В употреблении современников этот термин был весьма многозначным; более того, многие из них не раз подчеркивали, что ничего подобного партиям в европейском смысле в России не может существовать, причем не только потому, что их образования не допускает закон, но также из-за разъединения, раздробленности общественных сил.

Эпитет «консервативный» прочно вошел в российский политический лексикон именно в пореформенное время. Целый комплекс связанных с ним представлений быстро стал предметом идеологических спекуляций; политический смысл самого понятия оказался в результате размытым, более того, в разное

время «консервативными» считались совершенно различные идеи. Недостаточное внимание к этому ведет порой к не совсем обоснованному сближению программ, имевших разную направленность. (Особенно это касается соотношения развивавшихся «аристократами» идей и контрреформ 1880—90-х гг.) Однако несмотря на то что политические оппоненты «аристократов» не раз оспаривали правомерность применения этого эпитета к их программе, термин «консерватор» употреблялся очень часто, когда возникала необходимость определить политическую принадлежность какого-либо деятеля, развивавшего такую программу. Добавлю, что сами идеологи «аристократической» оппозиции реформам безусловно считали себя консерваторами. В данной работе понятие «консервативный» употребляется главным образом в смысле «оппозиционный либеральным реформам или либеральной программе реформ».

Наконец, следует отметить двойственный смысл понятия «аристократический». С одной стороны, оно отражает (и отражало в восприятии современников) социальное положение представителей консервативной дворянской оппозиции реформам, принадлежавших, как правило, к среде крупного помещичьего дворянства, близкого к правительственным и придворным сферам; а с другой — могло служить определением их идей, направленных на усиление в государстве роли крепкого и властного слоя крупных земельных собственников. Без кавычек данное понятие употребляется мною в тех случаях, когда речь идет о принадлежности того или иного деятеля к слою высшего, придворного дворянства.

* * *

Историографию затрагиваемых в исследовании проблем можно условно разделить на несколько направлений: 1) работы по истории подготовки отмены крепостного права, авторы которых более или менее подробно рассматривали дворянскую оппозицию реформе; 2) исследования, посвященные внутренней политике 1860—70-х гг.; 3) труды по общественно-политическому движению конца 1850 — середины 1870-х гг.

Видный представитель либеральной историографии А.А.Корнилов был одним из немногих дореволюционных историков,

кто, изучая крестьянскую реформу, уделил значительное внимание позиции помещного дворянства и попытался выявить причины, лежавшие в основе разделения его на различные общественно-политические группировки. По его мнению, сторонниками либеральной программы решения крестьянского вопроса были в основном помещики промышленных нечерноземных губерний; крепостники же, желая «превратить реформу в выгодную для дворянства аферу», в черноземных губерниях хотели лишить крестьян земли, а в промышленных — получить за их личность как можно больший выкуп⁴. Вывод Корнилова об обусловленности требований дворянства конкретными материальными интересами был для своего времени чрезвычайно важен. Вместе с тем, абсолютизируя этот фактор, историк так и не смог объяснить ни многообразия мнений в пределах одного хозяйственного региона, ни специфику позиции тех крупных помещиков, которые составляли так называемую «аристократическую» оппозицию Редакционным Комиссиям. Он лишь констатировал, что в их среде «крепостническая» точка зрения сосуществовала с «либерально-аристократической», причем представители последней (например, граф П.П.Шувалов) не выступали за безземельное освобождение крестьян⁵.

В целом в либеральной концепции как самой реформы, так и общественного движения пореформенного времени весьма догматическая оценка политических процессов, в основе которых усматривалось противостояние абстрактных «либерально-прогрессивных» и «реакционных» тенденций⁶, сочеталась с от-

⁴ Корнилов А.А. Губернские комитеты по крестьянскому делу // Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905. См. также: Левандовский А.А. Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А.А.Корнилов. М., 1982. С. 49—74.

⁵ Корнилов А.А. Губернские комитеты... С.189—193; его же. Крестьянская реформа. СПб. 1905. С. 68—69.

⁶ См., напр.: Джаншиев Г. Эпоха великих реформ. М., 1900; Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855—1881). Исторические очерки. М., 1909.

дельными верными наблюдениями. Так, Н.И.Иорданский, справедливо полагая, что консервативное дворянство сосредоточило свое внимание на политической стороне крестьянской реформы, противопоставлял нуждам мелких и средних землевладельцев позицию крупных помещиков, которые «не нуждались во вмешательстве государства в ликвидацию крепостного права. Наоборот, всякое регулирование новых отношений... казалось [им] даже вредным, так как оно ослабляло неизбежную зависимость труда от капитала». Средние же землевладельцы «стремились к компромиссу с бюрократией и нуждались в участии правительства»⁷.

Крайне мало внимания дореволюционные авторы уделяли развитию консервативной идеологии в ее оттенках и конкретно-исторических особенностях. Анализ ими внутренней политики 1860—70-х гг. из-за естественной узости источниковой базы также был достаточно поверхностным.

История изучения крестьянской реформы советскими учеными была предметом специальных статей П.А.Зайончковского, Л.Г.Захаровой и Д.Филда⁸. Среди работ, посвященных генезису и смыслу правительственной программы реформы, следует выделить исследования Л.Г.Захаровой, в которых ее формирование показано как результат взаимодействия сторонников освобождения крестьянства с землей в бюрократических кругах и в обществе⁹. Рассмотрев эту

⁷ Иорданский Н.И. Конституционное движение 60-х годов. СПб., 1906. С. 67, 105—108.

⁸ Зайончковский П.А. Советская историография реформы 1861 г. // Вопросы истории. 1961. № 2; Захарова Л.Г. Отечественная историография о подготовке крестьянской реформы 1861 г. // История СССР. 1975. № 2; Field D. The reforms of the 1860-s // Windows on the Russian past. Essays on Soviet historiography since Stalin. Columbus, 1978.

⁹ Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права. М., 1984; ее же. Крестьянская община в реформе 1861 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1986. №5; ее же. Самодержавие и реформы в России. 1861—1874. (К вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992.

программу, Л.Г.Захарова выявила тесную взаимосвязь ее практической направленности с идейной ориентацией создателей Положений 19 февраля, тем самым продемонстрировав плодотворность изучения идеологической составляющей внутренней политики.

Следует отметить, что для советской историографии крестьянской реформы вообще не было характерно выделение в среде помещиков «аристократической» группировки, а взгляды крупных землевладельцев, которых современники к ней относили, как правило, характеризовались как «крепостнические» и (если речь шла о политических требованиях) «олигархические». Отечественные историки, которые специально занимались участием дворянства в разработке реформы и общественным движением конца 1850 — начала 1860-х гг., вплоть до последнего времени гораздо подробнее анализировали взгляды и деятельность либерального дворянства. Тезис о том, что программа либерального дворянства, предусматривавшая обязательный выкуп крестьянами земли, имела буржуазный характер, тогда как «крепостники» выступали за путь развития страны, связанный с сохранением феодальных пережитков, порой приходил в противоречие с анализируемым авторами конкретным материалом, который свидетельствовал, что связь политических пристрастий с хозяйственными интересами тех или иных помещиков не была столь однозначной¹⁰. В результате историки отмечали противоречивость идей консервативного дворянства, в требованиях которого, как считали, например, Н.Г.Сладкевич и Н.С.Баграмян, «олигархические», «узко-сословные

¹⁰ Как пишет в недавно вышедшей работе В.Я.Гросул, «мнение о том, что за сохранение привилегий дворянства ратовали лишь закоренелые крепостники, прежде всего из среды помещиков, не умевших приспособиться к процессу развития капитализма, не всегда подтверждается при ознакомлении с некоторыми документами» (Гросул В.Я., Итенберг Б.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 204).

требования» переплетались с «буржуазными», «либерально-конституционными»¹¹.

Своеобразной реакцией на этот подход можно считать некоторые новейшие исследования, в которых фактически отрицается правомерность разделения помещиков на «либералов» и «крепостников», а в борьбе дворянства с реформаторами подчеркивается значение, с одной стороны, политической тактики, а с другой — различных мифов и идеологием (например, представления о враждебности бюрократии дворянству)¹². «При одностороннем подходе к изучению разногласий внутри дворянства, — утверждает М.Д.Долбилов, — исследователь рискует преувеличить степень политической дифференциации высшего сословия. Категории и концепты самосознания, через которые дворянство пыталось представить и утвердить себя единым целым, плохо укладываются в классификационные схемы историков»¹³. Вместе с тем потребность в обобщении анализируемого материала приводила М.Д.Долбилова к широкому употреблению терминов «выкупщики», «олигархи», «либералы». Всякий раз беря их в кавычки, историк в процитированной статье так и не прояснял, идет ли речь о его собственной классификационной схеме или о реальном существовании в среде дворянства различных группировок. Несколько иная картина вырисовывается в одной из недавних его работ, специально посвященной программе «аристократической» группировки накануне и в первые годы после принятия Положений 19 февраля¹⁴. Поскольку она является едва ли не единственным исследовани-

¹¹ Баграмян Н.С. Помещичьи проекты освобождения крестьян // Революционная ситуация в России в 1859—61 гг. М., 1962. С. 74; Сладкевич Н.Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х — начала 60-х годов XIX века. Л., 1979. С. 51.

¹² Долбилов М.Д. Политическое самосознание дворянства и отмена крепостного права в России // Общественное сознание в переходные и кризисные эпохи. М., 1996; его же. Александр II и отмена крепостного права // Вопросы истории. 1998. № 10.

¹³ Долбилов М.Д. Политическое самосознание дворянства... С. 13.

¹⁴ Долбилов М.Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850—1860-х годах // Вопросы истории. 2000. № 6.

ем по данной теме в историографии последних лет, остановлюсь на выводах автора подробнее. Группировка «аристократов-конституционалистов», справедливо отмечает М.Д.Долбилов, «не составляя хорошо организованного, “спевшегося” кружка, подобного славянофильскому», не была и «случайной компанией придворных фрондеров». Нельзя не согласиться и с утверждением «о наличии у аристократов определенной программы преобразований, сложившейся еще до гласного и необратимого приступа правительства к реформам в ноябре 1857 г.». Стержень ее историк усматривает в «новых поисках коллективного образа дворянства», в попытках «уловить и концептуализировать противоречия и парадоксы социального статуса дворянина»¹⁵. Правомерность такого подхода очевидна; однако очевидно и то, что «социальный статус» не сводим к сословно-корпоративному, сколь бы широко ни понимался последний. В этом смысле внутренняя организация крестьянских обществ, система крестьянского землепользования и устройство местной власти были для «аристократов» ничуть не менее насущными проблемами, чем корпоративное представительство и сословные прерогативы, которые находятся в центре внимания исследователя. Только комплексное рассмотрение их программы может способствовать и корректному определению места этой группировки в пореформенном общественном движении. Сосредоточившись же на «сословно-конституционном» аспекте идей «аристократов», М.Д.Долбилов приходит к закономерному, но неточному выводу, что «сословно-дворянское движение оказалось скоропреходящим явлением общественно-политической жизни»; склонен он, по-видимому, отвергать и мысль о существенной близости этих идей с программами П.А.Шувалова и Р.А.Фадеева 1870-х гг.¹⁶ (а что сказать о более отдаленных генетических связях?).

Не обошли вниманием тот факт, что «аристократическая партия» фигурирует в многочисленных источниках кануна ре-

¹⁵ Долбилов М.Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850–1860-х годах // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 35, 34, 43.

¹⁶ Там же. С. 48, 52.

формы, и авторы двух наиболее значительных работ, посвященных отношению дворянства к отмене крепостного права, Т.Эммонс и Д.Филд. Полагая, что в конце 1850 — начале 1860-х гг. в помещицкой среде существовали две основные политические программы, «аристократическая» и «либеральная», Т.Эммонс считает, что обе они были ответом на вмешательство бюрократии в жизнь общества. Большую популярность либеральной программы он связывает с тем, что она казалась землевладельцам, стремящимся противопоставить бюрократии представление о собственном политическом значении, более соответствующей этой цели¹⁷. В противоположность Эммонсу Д.Филд не склонен говорить о сложившихся программах и течениях в дворянской среде и тем более терминологически их квалифицировать. «Аристократическая оппозиция» была, по его мнению, скорее изобретением Редакционных Комиссий, нуждавшихся в образе сильного врага¹⁸.

Тема внутренней политики 1860—70-х гг. в послереволюционной отечественной историографии стала серьезно изучаться лишь в 1950-е гг.¹⁹. Вехой на этом пути явилась монография В.В.Гармизы, в которой автор попытался увязать подготовку одной из важнейших реформ этого периода — земской — с общественным движением, в том числе с выступлениями консервативного дворянства²⁰.

Богатый материал для изучения общественно-политических настроений в русском обществе представляла деятельность дворянских собраний, и обращение историков к ней было закономерным. В 1960—70-е гг. появляется целый ряд исследований, затрагивающих эту тему²¹. Взгляды помещи-

¹⁷ Emmons T. The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge Univ. Press, 1968. P. 312—316.

¹⁸ Field D. The End of Serfdom. Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855-61. Harvard University Press, 1976. P. 359—367.

¹⁹ См., напр.: Зайончковский П.А. Военные реформы 1860—70-х гг. в России. М., 1952.

²⁰ Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957.

²¹ Скороспелова В.А. Основание газеты «Весть» и ее программные задачи // Проблемы истории СССР. Вып. 3. М., 1973; *её же*. Москов-

ков, которые отрицательно относились к реформам, в них по-прежнему характеризовались как «олигархические», причем историки не считали нужным подробно останавливаться на анализе того, каким конкретным смыслом наполнялись эти понятия. В результате даже в работах, специально посвященных деятельности «олигархов», встречаются не совсем внятные выводы. Так, В.А.Скорospelова, пишет: «Олигархические тенденции не сложились в направление дворянского оппозиционного движения. С проведением крестьянской реформы эти тенденции постепенно отживают, растворяясь в других направлениях дворянской общественной мысли»²². При этом исследовательница не пытается определить ни причины, ни итог такой трансформации настроений высшего сословия.

Особо следует отметить монографию А.П.Корелина — первое в советской исторической науке специальное исследование, специально посвященное составу высшего сословия и деятельности дворянских корпоративных органов²³. Рассматривая весьма широкий круг проблем, связанных с судьбой дворянства на протяжении почти полувека, автор уделил внимание дворянским собраниям и ходатайствам 1860—1870-х гг. Однако в целом «сословная» проблематика не могла быть приоритетной в отечественной литературе советского времени. Более активно обращались к ней зарубежные историки²⁴.

ское дворянское собрание 1865 г. и газета «Весть» // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. 1974. № 2; Сладкевич Н.Г. Об общественно-политических настроениях дворянства в 1861—1862 гг. // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976; Нардова В.А. Законодательство об адресах на «высочайшее» имя в 60-е гг. XIX в. // ВИД. Т. IX. Л., 1977.

²² Скорospelова В.А. Московское дворянское собрание 1865 года... С. 42.

²³ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904 гг. М., 1979.

²⁴ См., например, богатую интересными, хотя и не бесспорными выводами статью Г.Фриза: Фриз Грегори Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Саратов, 2000 (оригинальная версия статьи опубликована в 1986 г.).

Принципиально новый этап в изучении консервативной дворянской оппозиции реформам связан с исследованиями В.Г.Чернухи, много и плодотворно занимавшейся также изучением внутренней политики пореформенного периода. Уже в первой своей монографии она обратила внимание на выступления дворянства против общины; тем самым была намечена возможность связать политические взгляды деятелей консервативной оппозиции с их представлениями о желательных изменениях в социальной структуре русской деревни. Однако исследовательница пошла по другому пути, усмотрев в спорах об общине различные подходы к проблеме обеспечения помещичьих хозяйств рабочей силой и связав взгляды противников общины с «утверждением буржуазных принципов частной собственности»²⁵.

В последующих своих работах В.Г.Чернуха не раз обращалась к некоторым аспектам деятельности «аристократической» оппозиции, пожалуй, впервые в отечественной историографии озвучив эту тему как достойную внимательного изучения²⁶. Нельзя не признать знаменательным, что интерес исследовательницы к такой тематике был, вероятно, вызван рассмотрением именно аграрно-крестьянского вопроса. Вместе с тем в дальнейшем В.Г.Чернуха не возвращалась к анализу этой ключевой в программе «аристократической» оппозиции проблемы. В результате ее выводы о смысле са-

²⁵ Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике 60–70-х гг. XIX в. Л., 1972. С. 204. Ср.: *ее же*. Правительственная политика в отношении печати в 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 126.

²⁶ Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978; *ее же*. Из истории государственных учреждений: Главный Комитет об устройстве сельского состояния. 1861–1882 // ВИД. Вып. 13. Л., 1982; *ее же*. Неизвестное публицистическое сочинение А.И.Васильчикова // ВИД. Вып. 16. Л., 1985; *ее же*. Петербургское собрание сельских хозяев (1860-е гг.) // ВИД. Вып. 17. Л., 1985; *ее же*. Создание Общества взаимного поземельного кредита // Монополии и экономическая политика царизма в кон. XIX — нач. XX вв. Л., 1987; *ее же*. Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (сер. 70-х гг. XIX в.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988.

мой программы «аристократов» оказались достаточно противоречивыми.

Рассматривая деятельность П.А.Шувалова в первой половине 1870-х гг., исследовательница приходит к заключению, что шеф жандармов выступал за создание представительных учреждений, однако никак не интерпретирует тот факт, что Шувалов стремился привлечь представителей общества именно к обсуждению вопроса об общине. Недостаточно конкретной представляется и такая оценка: «Консерватизм Шувалова был консерватизмом буржуазной поры, когда направление движения — по капиталистическому пути — уже определилось, и речь могла идти о сохранении лишь некоторых остатков прежнего строя. П.А.Шувалов стоял за консервативный вариант буржуазных преобразований»²⁷. Такой вывод перекликается с интерпретацией антиобщинных выступлений как «буржуазных».

В более поздней своей работе В.Г.Чернуха связала программу «аристократической оппозиции» с программой контрреформ²⁸. Однако хорошо известно, что внутренняя политика 1880—90-х гг. была нацелена на укрепление общины и самодержавия, тогда как «аристократы», как показывает сама исследовательница, выступали за разрушение общины, деbüroкратизацию власти и введение представительства. Наконец, в недавней коллективной монографии В.Г.Чернуха пишет, что «аристократическая партия» «не имела серьезных идеологов, ее позиция сводилась преимущественно к недовольству переменами»; тем не менее уже в начале 1870-х гг. в ее недрах «сложился довольно отчетливый план преобразований»²⁹.

Отмечу также недавнюю монографию О.В.Кузнецова, посвященную судьбе известного военного деятеля и публициста

²⁷ Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма... С. 74.

²⁸ Чернуха В.Г. Борьба в верхах...С. 183—184.

²⁹ [Чернуха В.Г.] Великие реформы. Попытка преодоления кризиса // Самодержавие и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996.С. 344—345.

Р.А.Фадеева. Рассматривая программу Фадеева середины 1870-х гг., во многом соответствовавшую традиционным для «аристократической» оппозиции идеям, исследователь солидаризируется с выводами В.Г.Чернухи, полагая, что фиаско этой программы было обусловлено ее несоответствием курсу либеральных реформ, а также тем, что общественное мнение отрицательно относилось к идеям «аристократов»³⁰.

В последние годы историки, как уже отмечалось, проявляют все больше внимания к консервативным течениям общественной мысли, судьбе и взглядам консервативных государственных деятелей³¹. Авторы новейших работ по этой тематике обращались и к пореформенному периоду. Для таких исследований характерны стремление к концептуальным обобщениям, попытки выявить и сформулировать то общее, что объединяло российских консерваторов на протяжении всего XIX века. Между тем столь закономерное желание порой приходит в противоречие с недостаточной изученностью конкретного исторического материала. Это проявляется и в оценках программы консервативного дворянства в 1860—70-е гг.³² Так, по мнению Т.А.Филипповой (автора политического портрета П.А.Шувалова, занимающейся и теоретической постановкой проблемы российского консерватизма), одной из «конкретных программ в рамках консервативного типа реагирования» был в это время «дворянский конституционализм». Он «ставил целью ограничение самодержавия сословно-представительными учреждениями традиционного типа и, таким образом, восстановления допетровской традиции сопричастности правящей элиты к высшей власти в государстве. Этот путь ярче всего... был персонифицирован в лично-

³⁰ Кузнецов О.В. Р.А.Фадеев – генерал и публицист. Волгоград. 1998. С. 84.

³¹ Российские консерваторы. М., 1997; Гросул В.Я., Итенберг Б.С., Твардовская В.А., Шацлло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.

³² См. также: Российский консерватизм: проблемы, подходы, мнения. «Круглый стол»// Отечественная история. 2001. №3.

сти и политической программе П.А.Шувалова»³³. «Конституционные» идеи Шувалова, пишет Т.А.Филиппова, были «любопытным примером сочетания патриархально-консервативных убеждений с заботой о... представительном начале»³⁴.

С приведенными оценками трудно согласиться. Западник и англоман, представитель высшего общества, в котором симпатии к британскому социально-политическому устройству были очень устойчивы, Шувалов, как и его союзники, ориентировался отнюдь не на допетровские традиции. Убежденный противник общины и «заигрывания» с крестьянством, он не был и приверженцем патриархально-консервативных ценностей. Вывод Т.А.Филипповой, вероятно, обусловлен представлением, что в основе консерватизма должно лежать в первую очередь «охранение традиций». Между тем тот тип консерватизма, который проявился в деятельности Шувалова и «аристократической» оппозиции реформам, имел весьма специфический характер, отражая острейшее противостояние сторонников различных путей развития страны.

Следует отметить, что в западной литературе последних лет озвучивается точка зрения, что традиционная политическая терминология не применима к России. «Политический язык, — пишет А.Дж.Рибер, — использовавшийся как в XIX веке, так и большинством историков... сформирован на основании опыта западноевропейских стран. Если его применять в контексте русской истории, то это лишь сбивает с толку и уводит в сторону от истины... Если речь идет о требовании конституционного представительства и защите частной собственности, тогда «либералами» нужно объявить дворян... Или, например, можно ли рассматривать бюрократическую централизацию и великорусский шовинизм как явные признаки реакционности? Тогда братьев Милютиных следует причислить к сторонникам именно этого лагеря... Едва ли

³³ Филиппова Т.А. Мудрость без рефлексии. (Консерватизм в политической жизни России) // Кентавр. 1993. № 6. С. 52.

³⁴ Филиппова Т.А. Петр Андреевич Шувалов // Российские консерваторы. М., 1997. С. 214.

удовлетворительным решением будет назвать подобных деятелей либерально-консервативными. Точно так же невозможно прийти к какому-либо определенному суждению по этому поводу на основе абстрактных, «объективных» критериев...»³⁵.

Точку зрения американского историка можно считать симптомом наметившегося в историографии процесса переосмысления общепринятой терминологии. И все же, на мой взгляд, нельзя согласиться с выводом, что «для описания политической жизни России требуется совершенно иная терминология»³⁶. Сами современники реформ часто выражали сомнение в адекватности политических определений в условиях, когда «все переверотилось и только укладывается». «При нашей запутанности понятий в отношении политических партий, — утверждал А.А.Киреев в 1870 г., — не знаешь, кто друг, кто недруг, консерваторы перемешались с прогрессистами, красные с белыми, все это вышло так пестро и все так меняется со дня на день, что никакого мерил нельзя приложить к тому, что происходит у нас»³⁷. Однако традиционный политический лексикон не только оставался общеупотребительным, но и был важнейшим способом осмысления политических процессов.

Дальнейшее изучение социально-политических программ, отстаивавшихся «консерваторами» и «либералами», как представляется, способно наполнить эти понятия конкретным содержанием. В отношении «либеральной бюрократии», во многом определившей основные черты реформ, подобная задача ставится как в отечественной, так и в зарубежной литературе, в результате чего сам этот термин употребляется историками достаточно широко. Взгляды же и деятельность основных оппонентов реформаторов изучены недостаточно, что обуславливает серьезные проблемы в выборе адекватной терминологии. В литературе не получила должного объяснения и

³⁵ См.: Рибер А. Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992. С. 50—51.

³⁶ Там же. С. 51.

³⁷ ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 6. Л. 17 об.

парадоксальная ситуация, когда «либералы» отстаивали общину и прерогативы самодержавной власти, а «консерваторы» выступали под знаменем либерализма и настаивали на мерах, некоторые из которых могут показаться предвосхищением идей Витте и Столыпина. В ряде сравнительно недавних зарубежных исследований эта проблема скорее ставится, чем решается³⁸. При этом, опираясь главным образом на анализ политической культуры и менталитета правящей элиты, Дж.Яни, Д.Мейси, Ф.Вчисло приходят к интересным и во многом нетрадиционным выводам. Однако особенностью указанных работ является то, что их авторы сосредоточивают свое внимание на событиях начала XX века, обращаясь, поскольку речь идет об их предыстории, к 1880—90-м гг. и к реформе 1861 г. Период же 1860—70-х гг. рассматривается ими крайне бегло и по сути сводится к переходному, промежуточному этапу в эволюции аграрной политики от эмансипации к курсу правительства Александра III. В результате многие заслуживающие внимания наблюдения о полемике вокруг крестьянского вопроса после 1861 г., о специфике восприятия аграрных проблем бюрократией и дворянством и т.п. остаются применительно к интересующему меня времени недостаточно развернутыми и аргументированными.

Говоря о зарубежной историографии, нельзя не упомянуть и о работах, авторы которых анализируют важную для понимания программы «аристократов» проблему организации местной администрации и суда³⁹. Наконец, особый интерес для моего ис-

³⁸ См.: Yaney G.L. *The Urge to Mobilize. An Agrarian Reform in Russia. 1861—1930.* Urbana, 1982; Macey D.A.J. *Government and Peasant in Russia, 1861—1906. The Prehistory of the Stolypin Reforms.* DeKalb, 1987; Wcislo, Francis W. *Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855—1914.* Princeton, 1990.

³⁹ Czap P. *Peasant-class courts and peasant customary justice in Russia, 1861—1912* // *Journal of social history.* 1967. Vol.1. No 2; Starr S.F. *Decentralisation and Self-Government in Russia, 1830—1870.* Princeton, 1972; Pearson T. *Russian Law and Rural Justice: Activity and Problems of the Russian Justices of Peace, 1865—1889* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Wiesbaden, 1984. Bd. 32.

следования представляла монография Доминика Ливена⁴⁰, содержащая сравнительный анализ экономического, социального и политического положения высшего дворянства России, Германии и Англии, реализованный специалистом по российской истории. Эта книга, несмотря на ее неизбежный при столь широкой постановке проблемы обзорный характер, содержит целый ряд общих наблюдений, во многом перекликающихся с теми более конкретными данными, которые легли в основу моей работы. Вместе с тем автору, на мой взгляд, не удалось (да и возможно ли это в принципе?) решить важнейшую проблему тех критериев, которые позволили бы отделить русскую «аристократию» от дворянства вообще.

* * *

Большая часть использованных мною источников не опубликована, а многие впервые вводятся в научный оборот. В то же время, даже те из них, которые использовались исследователями при рассмотрении различных проблем, зачастую содержат крайне ценный материал, до сих пор мало востребованный из-за слабой изученности темы.

В числе официально-делопроизводственных материалов следует выделить, с одной стороны, документы правительственных учреждений, а с другой — сословных и земских органов, а также различных общественных организаций. Для периода подготовки крестьянской реформы большое значение имеют документы Губернских дворянских комитетов, Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу, Редакционных комиссий, МВД и Государственного Совета.

Журналы заседаний дворянских комитетов, особые мнения их членов передавались в Главный Комитет по крестьянскому делу и сохранились в его архивном фонде (РГИА. Ф. 1180). Подобная документация о некоторых из комитетов сохранилась и в составе личных фондов В.А.Черкасского, Д.А.Милютина, В.П.Орлова-Давыдова (ОР РГБ. Ф. 327, 169, 219), Н.А.Милютина (РГИА. Ф. 869). Многие землевладельцы, в том числе те, кто

⁴⁰ Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815—1914. Спб., 2000 (английское издание книги вышло в Лондоне в 1992 г.).

играл видную роль в дворянской оппозиции реформе, составляли проекты и записки от своего имени и передавали их в частном порядке различным сановникам, а порой и самому императору. Большое число таких документов отложилось в фонде Главного комитета, а также в фондах С.С.Ланского (РГИА. Ф. 982), Бобринских (РГАДА. Ф. 1412) и в упомянутых фондах Черкасского, Милютиных и Орлова-Давыдова. Содержание их весьма разнообразно — это могли быть и конкретные предложения по организации выкупа и местной власти, и своеобразные политические памфлеты, типологически близкие к публицистике.

Историкам хорошо известно значение многотомных «Материалов Редакционных комиссий», приложений к ним, а также трехтомного издания «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II», составленного на основе записей Н.П.Семенова, которые тот делал во время заседаний комиссий⁴¹. Наконец, журналы Главного комитета и Государственного Совета позволяют выявить смысл противостояния в этих учреждениях сторонников и противников программы Редакционных комиссий, и определить, насколько позиция последних соответствовала требованиям дворянства⁴². Некото-

⁴¹ Первое издание материалов Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Ч. I—XVIII. СПб., 1859—1860; Второе издание материалов Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Т. 1—3. СПб., 1859—1860 (незаконченное); Приложения к трудам Редакционных комиссий. Отдельные мнения первого и второго периода занятий. СПб., 1860; Приложения к трудам Редакционных комиссий по крестьянскому делу. Отзывы членов Губернских комитетов. Т. 1—3. СПб., 1860; Семенов Н.П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу. СПб., 1889—1892. Т. 1—3.

⁴² Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1—2. Пг., 1915; Приложения к журналу Главного комитета по крестьянскому делу. Пг., 1915; Журналы и мемории Общего собрания Государственного Совета по крестьянскому делу с 28 января по 14 марта 1861 г. Пг., 1915.

рые важные документы, касающихся создания контрпроекта на труды комиссий, обнаружены мной в фонде П.А.Валуева (РГИА. Ф. 908). Анализ всех этих источников, дополненный данными дневников, мемуаров и периодики, позволяет создать достаточно полное представление о том, что представляла собой так называемая «аристократическая» оппозиция отмене крепостного права.

В отношении 1860-х–первой половины 1870-х гг. особое место среди официальной документации занимают различные записки и проекты консервативно настроенных министров — П.А.Валуева, графа П.А.Шувалова и др. Некоторые из них опубликованы⁴³; другие сосредоточены в архивных фондах П.А.Валуева, управляющего делами Комитета Министров Ф.П.Корнилова (ОР РНБ. Ф. 379), Комиссии по преобразованию губернских и уездных учреждений (РГИА. Ф. 1316).

Из материалов Комиссии для исследования положения сельского хозяйства, опубликованных сразу по окончании ее деятельности, исследователи использовали в основном статистические данные, собранные комиссией. Между тем анализ идей, которые отстаивались в ней П.А.Валуевым, некоторыми членами комиссии и приглашенными в нее лицами, свидетельствует об очередной попытке консервативного дворянства добиться пересмотра Положений 19 февраля⁴⁴.

⁴³ Незабвенные мысли незабвенных людей [Записка П.А.Шувалова. 1866 г.] // Былое. 1907. № 1; Предложения и проекты П.А.Валуева по вопросам внутренней политики. Публикация В.В.Гармизы // Исторический архив. 1958. № 1; Записка П.А.Валуева Александру II о проведении реформы 1861 г. Публикация О.Н.Шепелевой // Исторический архив. 1961. № 1; Записка П.А.Валуева Александру II о земских учреждениях. Публикация В.Г.Чернухи // Советские архивы. 1971. № 4; [Васильчиков А.И., Самарин Ю.Ф.] Русский администратор новейшей школы: Записка псковского губернатора Б. Обухова и ответ на нее. Берлин, 1868.

⁴⁴ Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования положения сельского хозяйства и сельской промышленности. Журналы комиссии. СПб., 1873. Приложения. 1. Свод сведений о современ-

Своеобразным источником для изучения деятельности консерваторов и состояния общественного мнения являются донесения жандармских агентов и наблюдательных офицеров корпуса, сосредоточенные в фонде III Отделения С.Е.И.В.К. (ГА РФ. Ф. 109). В фондах III Отделения и МВД (РГИА. Ф. 1282, 1284) отложились и материалы сословных дворянских учреждений — копии журналов, постановлений и ходатайств губернских собраний, мнений и проектов их участников, стенографические отчеты некоторых заседаний. Материалы III Отделения, посвященные дворянским выборам, в ряде случаев дополняют канцелярски сухие данные делопроизводства МВД. Агентура и наблюдательный состав жандармского корпуса наиболее активно работали в Москве и Петербурге; характер донесений из провинции в значительной степени зависел от добросовестности и инициативы жандармских офицеров. Наиболее значительные дела сосредотачивались в так называемом «секретном архиве» III Отделения, где можно найти сведения о самых громких выступлениях дворянства.

Некоторые из проектов постановлений и адресов дворянских собраний, черновики протоколов и т.п. сохранились в личных архивных фондах деятелей, в разное время исполнявших должность дворянских предводителей — Шуваловых (РГИА. Ф. 1092; РГАДА. Ф. 1288), Мещерских (РГАДА. Ф. 1379), В.П. Орлова-Давыдова.

В отличие от дворянских съездов, чьи журналы и постановления издавались крайне редко, аналогичные документы земских собраний опубликованы и гораздо более доступны. Особое значение для данного исследования имели материалы земств петербургской и московской губерний, где глас-

ном положении сельскохозяйственной промышленности вообще. 2.—5. Свод сведений о недостатках современного положения сельскохозяйственной промышленности. Свод мер, предложенных для устранения недостатков современного положения сельскохозяйственной промышленности. Общие статистические таблицы. Частные записки и заметки членов комиссии и других лиц. 6. Стенографические ответы лиц, приглашенных в комиссию.

ными были многие представители аристократических кругов, тесно связанные с правительством и двором⁴⁵.

В числе материалов общественных организаций особое место занимает издание «Заседания Петербургского собрания сельских хозяев». В основанном в 1864 г. сельскохозяйственном клубе, членами которого были более 400 известных общественных и государственных деятелей, крупных помещиков и ученых, обсуждались не только специальные агротехнические, но и общие проблемы, имевшие политический подтекст. Доклады и дискуссии стенографировались и распространялись⁴⁶.

Отдельно следует упомянуть о некоторых документах, которые могут быть лишь условно отнесены к официально-делопроизводственным. В их числе — сохранившиеся в фонде Мещерских протоколы нескольких частных секретных совещаний 1865—67 гг., на которых московские дворяне пытались выработать единую тактику и программу оппозиционных выступлений. К этой же категории источников может быть причислена, например, записка В.П.Орлова-Давыдова о положении крупных собственников, представленная Александру II в 1867 г., программные письма В.А.Краинского к П.А.Валуеву и князю В.А.Долгорукову 1862 г. (ОР РГБ. Ф. 219), записки Р.А.Фадеева. Такие документы, адресованные государственным деятелям или самому императору, направлялись помимо официальных каналов и не оставили следа в делопроизводстве правительственных учреждений.

Трудно переоценить значение для данного исследования воспоминаний, дневников и частной переписки, ведь многие аспекты деятельности и программы «аристократической» оппозиции известны только по личным документам. Контакты представителей консервативного дворянства друг с

⁴⁵ Журналы Московского губернского земского собрания. М., 1865—1880; Стенографический отчет заседаний Санкт-Петербургского губернского земского собрания. СПб., 1865—1880.

⁴⁶ Это издание достаточно редкое; наиболее полная коллекция отдельных выпусков «Заседаний» находится в РНБ в Санкт-Петербурге.

другом, характер их взаимоотношений с правительственными деятелями, то, как они оценивали ситуацию в стране и перспективы воплощения своих замыслов, сам облик «аристократической» оппозиции как политической группировки и влиятельного общественного течения — составить корректное представление обо всем этом немислимо без анализа дневников и писем, многие из которых до сих пор находились вне поля зрения исследователей.

Важнейшее значение при написании работы имел дневник графа В.П. Орлова-Давыдова за 1860—81 гг. (РГАДА. Ф. 1273). Поскольку этот источник исследователям практически неизвестен, охарактеризую его подробнее. На протяжении всего пореформенного периода граф принимал активное участие в общественной жизни, поддерживал постоянные контакты со многими влиятельными сановниками и представителями петербургского и московского высшего общества. Его дневник представляет собой 23 пронумерованные тетради объемом примерно от 90 до 160 листов каждая. Первая из них имеет авторский порядковый номер 12; местонахождение предыдущих записей за 1840—50-е гг., к сожалению, неизвестно. Записи подневные, значительные временные лакуны отсутствуют, к каждой тетради приложено составленное самим Орловым-Давыдовым оглавление. Следов правки или изъятий дневник не содержит, что, учитывая откровенность оценок, еще более повышает его ценность. В целом дневник позволяет проследить почти день за днем деятельность активнейшего из представителей «аристократической» оппозиции.

Дневник адъютанта великого князя Константина Николаевича А.А. Киреева (ОР РГБ. Ф. 126) гораздо больше известен историкам. Вместе с тем та его часть, которая относится к 1862—75 гг., использовалась очень мало, тогда как деятельность Киреева в это время (особенно в 1865—69 гг.) была исключительно широкой и разноплановой. Автор дневника был близок не только к великому князю, но и к М.Н. Каткову, и к наиболее политически активным представителям московского дворянства, а также был своим в петербургских правительственных и придворных сферах. В середине 1860-х гг. Киреев

был сторонником усиления роли поместного дворянства, введения представительства и негативно относился к «демократической» стороне реформ. В 1866 г. он стал одним из организаторов Общества взаимного поземельного кредита, а затем принял активное участие в попытке графа А.П.Бобринского создать «консервативную партию» и привлечь на ее сторону великого князя. Уникальны приводимые Киреевым данные об этом аспекте деятельности «аристократов», а также его яркие оценки настроений дворянства обеих столиц.

Рукописный дневник чиновника МВД А.И.Артемьева за 1858—60 гг. (ОР РНБ. Ф. 37) содержит много информации о деятельности петербургской дворянской оппозиции Редакционным комиссиям. Дневник Н.Ф.Фан дер Флита (ОР РНБ. Ф. 806), который в 1872—73 гг. являлся членом Комиссии для исследования положения сельского хозяйства, позволяет сделать важные выводы о характере работ Комиссии, о противостоянии в ней «консерваторов» и «либералов». Использовались мною и некоторые данные из неопубликованных дневников А.А.Половцова за 1860—70 гг. (ГАРФ. Ф. 573), князя Д.А.Оболенского (ОР РНБ. Ф. 1000), записок последнего (РГИА. Ф. 1650), воспоминаний А.Н.Куломзина (РГИА. Ф. 1642), записок А.В.Головнина (РГИА. Ф. 851) и еще неизданной части воспоминаний Д.А.Милютина (ОР РГБ. Ф. 169).

Весьма обширен корпус опубликованных мемуаров и дневников, в которых содержатся сведения, относящиеся к теме данного исследования. Поскольку почти все они более или менее известны в литературе, упомяну лишь самые значительные из них. По отношению к периоду 1857—61 гг. важная информация о деятельности и программе дворянской оппозиции почерпнута из дневников П.А.Валуева⁴⁷, княгини Е.А.Черкасской⁴⁸ и одного из депутатов первого призыва князя С.В.Волконского⁴⁹; из воспоминаний П.П.Семенова-

⁴⁷ Русская старина. 1891. № 4—11.

⁴⁸ Фрагменты этого дневника опубликованы в книге О.Н.Трубецкой.

⁴⁹ Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1905. Т. 20. Вып. 2. Рязань, 1905.

Тян-Шанского и П.Д.Стремоухова, записок М.А.Милютинной, Я.А.Соловьева, А.И.Кошелева⁵⁰.

Хорошо известно значение дневника П.А.Валуева за 1861—76 гг. как неопцененого источника по истории внутренней политики пореформенного периода⁵¹. Отмечу, что этот дневник, в частности, позволяет составить более определенное представление об убеждениях и действиях графа П.А.Шувалова (тем более что документов, принадлежащих перу самого шефа жандармов, сохранилось крайне мало) и его группировки в правительстве. Данные Валуева о переговорах великого князя Константина Николаевича с А.П.Бобринским в 1866 г. дополняют дневник А.А.Киреева. Важны также оценки Валуевым представителей высшего общества, составлявших «аристократическую» оппозицию. Сведения о деятельности Шувалова в 1873—74 гг. содержатся также в дневнике Д.А.Милютина⁵².

Воспоминания барона А.И.Дельвига, князя В.П.Мещерского, К.А.Скальковского, Е.М.Феоктистова, Б.Н.Чичерина важны яркими характеристиками как общественного мнения в целом, так и отдельных представителей консервативного лагеря⁵³. Во многом неизученная деятельность князя А.И.Баря-

⁵⁰ Семенов-Тян-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России в воспоминаниях бывшего члена-эксперта и заведовавшего делами Редакционных комиссий. СПб., 1911—1913. Т. 1—2; Стремоухов П.Д. Заметка одного из депутатов первого призыва // Русская старина. 1900. № 4; Соловьев Я.А. Записки // Русская старина. 1881. № 2, 4—5; 1882. № 1, 3—5, 10—11; 1883. № 2—3; 1884. № 2—3; Кошелев А.И. Записки (1812—1883 годы). Берлин, 1884.

⁵¹ Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел. Т. 1—2. М., 1961.

⁵² Милютин Д.А. Дневник. Т.1. М., 1947.

⁵³ Дельвиг А.И. Мои воспоминания. Т. 3—4. М., 1913; Мещерский В.П. Мои воспоминания. Ч. 1—2. СПб., 1897—1898; Скальковский К.А. Воспоминания молодости. (По морю житейскому). 1843—1869. СПб., 1906; Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848—1896). Воспоминания. М., 1991; Воспоминания Б.Н.Чичерина. Московский университет. М., 1929; Воспоминания Б.Н.Чичерина. Земство и Московская дума. М., 1934.

тинского и генерала Р.А.Фадеева отразилась в книге А.Л.Зиссермана и записках В.А.Инсарского, подчиненных Барятинского, а также в воспоминаниях знакомого Фадеева, журналиста П.С.Усова, и С.Ю.Витте, племянника генерала⁵⁴. Ценным источником сведений о высшем обществе обеих столиц империи являются недавно опубликованные воспоминания графа С.Д.Шереметева⁵⁵.

Еще более многочисленны и разнообразны использованные эпистолярные источники. Почти все они не опубликованы. Помимо отдельных писем, насыщенных различными деталями и подробностями, которые позволяют более полно представить деятельность оппозиционного реформам дворянства, следует особо выделить целые подборки писем, содержащие ценнейшую и отсутствующую в других источниках информацию.

В их числе — обширная коллекция писем, которые на протяжении 1865—75 гг. посылал М.Н.Каткову Б.М.Маркевич, писатель, журналист и чиновник, близкий к петербургскому высшему обществу (ОР РГБ. Ф. 120; копии писем за это время составляют более 1 тыс. листов). Большинство из них передавалось с оказией и не могло быть перлюстрировано, поэтому Маркевич информировал своего покровителя о событиях в правительственных, журналистских и общественных кругах очень откровенно и подробно. Письма служат одним из основных источников анализа деятельности «аристократов».

Важные данные содержатся также в письмах Н.А.Безобразова к А.П.Платонову (ОР РНБ. Ф. 124), В.А.Краинского

⁵⁴ Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И.Барятинский. Т.3. М., 1891; Инсарский В.А. Записки // Русская старина. 1906. № 2—4; Усов П.С. Воспоминания о Р.А.Фадееве // Исторический вестник. Т. 15. № 2. 1884; Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960.

⁵⁵ Шереметев С.Д. Петербургское общество 60-х годов (1863—68); Недавняя и современная Москва (Москва вчера и сегодня) // Мемуары графа С.Д.Шереметева. Составление, подготовка текста и примечания Л.И.Шохина. М., 2001.

к В.П.Орлову-Давыдову (ОР РГБ. Ф. 219), князя Н.А.Лобанова-Ростовского к графу А.А.Бобринскому (РГАДА. Ф. 1412), Р.А.Фадеева к графу И.И.Воронцову-Дашкову и Ю.Ф.Самарину (РГИА. Ф. 919; ОР РГБ. Ф. 58, 265), В.В.Комарова к Воронцову-Дашкову, в переписке П.А.Шувалова с П.П.Альбединским и П.А.Валуевым (ОР РНБ. Ф. 16; РГИА. Ф. 908). Использовались также материалы перлюстрации писем, собранные в «секретном архиве» III Отделения. Особенно много материалов сохранилось здесь за период 1857—62 гг., когда правительство внимательно следило за настроениями дворянства.

Анализ публицистических произведений позволил выявить в идеях представителей консервативного дворянства взаимосвязь общих ценностных ориентиров с конкретными предложениями по переустройству социальных, политических и административных порядков в стране. Некоторые неопубликованные публицистические произведения были найдены в архивных фондах. Среди них — рукописи В.А.Краинского о выкупе надельных земель и «О демократическом движении в России» (1860—62 гг.); В.П.Орлова-Давыдова — «О состоянии общественного мнения в России» (1861 г.) и «О различных видах поземельной собственности» (1870 г.). Отмечу также статьи и брошюры политических противников «аристократов». Одно из таких произведений — впервые публикуемая в приложении к данной книге записка князя А.И. Васильчикова «Тайная полиция в России».

В числе периодических изданий особое внимание было уделено содержанию газет, отстаивавших программу консервативного дворянства, — «Русского листка» (1862—63 гг.), «Вести» (1863—70 гг.) и «Русского мира» (1871—79 гг.). Были использованы также материалы «Журнала землевладельцев», «Московских Ведомостей» и «Русского вестника», «Санкт-Петербургских Ведомостей» и некоторых других периодических изданий как консервативной, так и либеральной направленности.

Автор хотел бы выразить искреннюю признательность тем, чьи советы, помощь и доброжелательное внимание сде-

дали возможным появление этой книги — своему научному руководителю д.и.н., профессору Л.Г.Захаровой, О.Б.Христофоровой, А.В.Мамонову и многим другим друзьям и коллегам.

Подбор иллюстраций осуществлен при содействии сотрудников российского исторического журнала «Родина» Д.И.Олейникова и С.А.Экштута.

Исследование проведено при финансовой поддержке Программы поддержки научных исследований Фонда «Открытое Общество» (RSS/OSSF), грант № 521/1999.

ГЛАВА I

КОНСЕРВАТИВНОЕ ДВОРЯНСТВО НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА: ИДЕОЛОГИЯ, ПРОГРАММА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ

В многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях, посвященных подготовке отмены крепостного права, отношение помещного дворянства к предстоящей реформе анализировалось неоднократно и с разных точек зрения. Однако и в настоящее время историки далеки от единства в оценке того, какие факторы — хозяйственно-экономические, социальные, политические — в наибольшей степени определяли позицию той или иной группы помещиков в менявшихся с калейдоскопической быстротой обстоятельствах предреформенных лет. Думается, что причины такой ситуации следует искать не столько в неадекватности использовавшихся учеными терминов и методов, сколько в объективной сложности данной темы. Несмотря на то что правительство старалось создать видимость дворянского почина в деле реформ, оно ни на минуту не выпускало из своих рук инициативу в определении принципов преобразования. Пассивная роль дворянства была предопределена как социально-экономической неоднородностью сословия, отсутствием единой идеологической платформы, так и невозможностью «соорганизоваться» в условиях, когда власть могла достаточно решительно изменить уже провозглашенные начала реформы. (Как это случилось после принятия новой правительственной программы в конце 1858 г., обесценившей и без того не отличавшиеся стройностью проекты губернских дворянских комитетов и способствовавшей еще

большей дезориентации «высшего сословия»)¹. Ни о какой консолидации дворянства в подобных условиях не могло быть и речи; даже сугубо хозяйственные свои интересы каждый помещик мог понимать по-разному, в зависимости от гипотетического исхода реформы. Понятно, почему требования дворянства с трудом поддаются обобщению в терминах «либерал» или «консерватор», «помещик промышленной или черноземной губернии». Современники широко употребляли эпитеты «прогрессивный» и «реакционный», «крепостнический» и «либеральный». Крепостниками именовались и принципиальные противники эмансипации, и те, кто, признавая ее неизбежность, выступал за выкуп личности крепостного, и сторонники безземельного освобождения. Различное содержание могло вкладываться и в определение «либеральный». В период подготовки реформы соответствующие характеристики отражали остроту идейной борьбы и противостояние сторонников различных путей развития страны. Закрепившись в либеральной, а затем и в советской историографии, терминология, которая для современников была наполнена злободневным, ситуативным содержанием, приобрела достаточно общий, как бы застывший смысл. Пожалуй, в наибольшей степени это проявляется при оценке взглядов тех дворян, которые заявили себя противниками осуществлявшихся реформ. Образ «реакционеров-крепостников», упорных приверженцев старых порядков, озабоченных защитой собственных узкокорыстных интересов, как будто делал излишним тщательный анализ их идей и деятельности.

С другой стороны, как отмечалось выше, скептическое отношение к возможности объяснить борьбу вокруг реформы хозяйственными интересами помещиков и обостренное внимание к ее политико-идеологическим аспектам характерно и для некоторых новейших отечественных, и для зарубежных исследований, посвященных анализу позиции помещичьего дворянства на всех этапах разработки реформы 1861 г.

¹ См.: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861. М., 1984. С. 124—135.

Подобная разногласия мнений вызывает тем больший интерес к идеям и приоритетам отдельных группировок в дворянской среде, наметившееся оформление которых в конце 1850-х гг. было своеобразной реакцией на разработку правительственной программы.

1. Первые отклики на правительственную инициативу в разработке реформы

Историки не раз отмечали связь программы, воплотившейся в Положениях 19 февраля, с попытками решения крестьянского вопроса в николаевскую эпоху. Деятельность П.Д.Киселева, опыт введения инвентарей в западных губерниях привлекали пристальное внимание реформаторов конца 1850-х гг. Это было вниманием не к второстепенным деталям, а к основополагающим принципам реформы: обеспечению крестьян землей и активной роли государства в регулировании социальных отношений в деревне. Выступления противников этих принципов в конце 1850-х гг. также имели предысторию.

В 1848 г. генерал-адъютант С.П.Шипов представил в последний из Секретных комитетов по крестьянскому делу николаевского царствования проект, в котором отстаивалась необходимость концентрации земли и власти на местах в руках крупных помещиков. Шипов предлагал с этой целью учреждение «неделимых вотчин» (поскольку «важно и в политическом отношении правительству благонадежнее предоставить полицейскую власть нескольким достаточным помещикам», чем многим мелким), передачу дворянству казенных земель и реформирование местного управления. Эта последняя тема в рассуждениях Шипова заслуживает особого внимания: фактически, в записке сформулированы идеи, которые через десятилетие станут центральными в выступлениях дворянства. Автор предлагал сделать волость во главе с волостным головой основной единицей административного деления, а власть в уезде передать в руки уездного начальника, избираемого дворянством «обще с другими сословиями». В качестве образца при этом выставлялось «остзейское» устройство.

Предлагалось также «определить постоянными правилами, чего помещик может требовать от крестьян». За установленные специальными комиссиями повинности помещик должен был «наделить крестьян достаточным количеством земли и оставить ее в их постоянном пользовании»². Речь, таким образом, шла о чем-то подобном инвентарям, незадолго перед тем введенным в юго-западных губерниях (книги, в которых должны были быть зафиксированы наделы и повинности, Шипов прямо называл «инвентариями»). Появление записки было, очевидно, связано с циркулировавшими в обществе слухами о том, что правительство не отказалось от намерения реализовать программу П.Д.Киселева³. «Правительство, — писал Шипов, — предполагает изъять крепостных людей из всякой власти и даже влияния помещиков. Напротив того... надлежит, не уничтожая власти помещика над крестьянами, только изменить сию власть так, чтобы вместо господ и владетелей сделать их попечителями крестьян»⁴. Реформа должна была устранить пагубный «разрыв» между сословиями, выражающийся в том, что помещики получают «антинациональное образование», а крестьяне «их не видят и не имеют с ними ничего общего»⁵.

В том же году об «упорядочении» отношений помещиков и крестьян ходатайствовало дворянство трех уездов Петербург-

² РГИА. Ф. 1180. Оп. т. XV. Д. 149. Л. 420-450. Извлечения из записки опубликованы. См.: [Левшин А.И.] Историческая записка о разных предположениях по предмету освобождения крестьян // Деятельный век. Исторический сборник. Кн. 2. М., 1872. С. 196—201.

³ В записках, относящихся к 1860—70-м гг., граф С.Д.Шереметев так характеризовал Шипова: «...Он весь был поглощен составлением бесчисленного количества проектов на всевозможные вопросы. Это была своего рода мания, но все уже знали его слабость и терпеливо его выслушивали...» (Мемуары графа С.Д.Шереметева. М., 2001. С.373). Отмечу однако, что даже если распространить эту характеристику на конец 1840-х гг., значение шиповских идей видится не в их серьезности и реалистичности, а в том, что они отражали распространенные в определенных кругах настроения.

⁴ РГИА. Ф. 1180. Оп. т. XV. Д. 149. Л. 428-428 об.

⁵ Там же. Л. 445.

ской губернии. Инициаторами были уездные предводители, в их числе царскосельский — А.П.Платонов и петербургский — Н.А.Безобразов⁶.

Прекрасно осведомленные представители петербургского общества, знавшие не понаслышке о неоднократных и безуспешных попытках правительства приступить к разрешению «крепостного вопроса», не могли не осознавать, что он будет вновь и вновь ставиться в повестку дня. Решающим оказывалось то, в каком направлении пойдет реформа, в чьих руках окажется ее разработка.

Интересный документ, недавно введенный в научный оборот М.Д.Долбиловым⁷, свидетельствует, что та часть столичного дворянства, чья позиция в 1848 г. отразилась в записке Шипова, не питала никаких иллюзий относительно возможности «похоронить» наиболее насущную для России проблему в бюрократическом порядке. Напротив, именно всевластная «бюрократия» воспринималась ею как главный источник зла, из-за которого страна оказалась на краю пропасти. Речь идет о секретной записке М.А.Безобразова «О необходимости созыва Общего собрания Сената», представленной Я.И.Ростовцеву 17 мая 1856 г.⁸

Вполне в духе времени рассуждения Безобразова начинались с призыва вникнуть в причины военного поражения. Главную из них автор усматривал в системе власти, сложившейся в России с начала XIX века. Вслед за яркими антибюрократическими пассажами следовали предложения о преобразовании Сената в высший законосовещательный, контрольный и судебный орган империи. В Общее собрание Сената должны

⁶ Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX столетия. СПб., 1888. Т. 2. С. 470; Русская старина. 1881. № 4. С. 727.

⁷ Долбилов М.Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850—1860-х годах // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 35—36.

⁸ Копия записки находится в архивном фонде Ростовцевых, однако ближайший друг нового императора не был единственным ее адресатом. Автор записки указал в ней, что «она известна только в весьма тесном кругу некоторых немногих лиц, занимающих высшие государственные должности» (ГА РФ. Ф. 1155. Оп. 1. Д. 188. Л. 36).

были войти по одному сенатору от каждого департамента, представители центральных ведомств и выборные «из лучших дворян» советники (по одному от десяти или более округов, на которые предполагалось разделить империю). Правом избирать советников наделялись также «фабриканты и заводчики» и представители семи крупнейших городов. Получив права ревизии министерских отчетов, «охранения ненарушимости законов» и законодательной инициативы, новый орган сосредоточил бы в своих руках разработку грядущих преобразований.

Именно в этом, как представляется, и заключался смысл предложений. «Есть смельчаки, — достаточно откровенно писал Безобразов, — которые не запинаясь решают государственные вопросы, они считают первой необходимостью преобразование крепостного состояния в помещичьем владении, не замечая, что крепостные казенного владения без хлеба, в неоплаченной недомимке, и ежели в то же положение придут первые, то государство погибнет от голода»⁹. Пассаж автора о «несметных богатствах, непроизводительно лежащих в руках казны»,¹⁰ делает еще более очевидными параллели с запиской Шипова, хотя Безобразов не говорил прямо о необходимости передачи в руки помещиков казенных земель и местной власти. Отметим также, что записка была подана всего через полтора месяца после знаменитой речи Александра II перед московским дворянством о необходимости отменить крепостное право «сверху».

В конце 1850-х гг. записка Шипова вновь стала циркулировать и обсуждаться в среде столичного дворянства¹¹. Через несколько месяцев после создания в январе 1857 г. Секретного комитета по крестьянскому делу сначала ябургское, а затем и петергофское дворянство выступило с предложением регламентировать повинности и передать крестьянам наделенные земли в потомственное пользование. Одновременно гу-

⁹ ГА РФ. Ф. 1155. Оп. 1. Д. 188. Л. 29-29 об.

¹⁰ Там же. Л. 12.

¹¹ См.: ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 3846. Л. 6. Воспоминания А.П.Платонова, записанные в 1884 г. П.Л.Вакселем (на фр.яз.).

бернским депутатским собранием был составлен проект «Вотчинного управления»¹².

Развив столь бурную деятельность, дворянство стремилось предупредить, а возможно, и направить только начавшуюся разработку реформы в определенное русло. Руководство МВД поначалу отнеслось к инициативе благосклонно. Однако к концу года ситуация изменилась: стало очевидно, что реформа не ограничится составлением опытных инвентарных правил. Тем не менее дворянская инициатива послужила правительству формальным поводом для издания рескрипта на имя петербургского генерал-губернатора графа П.Н.Игнатьева.

Кроме того, летом 1857 г., то есть задолго до появления первых правительственных проектов организации местного самоуправления, петербургское дворянство испросило разрешения министерства внутренних дел на создание комиссии, которая должна была разработать проект новых учреждений по управлению земскими повинностями. Комиссия, возглавлявшаяся губернским предводителем графом П.П.Шуваловым, активно работала в течение нескольких месяцев, и к весне 1858 г. документ был передан в министерство. Предполагалось создание уездных и губернских выборных учреждений с участием представителей всех сословий, которым должно было быть передано управление земскими делами. При этом меньшинство комиссии во главе с А.П.Платоновым настаивало на расширении функций и прав этих учреждений за счет правительственной администрации¹³.

С.Ф.Старр, обнаруживший в фонде Милютиных материалы деятельности комиссии, не смог объяснить приверженность подобным, казалось бы, либеральным мыслям со стороны столичного дворянства, которое чуть позже отрицательно отнеслось к наделению крестьян землей¹⁴. Действительно, если оценивать предложения петербургских дворян на основе достаточно умозрительных критериев «выборности, гласности и всесо-

¹² См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—39.

¹³ Там же. Ф. 869. Оп. 1. Д. 395.

¹⁴ Starr S.F. Decentralization and Self-Government in Russia, 1830—1870. Princeton, 1972. P. 193—198.

словности», то закономерным будет вывод об их «прогрессивном» характере¹⁵. Столь же необъяснимым выглядит, на первый взгляд, и стремление петербургских помещиков связать себя инвентарными правилами (хорошо известно, сколь резкое неодобрение вызвали инвентари у дворянства западных губерний). Между тем картина проясняется, если воспринимать упомянутые проекты в контексте стремления обеспечить крупным землевладельцам доминирующее положение в государстве на основе их преобладания в местной жизни.

Инвентари (и, соответственно, закрепление существовавшего в деревне социально-экономического уклада) не были единственной моделью, популярной в столичном высшем обществе. В 1857 г. МВД обращало особое внимание и на так называемый остзейский опыт, главной особенностью которого было освобождение крестьян без земли и сохранение широких «попечительных» прав помещика над ними. В «Журнале Министерства Внутренних Дел» было опубликовано несколько работ, посвященных остзейскому законодательству. Особого внимания в их числе заслуживает статья «Положение о крестьянах Эстляндской губернии», принадлежавшая перу одного из наиболее заметных впоследствии деятелей «аристократической оппозиции» — графа В.П. Орлова-Давыдова¹⁶. В статье отвергалось представление о том, что каждый

¹⁵ Именно к такому выводу, рассмотрев упомянутый проект, приходит автор интересного новейшего исследования по истории земской реформы (См.: Морозова Е.Н. Формирование концепции и разработка проектов земской реформы. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. д.и.н. Саратов, 2000. С. 31–32.)

¹⁶ Владимир Петрович Давыдов (1809–1882), один из крупнейших землевладельцев империи (в 1860 г. ему принадлежало 268 тыс. дес. и 23 тыс. душ), был внуком графа В.Г. Орлова и зятем одного из ближайших друзей императора, князя А.И. Барятинского. Благодаря содействию Барятинского он получил в 1856 г. разрешение принять титул и фамилию своего деда по матери. Закончив в юности Эдинбургский университет, он до конца жизни оставался непоколебимым англоманом. Крепостному праву как таковому граф не сочувствовал. Еще молодым человеком, в 1833 г., он представил императору проект

крестьянин должен быть наделен землей. По мнению автора, независимо от того, будет ли земля предоставлена в подворное или общинное пользование, последствия для сельского хозяйства будут плачевны. Сделать кого-либо собственником невозможно, собственность есть плод труда и не может быть доступна всем, а потому обезземеление, с разделением на хозяев и работников, неизбежно. Остзейская модель не принималась графом безоговорочно. Сохранение земли в руках помещиков, как считал Орлов-Давыдов, лишь является предпосылкой для «правильного» хозяйственного устройства — развития фермерских хозяйств, вытеснения барщины арендой, оттока лишних рабочих рук в промышленность. Понимая, насколько его идеи непривычны и чужды для большинства великорусских помещиков, он признавал аномальной существовавшую в России структуру землевладения и сельского хозяйства¹⁷. Идея же о благотворности фермерских хозяйств станет одной из популярнейших в среде консервативного дворянства. Подобно тому, как попечительство вотчинника противопоставлялось независимому от него крестьянскому самоуправлению, индивидуальное, фермерское владение считалось альтернативой владению общинному.

Характерно, что крестьянская земельная собственность критиковалась в статье задолго до того, как ее создание было признано одной из целей реформы. Программа либеральной бюрократии не была неожиданной для ее противников еще до утверждения высочайших рескриптов. В основе составленной Орловым-Давыдовым уже после их опубликования, в декабре 1857 г., записки «О даровании крестьянам права выкупать усадьбную оседлость и о предоставлении им полевой земли» так-

с предложением организовать «вспомогательный банк» для того, чтобы содействовать выкупу крестьян на волю с получением земли в пользование. (См.: ОР РГБ. Ф. 219. Картон 85. Д. 10). В 1857 г. Орлов-Давыдов занимал пост члена Совета министра внутренних дел. См. также: Чернуха В.Г. Забытый общественный деятель В.П.Орлов-Давыдов // Из глубины времен. 1996. № 6.

¹⁷ Журнал Министерства внутренних дел. 1857. Кн. 6. Отд. Неофиц. С. 43—92.

же лежала скрытая полемика с пока еще анонимными поборниками активного участия государства в регулировании социальных отношений в деревне. Крепостное право, по мнению автора записки, обусловлено тем, что государство считало нужным удерживать в своем владении огромные пространства казенной земли, изъяв их из сферы товарного производства. Освобождение частновладельческих крестьян с землей еще больше сузит эту сферу; оно чревато и вредными политическими последствиями, поскольку «русские помещики, живущие и ныне так мало в своих имениях, удалятся от них вовсе и будут проводить все время в Петербурге и Париже». Поэтому реформа должна основываться на «сохранении всей земли в безусловном владении помещика, вознаграждении его за потерянные крестьянские повинности и совершенной свободе крестьян». Орлов-Давыдов предполагал, что каждый крестьянин будет платить выкуп своему помещику за свободу в течение нескольких десятилетий¹⁸. (Оставалось загадкой, как при этом бывшие крепостные могут стать «лично свободными» и может ли вообще выкуп личности соответствовать доктрине экономического либерализма, которую автор отстаивал.)

Как и С.П.Шипов в 1848 г., Орлов-Давыдов настаивал на политическом значении дворянского землевладения. Но средства обеспечить его неприкосновенность оказываются в двух записках совершенно различными. Укреплять позиции крупных помещиков на основе модифицированных крепостнических отношений или же полагаясь на «естественную» зависимость освобожденных без земли крестьян от землевладельцев — такая альтернатива была для многих крупных помещиков вполне реальной и впоследствии. Преимущества того или иного пути обосновывались как экономически, так и идеологически.

¹⁸ РГИА. Ф. 1180. Оп. Т. XV. Д. 86. Л. 116-131; ОР РГБ. Ф. 219. Картон 81. Д. 15. Такую же позицию отстаивал в декабре 1857 г. другой представитель высшего общества — будущий товарищ министра внутренних дел князь А.Б.Лобанов-Ростовский, который, правда, считал возможным освободить безвозмездно крестьян черноземной полосы. (См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 33. 1856 г. Д. 2. Л. 300—334.)

Примечательно, что экономические рассуждения Орлова-Давыдова имели чисто теоретический характер. Отстаивавшийся им идеал пореформенных социальных порядков был вполне последовательным и в то же время мало приемлемым для многих помещиков, чье хозяйство просто не выдержало бы радикального разрыва с прежними организационными формами. Выгоды для помещиков безземельного освобождения не стоит преувеличивать. Даже в тех районах, где ценность земли была сравнительно высока, успешность ведения хозяйства зависела еще и от наличия и доступности рабочих рук. Быстрый переход к вольнонаемному труду был невозможен; поэтому многим землевладельцам предпочтительным казалось связать крестьян недостаточным наделом. Еще менее заинтересованными в безземельном освобождении были помещики оброчных имений.

В основе же отстаивания неприкосновенности помещичьей собственности могли лежать совершенно различные мотивы — от желания подороже ее продать до стремления сделать ее основой политического влияния. В последнем случае непосредственные экономические выгоды могли отступать на второй план, а сохранение прав помещиков на всю землю оказывалось лишь одним, хотя и важнейшим, из элементов программы, подразумевавшей также сосредоточение в их руках местной власти и предоставление им права голоса в государственных делах.

Неслучайно лишение крестьян права на землю достаточно стойко ассоциировалось в умах современников с «аристократическими», «олигархическими» претензиями части дворянства. Уже в феврале 1858 г. петербургский чиновник Киндяков сообщал в письме своему брату: «Дядя Иван Васильевич с Мейендорфом¹⁹ продолжает хлопотать об издании журнала. Лист подписчиков-основателей возрос более чем нужно... Цель их журнала следующая, хотя они открыто в программе этого не говорят: освобождение крестьян без земли, сосредото-

¹⁹ Речь идет об И.В.Сабурове (1788—1883), крупном пензенском помещике, имевшем большие связи в столичном обществе, авторе многочисленных книг и статей по сельскому хозяйству, и, по-видимому, Е.Ф.Мейендорфе — генерал-адъютанте, обер-шталмейстере двора.

чение земли в руках немногих... дворян-землевладельцев, создание из них сильной аристократии, установление майората, одним словом, снимок с положения дел в Англии». «Вся эта партия, — добавлял он, — состоит из богатых помещиков, и об основательности их взглядов ты можешь судить, но она все-таки в Петербурге настолько сильна, чтоб, например, в Главный комитет по крестьянскому делу засадить в секретари и члены своих приверженцев»²⁰. Сохранившаяся среди бумаг Орлова-Давыдова программа журнала дает представление о том, какие конкретно идеи проповедовали сторонники аристократических начал. «Улучшение быта крестьян в отношениях их личной зависимости, то есть уничтожение крепостного права, и земля помещика, — писал в программе И.В. Сабуров, — составляют в наших понятиях два различные начала, друг от друга совершенно независимые... Дворянство, как... говоря западным выражением... опора монархического и консервативного начала... должно сохранить непосредственное влияние на поземельную собственность в империи»²¹.

²⁰ ГА РФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 85. Л. 15.

²¹ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 81. Д. 13. Л.1—2. Петербургский орган «аристократов» так и не был основан. Весной 1858 г. в Москве при участии Сабурова и под редакцией его друга, также пензенского помещика А.Д.Желтухина, начал издаваться «Журнал землевладельцев». (Анализ его содержания см. в статье: Дружинин Н.М. Журнал Землевладельцев (1858—1860) // Дружинин Н.М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. М., 1987). Несмотря на очевидную, да и не скрывавшуюся издателями пропомещичью направленность, никакого особенного уклона в сторону идей тех крупных помещиков, которых заботило политическое значение землевладения, журнал не демонстрировал. Более того, на его страницах не нашлось места работам ни одного из тех, кого можно было бы отнести к деятелям «аристократической» оппозиции (исключением были несколько статей С.П.Шипова). Такое положение не было, на мой взгляд, случайным. Помещики-практики, интересовавшиеся главным образом хозяйственными аспектами реформы (таких среди авторов журнала было подавляющее большинство), не проявляли большого интереса к политической стороне преобразования.

Следует иметь в виду, что чрезвычайно популярное в дворянской среде английское социально-политическое устройство воспринималось не как специфическая особенность истории Британии, а как идеальная модель, которая противопоставлялась не отечественной реальности, а главным образом «отрицательной» французской модели, характерными чертами которой признавались развитие мелкого землевладения, господство централизации, лишение дворянства политического значения, абсентеизм, и, как следствие всего этого, — постоянные социальные потрясения²².

Западническая ориентация противостояла в среде политически активного дворянства той, которая проявилась, в частности, в записках Шипова и Безобразова и которую можно условно назвать традиционалистской. В 1856 г. в статье «Русский помещичий крестьянин» крупный тамбовский помещик Г.Б.Бланк оценивал взаимоотношения крестьян и их владельцев как «патриархальный семейный союз... бессмысленно осуждаемый слепыми подражателями и превозносителями некоторых западных идей». Бланк отвергал европейский опыт, как ведущий к «сгону крестьян с земель», развитию «бродяжничества и пролетариата»²³. Риторическая цель автора статьи, воспринятой обществом как манифест крепостничества, была очевидна: раз освобождение с землей невозможно, а без земли — пагубно для государства, то сама реформа совершенно несвоевременна. Для большинства помещиков защита существовавшего строя была, несомненно, более понятной, чем социальные новации «русских

²² См.: РГИА. Ф. 1180. Оп. Т. XV. Д. 111. Л. 569—574. Письмо Орлова-Давыдова (февраль 1859 г.); ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1859 г. Д. 61. Л. 2—9. Записка С.И.Мальцова; Русская старина. 1900. № 4. С. 141. Воспоминания П.Д.Стремоухова. На английское социально-политическое устройство ориентировалось дворянство как либеральных, так и консервативных взглядов. Если либералов привлекало в нем отсутствие сословных делений, децентрализация, «гражданские свободы», то консерваторов — радикальное решение земельного вопроса, майораты и потомственные права пэров.

²³ Труды императорского вольного экономического общества. 1856, июнь. Т. 2. № 6. С. 117—129.

европейцев». Но каким бы сильным ни было неприятие эмансипации, просто отрицать ее значило для влиятельного дворянства устраниваться от активного воздействия на ход событий. Кроме того, представители аристократических кругов, как отмечалось, и не собирались ограничиваться отстаиванием *status quo*.

По мнению С.П.Шипова, сформулированному им в 1858 г., правительство должно иметь в виду не внезапную отмену крепостного права, а постепенное улучшение быта крестьян, которые должны получить в «постоянное общинное пользование» существующие надел и усадьбу и платить за них установленные повинности. Отведенная крестьянам земля ни в коем случае не должна отчуждаться. Лишь постепенно им следует предоставить возможность покинуть имения, первоочередной же задачей подготовительного периода должна стать «организация управления под властью помещиков»²⁴.

Казалось бы, речь в записке идет лишь о смягчении крепостного права. Но, как и в 1848 г., в идеях Шипова был один нюанс: фактически, он предлагал не просто растянутую на годы отмену крепостного права, а параллельно с этим укрупнение (за счет казны!) дворянских имений и, соответственно, подчинение казенных крестьян юрисдикции помещиков.

Мысль об упрочении помещичьей власти была основной и в многочисленных записках Безобразовых. Н.А.Безобразов утверждал, что термин «крепостное право» включает в себя два совершенно различных аспекта: право собственности на землю и «вотчинное или поместное право обладания народонаселением». Первое неприкосновенно с точки зрения гражданских законов, второе же составляет «единственную отличительную черту российского дворянства, главный, если не единственный признак, освойствывающий (так в тексте. — *И.Х.*) государственное значение этого сословия, повод и причину участия дворянства в земских и губернских управлениях»²⁵. Означало ли это,

²⁴ РГИА. Ф. 1180. Оп. Т. XV. Д. 112. Л. 635—693. Ср.: Журнал землевладельцев. № 2. С. 25—27; № 11. С. 100—104.

²⁵ РГИА. Ф. 1180. Оп. Т. XV. Д. 119. Л. 319. Записка «Развязка крестьянского вопроса с точки зрения охранительной», 1860 г.; Безобразов Н.А.

что Безобразов удовлетворился бы сохранением существовавшей власти помещиков? По словам его брата Михаила Александровича, «в последнее столетие дворянство... как сословие было отстранено от участия в государственном управлении... В Свод Законов не вошло определение государственного значения сословий, между тем мало помалу сословные отношения... получили характер разрядов случайно установленных». Поэтому «необходимо прежде всего разъяснить высшее начало, которым должно дать надлежащее значение всему прочему. Это начало находится... в правильной организации местного непосредственного управления над всем сельским народонаселением, без разъединения его по различным категориям» (то есть не только над помещичьими, но и над удельными и казенными крестьянами)²⁶.

Таким образом, и в этих записках речь шла о том, чтобы сделать прежнюю помещичью власть, ограниченную пределами имений, основой всего местного управления. Хотя Безобразовы обращались в поисках идеала не к аристократической Англии, а к эпохе Боярской Думы и Земских соборов, они стремились к достижению все той же цели — сосредоточению власти в руках помещиков-«лендлордов».

Ориентация их на традиционалистские ценности была сознательной и последовательной, доходя до отказа от употребления иностранных слов. Правда, нельзя не отметить, что, несмотря на подчеркнутую архаичность оборотов речи и терминологии, на замену понятий «кредит» и «циркуляр» «верительностью» и «окружным посланием», аргументы Безобразовых строились на рациональном европейском разделении государственного и гражданского права и на признании за государством ограниченной сферы деятельности. Спекулятивный характер построений

Две записки по вотчинному вопросу с предисловием и общим замечанием. Берлин, 1859. С. 8—9.

²⁶ РГИА. Ф. 1180. Оп. Т. XV. Д. 111. Л. 346 об.—347. Особое мнение А.П.Платонова. (Реальным автором мнения был М.А.Безобразов.); там же. Д. 112. Л. 286-287. Замечания М.А.Безобразова на проект московского комитета.

более всего обнажался в вопросе о земле. Когда возникала необходимость определить, имеют ли крестьяне право хотя бы на пользование наделами, Безобразовы, оставляя в стороне патриархальные идеалы, подобно Орлову-Давыдову, настаивали, что никакого промежуточного решения этой проблемы не существует: нужно либо оставить крестьян в неограниченной власти помещика, либо позволить им идти на все четыре стороны. «Ради Бога, защитите по крайней мере дворянскую собственность», — умолял Н.А.Безобразов А.П.Платонова, ознакомившись с первоначальной правительственной программой (Платонов был членом петербургского губернского комитета)²⁷. Гражданское право собственности признавалось первичным: «В высшей власти состоит отменить сей обряд правления (вотчинную власть. — И.Х.)... Но совершенно в другую область права и юридических отношений вступаем мы, когда подымается вопрос о принадлежности земли и о пользовании ею»²⁸.

Принадлежа к столичному высшему обществу, многие из тех, кто позднее станет видными деятелями консервативной оппозиции правительственной программе реформы, имели возможность использовать неофициальные, но часто более эффективные способы воздействия на волю самодержца. (Реальное влияние того или иного лица, конечно, далеко не всегда соответствовало его позиции в бюрократической иерархии.) С другой стороны, подобное неформальное воздействие имело свои пределы. На балу или охоте можно было повлиять, например, на настроение императора или на принятие важного решения, но разработать и реализовать какую-либо идею, минуя бюрократические учреждения, было просто невозможно. Между тем не занимавшие крупных государственных постов флигель- и генерал-адъютанты, камергеры и предводители дворянства очень часто не обладали навыками бюрократической деятельности да и не интересовались ею. Это обстоятельство оказывалось дополнительным стимулом для того, чтобы критиковать «засилье чиновников», сожалеть о том, что крупные собственники не

²⁷ ГА РФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 6.

имеют в России должного веса и отстаивать создание небюрократических, представительных учреждений. Здесь же коренилось и постоянное стремление заручиться поддержкой представителей высшей бюрократии, только благодаря которой консервативное дворянство могло рассчитывать на воплощение своих идей в правительственной политике.

Накануне 1861 г. среди современников было чрезвычайно распространено убеждение, что петербургские аристократические круги пользуются покровительством большинства членов Главного комитета. Безоговорочное признание того, что в правительстве существовала сильная «крепостническая партия» (характерно, что современники иногда называли ее и «аристократической»), свойственно и историческим исследованиям. Конечно, едва ли можно сомневаться, что князь А.Ф.Орлов, М.Н.Муравьев, граф В.Н.Панин, князь В.А.Долгоруков, князь П.П.Гагарин не испытывали энтузиазма по поводу готовившейся реформы. Однако данные источников не позволяют утверждать, что эти сановники солидаризировались с «оппозиционерами» в обществе. На деле картина была гораздо более сложной. Даже в Главном комитете координация усилий противников реформы осложнялась личными амбициями, желанием подладиться под господствующее течение и т.п. Ни один из них не проявлял и готовности выступать в защиту политических притязаний дворянства. Так, П.П.Гагарин высказывался против расширения компетенции Губернских комитетов, увидев возможность использования этих учреждений в политических целях, как зачатка дворянского представительства²⁹. М.Н.Муравьев как-то в разговоре с Я.А.Соловьевым «долго и последовательно развивал мысль, что крестьянам не следует давать земли на основании его убеждения, что «они, свиньи, изроют только землю», а... после крестьян перешел к помещикам, разобрав их по косточкам и вывел заключение, что «и помещики не лучше крестьян»³⁰. В 1859 г. П.А.Валуев, характеризуя

²⁹ См.: РГИА. Ф. 1180. Оп. Т. XV. Д. 108. Л. 404.

³⁰ Русская старина. 1882. № 3. С. 574.

взгляды министра государственных имуществ, называл его «государственным хамелеоном» и писал, что Муравьев «sehr ruhig (очень переменчив. — нем., И.Х.) и по-прежнему нигде не стоит твердою ногою»³¹.

В.Н.Панин уже после назначения председателем Редакционных комиссий (далее — РК) не только не оправдал надежд, возлагавшихся на него дворянством, но и вызвал резкое недовольство петербургских аристократов. Вспоминая о его деятельности, Орлов-Давыдов писал в дневнике уже в 1862 г.: «Я презираю вновь обращенных красных, а не презираю искренних, бывших всегда, и при Николае Павловиче, красными... Самарины последовательны, Панины нет»³².

Кроме того, Гагарин и Панин не пользовались влиянием при дворе, а Муравьева недолго любил Александр II. А.Ф.Орлов и В.А.Долгоруков, напротив, были очень близки к императорской семье и могли не опасаться, что независимые суждения повредят их личному положению. Возможно, именно поэтому поддержка аристократической фронды «высшими сферами» связывалась прежде всего с их именами. Однако на роль лидеров оппозиции ни тот, ни другой также не годились. Активному участию в политике А.Ф.Орлова препятствовали преклонный возраст и состояние здоровья. Глава III Отделения также не проявлял в 1858—1859 гг. большой политической активности. Характерно сообщение князя Д.А.Оболенского, к которому Долгоруков обратился за консультацией по крестьянскому вопросу и который сделал вывод, что тот «не смыслит в этом деле ничего и что ему хочется схватить какие-нибудь верхушки, чтобы уметь что-нибудь сказать в Комитете». Чуть позже шеф жандармов, по словам Оболенского, «очень серьезно доказывал, что ему некогда заняться потому, сегодня там бал, завтра обед, и прочее, и прочее»³³.

Что касается Я.И.Ростовцева, то поддержка им в 1858 г. позиции консервативно настроенных коллег по Главному коми-

³¹ Русская старина. 1891. № 10. С. 144—145.

³² РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 6. С. 88—89.

³³ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 972. Л. 86, 88—89.

тету обоснованно связывается в литературе с влиянием М.П.Позена. Между тем Позен, как и сам Ростовцев, были и по происхождению и по складу ума чужды кругу аристократов-помещиков. «Орловская партия, — вспоминал Я.А.Соловьев, — не могла признать его (Ростовцева. — *И.Х.*) своим равноправным членом, а орудием их он не хотел быть и пользовался расположением и доверием Государя не для них, а для себя. Среди себя аристократическая правительственная партия не могла найти никого, кто бы мог своим умением вести дело и взять перевес над Ростовцевым. Муравьеву не удалась эта роль... Панину, кажется, и не пробовали задавать подобный труд»³⁴.

Тот факт, что Муравьев и Панин традиционно ориентировались прежде всего на бюрократические методы, зримо проявился уже в первой половине 1858 г., когда в совещании, состоявшем из министров внутренних дел, государственных имуществ, юстиции и Я.И.Ростовцева, велась первоначальная разработка перестройки местной власти. В результате работы совещания было издано несколько циркуляров, согласно которым ядром новой системы местного управления должна была стать чрезвычайная военно-бюрократическая должность уездного начальника. Такое устройство менее всего отвечало желаниям помещиков, поскольку власть уездного начальника совершенно подавила бы все местные органы, в том числе сословно-дворянские³⁵.

Вероятно, можно утверждать, что позиция «консерваторов» в правительстве свелась, вплоть до осени 1860 г., когда Главный комитет приступил к обсуждению проектов РК, к достаточно пассивному сопротивлению реформе. Менее всего Па-

³⁴ Русская старина. 1884. № 3. С. 607.

³⁵ Там же. 1882. № 3. С. 565—575; Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, выходящих из крепостной зависимости. СПб., 1861. Т. 1. С. 158—164. Помещики, пишет Соловьев, «вовсе не желали... испытывать на себе деспотическую и произвольную власть... штаб и обер-офицеров в качестве уездных начальников и станových исправников» (Русская старина. 1882. № 3. С. 595).

нин, Долгоруков или Муравьев готовы были искать поддержки и опоры в общественной, хотя бы и консервативно настроенной, среде. К этому следует добавить, что с созданием РК реальное участие Главного комитета в разработке реформы было сведено к минимуму.

Между тем пассивная позиция в целом не была характерна для амбициозных представителей высшего общества, которые не собирались отказываться от воздействия на ход преобразования. Естественно, что они пытались использовать для проведения своих идей все доступные возможности: участие в Губернских комитетах, распространение различных полуофициальных записок, проектов и неподцензурных печатных изданий.

2. Попытки консолидации и разработки контрпрограммы

Губернские дворянские комитеты: поиск решения

Несмотря на то что деятельности Губернских дворянских комитетов уделялось внимание во многих региональных и общих исследованиях³⁶, та роль, которую сыграли эти учреждения в подготовке реформы, выяснена далеко не полностью. Многие историки оценивали идеи дворянства либо с точки зрения их соответствия достаточно умозрительным критериям «реакционности» и «либерализма», либо как отражение местных хозяйственных условий³⁷. Много неясного остается и в том, какую эволюцию претерпело понимание задач комитетов в правительстве.

Детальный анализ проектов губернских комитетов не входит в задачи данной работы. Вместе с тем есть смысл остановиться на некоторых аспектах деятельности тех из них, где наиболее ярко проявились тенденции и идеи, которые в

³⁶ Соответствующая литература достаточно обширна. См.: Отмена крепостного права. Указатель литературы. Составитель Л.Г.Захарова. Томск. 1991.

³⁷ См.: Field D. Op. cit. P. 227–228.

дальнейшем оказали серьезное влияние на оформление позиции «аристократов».

Особого внимания заслуживает, конечно, начавший свою работу первым (14 января 1858 г.) столичный дворянский комитет. Председателем его был губернский предводитель П.П.Шувалов, заместителем председателя — А.П.Платонов. Активное обсуждение оснований реформы проходило здесь уже в феврале-марте 1858 г., а окончательное составление проекта пришлось на осень того же года. (Летом дворяне, по обыкновению, разъезжались из Петербурга.) В отличие от многих других комитетов в петербургском не сложились фракции большинства и меньшинства, лишь несколько членов, не согласившись с проектом, представили особые мнения. Особенно жаркие дебаты разгорелись здесь в самом начале работы, еще до издания апрельской программы 1858 г., когда единственным руководящим документом был краткий и расплывчатый высочайший рескрипт.

Многие члены комитета были озабочены в основном тем, чтобы крестьяне не отказались от пользования наделами, ограничившись усадьбами, и не оставили бы тем самым помещика без значительной части доходов. Они считали, что предотвратить «вредную подвижность» бывших крепостных можно было, лишив их права отказываться от надела и связав круговой поручкой³⁸. С.С.Лихонин предложил средство компенсировать возможные потери помещиков, соединив в один выкуп «вознаграждение за крепостное право» и за уступку усадеб. Он же настаивал, что крестьянам должен быть предоставлен в пользование минимальный надел (с целью «дать простор добровольным соглашениям»), который возвращался бы помещикам при выходе крестьян из общества или недоимках³⁹. Впоследствии все эти положения, направленные на то, чтобы обеспечить интересы помещиков при соблюдении буквы рескриптов, получают развитие в целом ряде дворянских проектов.

³⁸ ОР РГБ. Ф. 327/1. Картон 14. Д. 9. Л. 2—6 об., 8—10, 31—33. Мнения Ю.Ф.Корфа, А.Б.Фитингофа и Н.П.Безака.

³⁹ Там же. Л. 35—38, 65—74.

Гораздо более радикальные идеи отстаивал в комитете А.П.Платонов, который не признавал за крестьянами ни права на пользование наделом, ни права выкупа усадьбы⁴⁰. Выступления Платонова были не лишены последовательности и очень напоминали приведенные выше аргументы Орлова-Давыдова. «Всякое стремление снять с человека ответственность за его поступки, — заявлял царскосельский предводитель, — поселить в нем надежду не на собственные силы, а на постороннюю помощь, внушает ему беспечность... Поэтому все предложения, имеющие целью не совершенное уничтожение крепостного состояния, а одно лишь видоизменение его, не могут повести к улучшению быта крестьян». Предложения Лихонина, считал Платонов, направлены на то, чтобы вынудить крестьян, прикрепленных к земле, согласиться на все условия помещика. Точно так же истинным мотивом защиты общины и круговой поруки является желание затруднить возможность переселения, чтобы обеспечить помещика рабочими руками. С государственной точки зрения существование общины обуславливается лишь подушной податью и натуральными повинностями. Мнение, что община препятствует развитию пролетариата, отвергалось: «У нас пролетариат являлся не в менее страшном виде между разоренными крестьянами, хотя они и сохраняли в общинном пользовании известную часть земли». Соответственно, Платонов считал необходимым «снять с крестьянина все преграды к свободному труду», признать единственным принципом реформы добровольные соглашения и свести к минимуму участие государства в преобразовании. Существование общины признавалось им лишь на срочнообязанный период, до отмены подушной подати⁴¹.

Таким образом, в петербургском комитете был представлен практически весь спектр мнений по поводу того, какие условия реформы выгодны помещикам (в нем были даже

⁴⁰ Там же. Ф. 327/1. Картон 14. Д. 9. Л. 20—21; ф. 219. Картон 81. Д. 10. Л. 15—17.

⁴¹ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 81. Д. 46. Л. 1—23.

сторонники обязательного выкупа наделов при содействии правительства⁴²). Точка зрения Платонова, наиболее последовательно отвергавшего правительственную программу, оказалась в явном противоречии с желаниями большинства помещиков, и в окончательном проекте критика царскосельского предводителя совершенно игнорировалась. Не менее интересно и то, что Платонов, подавая от своего имени написанное М.А.Безобразовым «особое мнение», не усмотрел никакого противоречия между стремлением последнего в максимально возможной степени сохранить прежние отношения крестьян с помещиками и отстаивавшимся им самим принципом *laissez faire*.

Едва ли не с самого начала заседаний столичного комитета в обществе стало складываться убеждение, что сущность идей, отстаивавшихся в нем дворянством, заключается в защите неких «феодалных прав». 19 апреля 1858 г. Н.А.Милютин, сообщая в письме брату о сосредоточении «реакционеров» на вопросе о земле, добавлял: «Кроме того, пущена в ход идея предоставления каких-то *droits seigneuriaux*... странный будет результат, если так называемая эмансипация создаст у нас то, что везде она уничтожала прежде всего. Здешний комитет обнаруживает особенные способности к этой помещичьей метафизике»⁴³. Французский термин «сеньориальные права» (в петербургском проекте фигурировали права «вотчинные»), по-видимому, был употреблен автором письма именно с целью показать привнесенный из Европы, заимствованный характер этой идеи. К концу года подобная оценка проекта стала уже общим местом. Столичный генерал-губернатор граф П.Н.Игнатьев, человек совсем не либеральных убеждений, в своих замечаниях на проект настоятельно, хотя и безуспешно, рекомендовал комитету отказаться от самого термина «вотчинные права», заменив его на «права дворянства по имуществу». Он же сообщал

⁴² Эту точку зрения защищали бар. Ю.Ф.Корф и А.А.Ольхин (См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 1. Л. 239—245.)

⁴³ ОР РГБ. Ф. 169. Папка 69. Д. 10. Л. 15 об.

С.С.Ланскому, что причиной «введения в проект вотчинного права в таком размере, в каком оно доселе, даже при крепостном праве, не существовало», было «неоднократно выраженное г. членами опасение, что с прекращением личного крепостного состояния дворянство утратит прежнее свое значение»⁴⁴.

В январе 1859 г. развернутую оценку проекта дал Я.И.Ростовцев, который в эту пору, по выражению Я.А.Соловьева, «из реакционера сделался ревностным прогрессистом и отчаянным эмансипатором»⁴⁵. По его мнению, «стремления удержать различие дворянской собственности от собственности других сословий; положить пределы дробимости дворянских имений... сохранить навсегда над землями вотчинное право помещика — положительно вредны... С одной стороны, такие меры затруднили бы всякую подвижность перехода поземельной собственности из рук в руки... С другой стороны, такие меры продолжают срочнообязанный период на определенное время и завязывают навсегда узел полукрепостнических отношений между крестьянами и помещиками»⁴⁶. В воспоминаниях П.П.Семенова соответствующая оценка взглядов одного из основных авторов проекта, П.П.Шувалова доведена до логического предела: «Вообще он стремился к тому, чтобы владение землею помещий оставалось навсегда исключительной привилегией дворянства и могло бы передаваться другим лицам только как земельная инвестирура». Поэтому Шувалов якобы выступал за то, что право пользования крестьян наделами «по выходе крестьян из крепостной зависимости... после срочнообязан-

⁴⁴ Замечания петербургского генерал-губернатора, с.20, 23, 41; Отношение петербургского генерал-губернатора от 3.11.1858 // Труды губернских комитетов по улучшению быта крестьян. [Б.м., б.г.] Т. 1.

⁴⁵ См.: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права... С. 121—124.

⁴⁶ Материалы Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. СПб., 1859—1860. Первое изд. Ч. 1. Приложение. С. 39.

ного периода прекращается, и они могут пользоваться землей помещика только на свободных условиях. Выкупа же земельных угодий в собственность крестьян он не допускал никакого»⁴⁷.

По мнению противников проекта, суть его заключалась в том, чтобы удержать монополию дворянства на землевладение как основу широкого влияния на местное население. Вместе с тем в приведенных высказываниях заметно явное противоречие: то ли, петербургское дворянство хотело лишить крестьян земли после непродолжительного переходного периода, то ли наоборот, продлить этот период на возможно больший срок.

Еще А.А.Корнилов обосновывал мнение, что отстаивавшаяся П.П.Шуваловым идея постоянного («эмфитевтического») пользования землей не предполагала обезземеления крестьянства. Д.Филд, продолжая эту мысль, писал о неверном истолковании термина «вотчинные права», в который дворяне, полагал он, вкладывали лишь требование монополии на винокурение, устройство питейных домов и ярмарок⁴⁸.

В чем же в действительности заключались особенности петербургского проекта? Сразу следует отметить, что оценка Филда основывается на не совсем точном понимании достаточно туманного текста проекта. К числу вотчинных прав столичные дворяне относили не только право на винокурение, устройство питейных домов, ярмарок и пристаней (§ 30 проекта), но и право собственности на поверхность, недра земли, воды и леса (§§ 25—28) и, что особенно важно, право вотчинного начальства (§ 29). Последнее включало в себя утверждение или приостановку приговоров крестьянских обществ, подчинение помещику сельских должностных лиц. Помещик мог передавать вотчинные права в отношении «на-

⁴⁷ Семенов-Тян-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России в воспоминаниях бывшего члена-эксперта и заведовавшего делами Редакционных комиссий. СПб., 1911—1913. Т. 1. С. 208—209.

⁴⁸ См.: Корнилов А.А. Крестьянская реформа. СПб., 1905. С. 68—69; Field D. *Op. cit.* P. 224.

селенной части имения» только потомственному дворянину или самим членам крестьянского общества; занадельная земля могла отчуждаться без ограничений. Одним из ключевых в проекте был § 40, согласно которому «совершенное прекращение вотчинного начальства и поземельных вотчинных прав помещика» допускалось после «отчуждения крестьянскому обществу в собственность всех земель, входящих в крестьянский надел»⁴⁹. Кроме того, предполагалось общинное пользование наделом и, соответственно, существование круговой поруки⁵⁰.

Как видим, в проекте не было никаких «феодалных» идей, за исключением предусмотренного рескриптами вотчинного начальства. Более того, он не исключал возможности выкупа надельной земли, но только по добровольному соглашению. Вместе с тем главной чертой проекта петербургских дворян была, как отмечали все его критики, от Платонова до Ростовцева, «безвыходность» устанавливаемого ими порядка. Не определяя исхода срочнообязанного периода, проект ставил помещиков перед необходимостью отдать крестьянам часть земли (усадыбы) в собственность, другую — в неограниченное сроком пользование, а крестьян обязывал принять эту землю. Лишить их земли за недоимки при наличии круговой поруки было бы непросто, возможность же выкупа надела и прекращения вотчинной власти помещика превращалась в фикцию.

Очевидно, что такое устройство не отвечало интересам самих землевладельцев. В «особом мнении» Платонова — Безобразова говорилось, что «проект не улучшает, а ухудшает быт крестьян, привязывая их к земле и обременяя долгами, и в то же самое время разоряет дворян, унижает их достоинство и значение в государстве». «Каким-то очарованным кругом они

⁴⁹ Труды губернских комитетов по улучшению быта крестьян. Т. 1. Проект положения Санкт-Петербургской губернии. С. 5—26.

⁵⁰ Комитет разделил точку зрения своего председателя, который считал, что хозяйственная община есть «неизбежное, но временное зло». (См.: РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 198. Л. 20.)

(землевладельцы и крестьяне. — *И.Х.*) зачуриваются вместе и должны волею и неволею непременно существовать друг подле друга». Наибольшее возмущение авторов вызывали полномочия помещика как начальника общества: «ему предоставлено быть зрителем и наблюдателем с правом всем жаловаться», то есть «чем-то вроде официального плаксы». Кроме того, отвергалась идея «хозяйственной общины» как «изобретение социалистов, противоречащее всем здравым понятиям политической экономии»⁵¹.

Это мнение практически совпадало с критикой другого представителя столичной аристократии — В.Н.Карамзина. «Что меня удивило в вашем проекте, — писал он Шувалову, — так это то, что Вы, кто всегда был аболиционистом, приложили руку к положению, основанному на принципах, противных как истинной цели, к которой должно вести решение [крестьянского] вопроса, так и самым элементарным понятиям политической экономии. Вместо того, чтобы освободить, вы порабощаете крестьян. Вы сохранили обязательный труд... вы навязываете крестьянину значительное количество земли, вместо того, чтобы обеспечить его самым необходимым и предоставить ему свободу выбора — заниматься сельским хозяйством или нет... Наконец, дав крестьянам свободу от их владельцев, которых вы превратили в сельских полицейских чиновников, вы сделали их рабами общины, а это самое абсурдное, тяжелое, полное и безнравственное из рабств».⁵² В дальнейшем и сам Шувалов, и ведомый им комитет откажутся от многих положений проекта, непоследовательность которого обуславливалась тем, что он отражал противоречие друг другу намерения сохранить прежний уклад в деревне и использовать новые формы господства помещиков.

По иному развивалась полемика в симбирском комитете, который начал функционировать позже петербургского, осенью 1858 г. Большинство в комитете, по отзыву одного из его членов, «составляли консерваторы», среди которых были Орлов-Давы-

⁵¹ Там же. Ф. 1180. Оп. Т. XV. Д. 197. Л. 8, 10, 19—19 об., 28 об.

⁵² ГА РФ. Ф. 109. Секр. арх. Оп. 3. Д. 1958. Л. 1—1 об. Оригинал на франц. яз.

дов и Д.Н.Шидловский⁵³. Интересно, что Я.И.Ростовцев противопоставлял петербургскому проекту именно симбирский: «Санкт-Петербургский комитет старается удержать за собою какой-то остаток крепостного права в виде права вотчинного... и желает провести яркую черту между собственностью дворянской и недворянской, едва ли не во вред материальным выгодам даже своего сословия... Симбирский же комитет уничтожает разом все отличие своей дворянской собственности... В этом проявляется *практическое* направление комитета, заботящегося гораздо менее о сословных стремлениях, чем о сохранении действительных *имущественных своих интересов*»⁵⁴.

В действительности петербургские дворяне были не меньше симбирских озабочены своими материальными выгодами, и средства соблюсти интересы помещиков в обоих проектах предлагались примерно одинаковые. Симбирский комитет также выразил желание прикрепить крестьян к земле на 12-летний срочнообязанный период, ограничивая право переходов, ставя пользование усадьбами в неразрывную связь с пользованием полевым наделом и предусматривая круговую поруку⁵⁵. Когда возник вопрос о размере надела, большинство признало, что он должен быть минимальным и «обеспечивать лишь быт крестьян и выполнение ими обязанностей перед правительством», поскольку «у крестьян должно быть много свободного времени для добровольного труда», который мог бы подготовить их к «новому порядку вещей, основанному единственно на добровольных соглашениях»⁵⁶. Такое же мнение отстаивал в петербургском комитете Лихонин; крестьяне в результате оказались бы привязаны к земле и помещик мог бы диктовать им условия «добровольных сделок».

⁵³ ГА РФ. Ф.109. Секр. арх. Оп.3. Д. 2029. Л. 10. Выписки из письма А.Киндякова А.В.Пашкову от 20 декабря 1858 г.

⁵⁴ Материалы Редакционных комиссий... Первое изд. Ч. 1. Приложение. С. 45–46.

⁵⁵ РГИА. Ф. 1180. Оп. Т. XV. Д. 155. Л. 95–96, 115 об.; ОР РГБ. Ф. 219. Картон 82. Д. 6. Л. 10.

⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 82. Д. 6. Л. 9 об.–10.

Однако, в отличие от петербургского, симбирский комитет обратил гораздо большее внимание на исход, развязку переходного периода, решив, что по его окончании земля должна вернуться помещику. Это постановление было принято десятью голосами против пяти, но вызвало протест губернатора. Вопрос был вновь поставлен на голосование, и пятеро колеблющихся присоединились к мнению меньшинства; комитет постановил, что крестьяне могут пользоваться наделами «до тех пор, пока они остаются в составе общества и исполняют все обязанности за пользование полевой землей». Эта формулировка означала, что переходный период растягивался бы на неопределенное время. Поэтому Шидловский и Орлов-Давыдов резко возражали против ее принятия; окончательный текст проекта отражал именно их точку зрения⁵⁷.

Лишение крестьян права на пользование через 12 лет комитет мотивировал изложением знакомых по запискам Орлова-Давыдова и Платонова идей: «Надел земли для крестьян обязательный, хотя бы они и желали от него отказаться, бросается в глаза как явная несправедливость и покушение на свободу крестьян», — говорилось в «обзоре оснований». Поэтому-то якобы и необходимо ограничить его наименьшим размером и определенным сроком. Круговая порука и община признавались здесь же как необходимое, но временное зло; будущее же, по мнению авторов проекта, было за индивидуальными фермерскими хозяйствами⁵⁸.

Таким образом, мера, безуспешно отстаивавшаяся в петербургском комитете Платоновым (который, правда, скорее всего, признал бы 12-летний срок слишком большим), в симбирском получила поддержку большинства. Конечно, такое решение земельного вопроса ни в коей мере не подразумевало

⁵⁷ ОР РГБ. Л. 10 об.; РГИА. Ф. 1180. Оп. Т. XV. Д. 155. Л. 118 об.-124; Труды губернских комитетов по улучшению быта крестьян. Т. 4. Проект симбирского комитета. §§ 70-71 (пагинация отсутствует).

⁵⁸ Труды губернских комитетов по улучшению быта крестьян. Т. 4. Обзор оснований проекта симбирского комитета. § 12-13.

отказа от защиты сословных прав, как писал Ростовцев, вольно или невольно стремившийся заострить противоречия, существовавшие между комитетами.

Еще более сильны позиции тех, кого интересовали политические прерогативы поместного дворянства, были в орловском комитете, открывшемся позже симбирского. Председатель комитета, губернский предводитель граф В.В.Апраксин впоследствии был одним из активных деятелей консервативного меньшинства Редакционных комиссий; в числе членов комитета были ярые защитники дворянских прав А.А.Потулов и А.С.Цуриков. Однако наиболее последовательными приверженцами «аристократических» идей оказались представители брянского уезда С.И.Мальцов и В.А.Краинский⁵⁹.

Перед началом работы любого комитета дворянство собиралось на уездные совещания, материалы которых иногда литографировались в качестве так называемых «сводов предметов, обративших на себя внимание дворянства». Обычно такого рода документы представляли собой несколько страниц довольно бессвязного текста. Записка, представленная от имени дворянства брянского уезда, на этом фоне была явлением совершенно уникальным. Это — обширный политиче-

⁵⁹ Генерал-майор Сергей Иванович Мальцов был крупным землевладельцем и удачливым промышленником. Ему принадлежало около 8 тыс. душ крепостных и большие горные, рельсопрокатные и др. предприятия, большинство которых находилось на землях смежных уездов Орловской, Калужской и Смоленской губерний. Этот громадный (площадью более 200 тыс. дес.) район, известный как Мальцевский заводской округ, с собственной полицией, деньгами и т. п., был своеобразным «государством в государстве» (см.: Субботин А.П. Мальцевский заводской район. История и настоящее экономическое положение. СПб., 1892). Поручик в отставке Василий Андреевич Краинский, напротив, принадлежал к числу небогатых помещиков и опирался на гигантское влияние Мальцова, который решил использовать познания в политэкономии и бойкое перо скромного провинциала. Позднее Мальцов представил своего протеже Орлову-Давыдову, и уже в начале 1860-х гг. Краинский на некоторое время стал своего рода литературным секретарем графа.

ский памфлет, в котором в развернутой форме формулировалась имевшая только косвенное отношение к крестьянскому вопросу своеобразная «программа-максимум» сторонников превращения помещного дворянства во властную «аристократию». Авторы записки (Мальцов и Краинский) крайне резко высказывались против общины, крестьянского землевладения, бюрократии и «демократически-социалистических учений». Обильно цитируя французского экономиста Л. де Лаверня и приобретшего в то время в России громадную популярность А. де Токвиля, они приходили к выводу, что Англия является пример «самой незыблемой монархической власти, потому что ее охраняет самое сильное дворянство, и напротив, Франция представляет собой самую шаткую монархию». Поэтому «ограждение сословных прав дворянства есть первое жизненное условие прочности предстоящего переворота». Предлагавшиеся с этой целью конкретные меры поражают своей радикальностью: необходимо «подтвердить, дабы населенные имения не могли переходить ни в какое другое сословие»; созданием майоратов «положить пределы раздроблению дворянских имений»; провести распродажу казенных земель; предоставить дворянству права баллотировать новых членов сословия и судить избранных дворянством чиновников; передать всю полноту власти на места в руки «мирных судей»; назначать в Государственный Совет, Сенат и в губернаторы только тех, кто уже исполнял должность таких судей⁶⁰. В марте 1858 г. брянское и елецкое дворянство попыталось представить императору прошение, заключавшее в себе подобные идеи, однако С.С.Ланской оставил его без последствий⁶¹.

В петербургском комитете умеренной, а потому и достаточно противоречивой позиции П.П.Шувалова и большинства противостояла последовательная точка зрения А.П.Платоно-

⁶⁰ Труды губернских комитетов по улучшению быта крестьян. Т. 2. Свод предметов, обративших на себя внимание орловских дворян на уездных совещаниях. С. 16—35.

⁶¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 6. Л. 44—76.

ва. Похожая ситуация сложилась и в Орле. В.В.Апраксин, позднее ставший одним из активных оппонентов реформаторов в Редакционных комиссиях, в Губернском комитете оказался на стороне не Мальцова и Краинского, а умеренного большинства⁶². В декабре 1858 г., в личном письме А.П.Бобринскому он даже выражал удовлетворение тем, что правительство разрешило тверскому комитету составить проект выкупа крестьянами земли: «Идея покончить разом счета с крестьянами и избавиться от ответственности, которая висит на нас тяжким грузом, вообще пользуется большим сочувствием здесь, но я нахожу, что в моем положении председателя комитета еще слишком рано говорить официально»⁶³.

В результате окончательный проект орловского комитета носил явно компромиссный характер: обязательный надел ограничивался 12-летним сроком, предполагался особый выкуп «вотчинных прав», а крестьянам фактически запрещались переходы до истечения срочнообязанного периода. Характерную поправку к этим идеям содержал в остальном мало чем отличавшийся проект меньшинства: крестьяне, говорилось в нем, могут покинуть имение и до истечения 12 лет, «если согласятся с помещиком о выкупе надела, когда этот договор будет утвержден и гарантирован правительством». Впоследствии мысль о добровольном, но гарантированном государством выкупе станет одним из основных требований части дворянства.

Оригинальность орловского проекта заключалась в «политических» по звучанию статьях, касавшихся организации местной власти. Несмотря на предупреждение губернатора, что административные вопросы — прерогатива правительства, раздел о мирных судьях вошел в окончательный текст; пред-

⁶² В.К.Ржевский в конце 1858 г. в письме И.С.Тургеневу противопоставлял «левую, или либеральную» партию в комитете, к которой он относил помимо прочих, себя и Апраксина, «крайней правой» Мальцова, Краинского и Цурикова (ГА РФ. Ф.109. Секр. арх. Оп. 3. Д. 2018. Л. 15.)

⁶³ Там же. Л. 20-20 об. Оригинал на фр. яз.

полагалось, что они будут избираться и увольняться дворянством, служить безвозмездно, не подчиняясь никаким властям. Общее собрание судей должно было решать «все вопросы, относящиеся до дворянских дел и до раскладки общих натуральных и денежных повинностей в уезде»⁶⁴.

Анализ работ трех губернских комитетов позволяет сделать важный вывод. Помещики выражали желание не столько согнать крестьян с земли, сколько привязать их к наделам (разумеется, минимальным) и затруднить переходы. Отстаивавшие же некоторыми членами комитетов принципы «вольного труда» и «добровольных соглашений» явно не соответствовали интересам многих землевладельцев. Сословно-политические амбиции оказывались в противоречии с реальным хозяйственным опытом, идеология — с неумолимой экономической логикой. Последняя подсказывала, что нельзя дать крестьянам полную личную свободу, не ставя под угрозу доходы помещиков, что только финансовое содействие правительства может развязать узел отношений помещиков и крестьян.

Но Орлов-Давыдов, Безобразовы, Мальцов и другие, гораздо более «умеренные» представители крупного землевладения, на протяжении 1857—1858 гг. отстаивавшие практически одни и те же идеи, по-видимому, сознавали, что любые промежуточные формы между крепостным правом и предоставлением крестьянам реальной свободы распоряжаться своей судьбой предполагают широкое вмешательство государства в отношения двух сторон и, соответственно, делают невозможным доминирование в местной жизни «независимых землевладельцев»⁶⁵.

⁶⁴ Труды губернских комитетов по улучшению быта крестьян. Т. 2. Проект Положения... С. 62-70.

⁶⁵ «Образование крестьянской собственности в виде общей обязательной для всех сторон меры, — не без пронипательности утверждал чуть позже П.П.Шувалов, — предполагает подчинение на некоторое время всей частной собственности в государстве не действию обыкновенных законов, определяющих и обеспечивающих эту собственность, но общему административному распоряжению» (РГИА. Ф. 1092. Оп.1. Д. 201. Л. 121).

Для них, в конечном счете, неизбежно было отрицание выкупа как общегосударственной меры⁶⁶ со всеми вытекающими из этого последствиями, в числе которых были бы не только гипотетическое расслоение и обезземеление большинства крестьян, но и (чего часто не учитывают историки) разорение многих помещиков, чьи имения не имели внутренних ресурсов для эффективного ведения хозяйства в новых условиях, были обременены долгами и оказались бы неконкурентоспособными.

Противоречие между реальными хозяйственными интересами провинциальных землевладельцев и политическими амбициями крупного дворянства — факт, не привлекавший внимания исследователей. Немногочисленные крупные помещики, видевшие в землевладении залог собственного политического будущего, могли позволить себе оптимистически оценивать перспективы медленного перевода своих хозяйств на вольнонаемный труд, арендные отношения и т.п. Несколько позже, в мае 1859 г., В.А.Черкасский писал А.И.Кошелеву: «Они совершенно отделяют себя от областного дворянства и пренебрегают его интересами, которые состоят в скорейшем выкупе, в пользу своих, ошибочно понятых интересов, которых они ищут в бессрочном пользовании, с целью сохранить влияние, даваемое в других странах поземельной собственностью»⁶⁷. И в этом случае несомненно желание реформаторов подчеркнуть противоречие идей «аристократов» интересам большинства помещиков, которое и в 1858 г., а отчасти и позже существовало скорее потен-

⁶⁶ «...Излишне распространяться об обоюдно вредных последствиях насильственного образования крестьянской собственности, — писал тот же Шувалов. — Подобная развязка крестьянского вопроса была бы особенно вредна и в сословном отношении; ибо дворянство, разъединив совершенно свои пользы от польз крестьянского населения, лишилось бы большей части того действительного и полезного значения, которое было доселе ему присвоено» (Там же. Д.199. Л.23.)

⁶⁷ Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В.А.Черкасского. Т. 1. Кн. 2. М., 1904. С. 30.

циально. Мысль, что выкуп надела может быть экономически выгоден, с большим трудом прививалась за пределами губерний с низкой ценностью земли, защита же неприкосновенности собственности и дворянских прав шла рука об руку во многих комитетах, где лидерами были влиятельные крупные помещики, авторитет которых рос еще более благодаря резким выступлениям против «засилья бюрократии».

*Редакционные комиссии и оппозиция
в среде столичной аристократии*

Несмотря на острую борьбу, развернувшуюся во многих комитетах, оказалось, что и их проекты, и сама эта борьба имели лишь промежуточное значение. Первоначально предполагалось, что каждый проект будет утверждаться в отдельности и приводиться в исполнение самим комитетом. Уже очевидная невыполнимость и неприемлемость для правительства этой идеи (несложно представить, к какому хаосу привела бы попытка ее реализации) указывает на ее переходный, временный характер⁶⁸. Апрельская программа — плод нерешительности и колебаний — содержала гораздо больше вопросов, чем ответов. Можно утверждать без преувеличения, что она не устраивала ни одну из сторон, участвовавших в разработке преобразования, к тому же ее тесные рамки делали невозможным обсуждение дворянством политических проблем. Судьба реформы должна была решаться не в губерниях, а в столице — это было понятно и многим помещикам. Неслучайно некоторые представители консервативно настроенного столичного дворянства уже в 1858 г. сконцентрировали свои усилия на политических аспектах эмансипации, а другие пытались повлиять на ее ход привычным путем придворных и околоправительственных интриг.

⁶⁸ Как отмечает Л.Г.Захарова, в конце 1858 г. «вопрос о роли Губернских комитетов в реализации реформы оставался еще открытым» (Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права... С. 126.)

Однако позиция тех из них, кто с самого начала отказался от компромиссов с правительством⁶⁹, представляла собой все более удобную мишень для критики по мере того, как император все отчетливее выражал свою солидарность с реформаторами. Как писал Я.А.Соловьев, после путешествия Александра II по России летом 1858 г. и его речей дворянству, особенно московской речи, в которой император заявил, что под усадебной оседлостью необходимо понимать не только строения, но и землю, «люди благоразумные... признали борьбу с таким противником не по силам... остались в числе *явно* действующих одни только фанатики вроде Безобразовых, Бланков, князя Гагарина, Шидловского и других»⁷⁰.

Суть достаточно однообразных записок и памфлетов этих «фанатиков» можно сформулировать следующим образом: реформа затеяна и проводится противниками дворянства, стремящимися разорвать союз высшего сословия с верховной властью, усилить роль бюрократии в управлении и распространить «социалистические начала» (под которыми имелась в виду не только община, но и отчуждение помещичьей собственности, хотя бы и за выкуп, создание крестьянского землевладения и — главное — инициативная роль государства в решении этих задач). Дворянство же может защитить себя только одним способом: сосредоточив в своих руках контроль за преобразованием и за внутренней политикой вообще. Не без основания связывая правительственную программу с более общими принципами организации власти, они нередко ставили вопрос о коренном пересмотре самих этих принципов.

Такие тенденции в полной мере проявились в уже цитированном «Особом мнении А.П.Платонова», в «Замечаниях

⁶⁹ Ознакомившись с рескриптами, Н.А.Безобразов еще в январе 1858 г. убеждал А.П.Платонова: «Не надейтесь изложением или подробностями отклонить вредные последствия; все это переделают социалисты. Надо прямо отрицать возможность составления какого бы то ни было положения на этих началах» (ГА РФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 85. Л.1 об.).

⁷⁰ Русская старина. 1882. № 5. С. 417—421. Имелся в виду член Воронежского комитета князь И.В.Гагарин.

М.А.Безобразова на проект московского комитета», в распространявшейся в списках рукописи С.И.Мальцова, в изданном в Берлине памфлете «Три партии. Мы на перепутье», принадлежавшем перу Г.Б. и П.Б. Бланков и Д.И.Потулова.

По мнению Безобразова, преобразование должно стать прерогативой не правительства и даже не губернских комитетов, а специально созванных выборных от дворянства⁷¹. Предлагал созвать дворянский законодательный комитет и С.И.Мальцов. Так же как Безобразов, он связывал «идею условного землевладения» (то есть представление о том, что государство может и должно распоряжаться собственностью помещиков для обеспечения социальной стабильности) с опасным представлением о монархии, опирающейся не на дворянство, а на народ⁷².

В наиболее неприкрытой форме «олигархические» ползновения выразились в памфлете «Три партии», авторы которого заявляли, что с отменой крепостного права, подавлявшего возможность участия дворянства в «государственном благоустройстве», такое участие должно усилиться. Политические права высшего сословия обосновывались (неожиданное преломление концепции общественного договора!) как права «слоя общественного, откуда имеет начало сама Верховная власть... Мысль эта имеет корень свой в древнем русском самодержавии по праву участия дворянства в администрации и по выражению “Бояре присудили, Царь повелел”»⁷³.

Столь откровенный перенос борьбы за свои интересы на политическую почву заведомо обрекал авторов этих и других подобных записок на поражение. Император очень ревниво относился к попыткам поставить вопрос об ограничении его власти. Гораздо больший успех сулила «аристократам» иная тактика, тем более что многие из них имели репутацию сторонников эмансипации, а их лояльность верховной власти

⁷¹ РГИА. Ф. 1180. Оп. Т. XV. Д. 112. Л. 242–302.

⁷² ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1859. Д. 61. Л. 2–10.

⁷³ Р.С.Т., З.Н.П. Три партии. Мы на перепутье. Берлин, 1860. С. 22.

не вызывала сомнений. В течение 1858—59 гг. в борьбу вокруг реформы включаются «молодые» представители столичной аристократии. Это были честолюбивые свитские офицеры — флигель- и генерал-адъютанты графы А.П. и В.А. Бобринские, граф А.П.Шувалов, князь Ф.И.Паскевич, князь С.М.Воронцов, а также орловский и петербургский предводители дворянства граф П.П.Шувалов и граф В.В.Апраксин. Именно их имена современники обычно связывали с попытками влияния «аристократической оппозиции» на императора. Но если деятельность большинства из них развернулась после учреждения РК, то П.П.Шувалов и А.П.Бобринский стали заметными фигурами уже на первом этапе подготовки реформы.

Будущий основатель Общества взаимного поземельного кредита и министр путей сообщения, граф Алексей Павлович Бобринский был, пожалуй, наиболее амбициозным из перечисленных деятелей. Накануне реформы он, по словам Соловьева, «был в особенном ходу при дворе, бывая часто на вечерах у императрицы». Вероятно, именно это обстоятельство побудило Н.А.Милютину использовать влияние молодого аристократа в своих целях. Весной 1858 г. Милютин познакомился с проектом, автор которого признавал необходимость наделения крестьян землей. Как вспоминала М.А.Милютина, ее муж «решился сделать из Бобринского орудие для проведения мысли о выкупе или по крайней мере через него освоить с этой мыслью Государя и общественное мнение». Переделав проект, Милютин «пустил его с ним по всем салонам, министерствам и царским покоям»⁷⁴. Я.А.Соловьев писал, что проект был использован Милютиным как «противоядие другому направлению, господствовавшему в высших придворных сферах наших землевладельцев — направлению английскому, или феодальному. Люди этого направления домогались всю землю оставить у помещиков, а избранных из крестьянского сословия сделать арендаторами этих земель... Проект гр. Бобринского разделял придворные сферы на два

⁷⁴ Русская старина. 1899. № 1. С. 56-57.

лагеря, следовательно, сила оппозиции правительственному направлению уменьшалась»⁷⁵.

Бобринский предлагал предоставить помещикам право обменивать наделные крестьянские земли на казенные, а также использовать фонд государственных земель для поселения освобожденных дворовых и безземельных крестьян. Таким образом, крестьяне не должны были бы ничего выкупать, наделные земли приобретали бы статус государственной собственности, а бывшие крепостные переходили бы под начало министерства государственных имуществ, возвращая себе «утраченное право быть управляемыми непосредственно правительством»⁷⁶. Проект вызвал резкое недовольство «крепостников» в правительстве — «партии А.Ф.Орлова». Но как и для Милютина, для Бобринского его распространение, по-видимому, было лишь тактическим ходом⁷⁷. Он стремился, зарекомендовав себя приверженцем реформы и даже экспертом в крестьянском вопросе, получить возможность влиять на исход преобразования⁷⁸. Принимая по рекомендации Милютина участие в работе Земского отдела МВД, Бобринский уже осенью 1858 г. при обсуждении петербургского проекта, отстаивал вотчинные права помещиков и, вспоминал Соловьев, «горячился едва ли не бо-

⁷⁵ Русская старина. 1882. № 11. С. 242. Соловьев называл этот проект «флигель-адъютантским», что стало причиной некоторой источниковедческой путаницы: дело в том, что в литературе более известен совершенно иной «флигель-адъютантский проект» осени 1859 г. (о нем речь пойдет ниже).

⁷⁶ РГИА. Ф. 1180. Оп. Т. XV. Д. 31. Л. 77—88.

⁷⁷ Позже Милютин достаточно резко выступал против использования казенных земель, которые, по его мнению, должны были составлять неприкосновенный запас для «обеспечения будущих поколений» (см.: Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу Н.П.Семенова. СПб., 1889—1892. Т. 2. С. 85—86. Далее — Семенов Н.П. Хроника).

⁷⁸ Спустя десятилетие в 1870 г. А.А.Киреев записал в дневнике дошедший до него рассказ, что «Бобринский... обращался [к Милютину] от имени консервативного кружка (во время эмансипационных работ) с предложением стать во главе этого кружка; за то было обещано его «выдвинуть»». (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 6. Л. 15 об.)

лее» П.П.Шувалова. Окончательный его разрыв с Милютиным произошел весной 1859 г.

К сожалению, имеющиеся в моем распоряжении источники содержат крайне мало данных о планах и личных контактах представителей «аристократической оппозиции». В основном приходится опираться на документы, исходящие из противоположного лагеря — из среды реформаторов. Так, П.П.Семенов в своих мемуарах называл А.П.Бобринского, Андрея Петровича и Андрея Павловича Шуваловых в числе «самых ревностных противников земельного освобождения». «Лица эти нашли доступ к Государю через императрицу, которая... под влиянием письма от А.Ф.Орлова решила передать Государю, что близкие престолу сановники оскорблены тем, что в составе законодательной комиссии... нет ни одного из молодых представителей крупной поземельной собственности, между тем как их сочувствие великому делу хорошо известно Государю». После этого Александр II на одном из балов попросил Ростовцева подобрать несколько соответствующих кандидатур. Председатель РК обратился к Милютину, и именно тот указал на присутствовавших там же, на балу, П.П.Шувалова, Ф.И.Паскевича и В.В.Апраксина, которые и были назначены членами-экспертами РК⁷⁹.

В выборе Милютина, несомненно, проявился его талант политика и тонкого психолога. Как показали дальнейшие события, хотя все трое названных им кандидатов оказались в оппозиции большинству РК, ни один из них не проявлял желания, да и не был способен к тому, чтобы консолидировать вокруг себя недовольное ходом преобразования дворянство. До конца стремясь придерживаться «легальной почвы» и неписаных правил лояльности, к тому же, по-видимому, действительно искренне сочувствуя отмене крепостного права, Шувалов и Апраксин оказались чужды методам интриг и спекуляций. Характерно, что П.П.Семенов, который даже по прошествии десятилетий не склонен был преуменьшать в своих воспоминаниях влияния «придворной партии» противников РК, признавал, что «великодушный и даже либеральный по отноше-

⁷⁹ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 194—195.

нию к крестьянам» П.П.Шувалов «ни к чему практическому был... совершенно неприспособлен, да оно его и не интересовало». По его же мнению, «оппозиция санкт-петербургского дворянства в руках графа Шувалова не имела угрожающего делу характера»⁸⁰. В столь же мягких тонах вспоминал он и об Апраксине. Что касается Паскевича, то его лучшей характеристикой является все тот же эпизод с назначением представителей аристократии в РК. Александр II на предложение Ростовцевым Паскевича заявил: «Он, конечно, добрый помещик, но, право, я не знаю, на что он вам может сгодиться». Однако опасаясь, что такой отзыв дойдет до кандидата и обидит его, в конце беседы добавил: «Ну возьмите кстати еще и Паскевича: я надеюсь, что он никакого вреда вам не принесет». Для сравнения стоит упомянуть, что когда после конфликта с большинством РК Шувалов и Паскевич вышли из комиссий и император предложил на их место А.П.Бобринского и князя С.Н.Урусова, Ростовцев заблокировал это назначение. Кандидатуру Бобринского он отверг сразу и безоговорочно, а Урусова вынудил отказаться самого.

Тем не менее в восприятии либерального большинства РК и общественного мнения Шувалов, Апраксин и Паскевич принадлежали к той самой аристократической фронде, на полемике с которой реформаторы вынуждены были сосредоточить в 1859—60 гг. значительные усилия. Начало открытому противоборству было положено уже в мае 1859 г. демаршем Шувалова и Паскевича (последний играл при этом скорее пассивную роль)⁸¹.

Выступление Шувалова, на первый взгляд, было вызвано действительно существовавшим противоречием между сформулированной Ростовцевым главной целью реформы (превращение крестьян в собственников) и средствами достижения этой цели. Как «полюбовный», добровольный выкуп может привести к запрограммированному результату? Что, если поме-

⁸⁰ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 202, 390.

⁸¹ Событийная канва конфликта изложена в кн.: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права... С. 152-155; Field D. Op. cit. P. 254-257.

щики не захотят отдавать землю, а крестьяне — выкупать ее? Ростовцев настаивал, что правительство через 12 лет, по истечении срочнообязанного периода, должно будет «сделать особые распоряжения» в отношении еще не выкупленных наделов (при этом могло подразумеваться только одно — превращение выкупа из добровольного в обязательный). Предполагалось, что до принятия этой меры крестьяне должны получить лишь ограниченные права: свободу *от* помещика, но не свободу самим определять свою судьбу. Очень точно изложил видимую сторону конфликта П.А.Валуев, который в эти дни тесно общался с Шуваловым и Паскевичем и был редактором, если не соавтором, их «особых мнений»: «Тезис Шувалова и Паскевича — личное освобождение крестьян само по себе необходимо и возможно, и потому не должно быть безусловно подчиняемо выкупу, реализация коего требует столько времени и вообще доселе рисуется в весьма неопределенных чертах. Тезис большинства Комиссий и самого Ростовцева — выкуп земли неразделен от личного освобождения»⁸². Следует еще раз отметить важную деталь: Шувалов не отрицал ни возможности добровольного выкупа наделов (в том числе и при содействии правительства), ни необходимости предоставить крестьянам некоторые гарантии от обезземеления (в виде права бессрочного пользования). По его мнению, было бы вполне закономерным, если «значительная часть помещиков, нуждаясь в капиталах для преобразования своего хозяйства, воспользуется возможностью продать некоторую часть своей поземельной собственности... Если и засим выкуп не получит общего осуществления, то обстоятельство сие только докажет, что крестьяне не нуждаются в предлагаемой им собственности». В предложениях же РК выкуп, считал он, «хотя и предлагается в виде добровольной меры, но, составляя единственный общий исход крестьянскому вопросу, тем самым принимает характер принудительный»⁸³.

Ответная критика Ростовцева базировалась на явной пердежке: «Члены, подавшие особое мнение, к сожалению, жела-

⁸² Русская старина. 1891. № 8. С. 278.

⁸³ Семенов Н.П. Хроника. Т. 1. С. 265—266.

ют дать крестьянам свободу птиц... Мысли (Шувалова и Паскевича. — *И.Х.*) заключаются в проведении предположений С.-Петербургского губернского комитета, в желании создать новые феодальные права»⁸⁴. Просьба Шувалова дать ему возможность изменить текст особого мнения, указав в нем, что ни он, ни Паскевич «не желают противодействовать распространению между крестьянами поземельной собственности», вызвала еще большее раздражение председателя РК: «Если вы употребили выражение 'помимо выкупа', то это значит, что вы положительно отвергаете всякий выкуп»⁸⁵.

Гораздо ближе к истине был В.А.Черкасский, когда писал Ю.Ф.Самарину: «Шувалов играет в комитете большую роль, поелику сильно либеральничает во всем, кроме надела». В его же письме А.И.Кошелеву об идеях «петербургско-остзейской аристократии» сказано: «Теперь они притворяются либералами и много говорят о скорейшем даровании полных личных прав...»⁸⁶. В конечном итоге большинство РК не могло не признать, что предусматривавшийся механизм осуществления реформы подразумевает косвенное принуждение помещиков к выкупу: «Крепостное право... падет быстро, когда помещики будут убеждены, что регулированные законом наделы поступят в бесповоротное пользование крестьян за определенные также законом неизменные повинности, и в таком случае нельзя сомневаться, что помещики сами, и притом весьма быстро, пойдут навстречу организованной правительством выкупной операции...»⁸⁷. В этой цитате следует обратить особое внимание на слова «бесповоротное пользование». Отличие программы РК от идей Шувалова, кото-

⁸⁴ Семенов Н.П. Хроника. Т. 1. С. 181.

⁸⁵ Там же. С. 161–162.

⁸⁶ Трубецкая О. Указ. соч. С. 8, 30. Нельзя попутно не отметить акцента Черкасского (в личных письмах, а не полемических памфлетах!) на неискренности, «задних мыслях» столичных аристократов. Последние обвиняли в том же реформаторов, и логика взаимного «заподозривания», даже психологически исключавшая возможность компромиссов, на долгие годы стала неременной составляющей конфликта тех и других.

⁸⁷ Семенов Н.П. Хроника. Т. 1. С. 259.

рый также признавал бессрочное пользование, заключалось в том, что Шувалов предусматривал такие случаи, когда земля могла вернуться к помещику, а для большинства РК подобная перспектива была совершенно неприемлема⁸⁸.

В «дополнительных» (секретных) журналах общего присутствия РК № 2 и № 4 реформаторы уточнили прямолинейные обвинения Ростовцева в адрес Шувалова и Паскевича. Некоторые лица, гласил журнал, отстаивают мнение, «клоняющееся в той или иной форме к освобождению крестьян без земли и к более или менее постепенному (выделено мной. — И.Х.) образованию из них класса свободных, но бездомных и безземельных работников». Такой результат может быть достигнут и косвенными мерами, например, «немедленным дарованием крестьянам права отказаться от поземельного надела». «Увлекаясь отдаленными надеждами, иногда даже нелепыми слухами, они могут безрасчетно покинуть свои поля» и таким образом «променять может быть и тяжелое, но обеспеченное положение на все случайности бездомного и безземельного существования». В итоге крестьяне попадут в «новую, хотя уже не юридическую, но не менее действительную материальную зависимость»⁸⁹.

В этих формулировках очень определенно проявилась принципиальная позиция большинства РК: участие государства не должно ограничиваться лишь *содействием* реформе и корректировкой ее возможных нежелательных последствий. Представители либеральной бюрократии, по определению Л.Г.Захаровой, «верили в возможность направлять исторический процесс, конструировать будущий строй, воздействовать на определение пути развития страны, стоящей 'на пороге новой жизни'»⁹⁰. С этой точки зрения нюансы в мнениях «арис-

⁸⁸ О связи в программе РК «постоянного» (или «бессрочного», «вечно-го») пользования с принципом неизменности повинности см.: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права... С. 162—163.

⁸⁹ Семенов Н.П. Хроника. Т. 1. С. 793, 799.

⁹⁰ Захарова Л.Г. Самодержавие и реформы в России. 1861—1874. (К вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992. С. 35.

тократов» не имели значения. Одинаково неприемлемым оказывалось и медленное, постепенное обезземеление части крестьянства, что вытекало из предложений Шувалова, и единовременное лишение всех крестьян права на надел по истечении срочнообязанного периода, как настаивали многие губернские комитеты. Когда в июне 1859 г. В.В.Апраксин выступил в РК за ограничение права пользования наделом 12-летним сроком, «все большинство комиссий признало, что это одно направление с графом Шуваловым»⁹¹.

В то же время уже отмечавшаяся противоречивость идей Шувалова была понятна и реформаторам. С одной стороны, он настаивал на приоритете сугубо добровольных соглашений, с другой — признавал вечное пользование крестьян наделом обязательным для помещиков. Указывая на принудительный характер такого пользования, РК особо отмечали невыгодность этого положения для самих землевладельцев и вновь поспешили подчеркнуть, что осуществление идей Шувалова и Паскевича ущемляло бы интересы значительного количества помещиков: «Одни только богатые землевладельцы могут оставаться более или менее равнодушны к успеху выкупной операции. Они... не только могут благополучно выдержать временный кризис, но самый неуспех дела обратить в свою пользу»⁹².

Предоставление крестьянам права покинуть имения, конечно, не гарантировало помещикам свободу действий в отношении бывших крепостных. Крестьяне поспешили бы бросить свои наделы там, где их реальная стоимость была несопоставима с размером повинностей. Скрытый выкуп личности подразумевал все то же привязывание крестьян к земле, стеснение их свободы и т.д., а явный был категорически отвергнут правительством, да и многим помещикам казался неприемлемым по этическим соображениям. С другой стороны, система добровольных сделок поставила бы в крайне тяжелое положение также владельцев барщинных имений. Обладая правом бес-

⁹¹ Семенов Н.П. Хроника. Т. 1. С. 255.

⁹² Там же. С. 800.

срочного пользования наделом, крестьяне могли отказаться его выкупать, и тогда доходы землевладельца зависели бы от их сомнительной добросовестности в исполнении повинностей. В этом случае гипотетический выход для помещиков заключался бы только в отказе от барщины, отмене круговой поруки и переходе к участковому землепользованию (единственным обеспечением повинностей тогда оказывалась земля). Но и этот путь был трудноосуществим и к тому же чреват хозяйственным кризисом.

Крупным помещикам отказ от выкупа, по-видимому, действительно не грозил скорым разорением. Однако нельзя отрицать, что и они могли быть заинтересованы в получении государственных гарантий в устройстве своих взаимоотношений с крестьянами. Причины того, что многие из них требовали свести к минимуму роль государства в реформе следует искать в сфере идеологии. В понимании Безобразовых, Орлова-Давыдова, Мальцова и других «олигархов» широкое развитие мелкого землевладения угрожало политическому значению и самому существованию высшего сословия, вело к бюрократизации государства и социальному нивелированию.

Поэтому Ростовцев имел все основания называть возникший конфликт РК с Шуваловым «коренным разногласием с главными началами». И несмотря на то что осторожный, совсем не реакционно настроенный П.П.Шувалов не был склонен отстаивать многие «крайние» идеи консервативного дворянства, последнее воспринимало его как своего естественного союзника. Уже через несколько месяцев после конфликта, в августе 1859 г., Д.П.Хрущов, сообщая в письме Милютину о собраниях ярых крепостников в доме М.А.Безобразова и о составленном ими проекте адреса «об уничтожении работ Губернских комитетов и Редакционной комиссии и о принятии одного главного основания: личной свободы крестьян без земли», добавлял: «О Шувалове и Паскевиче говорят как о представителях этого мнения и очень на них надеются»⁹³.

⁹³ Русская старина. 1899. № 3. С. 584.

Депутаты Губернских комитетов, провинциальное дворянство и «аристократическая» оппозиция

Ни для противников РК, ни для самих комиссий опыт, полученный в ходе конфликта с Шуваловым, не прошел даром. Реформаторы отказались в дальнейшем от идеи фиксированного 12-летнего переходного периода и адаптировали к своей программе идею бессрочного пользования. Новая вспышка активности придворных кругов на исходе лета была связана с ожидавшимся с середины августа приездом депутатов Губернских комитетов первого призыва⁹⁴.

В начале августа в столичном обществе распространяется изданная на французском языке в Париже брошюра Орлова-Давыдова «Письмо к председателю Редакционной комиссии»⁹⁵. Это был уже второй печатный памфлет автора (первый — «Предварительные соображения об основаниях, предложенных по поводу способа освобождения крепостных в России» — вышел несколько раньше⁹⁶). Если в «Предварительных соображениях...», как и в своих более ранних записках, автор рассматривал главным образом экономические последствия реформы, то в «Письме» к Ростовцеву он попытался поставить критику РК также и на идеолого-политическую почву. Подобно Шувалову, Орлов-Давыдов считал, что добровольность выкупа в проектах РК является фикцией. Система, предложенная РК, с полным основанием утверждал он, должна привести «к одному из двух: или земля будет выкуплена против воли помещика, или некоторые крестьяне останутся крепостными до второго пришествия».

⁹⁴ К 15 августа 1859 г. в столицу были приглашены для участия в обсуждении реформы представители 21 Губернского комитета. См. об этом: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права... С. 183—202.

⁹⁵ Lettre d'un député de comité à monsieur le président de la Commission de Rédaction, Aide de camp général Rostovtsoff. Paris, 1859.

⁹⁶ Réflexions préalables sur les bases proposées au mode de l'émancipation des serfs en Russie, par un député d'un comité provincial. Paris, 1859.

С экономической точки зрения путь, предлагаемый реформаторами, противоречив и неэффективен: «Крестьян прикуют к земле под предлогом филантропических видов или полицейских мер, но в сущности для вознаграждения помещика за потерю барщины платой за землю, ничего не стоящую. Результатом этой двусмысленности будет совершенное уничтожение свободы крестьян». Также и там, «где земель много и они плодородны, смешение личной повинности с поземельной будет для крестьян тягостно». Но еще опаснее политические последствия гласного признания того, что помещики должны уступить часть земель: первая уступка влечет за собой последующие, и нет никаких гарантий, что в будущем крестьяне не захотят гораздо большего, чем им даст реформа. Единственный выход, способный удовлетворить интересы помещиков различных губерний, Орлов-Давыдов, как и прежде, видел в выкупе личности и оставлении земли в неотъемлемой собственности помещика.

Нельзя не заметить, что Орлов-Давыдов был более последователен, чем Шувалов, а его критика РК выглядела достаточно резонно. С другой стороны, гораздо резче, чем петербургский предводитель, он выражал во всех своих записках принципиальное неприятие крестьянской земельной собственности и, одновременно, настаивал на том, что к землевладельцам должны перейти значительные властные полномочия. Судьба страны будет зависеть от того «дворяне ли собственники или бюрократия составят... высший слой (окружающий престол. — И.Х.)? Непримируемые враги, в постоянной борьбе, возникшей теперь с новой силой, одно из этих двух сословий должно или победить, или погибнуть»⁹⁷.

К началу августа относится и «Всепопданнейшая записка» В.В.Апраксина. В отличие от Орлова-Давыдова и Шувалова орловский губернский предводитель не стремился ни к публичному распространению своих идей, ни к отстаиванию сво-

⁹⁷ Письмо было написано по-русски и только потом переведено на французский язык. Цитирую по русскому оригиналу из архива Орловых-Давыдовых: ОР РГБ. Ф. 219. Картон 80. Д. 14. Л. 1—33.

ей позиции. Апраксин избрал путь негласного личного обращения к императору. Возможно, именно его явное нежелание связывать свое имя с оппозиционным движением объясняет тот факт, что Александр II не считал необходимым как-то выразить свое неудовольствие высказанными в записке идеями, несмотря на их предельную откровенность.

Записка интересна прежде всего как попытка сформулировать претензии дворянства, не затрагивая напрямую вопроса о принадлежности земли. Указывая на колебания правительства, автор критиковал программу РК, которые вместо выбора одного из двух понятных помещикам путей — постепенного улучшения быта крестьян или немедленного их освобождения — предпочли противоречивый способ с сохранением обязательного труда и неясными перспективами выхода из переходного периода. Неизбежные спутники такого пути, общинное землевладение и круговая порука, являются продолжением крепостного права и отражают крепостнический «принцип Казны», сказывающийся на жизни всей страны. Наибольшее возмущение Апраксина вызывало «ограничение сословного значения дворянства». В конце записки он сформулировал в десяти пунктах целую программу, ярко демонстрирующую политические приоритеты крупных землевладельцев.

Прежде всего признавалось необходимым реорганизовать местную администрацию, передав ее в руки мировых судей (как это предполагал проект орловского комитета). Земля должна быть предоставлена крестьянам «не на основании круговой поруки... но на частном поземельном праве пользования каждого домохозяина известным участком»; единственным прочным обеспечением повинностей при этом признавалось «отобрание участков с переселением на казенные земли». Участие государства в содействии сугубо добровольному выкупу наделов ограничивалось организацией земских банков. Кроме того, «с отменой крепостного права участие дворянства в государственном управлении должно подвергнуться новым условиям»: помимо существования постоянных (!) губернских комитетов, предполагалось участие в центральных органах

власти представителей от каждой губернии, избранных высшим сословием⁹⁸.

Тот факт, что Апраксин в личном письме к императору (он не собирался предавать свою записку гласности) счел возможным прямо поставить вопрос о предоставлении дворянству столь широких властных полномочий, свидетельствовал о его политической наивности. Реформаторы поспешили использовать это выступление для того, чтобы еще раз выявить идеологическую подоплеку критики их программы. В «Секретном мнении министра внутренних дел» по поводу записки орловского предводителя Н.А.Милютин (именно он был автором докладов Ланского в это время) снимал возможные обвинения в неблагонадежности лично с Апраксина, поскольку тот-де «по слабоумию легко поддается под чужое влияние». Те же, чьи идеи выразились в записке, обвинялись в «пошлом подражании иностранным памфлетистам, происходящем от совершенного незнания отечественного быта и крайней незрелости в мыслях». «Зараженные аристократическими идеями, — писал Милютин, — некоторые из наших баричей мечтают о Боярской думе, то есть правлении олигархическом. Другие прославляют английское устройство и требуют сословного самоуправления, к ним присоединяются некоторые из провинциальных дворян, далеко не аристократы по рождению, образованию и общественному положению... Это движение, очевидно, вызвано горстью людей... Самый грустный факт, что противодействие воле Вашего Величества находит наиболее горячих представителей в том кругу, который приближен ко двору и своим положением действует обаятельно на массу. Из лиц этого круга большая часть или вовсе не желает освобождения крестьян, или требует освобождения безземельного»⁹⁹.

Данное «мнение» являлось одним из целой серии записок аналогичного содержания, принадлежавших перу лидеров РК. В августе-сентябре 1859 г. реформаторы прикладывали

⁹⁸ РГИА. Ф. 982. Оп. 1. Д. 57. Л. 1—26.

⁹⁹ Русская старина. 1899. № 4. С. 107, 110.

большие усилия для того, чтобы убедить императора, во-первых, в том, что «аристократическая оппозиция» существует, пользуется значительным влиянием в Петербурге и пытается воздействовать на провинциальное дворянство; во-вторых, что «аристократические» идеи противоположны утвержденным началам реформы; в-третьих, что деятельность «оппозиционеров» нацелена на ограничение верховной власти. В то же время подчеркивалась незрелость идей «аристократов» и их чуждость представлениям и интересам народа и большинства дворян.

В докладе министра внутренних дел «Взгляд на положение крестьянского вопроса в настоящее время» (начало августа 1859 г.) взгляды дворянства разделялись на несколько групп. Представители первой, изначально вообще противившиеся освобождению, требуют «или сохранить барщинный труд и чрез сие власть помещика над крестьянами, или... ограничить пользование [землей] 12-летним сроком». Второе мнение, писал Милютин, имело более определенный характер. «Это направление сословного интереса. Оно нашло себе приверженцев более всего между знатыми и богатыми нашими помещиками. Поставляя на первый план сословные интересы дворянства, желают создать у нас дворянскую поземельную аристократию, подобную английской... оставляют за помещиками, под именем “вотчинных прав”, особые, чуждые доселе нашему законодательству права, напоминающие феодальные привилегии на Западе. Настоящая же цель, которой держатся люди этого мнения весьма сознательно и настойчиво, есть освобождение крестьян без земли». Представители этого направления находят сочувствие «в некоторых из приближенных к Вам, Государь, особах и в некоторых членах Главного Комитета. Вопрос о “вотчинных правах” первоначально возбужден был Санкт-Петербургским комитетом, а из него перешел и в другие»¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Семенов Н.П. Хроника. Т. 1. С. 826–832. Представители третьего мнения характеризуются как искренне сочувствующие освобождению крестьян с землей.

Наконец, уже в сентябре 1859 г. В.А.Черкасский составил записку «О положении крестьянского дела», в которой давалась более подробная оценка идей «аристократов». Записка предназначалась не только для Ланского, но и для представления императрице, через которую, по различным данным, придворные круги пытались повлиять на настроения Александра II. Черкасский писал, что «партия крепостников», не имея возможности открыто противодействовать реформе, «искусно скрывает затаенные свои мысли, стараясь слиться с другими мнениями и обратить их в орудия своих видов». Чаще всего она «пользуется доверчивостью или практической неопытностью... тех, кто озабочен интересами чисто сословными» (явный намек на П.П.Шувалова). Эти последние «искренне желают освободиться от крепостных отношений», видя в них «причину постоянного политического несовершеннoлетия дворянского сословия... мечтают о создании олигархической аристократии» и стремятся «основать ее на грубом, исключительно вещественном преобладании поземельного капитала над классом безземельных сельских работников». Среди основных элементов программы «аристократов» в вопросе освобождения Черкасский называл право пользования наделом, выкуп без содействия правительства, предоставление крестьянам права перехода, а помещикам — права лишать их земли за недоимку. Все эти идеи логически связаны, причем Черкасский особо развивал мысль о противоположности всех их интересам «среднего дворянства», которое «не может пустыми мечтаниями жертвовать своим насущным выгодам» и ждет от правительства финансовой помощи, а от крестьян — прочной оседлости. «Тяжба между олигархическим началом и средним дворянством» возводилась ко временам Бориса Годунова, когда бояре также стояли за переходы крестьян и стремились ограничить царскую власть, а среднее дворянство было защитником самодержавного правления¹⁰¹.

Далекie от беспристрастности, продиктованные в первую очередь стремлением сформировать негативное восприятие

¹⁰¹ Трубецкая О. Указ. соч. Приложение № 8. С. 37—47.

«закулисной» деятельности и идей «аристократов», довести их до логического завершения и тем самым обнажить их неприемлемость для власти, эти записки тем не менее заслуживают серьезного внимания.

Милютин и Черкасский достаточно тонко разделяли и вместе с тем связывали «аристократические» и «крепостнические» идеи. Несоответствие мер, предлагавшихся «аристократами», интересам значительной части дворянства существовало и накануне 1861 г., и впоследствии. Сторонники «аристократической» программы действительно более или менее явно выражали свое сочувствие дворянскому представительству.

Наконец, особенно важным представляется то, как представлена в записках степень организованности «аристократической оппозиции». Речь в них идет о намерениях, а не о действиях, о людях, придерживавшихся близких убеждений, а не о сплоченной «партии». Милютин и Черкасский не пишут об этом прямо, но из текста становится понятно: в среде высшего дворянства отсутствовала даже элементарная координация усилий. Более того, эти записки говорят о настоятельной необходимости *предотвратить* консолидацию противников реформы.

Д.Филд, сопоставляя мнения реформаторов с содержанием записок Безобразовых, Платонова, Орлова-Давыдова и Апраксина, склонялся к выводу, что не слишком конкретные ссылки либеральной бюрократии на олигархические претензии придворных кругов были политическим ходом, призванным скомпрометировать критику дворянства в адрес РК¹⁰². Это мнение исследователя справедливо лишь отчасти: в докладах Милютина и Черкасского речь шла не о каком-то «олигархическом заговоре», а об *оценке* определенной тенденции. Активность высшего дворянства не могла быть секретом для императора, и лидеры РК, скорее всего, просто не считали необходимым указывать на фамилии и конкретные действия «аристократов» (тем более что это превращало бы их записки в донос). Другое дело, что в оценках реформато-

¹⁰² Field D. Op. cit. P. 225, 261—263.

ров отразилась аморфность, неорганизованность «аристократической оппозиции».

С одной стороны, люди, принадлежавшие к столичному высшему обществу, несомненно, достаточно хорошо знали друг друга. С другой — для распространенных в этой среде форм общения, по-видимому, не была характерна склонность к постоянному и серьезному обсуждению каких-либо государственных вопросов, и дело было не в малообразованности и бесталанности «аристократов»; скорее можно утверждать, что они оказались неподготовленными к напряженной и длительной политической борьбе. Попытки многих из них «влиять» на государственные дела не могли не выглядеть довольно беспомощными, особенно на фоне профессионализма и политической изоционности реформаторов. Годом позднее описываемых событий примыкавший к либеральным членам РК провинциальный помещик Г.П. Галаган в одном из личных писем не смог удержаться от несколько наивной оценки закулисных манипуляций, свидетелем которых ему пришлось быть: «Видя изнанку вещей... нельзя иногда надивиться, как много у нас не-прямых действий и хитросплетений, и убеждаешься, что прямой дорогой нельзя дойти ни до какого дела, и что сам крестьянский вопрос оттого так идет успешно, что одни перехитрили и надули других...»¹⁰³ Показательна и оценка такого чуткого к сложным комбинациям профессионального бюрократа как П.А.Валуев, который, ознакомившись с журналами РК, подводивших итог конфликта с петербургским предводителем, не без сожаления записал в дневнике, что «Шувалов и Паскевич в этого рода борьбе не могут тягаться с Милютиным и К^о». М.А.Милютина, имея в виду готовившийся оппозиционером адрес, утверждала: «Должно быть, сей пресловутый адрес, ходивший тогда по рукам, так же, как и прочие записки оппозиционной партии, казались весьма основательными. Но члены Редакционной комиссии были иного мнения и даже радовались, что в оппозиции не было ни одного истинно даровитого человека, который мог бы стать во главе и вести

¹⁰³ ГА РФ. Ф. 109. Секр. арх. Оп. 3. Д. 1959. Л. 71.

против них достойную войну». О кандидатах на пост товарища министра внутренних дел А.П.Бобринском и П.А.Шувалове она же дала такой характерный отзыв: «Оба претендента были люди ловкие и в настоящем смысле слова светские, дотеле не занимавшиеся ничем серьезным, и всего менее государственными делами, получившие поверхностное образование... и обуреваемые непомерным честолюбием»¹⁰⁴.

На отсутствии сплоченности «аристократов» самым непосредственным образом сказались их стиль мышления и образ жизни. Переписка даже тех из них, между кем существовали достаточно тесные отношения (братьев Безобразовых и А.П.Платонова, Орлова-Давыдова и Д.Н.Шидловского), весьма скудна. Каждый из оппозиционеров писал и действовал на свой лад, не имея реальной возможности оперативно скорректировать свои идеи. Кроме того, они ставили перед собой различные тактические цели и использовали разные методы их достижения. Так, для Безобразовых и Платонова было важно, чтобы их выступления получили как можно более широкий резонанс и были понятны дворянству. Орлов-Давыдов уделял особое внимание соответствию своих записок «европейской науке», а в своих действиях старался придерживаться «легальной почвы» (то есть использовать только санкционированные формы выражения мнений). П.П.Шувалов до конца остался лоялен верховной власти и не помышлял ни о каких политических требованиях. Апраксин старался не высказываться гласно против идей, утвержденных правительством. Для А.П.Бобринского гораздо ближе был путь политической интриги, чем открытого выступления. Каждый из этих деятелей имел свои представления и о том, где можно пойти навстречу реформаторам, а где уступки недопустимы.

Неудивительно, что оппозиционеры остро нуждались в возможности соорганизоваться, сформулировать общую программу действий. Надежды на ожидавшийся приезд в столицу представителей губернских комитетов были связаны еще и с тем, что единая позиция депутатов опровергала бы утвержде-

¹⁰⁴ Русская старина. 1891. № 9. С. 60—61; 1899. № 3. С. 584.

ния о разброде в среде дворянства и подтверждала бы политическую состоятельность «высшего сословия». «Может быть, Россия, — писал уже в марте 1859 г. С.И.Мальцов Орлову-Давыдову, — присылая сюда своих депутатов, откроет что-либо истинное и может быть ее выслушают — вот, граф, одна надежда к исполнению [которой] вы призваны — размениваясь мыслями с депутатами всех губерний, вы приведете их к единству и будете довольно сильны, чтоб оградить Государя от влияния неблагонадежных людей»¹⁰⁵.

В этом отношении едва ли не решающим оказывалось определение прав депутатов и механизма их взаимодействия с РК. Орлов-Давыдов в «Письме» к Ростовцеву доказывал, что депутатам, «прибывшим издалека и незнакомым даже между собою», должна быть предоставлена возможность «условиться насчет способа действий». Но единая платформа, считал автор, нужна депутатам не для споров с комиссиями: «Мы должны начать труд наш тогда, когда Главный Комитет окончит свой, а до того времени к чему нам представлять Комиссии наши возражения на ее образ мыслей и повторять их опять в Центральном Комитете» (граф полагал, что этот комитет должны составить выборные от дворянства)¹⁰⁶. Сам он оказался в крайне невыгодном положении: выбранный вторым депутатом от симбирского комитета (первый, Д.Н.Шидловский, получил всего одним голосом больше), он приехал в столицу и уже там узнал, что его место должен занять представитель комитетского меньшинства, сын министра М.С.Ланской.

Несмотря на отсутствие Орлова-Давыдова, в числе 36 депутатов первого призыва были такие яркие представители консервативной оппозиции, как П.П.Шувалов, Д.Н.Шидловский и князь И.В.Гагарин. Окунувшиеся в атмосферу острой политической борьбы и накаленных страстей депутаты провинциальных губернских комитетов интенсивно общались и друг с другом, и со столичными «оппозиционерами».

¹⁰⁵ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 55. Д. 19. Л. 2.

¹⁰⁶ Там же. Картон 80. Д. 6. Л. 7.

Депутаты съезжались в Петербург к середине августа; первый же прием их в Общем присутствии РК состоялся только 25 августа. Таким образом, у них была возможность прийти к какому-либо соглашению еще до того, как они были ознакомлены с правительственной «инструкцией», суть которой очень точно выразил Ю.Ф.Самарин: «...Вы больше ничего как ходячие справочные книги; о чем вас спросят, на то и отвечайте, но от участия в совещаниях вы избавляетесь»¹⁰⁷. Судя по дневнику рязанского депутата князя С.В.Волконского, особенно активные усилия по сплочению депутатов предпринимали И.В.Гагарин и Шидловский. Уже 15 августа он записал: «Князь Гагарин, чтобы лучше обратить нас в свою веру, предложил познакомиться с графом N (Орловым-Давыдовым. — И.Х.), причем сказал: *le comte n'est pas si bête qu'il en a l'aire* (граф не так дик, каким кажется, *фр.* — И.Х.)». Итог этой встречи Волконский подвел на следующий день: «N nous a paru plus bête qu'il n'en a l'aire (показался нам даже более диким, *фр.* — И.Х.). Он не охотник до Ростовцева и поддерживает принцип личного безземельного освобождения... У него были Гагарин и Шидловский, мы решили уговоривать депутатов не давать никаких ответов на вопросы Комиссий и подать Государю адрес, в котором просить его допустить нас до общего собрания или распустить депутатов». У Гагарина, сообщал Волконский, бывали также Паскевич и Апраксин. Орлов-Давыдов и Паскевич уверяли депутатов, что «кредит Ростовцева у Государя очень поколеблен»¹⁰⁸.

Кроме того, депутаты собирались в доме П.П.Шувалова и у Безобразовых. Правда, не все нашли в себе смелость даже для предварительных совещаний. Когда Волконский предложил приехать к Шувалову черниговскому депутату Марковичу, последний «нашел это опасным и советовал... сперва спросить у Ростовцева, можем ли мы быть друг с другом знакомы» (!). На следующий день после оглашения правитель-

¹⁰⁷ Трубецкая О. Указ. соч. С. 83.

¹⁰⁸ Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1905. Т. 20. Вып. 2. Рязань, 1905. С. 146—149.

ственной инструкции депутаты собрались, чтобы обсудить, должны ли они ей подчиниться или следует протестовать. Примечательно, что Орлов-Давыдов отказался участвовать в этом совещании: «Я не считаю себя вправе, — писал он Шувалову в ответ на его приглашение, — принимать участие даже в частном совещании депутатов, ибо мне пришлось бы давать и слышать советы или мнения, которые сам я лишен буду средства защищать гласно»¹⁰⁹.

Именно здесь, в общем собрании представителей губернских комитетов, и проявился полный разброд в их среде. Важно подчеркнуть — речь в эти дни шла не о преодолении принципиальных разногласий, а лишь о том, чтобы прийти к единому мнению по поводу положения, в котором оказались депутаты: будут ли они в состоянии сплотиться и стать силой, с которой правительству пришлось бы считаться. Результат оказался крайне неутешительным. «Ни благородных чувств, ни высоких стремлений, ничего стройного, правильного и логичного не выразилось в этих общих собраниях депутатов, — сетовал Волконский, — то же мелочное самолюбие, та же узость взглядов, та же неопределенность цели и то же раболепство, которые всегда отличали дворянские собрания, царствовали и здесь... Многие из здравомыслящих желают, чтобы нас торжественно разогнали; этим путем мы по крайней мере спасли бы за дворянством честь... если же нам дадут общее собрание, то кроме дразг и бесплодных споров едва ли можно что-нибудь путное ожидать»¹¹⁰.

Действия депутатов первого призыва подтвердили наблюдение К.Н.Лебедева, писавшего еще по поводу работ дворянских комитетов, что «в империи и следа нет духа корпорации»¹¹¹. А ведь многие «аристократы» предполагали, что именно такой дух должен стать основой политического влияния дворянства. Приведу характерный эпизод из воспоминаний нижегородского депутата П.Д.Стремоухова: «Раз встретившись со мною на рауте у министра Ланского, изве-

¹⁰⁹ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 11. Д. 26. Л. 1.

¹¹⁰ Труды Рязанской ученой архивной комиссии... С. 153.

¹¹¹ Русская старина. 1897. № 8. С. 653.

стный англоман граф В.П.Орлов-Давыдов, отведа меня в сторону и многозначительно спросив, что я думаю о роли депутатов от губернских комитетов, приглашенных в Петербург, стал догматически доказывать, что депутаты не только вправе, но и обязаны сомкнуться в дружную оппозиционную силу против правительства, действия которого в крестьянской реформе явно ведут к подрыву не только материального благосостояния дворянства, но и политического его значения как сословия, служащего исконным оплотом престола; что организованная в таком смысле оппозиция имела бы значение оппозиции его величества, подобно английской парламентской оппозиции...» Стремоухов характеризовал подобные аристократические идеи как «политическое доктринерство на иноземной подкладке, которое стало не то модой, не то манией, уносившей нередко в область представлений самого фантастического свойства»¹¹². Видимо, осознав невозможность направить депутатов по нужному пути, разочарованный Орлов-Давыдов уже в середине сентября покинул столицу. Однако, как можно судить из письма к нему Д.Н.Шидловского от 5 октября, агитация в среде депутатов продолжалась. Говоря о большом успехе «Письма» к Ростовцеву, Шидловский буквально умолял графа вернуться в Петербург: «Приезжайте же, граф, чтобы порадоваться вашему триумфу и хотя бы немного ободрить наших несчастных депутатов, ибо мои силы истощены и я в растерянности; мнения депутатов столь разноречивы. Все они осуждают работы Редакционной комиссии, но не идут далее... Наши противники подготовили столь удачный план сражения, что разногласия в нашей армии были посеяны еще до того, как она образовалась»¹¹³.

Схема освобождения, которую предложили РК, действительно казалась депутатам неприемлемой. Критикуя ее, они использовали многие аргументы, характерные для выступлений «аристократов». Наиболее отчетливо эта тенденция про-

¹¹² Там же. 1900. № 4. С. 142.

¹¹³ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 67. Д. 50. Л. 1 об. Оригинал на фр. яз.

явилась в двух принципиальных вопросах: о размере надела и организации местного управления.

Сохранение за крестьянами существующего надела, по мнению почти всех депутатов, не только несправедливо, но и не позволяет «ограничить обязательные отношения лишь пределами крайней необходимости», отягощает крестьян непомерным долгом. Такая позиция обычно объясняется естественным желанием помещиков сделать как можно меньше материальных уступок. Между тем следует учесть и более глубокий смысл принципа сохранения существующего надела. РК стремились сделать крестьянское хозяйство в возможно большей степени самодостаточным и, соответственно, по возможности свести к минимуму отношения сторон и в имущественном, и — что не менее важно — в административном плане. Многие помещики желали, напротив, сохранить рычаги влияния на бывших крепостных, и разница в убеждениях не помешала депутатам единодушно протестовать против того, что чиновничье вмешательство «водворялось в дела сельские, и влияние дворянства на крестьян во все устранялось»¹¹⁴. Последовательно либеральная точка зрения вела к тому, что дворянство должно отказаться не только от прежней власти, но и от особого социального и политического статуса¹¹⁵. Однако грань, за которой дворянский либерализм превращался в «сословные домогательства», была очень неотчетливой. Так, один из наиболее последовательных либералов А.М.Унковский писал в своем

¹¹⁴ Формулировка Кошелева, см.: Кошелев А.И. Записки. Приложения. С. 193—194. (Записка «Депутаты и Редакционные комиссии по крестьянскому делу». 1859 г.)

¹¹⁵ Так, депутат от меньшинства Калужского комитета князь А.В. Оболенский полагал, что как помещики, так и крестьяне должны войти «в состав тех же волостных обществ землевладельцев, в которых каждый из них получил бы значение соответственно своему состоянию, своему образованию и своим нравственным качествам». В этих условиях «дворянство должно или погибнуть, или преобразоваться на новых началах». Приложения к трудам Редакционных комиссий по крестьянскому делу. Отзывы членов Губернских коми-

отзыве: «Поместное дворянство... одно может руководить и вразумлять народ», а потому ему должно принадлежать «первенствующее место в собраниях и предпочтительное право на должности».

Почему же большинство депутатов не поддержало идеи Орлова-Давыдова или П.П.Шувалова? Конечно, отнюдь не только умелая деятельность правительства была причиной их разъединения. Достаточно указать на пример представителей рязанского комитета. Имевшие в губернском комитете репутацию «защитников дворянских интересов», Волконский и Офросимов по приезду в столицу подверглись «обработке» Шидловского, Гагарина и Орлова-Давыдова. В результате же они не только не склонились на сторону последних, но, напротив, оказались союзниками Кошелева и даже А.М.Унковского¹¹⁶.

Депутаты первого призыва оказались гораздо менее восприимчивыми к «аристократическим» идеям, чем того, по-видимому, ожидали сами лидеры РК. Выяснилось, что они достаточно трезво оценивают неприемлемость для правительства и, главное, непрактичность предлагавшихся «аристократами» способов освобождения крестьян. Многие депутаты высказались против принципа бессрочного пользования, тем самым выразив желание свести к минимуму продолжительность и значение переходного периода. Но срочнообязанное состояние могло закончиться либо лишением крестьян права на землю, либо выкупом земли. Эту дилемму четко сформулировал Д.Н.Шидловский, заявивший «о необходимости выбора между личной свободой крестьян при добровольных срочных кон-

тетов. СПб., 1860. (Далее — Отзывы). Т. 3. Ч. 2. С. 129—130. Оболенский был одним из немногих депутатов второго призыва, отстаивавших «либеральную» программу. Ср. мнение Кошелева: власть должны осуществлять «не лица (то есть не бывшие владельцы над своими крепостными. — И.Х), но дворянство как класс самый образованный и как главный землевладелец» (Отзывы. Т. 2. С. 194—195).

¹¹⁶ См.: Кошелев А.И. Записки. Берлин, 1884. С. 118. В своем отзыве Офросимов и Волконский позаимствовали значительную часть отзыва Унковского. Ср.: Отзывы. Т.2. С. 101, 680—681.

трактах и обязательным выкупом»¹¹⁷. Однако большинству было очевидно, что первый путь не будет принят правительством, второй же, как и предсказывали Милютин и Черкасский, оказался для многих помещиков более приемлемым по соображениям, которые чуть позже выразил Унковский: «Всякий, кто знает наш народ... видит очень хорошо, что крестьяне при объявлении этой свободы и не пойдут говорить с помещиками, останутся на своих землях по-прежнему, а вследствие свободы не будут платить ничего»¹¹⁸. Разумеется, подобный подход исключал всякий оптимизм по поводу добровольных сделок как основы реформы. Собственно, многие противники обязательного выкупа отстаивали их не столько по принципиальным соображениям, сколько из опасения, что правительство навяжет свою оценку размеров повинностей и наделов. К тому же, по распространенному тогда мнению, государство находилось на грани финансового краха и не было платежеспособным.

Тем не менее показательно, что даже П.П.Шувалов в итоге признал: мнение об обязательном выкупе «берет верх... и может получить окончательный перевес», а потому «самые ревностные защитники Санкт-Петербургского проекта положения должны по-видимому признать, что... меры обоюдного обеспечения, ими примененные, не вполне соответствуют своему назначению и требуют некоторого исправления»¹¹⁹. Все отчетливее обнаруживалась иллюзорность якобы существовавшей возможности выбора между различными способами решения земельного вопроса, а значит, и иллюзорность надежд на консолидацию землевладельцев...

Достаточно противоречивые сведения о разделении депутатов на группы содержатся в воспоминаниях Стремоухова и в записке Кошелева «Депутаты и Редакционные комиссии». Оба они писали о трех группах («кружках»), на которые разделились представители дворянства. Сопоставление двух источников с депутатскими отзывами позволяет сделать следу-

¹¹⁷ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 199. Л. 9.

¹¹⁸ Цит. по: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена... С. 193.

¹¹⁹ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 198. Л. 50; Д. 199. Л. 23 об.

ющие выводы. А.М.Унковский стал лидером тех, кто связывал обязательный выкуп с широкими политическими преобразованиями в либеральном духе. Те депутаты, которые признавали возможность выкупа, но не настаивали на его обязательности, не проявили большого интереса к политической стороне реформы. «Менее всех единодушны», по словам Кошелева, были те, кто отрицая выкуп как общегосударственную меру, настаивал или на личном освобождении без земли, или на бессрочном пользовании с переоброчкой. Этот кружок (куда, по Кошелеву, входили Шидловский, И.В.Гагарин, П.П.Шувалов, Позен и ряд других депутатов) «не имел постоянных собраний и вскоре распался». Видимо, некоторые из его участников продолжали посещать собрания у П.П.Шувалова, которые, как писал Стремоухов, имели «совсем аристократический характер». «Здесь собирались преимущественно представители крупного землевладения. Проведший, кажется, большую часть жизни в Англии и усвоивший не только взгляды, но и привычки и приемы тамошней аристократии, хозяин дома в пространных... речах докторально защищал и отстаивал идею сохранения за помещиками полного права собственности на всю землю; идея эта, как известно, имела многочисленных приверженцев в среде крупных землевладельцев, в числе которых, однако, было немного веривших в возможность отстоять ее»¹²⁰. Политические требования выдвигали главным образом депутаты, отстаивавшие крайние, противоположные воззрения на выкуп (обязательный или вообще никакого). Но даже среди тех, кто отрицал выкуп земли, были и представители провинциального дворянства, которых мало интересовали политические претензии «аристократов». Неудивительно, что третий кружок распался: слишком разные побуждения двигали его участниками¹²¹.

¹²⁰ Кошелев А.И. Депутаты и Редакционные комиссии... С. 178—194; Русская старина. 1900. № 4. С. 140—143.

¹²¹ М.П.Позен, ознакомившись с запиской Кошелева, утверждал даже, что такого кружка вообще не существовало. См.: Бумаги по крестьянскому делу М.П.Позена. Дрезден, 1864. С. 231—232.

Воодушевить депутатов могли только признаки того, что «ветер в верхах подул в иную сторону». Неслучайно столичные оппозиционеры стремились убедить их в скором падении Ростовцева. Только само правительство могло своими, пусть и не существующими в действительности колебаниями настроить дворянство на более решительный лад (как это случилось чуть позже). Ключ к сплочению оппозиции находился, как это ни парадоксально, в руках верховной власти. «Аристократы» надеялись на изменение настроения императора, реформаторы серьезно этого опасались; и те, и другие считали, что исход преобразования еще не predetermined. Столичное общество с напряженным вниманием отыскивало симптомы перемены в высших сферах. «Говорят, государыня в церкви не поклонилась и отвернулась от Ростовцева, — записал в дневнике чиновник МВД А.И.Артемьев, — на которого жалобы от дворян в Орле и здесь. Адлерберги дудели в уши государыне всю дорогу. Орлов поклялся быть или не быть... Ростовцев от того и болен»¹²².

В конечном счете, явным или подразумеваемым адресатом всех выступлений консерваторов-оппозиционеров был именно император. Это оказалось еще одной причиной организационной слабости «аристократической оппозиции»: все ее действия прямо или косвенно были направлены преимущественно на то, чтобы склонить самодержца на свою сторону, сплочение же собственных рядов оказывалось лишь средством для достижения этой цели. Лишенные поддержки сверху, «аристократы» легко приходили в уныние, и наоборот, воодушевлялись при появлении малейших признаков сочувствия высшей власти. Поэтому верноподданнические заверения даже таких откровенных сторонников дворянского представительства, как Безобразовы, ни в коей мере нельзя считать чистой риторикой. Монархия немислима без дворянства, а

¹²² ОР РНБ. Ф. 37. Д. 164. Л. 123 об. Имеются в виду графы В.Ф. и А.В. Адлерберги — министр двора и его сын, друг императора, и князь А.Ф. Орлов. Императорская семья посетила Орловскую губернию на исходе лета 1859 г.

дворянство не имеет смысла вне монархии — эта идея была для «аристократов» основополагающей (конечно, имелось в виду сильное и властное поместное дворянство, то есть несуществующий идеал).

Совещания депутатов с РК, по-видимому, окончательно убедили многих из них, что требования выкупа личности и безземельного освобождения ни в каком случае не будут приняты правительством. Единственным реальным путем для консервативного дворянства оказывался тот, который отстаивал П.П.Шувалов: формальное признание бессрочного пользования при предоставлении крестьянам широких возможностей покидать надель. Осенью 1859 г. в Петербурге распространился новый «флигель-адъютантский» проект. Через Ланского он попал к императору, который препроводил его к Ростовцеву с ремаркой: «Известен ли вам этот проект? Он, говорят, сочинения Ф.А. (флигель-адъютанта. — И.Х.) графа Бобринского»¹²³. П.П.Семенов указывал в своих воспоминаниях, что в составлении проекта принимали участие А.П.Шувалов и Паскевич и именно Паскевич подал его за своей подписью Александру II. По его же мнению, проект «заключал в себе идеи совершенно противоположные взглядам П.П.Шувалова», и сам петербургский предводитель ему не сочувствовал¹²⁴. В копии проекта из архивного фонда Шуваловых его авторами названы четыре человека — С.М.Воронцов, А.П.Шувалов, В.А. и А.П.Бобринские (все четверо были флигель-адъютантами)¹²⁵. То, что именно они и были составителями проекта, подтверждается также письмом В.А.Краинского В.П.Орлову-Давыдову¹²⁶. Участие Паскевича в распространении именно этого проекта представляется вполне вероятным, однако, скорее всего, П.П.Семенов в дан-

¹²³ Семенов Н.П. Хроника. Т. 2. Приложения. С. 954. Здесь же опубликован и сам проект.

¹²⁴ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян... Т. 1. С. 201, 393.

¹²⁵ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 159.

¹²⁶ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 52. Д. 43. Л. 1.

ном случае ошибся. Как следует из дневника П.А.Валуева, Паскевич представил императору не проект, а всеподданнейшее письмо. Местонахождение этого письма неизвестно, о его содержании можно судить лишь по тому же дневнику Валуева¹²⁷. Кроме того, осенью 1859 г. был составлен и «Проект А.П.Бобринского для Тульской губернии» (его копии хранятся в архивных фондах В.А.Черкасского и Н.А.Милютинана)¹²⁸. Утверждение же П.П.Семенова о противоположности взглядов петербургского предводителя флигель-адъютантскому проекту не соответствовало действительности. Подтверждением тому является сохранившийся в делах Главного комитета «Проект П.П.Шувалова» весны 1860 г., основные положения которого совпадают с флигель-адъютантским проектом¹²⁹.

Схема преобразования во всех этих документах выглядит одинаково: по обнародовании реформы крестьяне должны были получить усадьбы и полевую землю в бессрочное пользование, за помещиком же сохранялось право собственности. Выкуп полевых угодий допускался, по формулировке П.П.Шувалова, «только на основе добровольной, без прямых или косвенных побуждений». Размер надела, предоставляемого в пользование (не на выкуп!), определялся или по взаимному соглашению, или, при отсутствии соглашения, губернскими комитетами. По прошествии трех лет крестьяне могли отказаться от надела. Повинности обеспечивались не личностью при помощи круговой поруки, а самой землей, то есть недоимки влекли бы отобрание надела и передачу его либо исправному плательщику из того же сельского общества, либо помещику. Кроме того, помещику присваивались определенные (достаточно скромные) права по контролю над сельским обществом¹³⁰. Проект Бобринского

¹²⁷ Русская старина. 1891. №. 10. С. 145—146.

¹²⁸ РГИА. Ф. 869. Д. 440; ОР РГБ. Ф.327/1. Картон 15. Д. 6.

¹²⁹ Там же. Ф. 1180. Оп. Т. XV. Д. 118. Л. 402—424.

¹³⁰ Помещик мог бы приостанавливать решения сельских сходов и должностных лиц, созывать чрезвычайные сходы, разбирать споры

предполагал, помимо этого, реформирование всей системы местного управления, которое ставилось под контроль мировых судей с судебными и административными полномочиями, уездных и губернских земских комитетов и постоянных земских присутствий с участием мировых судей, депутатов от помещиков и от сельских обществ. Различия между проектами имели второстепенный характер.

Таким образом, «аристократами» было найдено такое решение, которое позволяло избежать открытой постановки наиболее острых вопросов о принадлежности земли, размерах наделов и повинностей. В полной мере отразилось в этих проектах стремление свести к минимуму участие в преобразовании государства. Однако при внешней логичности построений это решение не выдержало бы даже поверхностной критики. Его непрактичность заключалась главным образом в следующем. Во-первых, правительство не могло распространить свои гарантии на добровольные сделки. Еще в начале 1858 г. будущий член орловского комитета В.К.Ржевский (человек отнюдь не либеральных убеждений, позднее прославившийся отстаиванием дворянских интересов) в одной из своих статей резонно утверждал, что если правительство решит принять участие в выкупной операции, то оно должно будет установить *свою* цену на землю и тем самым «прибегнуть к мерам понудительным»¹³¹. Отказ же от содействия государства делал выкуп земли крестьянами настолько трудноосуществимым, что те помещики, которые были в нем заинтересованы, оказались бы в безвыходном положении. Во-вторых, несостоятельным был принцип обеспечения крестьянских повинностей надельной землей. Как указывал В.А.Черкасский, во многих местностях проектированные повинности включали в себя скрытый выкуп труда крепостного и превышали доходность земли¹³². Возвращение земли

крестьян между собой (только по просьбе сторон), утверждать одного из двух кандидатов в мирские должности.

¹³¹ Санкт-Петербургские Ведомости. 15.03.1858. № 59.

¹³² Семенов Н.П. Хроника. Т. 2. С. 88—89.

помещику в таком случае только лишало бы его большей части дохода. Кроме того, как уже отмечалось, многие землевладельцы отрицательно относились к предоставлению крестьянам широкой свободы переходов, опасаясь потерять рабочие руки.

Нельзя утверждать, что авторы проектов не понимали уязвимости своих предложений. Однако за исключением отвергнутой идеи явного выкупа личности никакой альтернативы у них просто не существовало. К тому же защита неприкосновенности дворянской собственности и мысль, что определение норм наделов и повинностей нужно передать в руки дворянства, оставались крайне популярными среди помещиков и обещали оппозиционерам поддержку значительной части дворянства. Характерно, что Александр II воспринял их предложения именно с этой точки зрения. На письме Паскевича он сделал известные со слов П.А.Валуева пометки, которые свидетельствовали, что усилия реформаторов по компроментации идей «аристократов» увенчались полным успехом: «Против места, где говорилось о предоставлении крестьянам права отказа от земли, Государь отметил на поле 'и тогда помещики будут сгонять их с земли и пустят ходить по миру'». Правда, стеснение свободы бывших крепостных совсем не означало в глазах самодержца ограничения их личных прав — он просто не понял предложения Паскевича, что «крестьяне должны получить личную свободу не далее как через три года», и написал на полях: «с первого дня по издании нового положения»¹³³.

Сформулировав определенную программу реформы, оппозиционеры постарались использовать все доступные средства для того, чтобы обеспечить ей поддержку и в «верхах», и в провинции: «Анти-ростовцевцы, — записал Валуев 30 декабря 1859 г., — предприняли формальную агитацию в империи, разослали агентов по губерниям, получают, как говорят, *des adresses d'adhésion* и т.п... Один генерал-адъютант (Паскевич. — И.Х.) и три флигель-адъютанта открыто дейст-

¹³³ Русская старина. 1891. № 10. С. 145–146.

вуют на свою руку наперекор и находят себе приверженцев и помощников»¹³⁴.

В конце 1859 — начале 1860 г. во многих губерниях должны были проходить дворянские выборы. Предвидя возможность оппозиционных выступлений, министерство внутренних дел разослало циркуляр, запрещающий собраниям касаться крестьянского вопроса. Несмотря на это, в целом ряде губерний были приняты более или менее оппозиционные постановления и адреса¹³⁵. Вполне закономерно, что консервативно настроенные представители высшего общества попытались воспользоваться выборами для пропаганды своих идей. Наиболее интересные данные по этому поводу есть в отношении орловского и петербургского дворянских съездов. В Орле выборы состоялись в декабре 1859 г. В местном дворянском собрании, как и в губернском комитете, позиции консерваторов были очень сильны. Не случайно именно на это собрание отправился В.П.Орлов-Давыдов.

Дебаты в собрании были достаточно бурными. С.И.Мальцов подготовил проект адреса, в котором крайне резко осуждалась правительственная политика. Губернский предводитель В.В.Апраксин, напротив, постарался смягчить оппозиционный пыл дворянства¹³⁶. Вопреки ожиданиям, Орлов-Давыдов фактически встал на сторону последнего и произнес достаточно умеренную речь. Настаивая на том, что высшему сословию следует обратить внимание не только на свои права, но и на обязанности, он заявил: «Немного времени до моего отъезда из Петербурга кто-то выдвинул следующее странное учение, будто надо выбирать между правительством и дворянством... По-моему, правительство и дворянство синонимы»¹³⁷.

Орлов-Давыдов призывал дворянство к спокойствию и взвешенности суждений. Ситуация в Петербурге к концу го-

¹³⁴ Русская старина. 1891. № 10. С. 147.

¹³⁵ См.: Emmons T. The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge University press, 1968. P. 266—290.

¹³⁶ См.: ГА РФ. Ф. 109. Секр. арх. Оп. 3. Д. 2019.

¹³⁷ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 80. Д. 19. Л. 2.

да изменилась: с середины ноября Ростовцев по болезни уже не участвовал в заседаниях РК. В это время А.Ф.Орлов передавал А.С.Меншикову слова, якобы сказанные императором в Главном комитете, что «теперь пора... заняться и положением дворян»¹³⁸. К концу декабря ожидался приезд в столицу князя А.И.Барятинского — личного друга императора, только что с триумфом завершившего военные действия на Кавказе и ставшего фельдмаршалом. Предполагалось, что Барятинский приобретет большое влияние на внутреннюю политику и в какой-то мере заменит Ростовцева. Оппозиционеры имели основание надеяться на содействие князя в проведении своей программы: аристократ по происхождению и взглядам¹³⁹, Барятинский был связан знакомством и родством со многими из них.

Использование традиционных каналов влияния обещало гораздо больший успех, чем открытый протест: столичные оппозиционеры могли еще раз в этом убедиться после истории со всеподданнейшей запиской М.А.Безобразова «О собранных депутатах от Губернских комитетов». Поданная Александру II в октябре 1859 г. через А.Е.Тимашева и В.А.Долгорукова, она вызвала сильное недовольство императора (среди ремарок царя на полях записки были такие: «вздор»; «непомерная наглость»; «надобно начать с того, чтобы его самого (автора. — И.Х.) обуздать»; «он меня вполне убедил в желании подобных ему учредить у нас олигархическое правление»¹⁴⁰). Безобразов не столько критиковал идеи реформаторов, сколько выражал свое несогласие с самим принципом, что РК и МВД правомочны разрабатывать реформы.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2538/а. Л. 74 об.

¹³⁹ Еще в мае 1856 г. князь Д.А.Оболенский записал в дневнике, что Барятинскому «приписывают какие-то нелепые понятия о необходимости восстановить у нас небывалую аристократию...». Впрочем, добавлял он, Барятинский «не в состоянии быть во главе какой-либо партии, ибо не выдержит борьбы с противниками» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 972. Л. 43—44).

¹⁴⁰ Семенов Н.П. Хроника. Т. 2. Приложения. С. 948—952.

Александр II резонно усмотрел в этом посягательство на прерогативы верховной власти: решением Главного комитета Безобразов был уволен со службы и выслан из столицы с передачей под надзор полиции. «Это грозно! Это дает вес Ростовцеву!» — записал в дневнике, узнав об этом, А.И.Артемьев¹⁴¹.

Не могли не оценить значения данного события и столичные оппозиционеры. Бескомпромиссная позиция становилась анахронизмом, настоятельной необходимостью оказывалась хотя бы видимость согласия. Именно поэтому Орлов-Давыдов привез в провинцию не только свои опубликованные памфлеты, но и копию флигель-адъютантского проекта. В начале января 1860 г. В.А.Краинский сообщал графу, что продолжает «узнавать мнения людей опытных и серьезных» об этом проекте. Его письмо является крайне ценным свидетельством отношения провинциальных помещиков к «аристократической» программе. Краинский утверждал, что все одобряют два основных положения флигель-адъютантского проекта: добровольные соглашения как единственный исход реформы и трехлетний срок, по истечении которого крестьяне должны получить право отказываться от надела и покидать имения. Вместе с тем он предлагал «развивать подробности» проекта, во-первых, ограничив возможность перехода крестьян сначала мирным округом, потом уездом и губернией. В результате право свободного передвижения бывшие крепостные получили бы только в отдаленном будущем. Во-вторых, он считал необходимым создать «банк для продажи государственных имуществ», которые «могут служить источником для выкупа крестьянских повинностей, составляющих во многих губерниях и уездах 3/4 всей стоимости дворянских имений»¹⁴². Конечно, эти поправки фактически были не уточнением, а отрицанием флигель-адъютантского проекта: они в очередной раз продемонстрировали, что отнюдь не все помещики

¹⁴¹ ОР РНБ. Ф. 37. Д. 164. Л. 124 об.

¹⁴² ОР РГБ. Ф. 219. Картон 52. Д. 43. Л. 1—2.

заинтересованы в оставлении крестьянами наделов и в отказе от правительственных гарантий их доходов.

В этом же письме Краинский упоминал о проезде через Орел на пути с Кавказа А.И.Барятинского. Возможно, именно этим случаем воспользовался С.И.Мальцов, недатированная копия письма которого фельдмаршалу сохранилась среди бумаг Орлова-Давыдова. «Вспоминая прошедшее и наши попытки еще в минувшее царствование противостоять вредному направлению правительственных двигателей, — писал Мальцов, — я должен бы быть покоен... Имев случай в последнее время сблизиться с графом Орловым-Давыдовым, я не могу не указать на него как на одного из тех, кои исторически изучили крестьянский вопрос. Впрочем, теперь не в этом одном вопросе, но вообще во всех государственных законоположениях делается столько ошибок, что предохранить от них Государя и царство можно не частною мерою или советом. Мне кажется, остается одного средство: это — если государь заменит нынешнюю комиссию составления законов — комиссией, состоящей из людей опытных, для сей цели избранных губерниями»¹⁴³.

В столицу фельдмаршал прибыл к новому году. «Наши олигархи возлагают большие надежды на его приезд», — записала в дневнике кн. Черкасская¹⁴⁴. На некоторое время Барятинский стал героем дня. Одновременно в столице распространялись слухи о безнадежном состоянии Ростовцева: «Недаром же оживлялись надежды аристократической партии, — вспоминала позже М.А.Милютин, — и граф Б[обринский] говорил Николаю Алексеевичу [Милютину]: неужели вы думаете, что мы вам дадим кончить это дело?.. Полноте, пожалуйста. Не пройдет и месяца, как вы все в трубу вылетите, а мы сядем на ваше место»¹⁴⁵. 22 января Милютин за-

¹⁴³ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 55. Д. 18. Л. 3-3 об.

¹⁴⁴ Трубецкая О. Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 131. Об этом же писал и В.А.Муханов: Русский архив. 1896. № 11. С. 335. Запись в дневнике от 30 декабря 1859 г.

¹⁴⁵ Русская старина. 1899. № 4. С. 120.

явил А.И.Артемьеву «тоном далеко не веселым»: «Видите ли, я все еще не уверен, какой исход всего дела... Яков Иванович не безнадежен, но очень-очень в опасном положении». Признаки перемены курса множились — двумя днями позже Артемьев записал: «Известный Бланк свои 'помещичьи' статейки поднес членам царской фамилии и получил благодарность от вдовствующей императрицы»; еще через день: «Фельдмаршал, говорят, признает эмансипацию несвоевременной»¹⁴⁶

По-видимому, львиная доля таких слухов распространялась самими оппозиционерами как дополнительное средство воздействия на общественное мнение. Е.А.Черкасская передавала в своем дневнике отзыв императора по этому поводу: «Поведение молодых царедворцев наконец выводит его из терпения... он хотел быть снисходительным и кротким, но что придется прибегнуть к другим мерам. Он особенно жаловался на В. и П. (Воронцова и Паскевича? — И.Х.). Они распускают свой проект, собирают подписи...»¹⁴⁷

Надежды «аристократов» на Барятинского оказались тщетными. «Князь Барятинский первым приехал к Милютину, — записал Артемьев 11 февраля. — Толковали о крестьянском деле. Милютин подал через Барятинского какую-то записку о наделе землей... Барятинского, говорят, чрез сестру (графиню О.И.Орлову-Давыдову. — И.Х.) вербовали в противники крестьянского дела, но он отказался неведением этого дела»¹⁴⁸. Позиция фельдмаршала больше всяких слухов говорила о степени влияния противников РК. Ему хватило месяца, чтобы убедиться в том, что сочувствие Александра II всецело принадлежит реформаторам, а проти-

¹⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 37. Д. 164. Л. 168 об.—170 об., 175.

¹⁴⁷ Трубецкая О. Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 131.

¹⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 37. Д. 164. Л. 183—184. Тем не менее, слухи продолжали распространяться, и уже в апреле императору пришлось опровергать сообщение, что Барятинский представил какую-то записку «о необходимости охранить неприкосновенность собственности» (РГИА. Ф. 1180. Оп. т. XV. Д. 120. Л. 108 об.)

водействие обречено на неуспех. (Нет никаких оснований объяснять отказ Барятинского поддержать оппозиционеров его убеждениями: позднее, в 1860—1870-е гг. он не раз проявлял свою солидарность с «аристократами».)

Отдавая должное проницательности Барятинского, следует отметить, что для общества непоколебимость императора была далеко не столь очевидной. События говорили скорее об обратном: назначение после смерти Ростовцева 6 февраля 1860 г. председателем РК графа В.Н.Панина как будто подтверждало желание Александра II скорректировать курс с учетом требований дворянства. «Аристократы глядели на него, — писала М.А.Милютина, — как на влиятельнейшего своего представителя и покровителя, и радости их в его назначении не было границ»¹⁴⁹.

Между тем позиция самого Панина была крайне противоречивой. С одной стороны, уже в одном из первых своих всеподданнейших докладов он попытался сместить акценты в определении целей реформы таким образом, чтобы исключить мысль о неизбежности повсеместного выкупа надельной земли, который предстал в докладе лишь как один из возможных исходов преобразования. Определение норм наделов Панин считал необходимым лишь на переходный период. Таким образом, это был не слишком замаскированный призыв вернуться к идее не регламентируемых правительством добровольных сделок, то есть именно к тому, чего хотели «аристократы». Вместе с тем программа РК в докладе не подвергалась открытой критике; Панин явно стремился продемонстрировать, что он только развивает и уточняет ее¹⁵⁰. В тот же день, когда был подан доклад, Н.А.Милютин сообщил Артемьеву, что «в настоящую пору для него (Панина. — И.Х.) имя Якова Ивановича (Ростовцева. — И.Х.) как будто нечто священное: стоит сказать: Яков Иванович предполагал вот так... и Панин говорит — А! Если так желал Яков Иванович, то нечего и рассуждать»¹⁵¹.

¹⁴⁹ Русская старина. 1899. № 4. С. 122—123.

¹⁵⁰ РГИА. Ф. 1180. Оп. Т. XV. Д. 120. Л. 3—14.

¹⁵¹ ОР РНБ. Ф. 37. Д. 164. Л. 191 об.—192.

Расчет нового председателя РК, очевидно, строился на том, чтобы добиться желаемого, получая санкцию императора на незначительные, на первый взгляд, поправки. Именно о такой возможности писал в дневнике еще в 1859 г. К.Н.Лебедев: «Один голос какого-нибудь Панина или Муравьева, извернув общее начало, упразднит или устранил все умные или хитросплетенные положения комиссии»¹⁵². Как показали дальнейшие события, такой путь борьбы со сплоченным и сознававшим важность деталей большинством РК оказался бесперспективным. Когда позднее, в апреле 1860 г., Панин попытался добиться исключения из проекта понятия о «бессрочности» пользования наделом, большинство комиссий заняло принципиальную позицию и настояло на неприемлемости такой поправки¹⁵³. Это была единственная попытка Панина реально вмешаться в определение принципиальных начал реформы. Итог конфликта был закономерен. Император оставил за собой право решить вопрос о срочности пользования в Главном комитете и председатель РК, очевидно, пришел к выводу, что выжидательная позиция выгоднее открытой конфронтации. В сентябре 1860 г. Валуев записал в дневнике: «Граф Панин отлагает до Главного комитета борьбу с редакторами — если он действительно бороться намерен — а между тем дает им волю завершить проект по их усмотрению»¹⁵⁴.

Однако к моменту поступления проектов РК в Главный комитет (10 октября 1860 г.) ситуация в очередной раз изменилась: место председателя А.Ф.Орлова занял приверженец реформы великий князь Константин Николаевич, которому удалось убедить Панина пойти на компромисс. В конечном счете председатель РК встал на сторону великого князя и его союзников¹⁵⁵.

Впрочем, и ранее, весной 1860 г., вроде бы разделяя взгляды «аристократов», Панин дистанцировался от них. 22 февраля,

¹⁵² Русская старина. 1897. № 8. С. 638.

¹⁵³ См.: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена... С. 209—211.

¹⁵⁴ Русская старина. 1891. № 11. С. 401.

¹⁵⁵ См.: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена... С. 222—223.

во время приема депутатов второго призыва¹⁵⁶, он заявил, что их предшественники «увлеклись и неосновательно укоряли» РК и призвал представителей дворянства сотрудничать с комиссиями «как бы семейно». Он также предупредил депутатов: «Известно мне, что многие из вас бывают у графа Шувалова, у которого перед выборами собираются дворяне и множество посторонних лиц; они могут иметь в предмете составление разных предположений, несогласных с началами, по которым мы работаем... а потому всякое ваше вмешательство в предположения петербургского дворянства было бы совершенно бесполезным»¹⁵⁷. Это выступление было воспринято в столичном обществе как крайне бестактное. По словам Артемьева, «члены губернских комитетов в тот же день все поехали к Шувалову». Сам же петербургский предводитель после речи Панина уже не участвовал в работе РК.

Как известно, депутаты второго призыва по сравнению со своими предшественниками проявили удивительное единодушие. В литературе данный факт обычно объясняется несколькими причинами: составом второго призыва, представлявшего в основном мало расположенное к выкупу дворянство западных и южных земледельческих губерний; надеждами депутатов на поддержку Панина, а также изменением внутривнутриполитической обстановки. Не отрицая справедливости этих выводов, следует отметить, что каждый из них может быть поставлен под сомнение. Среди депутатов были представители совершенно различных по хозяйственным условиям губерний: и густонаселенных с высоким качеством земли, и северных, и новороссийских, где остро чувствовался недостаток рабочих рук, и центральных с неплодородными почвами. Панин несомненно уделял представителям дворянства больше внимания, чем Ростовцев. Однако если депутаты рассчитывали на реальную поддержку с его стороны, то должны были бы быстро разочароваться. Ни характер, ни образ действий председателя

¹⁵⁶ 45 представителей 25-ти Губернских комитетов собрались в Петербурге в феврале 1860 г.

¹⁵⁷ Русская старина. 1899. № 4. С. 128—130.

РК не могли соответствовать ожиданиям дворянства. Как писал Артемьев, Панин «презирает всех дворян, кроме аристократов придворных, кроме себя и, пожалуй, оттрактует (так в тексте. — И.Х.) дворянские интересы так, что дворяне взвоют более, нежели выли при Ростовцеве»¹⁵⁸. «До Вас верно дошли слухи о перемене образа мыслей и убеждений графа Панина... — говорилось в одном из частных писем этого времени. — Крепостники с сожалением вспоминают о Ростовцеве; что извиняли последнему, владельцу 45 душ, того не извиняют сиятельному владельцу 14 000 душ, и притом такому, на которого вполне уповали»¹⁵⁹. Во время устных прений Панин старательно уклонялся от какого-либо выражения депутатам сочувствия. Кроме того, представители комитетов не проявили большого желания переубеждать Комиссии и активно отстаивать перед лицом реформаторов собственные взгляды. Депутаты, писал Панин в одном из всеподданнейших докладов, «вели себя очень скромно и можно сказать почти боязливо», «они весьма недовольны определением бессрочного надела и считают объяснения свои почти бесполезными при удержании такого правила»¹⁶⁰.

Объяснить солидарность депутатов, очевидно, можно, проанализировав ту программу, которую они отстаивали. Она нашла выражение в их коллективных отзывах. Сначала были составлены отзывы на доклады юридического и административного отделений РК (8 и 24 марта), затем три отзыва на доклады хозяйственного отделения (27 марта, 2 и 13 апреля). Наконец, 13 апреля помечено и «Заключительное мнение» депутатов¹⁶¹. Количество подписей разнилось (от 29

¹⁵⁸ ОР РНБ. Ф. 37. Д. 164. Л. 190.

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. 109. Секр. арх. Оп. 3. Д. 1959. Л. 29.

¹⁶⁰ РГИА. Ф. 1180. Оп. т. XV. Д. 120. Л. 179 об., 180 об.

¹⁶¹ Как сообщал во всеподданнейших докладах В.Н.Панин, административный отзыв был написан орловским депутатом Хвостовым (вспомним, что проект орловского комитета выделялся идеями о передаче местной власти помещикам), а все хозяйственно-экономические вопросы разрабатывал смоленский депутат С.С.Иванов. Ему же приписывали авторство «Заключительного мнения». (См.: РГИА. Ф. 1180. Оп. т. XV. Д. 120. Л. 74 об., 148 об.)

до 39), но не в зависимости от содержания отзывов, одинаковых по тону и смыслу, а, видимо, по случайным причинам. Значительный объем отзывов никак не отразился на их содержании: изложенные в них мысли были несложными и неоднократно повторялись, переходя со страницы на страницу. Смысл экономических выступлений депутатов сводился к знакомой уже по выступлениям «аристократов» критике РК с позиции принципа *laissez faire*. Отвергая «вмешательство правительства в частную деятельность», авторы отзывов писали: «Обязательные отношения отжили свой век. Правительственное регулирование их невозможно: необходимо совершенно отменить их. Для крестьян нужно полное освобождение; нужна полнота гражданских прав, отмена всякого недобровольного прикрепления и свобода перехода... необходима личная независимость, не связанная властью мира». Депутаты отстаивали свободный труд, свободу передвижений и договоров и отказались признать бессрочное пользование (оказавшись более последовательными, чем те «аристократы», которые такое пользование допускали). Однако в «Заключительном мнении» после всех панегириков в защиту «теории» следовало признание: «Мы хорошо понимаем, что начала свободных отношений... не могут в настоящее время восторжествовать в нашем отечестве... Противодействие им будет как со стороны остающихся поборников крепостного права, желающих сохранения его, так и со стороны приверженцев бюрократического вмешательства во все частные дела». Здесь же была сформулирована конкретная программа реформы, допускавшая меры, о которых в предыдущих отзывах не было и речи. В течение трехлетнего переходного периода помещику предоставлялось право либо вступить в добровольное соглашение с крестьянами, либо «объявить о желании продать земли на условиях правительства». Участие государства в выкупе при этом ограничивалось немедленной уплатой 5%-ми облигациями той суммы, которая будет определена посредническими оценочными комиссиями. Там, где не состоялось ни добровольного соглашения, ни выкупа, помещик должен был получить право немедленного выселения

крестьян. Таким образом, выкуп должен был стать обязательным для крестьян и государства, но добровольным для помещиков¹⁶².

Таков был итог поиска компромиссного решения, которое могло бы удовлетворить запросы всех помещиков. Эта программа была откровенно своекорыстной и столь явно противоречила упорно отстаивавшимся самими же депутатами принципам частной инициативы и личной свободы, что какие-либо аргументы в ее пользу придумать было крайне сложно. «Нельзя не удивиться, — писал Панин Александру II о «Заключительном мнении», — степени заблуждения участвовавших в ее (записки. — И.Х.) составлении и вероятно полагавших, что можно дать предпринятому делу направление, которое бы соответствовало исключительно видам землевладельцев»¹⁶³. То, каким образом депутаты пришли к подобному согласованному мнению, можно восстановить по докладам Панина. В середине марта представитель Калужского комитета кн. А.В.Оболенский сообщил ему в частном разговоре, что «пребывание в столице и здешние пересуды не остаются без влияния на депутатов». «Всего более стараются здесь внушать им теории личного освобождения без земли, — продолжал председатель РК, — и в сем отношении я признал полезным положительно заявить, что подобная мысль никогда не будет утверждена Вашим Величеством». Спустя несколько дней Оболенский уверил Панина, что многие, желавшие безземельного освобождения, «отступают уже от этой мысли». 8 апреля Панин опроверг слухи о готовности правительства пойти на уступки в вопросе о наделе в разговоре с неформальным лидером депутатов С.С.Ивановым. Тот ответил: «Тогда не остается ничего, кроме выкупа»¹⁶⁴. 13 апреля было подписано «Заключительное мнение»...

В числе депутатов второго призыва не было таких заметных деятелей, какими были Унковский, Кошелев или даже Позен.

¹⁶² Семенов Н.П. Хроника. Т. 3. Ч. 2. С. 481—488.

¹⁶³ РГИА. Ф. 1180. Оп. т. XV. Д. 120. Л. 132 об.—133.

¹⁶⁴ Там же. Л. 71 об.—72, 84 об.—85, 100—100 об.

Идеи депутатов были явно вторичными, представляя собой компиляцию мыслей, высказывавшихся Орловым-Давыдовым, Бездобразовыми, Шидловским и другими лидерами оппозиции. Попытка же перейти от общих мест к изложению конкретных мер сразу же завела депутатов в тупик. «Теория» оказалась в их отзывах совершенно отделенной от «практики», причем как-то сгладить это противоречие депутаты даже не пытались.

В целом труды депутатов второго призыва представляют интерес в качестве своеобразного «среднестатистического» свода значимых для консервативного дворянства положений. Самым характерным в этом отношении следует признать то, что депутатам показалась наиболее приемлемой та самая идеология, которая лежала и в основе выступлений многих «аристократов». Конечно, теория экономического либерализма в середине XIX века была общепринятой. Однако накануне 1861 г. только «аристократы» считали возможным безоговорочно применять ее к крестьянской реформе. В этой связи можно привести интересный эпизод. В 1859 г. в авторитетном французском журнале «Revue des deux Mondes» была опубликована серия статей «Вопрос о крепостном праве в России», в которой, в соответствии со всеми принципами экономического либерализма, отстаивалось «личное освобождение крестьян и предоставление владения землей добровольным соглашениям с помещиками». Оценивая эти статьи, авторы «Материалов для истории упразднения крепостного состояния...» В.А.Черкасский, Н.А.Милютин и Д.П.Хрущов признавали, что «с точки зрения чисто экономической и социальной такой взгляд имеет конечно научное основание. Но с ним невозможно согласить историческое происхождение в России крепостного права». Более того, по их мнению, предложения либерального французского экономиста «сопадали совершенно с желаниями и видами... так называемой аристократической партии»¹⁶⁵.

¹⁶⁵ Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование Александра II. Берлин, 1860—1862. Т. 1. С. 258—259.

Какое же конкретно воздействие оказали «аристократы» на работу депутатов второго призыва? В то время, когда депутаты трудились над составлением отзывов, в Петербурге проходили дворянские выборы, вызвавшие большой интерес столичного общества. Петербургское дворянство оказалось в особом положении по сравнению с помещиками других губерний. В начале года П.П.Шувалов ходатайствовал о разрешении обратиться к запретному для дворянских собраний других губерний крестьянскому вопросу под тем предлогом, что столичный губернский комитет завершил свою деятельность слишком рано и не смог учесть многих правительственных постановлений. В результате дворянству было позволено обсудить готовившуюся реформу «частным порядком», то есть вне официальных заседаний дворянского собрания. «С этой целью, — писал Н.А.Безобразов, — дворяне съезжались за неделю до выборов и даже во время оных»¹⁶⁶. Осудив проекты РК, они составили новые «соображения» (фактически — новый проект), которые, несмотря на их неофициальный характер, были переданы императору. Дворянство предлагало сократить до трех лет переходный период, после которого должна была быть отменена барщина, а крестьяне должны были получить право свободных переходов. При отсутствии добровольных соглашений крестьяне могли *бессрочно* пользоваться землей при условии исправной уплаты повинностей. (Повинности устанавливались бы на основе третьей оценки стоимости земли.) Годовая недоимка влекла бы отобрание участка; кроме того, каждый крестьянин мог отказаться от надела. За помещиком также признавалось право требовать выкупа полевого надела вместе с выкупом усадьбы¹⁶⁷.

Принципиальным отличием проекта от предложений депутатов второго призыва было признание бессрочности пользования, предоставлявшее крестьянам некоторое обеспечение. Следует еще раз подчеркнуть, что в программе РК

¹⁶⁶ РГИА. Ф. 1180. Оп. Т. XV. Д. 119. Л. 302.

¹⁶⁷ Там же. Л. 265—292.

принцип бессрочности имел совершенно иное значение — он должен был понуждать землевладельцев к выкупу, поскольку сочетался с принципом неизменности повинностей и фактическим, хотя и временным прикреплением крестьян к наделу. В рассмотренном же проекте, как и в проектах Бобринского, Шувалова и некоторых других, бессрочность не имела столь решающего значения. Но, даже не будучи связана с общим исходом реформы, она на деле связывала бы помещику руки, понуждая его к поиску развязки переходного периода, то есть к выкупу.

Как и в 1858 г., новый проект вызвал решительный протест со стороны некоторых дворян. Руководимые А.П.Платоновым представители Царскосельского уезда составили особое мнение. Его содержание, изложенное в архивном деле весьма кратко, позволяет тем не менее сделать интересный вывод: царскосельские дворяне отстаивали *совершенно те же самые идеи*, что и депутаты второго призыва в «Заключительном мнении». Совпадали даже детали: в обоих документах речь шла о 5% облигациях, «праве немедленного переселения» и т.п.¹⁶⁸

Трудно однозначно ответить на вопрос, кто у кого позаимствовал данную программу. По-видимому, царскосельское «Особое мнение» было составлено раньше записки депутатов. Есть основания полагать, что в составлении обоих документов принимал участие Д.Н.Шидловский. В письме Орлову-Давыдову от 18 апреля 1860 г. он упоминал о совместной работе с депутатами и выражал надежду на успех «Заключительного мнения»¹⁶⁹.

Некоторые участники петербургских выборов не удовлетворились возможностью неофициально высказать свое мнение по поводу реформы и в очередной раз попытались перевести дискуссию в политическое русло. Было составлено несколько проектов всеподданнейших адресов; наиболее резкий по тону принадлежал А.П.Платонову. Как и другие выступления Пла-

¹⁶⁸ РГИА. Ф. 1180. Оп. Т. XV. Д. 119. Л. 293—295.

¹⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 67. Д. 50. Л. 4.

тонова, он был подготовлен совместно с М.А.Безобразовым. Речь в нем шла о защите дворянских прав. Гораздо более умеренный проект адреса представил А.П.Шувалов. Его брат, губернский предводитель, попытался смягчить тон дискуссии и был поддержан В.П.Орловым-Давыдовым, который сказал в своей речи: «Если б нам было возвращено право говорить об вопросе, которого я даже не называю, я вместо того, чтобы радоваться, сожалел бы и утрашился. Я опасался бы того, как бы в таком многочисленном собрании не возбудилось по такому сложному предмету множество противных мнений... Я опасался бы, что в таком случае мы уроним настоящее знаменательное и благородное положение дворянства...»¹⁷⁰ Фактически, это было равносильно признанию того, что дворянство неспособно объединиться и что судьба преобразования находится в руках правительства.

В результате в принятом адресе о крестьянской реформе не упоминалось. Дворянство заявляло в нем лишь о желании сохранить за собой право сословного избрания в местные должности¹⁷¹. Впрочем, даже столь умеренное ходатайство вызвало недовольство императора, который, по сообщению Валуева, сказал, что «адрес ему не нравится, и что хотя в нем речь о доверии, он есть знак недоверия».

Окончание дворянских выборов и отъезд депутатов в мае 1860 г. подвели черту под попытками «аристократов» выработать собственную концепцию реформы. Вопреки их ожиданиям, какого-либо крутого перелома в подготовке преобразования не произошло. Реформаторам без труда удалось продемонстрировать, что желания дворянства противоречивы, непоследовательны, несводимы к общему основанию и потому не могут лечь в основу общегосударственных мер. «Мы их противопоставили одни другим; немного от них осталось», — сообщал Ю.Ф.Самарин Кошелеву по поводу составленных «Докладов по отзывам депутатов»¹⁷². Лидеры РК

¹⁷⁰ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 80. Д. 24. Л. 3.

¹⁷¹ См.: РГИА. Ф. 982. Оп. 1. Д. 40.

¹⁷² Трубецкая О. Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 188.

в этих докладах старались, разумеется, не слишком объективно, подчеркнуть разноречивость в депутатских мнениях, но эта пристрастность ничуть не умаляла того очевидного факта, что дворянство не смогло предложить реальной программы реформы и оказалось неспособным объединиться даже на «антибюрократической» почве. Несмотря на то что подавляющее большинство помещиков в теории отвергало вмешательство государства в их взаимоотношения с крестьянами, на практике все они так или иначе признавали, что именно государство должно гарантировать их доходы и взять на себя бремя неизбежных потерь. Возлагая ответственность за происходящее на правительство, высшее сословие не было готово разделить с ним эту ответственность и в результате оказалось обречено на пассивную роль.

Следует также отметить, что к единому мнению не смогли прийти даже немногочисленные «аристократы», для которых важнейшими были политические аспекты реформы. Постепенно убеждаясь, что интересы значительной части помещиков не могут быть соблюдены без гарантированного государством выкупа, они признали его, но в форме, заведомо неприемлемой для правительства, которому пришлось бы выплачивать суммы, фактически не участвуя в определении их величины и к тому же передавая в руки помещиков контроль за местным управлением.

3. Программа «аристократов»: смысл и содержание

В конечном счете и хозяйственно-экономические требования, и идеологические пристрастия представителей «аристократической оппозиции» оказались очень переменчивыми и гибкими, тогда как их взгляды на политические последствия реформы отличались гораздо большим постоянством и определенностью. Реформаторы выделяли в идеях «аристократов» два неизменных элемента: безземельное освобождение и «олигархическое» правление. Соответственно, в собственной программе они акцентировали прямо противоположные

цели: создание крестьянского землевладения связывалось с укреплением самодержавия. Эта тактика оказалась безошибочной и очень действенной. С другой стороны, лидеры РК, как говорилось выше, вынуждены были доводить расплывчатую программу «аристократов» до логического предела, а потому буквальное восприятие обвинений в адрес «оппозиционеров» может привести к не совсем корректной интерпретации смысла их программы.

Стоит еще раз подчеркнуть: «аристократы», как и помещики вообще, едва ли могли желать согнать крестьян с насиженных мест и лишить их последнего клочка земли. Речь шла скорее о том, чтобы не допустить положения, при котором крестьянское сословие оказалось бы в хозяйственном и в административном отношении независимым от помещиков. Но и такая задача не была самоцелью. Полагая, что если помещик потеряет контроль над местным населением, то этот контроль должен будет перейти в руки бюрократии, «аристократы» усматривали в подобной перспективе едва ли не самое опасное из возможных последствий реформы.

Превращение помещика из полновластного хозяина на своей земле в частное лицо, вынужденное со стороны наблюдать за жизнью крестьян, казалось неприемлемым подавляющему большинству дворянства. «Аристократы», как правило, шли гораздо дальше — бывший владелец крепостных должен воспользоваться их освобождением с тем, чтобы превратить власть над ними из произвола, осуждаемого общественным мнением, в залог грядущего политического влияния. Как заявил на орловских выборах Орлов-Давыдов, «дворянство может при настоящем кризисе и понизиться в своем значении, и устоять, и, наконец, подняться и улучшить свое положение»¹⁷³. Разумеется, граф имел в виду улучшение не столько экономического, сколько политического положения дворянства, под которым совсем не обязательно подразумевалась исключительно «конституция». Теория и практика чрезвычайно популярного в дворянской

¹⁷³ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 80. Д. 19. Л. 1 об.

среде англофильского направления политической мысли того времени однозначно показывали: фундамент центрального представительства должен закладываться в местном управлении. Понятно, почему все без исключения представители «аристократической оппозиции» обращали самое серьезное внимание на организацию местной власти. И если искать то общее, что объединяло их накануне 1861 г., то это будут не олигархические претензии, не требования сохранить сословный характер землевладения, даже не отрицание выкупа земли крестьянами, а признание необходимости сосредоточить местную власть в руках землевладельцев.

Представляется поэтому целесообразным остановиться на данной проблеме специально. В течение всего пореформенного периода претензии помещиков на доминирование в местной жизни неизменно ассоциировались с отстаиванием вотчинной власти и, соответственно, с крепостническими поползновениями. Но и эту оценку не стоит воспринимать буквально.

Несомненно, многим помещикам было трудно примириться с мыслью, что они уже не смогут пользоваться прежней властью над своими бывшими крепостными. При обсуждении одного из докладов РК по отзывам депутатов, в котором дворянству, отстаивавшему вотчинную власть, приписывался взгляд, «лишенный всякой исторической основы в нашем отечественном законодательстве и очевидно развившийся под влиянием... германских феодальных теорий», В.Н.Панин точно определил истинные побуждения части дворянства: «Тут проще — помещики пользовались искони правом распоряжения в своих имениях и так или не так думают сохранить это право»¹⁷⁴.

Другие помещики относились к вотчинной власти более прагматично, воспринимая ее как необходимую принадлежность переходного периода, как единственное средство заставить крестьян исправно отбывать повинности. Подобным было, например, мнение М.П.Позена. Выступая против волости

¹⁷⁴ Семенов Н.П. Хроника. Т. 3. Ч. 2. С. 59.

как чисто бюрократической инстанции, не видя большой пользы и от мирового суда, он настаивал на сохранении сильного и непосредственного влияния помещика на общество в течение срочнообязанного периода (по истечении его помещик должен был утрачивать все права)¹⁷⁵. Позена беспокоило не политическое будущее поместного дворянства, а реальная возможность контролировать ход реформы.

Часто тот и другой подходы сочетались, но в обоих случаях требования помещиков могли не иметь никакого политического подтекста. Характерно, что в губернских комитетах вопрос о сущности и пределах власти помещиков не вызвал заметных споров. Первоначальная правительственная программа, которой руководствовались комитеты, признавала за помещиком «право вотчинной полиции», и авторы большинства проектов присваивали помещику как начальнику общества более или менее широкие права. Часто составители проектов не считали даже нужным обосновывать казавшиеся очевидными полномочия помещиков¹⁷⁶.

Когда 4 декабря 1859 г. правительство утвердило новую формулу отношений сторон («Власть над личностью крестьянина... сосредотачивается в мире и его избранных. Помещик должен иметь дело только с миром, не касаясь личностей»), РК получили легальную возможность не принимать во внимание проекты комитетов¹⁷⁷.

С весны 1859 г. новая система местного управления разрабатывалась параллельно двумя органами — бюрократической комиссией при МВД по устройству губернских и уездных учреждений и административным отделением Редакционных комиссий. В компетенцию последнего входило лишь устройство крестьянского самоуправления и отношений поме-

¹⁷⁵ Бумаги по крестьянскому делу М.П.Позена. С. 201—204, 279—283; Отзывы. Т. 1. С. 808—809.

¹⁷⁶ Помещик признавался начальником общества в 44 проектах (в том числе в 9 проектах комитетских меньшинств).

¹⁷⁷ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1. С. 299.

щика к сельскому обществу; собственно же администрацией занималась министерская комиссия. Такое разделение функций имело в планах либеральной бюрократии вполне определенный смысл: изъять из сферы обсуждения дворянством общие проблемы организации власти. Вопрос о правах помещиков в местной жизни оказался в результате оторванным от перестройки всей административной системы, что давало возможность интерпретировать его как частную проблему отношений помещика к его бывшим крепостным. Их права ограничивались пределами имения; «общее влияние» дворянства на крестьян в докладах административного отделения даже не обсуждалось. При этом РК пошли на компромисс, сохранив некоторые остатки помещичьей власти на время существования барщины (право требовать смены старосты, приостанавливать выдачу паспортов, отсылать в волость для наказания за нерадение в барщинных работах). Но такого рода права ограждали лишь частные интересы помещиков¹⁷⁸.

Вопрос, стоит ли разрешить помещику подвергать крестьян телесным наказаниям, вызвал в Общем присутствии РК бурную дискуссию. Решающий голос «за» после некоторых колебаний подал Н.А.Милютин. Это обсуждение проходило в январе 1860 г., то есть именно в то время, когда в многочисленных проектах «аристократов» отстаивалась мысль, что единственным обеспечением повинностей должна быть наделенная земля. Позже Милютин объяснял свое решение А.И.Артемьеву таким образом: «Большинство голосов склонялось на Остзейское Положение, то есть на право помещика отнимать у крестьян землю; дело чуть было не кончилось так... Видя совершенное равенство голосов за розгу и за отнятие земли, я, признаюсь, счел за лучшее пожертвовать на несколько лет задницей крестьян...»¹⁷⁹.

Этот эпизод, на мой взгляд, очень показателен. Логика отстаивавшихся мер подводила «аристократов» к отказу от па-

¹⁷⁸ Семенов Н.П. Хроника. Т. 2. С. 539–555; Т. 3. Ч. 2. С. 62–67.

¹⁷⁹ ОР РНБ. Ф. 37. Д. 164. Л. 174–174 об.

тримониальной власти в прежних формах. Напротив, РК вынуждены были признать сохранение некоторых элементов такой власти, но делали это, понимая, что эта уступка носит временный характер. Защита вотчинной власти вела в тупик: как бы ни совершилось освобождение крестьян, такая власть могла восприниматься только как отмирающий пережиток крепостного права. Неудивительно, что многие оппозиционеры признавали, что «нет никакой возможности допустить начальство помещика *как помещика* над обществом людей, получивших гражданскую свободу»¹⁸⁰, тем более, что такая возможность была безусловно отвергнута правительством. Соответственно, речь шла уже не о сохранении в известных пределах прежней помещичьей власти, а о создании совершенно новой системы местного управления. Возникла необходимость определить, на каких основаниях (иных, чем «суверенитет вотчинника») поместное дворянство должно потеснить или даже заместить в этой системе бюрократию. В первую очередь необходимо было, не ограничиваясь отношениями данного помещика с его бывшими крепостными, создать новую территориальную единицу, которая в перспективе включила бы в себя местных жителей всех сословий.

Уже некоторые проекты губернских комитетов отвергали саму идею вотчинной власти, оценивая ее как произвол, несовместимый с освобождением крестьян; при этом часто подчеркивалось, что помещики и не в состоянии были бы ее осуществить. Авторы этих проектов настаивали на передаче власти *всему дворянскому сословию* с немедленным преобразованием административной системы на либеральных началах (разделение властей, хозяйственное самоуправление и т.д.). В то же время проектировались должности волостных начальников (Саратовский комитет), волостных попечителей (Тверской комитет), волостных предводителей (второе меньшинство Владимирского комитета), окружных мировых судей (Воронежский и Рязанский комитеты), приходских судей (мень-

¹⁸⁰ Выражение В.В.Апраксина. РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 450. Л. 18.

шинство Новгородского комитета), уполномоченных от владельцев (Харьковский комитет).

Особенно активно требовали создания «всословных» учреждений «либеральные» депутаты первого призыва, которые обычно отстаивали разделение властей уже на уровне волости и лишали предполагаемого «попечителя» крестьян полицейской власти и влияния на суд. В его руках (как председателя сословного волостного общества) оставлялась лишь хозяйственно-распорядительная власть¹⁸¹. Однако их идеи не могли не иметь отчетливого сословно-дворянского оттенка: «попечительство», если отрицать плодотворность бюрократического вмешательства в местные дела, неизбежно должно было оказаться в руках дворян-помещиков. Эта заложенная в либеральной программе особенность и сделала возможным восприятие идеи в среде совсем не либерального дворянства.

В результате «мировые судьи» или «волостные попечители» с широкими полномочиями административно-полицейского, судебного и посреднического характера присутствовали во многих проектах «аристократов». Конечно, поскольку речь шла о безвозмездной службе, предполагалось, что эти должности займут влиятельные крупные землевладельцы.

И для либерального дворянства, и для «аристократов» важен был политический смысл отстаивавшейся организации местной власти. Но идеологическая направленность предложений тех и других была различной. Либералы желали создать свободную от бюрократического вмешательства систему самоуправления, в которой в *перспективе* сословные и культурные различия должны были стираться, а отношения «высших» и «низших» сословий — строиться на основе «сотрудничества». Крестьянское землевладение и общинное са-

¹⁸¹ Проекты Харьковских депутатов Д.А.Хруцова и А.И.Шретера, Владимирского — И.С.Безобразова (Отзывы. Т. 1. С. 237—252; т. 2. С. 804—819). Оба проекта — пожалуй, первый пример воплощения «мелкой земской единицы» — излюбленного детища либеральных земцев 80—90-х гг.

моуправление не казались им препятствием, напротив, обязательный и единовременный выкуп воспринимался как необходимое условие достижения этих задач. Целью же «аристократов» было, по точному выражению В.А.Черкасского, «создание аристократии политической»¹⁸².

Независимое от помещика крестьянское самоуправление, противостоящая ему поземельная община воспринимались «аристократами» как не менее значимая помеха, чем «бюрократическая власть». Более или менее выраженное неприятие общины было столь же характерно для их идей, как и требование передать в руки дворянства власть на местах. Тот факт, что часть дворянства решительно выступала против общины, не получил убедительного объяснения в литературе.

«Аристократы» (и традиционалисты, и западники) в основном отвергали общинное *землепользование* как пагубное для сельского хозяйства. При этом некоторые из них признавали, что в отличие от хозяйственной общины административное общество имеет право на существование, если оно будет поставлено под контроль помещика. Безобразовы и А.П.Платонов развивали соответствующие идеи еще до того, как стало ясно, что РК стремятся изолировать общину от землевладельца и предоставить ей значительную самостоятельность в решении внутренних дел. Позднее, особенно в 1860 г., община стала отвергаться и ими, причем не только по экономическим (что логично сочеталось бы с отстаиванием принципов экономического либерализма), но и по политическим соображениям. В этом отношении характерна позиция депутатов второго призыва: «Мы с трудом можем вообразить, — писали они в «Отзыве на доклады административного отделения» РК, — нынешнее крепостное народонаселение России, распределенное на 10 тысяч каких-то республик, с избранным от сохи начальством, которое вступает в отправление должностей по воле народа, не нуждаясь ни в чьем утверждении... Устранение консервативного элемента частной собственности вводит в русскую жизнь такой край-

¹⁸² Трубецкая О. Указ. соч. Т.1. Кн. 2. С. 30.

ний демократический принцип, который несовместим с сильной властью»¹⁸³.

Требование, чтобы ответственность за повинности лежала на земле, в конечном счете также было направлено против общины. С чисто хозяйственной точки зрения, помещику, по крайней мере в переходный период, гораздо удобнее было иметь дело с миром, при наличии круговой поруки. Единственным экономическим мотивом выступлений против общины могло быть желание вернуть себе землю. Вероятно, на это действительно рассчитывали помещики некоторых густонаселенных районов. Многие же «аристократы» не проявляли большой заинтересованности в том, чтобы самим вести хозяйство на отобранных у крестьян землях. Так, по проектам П.П.Шувалова и А.П.Бобринского, эти земли просто передавались бы исправным плательщикам и только при отсутствии желающих возвращались бы помещику.

Резкие выступления против общины находились в самой непосредственной связи с идеями о создании сильного и властного слоя поземельных собственников. Распространив свое влияние на местное население, они естественным путем стали бы доминировать и в государственном управлении в целом. «Мы видим в других странах, что где собственникам предоставлена широкая доля участия в управлении, чиновничество исчезает», — утверждал Орлов-Давыдов в «Письме» Ростовцеву¹⁸⁴.

4. Оппозиция проекту Редакционных комиссий в Главном комитете

Несмотря на все усилия «аристократов», к середине 1860 г. стало достаточно очевидно, что как и на самых первых этапах разработки реформы, они должны полагаться на содействие сановников — членов Главного комитета и Государственного Совета. Процесс прохождения проектов РК через

¹⁸³ Отзывы. Т. 3. Кн. 1. С. 162—163.

¹⁸⁴ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 80. Д. 14. Л. 32 об.

эти учреждения достаточно подробно рассмотрен в работах Л.Г.Захаровой и Д.Филда¹⁸⁵. Остановлюсь лишь на одном из аспектов данной темы: на том, как отразились идеи «аристократов» в предложениях той части сановников, которая проявила свое несогласие с программой РК.

В Главном комитете оппозицию этой программе составили, с одной стороны, П.П.Гагарин, а с другой — В.А.Долгоруков, М.Н.Муравьев и А.М.Княжевич. Важную роль в составлении контрпрограммы, которую защищали последние, сыграл П.А.Валуев, бывший в то время одним из ближайших сотрудников Муравьева по министерству государственных имуществ. В 1868 г. он так оценивал обстоятельства своего участия и смысл предложений трех членов комитета: «Этот проект... отличался от проекта большинства преимущественно в отношении к норме наделов и повинностей (для точного определения которых предполагалось воспользоваться содействием губернских присутствий) и к учреждению волостных попечительств. Третьим видом мнений в Главном комитете были предположения кн. Гагарина, более радикально уклонявшиеся от проекта большинства. В публике мало верили в успех этих предположений. Приведение [в исполнение] мнения трех членов многие признавали не невозможным, потому что князь Долгоруков был человеком, особенно близким к государю. Но сторонники проекта большинства с громкой и непоколебимой уверенностью предсказывали, что он будет утвержден без всяких существенных изменений... При составлении проекта трех членов работа лежала на мне. Разрешение возникавших вопросов и установление главных начал окончательно принадлежали князю Долгорукову. Ген. Муравьев много говорил, но безусловно и даже низкопоклонно ему подчинялся. А.М.Княжевич был третьим для счета. Я не видел его ни одного раза... Меня озабочивали преимущественно два опасения: упадок производительности от излишней величины наделов... и совершенное улечение

¹⁸⁵ См.: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена... С. 221–231; Field D. *Op. cit.* P. 344–358.

прежних территориальных делений, утрата понятия об имении как о территориальной единице... Эти опасения... подали мне мысль предложить учреждение 'волостелей' или волостных попечителей...»¹⁸⁶

В предложениях трех членов выделялись, таким образом, три важных элемента: уменьшение надела; участие дворянства в определении норм наделов и повинностей; расширение властных функций помещиков¹⁸⁷. По сравнению с мнением П.П.Гагарина этот проект имел явно компромиссный характер, поскольку программа РК открыто в нем не отвергалась. Вместе с тем нельзя не согласиться с выводом Л.Г.Захаровой, что отказ от принципа сохранения существующих наделов «фактически перечеркивал весь труд Редакционных Комиссий»¹⁸⁸. Однако позиция Муравьева и Долгорукова была очень противоречивой: сознавая, что им не удастся ни полностью передать в руки дворянства определение размера наделов, ни тем более провести идею добровольных соглашений, им пришлось признать, что размер надела (пусть уменьшенного) должен быть установлен центральной властью. При этом они были вынуждены опираться на определенные РК нормы, которые сами же признавали произвольными. Перенеся спор на почву *количественных* параметров реформы, авторы контрпроекта поставили себя в крайне невыгодное положение, так как оказалось, что «принципиальные» аргументы о защите прав собственности в таком случае неприменимы, а их самих можно обвинить одновременно и в произвольном распоряжении дворянским имуществом, и в нежелании обеспечить крестьян достаточным количеством земли. «Муравьев называет Редакционные комиссии грабителями, —

¹⁸⁶ Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. М., 1961. С. 311—312. Ср.: РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 111. Л. 129—135 об. Записка Валуева «Общие черты предложений кн. Долгорукова и г[енерал]-а[дъютанта] Муравьева». 22 января 1861 г.

¹⁸⁷ См.: Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Пг., 1915. Т. 2. С. 88—93, 130—139; Приложения к журналу Главного комитета по крестьянскому делу. Пг., 1915. С. 166—217, 349—354, 403—405, 451—458.

¹⁸⁸ Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена... С. 225.

утверждал Валуев, — распространяется о святости прав собственности помещиков... Но как скоро ему напомнят о Государе... он сам начинает распоряжаться цифрами наделов еще бесцеремоннее». Чуть позднее он же писал, что действия Муравьева и Долгорукова определялись «желанием подделаться под предполагаемые воззрения Государя»: «Они для исправления проекта 'грабительствующих', по их мнению, комиссий, готовы грабительствовать более их и обратить крайний предел эластичных норм комиссий в твердую обязательную норму... И все это при продолжении толков о системе, из которой ничего не остается на практике, коль скоро устраняется основная идея минимума, ибо без этого минимума не может быть повода и побуждения к добровольным соглашениям...»¹⁸⁹

Из оценок Валуева становится понятно, что он сам считал правильным. Если признается невозможным отказаться от принципа обязательного наделения крестьян землей, то следует сделать *обязательный* надел настолько минимальным, чтобы *de facto* отношения крестьян с помещиками строились все-таки на «добровольных» основаниях. Оставалось неясным, как быть с теми помещиками, которые захотели бы получить правительственные гарантии при продаже как можно *большого* количества малоценной земли. Поскольку ответа на этот вопрос Валуев не давал, то можно утверждать, что в его позиции проявилось столь характерное для идей «аристократов» противоречие — невозможность учесть желания значительной части дворянства, стремившейся не сократить, а расширить участие государства в выкупе.

В еще большей степени это противоречие обнаружилось в предложениях П.П.Гагарина. В вопросе о наделе он выступал за то, чтобы сохранить на переходное время *status quo*, а затем перейти к добровольным соглашениям¹⁹⁰, то есть на про-

¹⁸⁹ Русская старина. 1891. № 11. С. 418—419.

¹⁹⁰ См.: 1857—1861. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994. С.278; Приложения к журналу... С. 255—278, 294—300.

грамме, которую отстаивали многие губернские комитеты и от которой отказалось большинство депутатов, осознавших, что ни временная консервация прежних отношений, ни добровольные сделки не соответствуют их экономическим интересам¹⁹¹. Анахронизм этой программы заключался не только в том, что к тому моменту ее не поддерживало само дворянство. Возросшее социальное напряжение в деревне, ожидание и крестьянами, и «образованным обществом» решительных мер от правительства — все это делало нереальным столь явный поворот назад. В октябре 1860 г. П.А.Валуев записал в дневнике после беседы со смоленским предводителем дворянства, бывшим депутатом второго призыва С.С.Ивановым и своим сослуживцем Д.Д.Нееловым: «Их мнение, что нельзя ожидать успеха от добровольных соглашений, что однако же правильная развязка возможна только путем добровольных соглашений, и что посему нужен переходный период. Следовательно, нельзя узаконять окончательно ни надела... ни повинностей. Быть может так, но возможно ли подобное разрешение вопроса после всего того, что сделано и сбылось с 1857 по 1860 годы».

Интересно, что В.А.Долгоруков, также первоначально желавший, «чтобы дело было обращено вспять к тому моменту, на котором оно находилось при издании Позеновской программы весной 1858 г.»¹⁹², в конечном итоге должен был примириться с невозможностью этого, проявив, как и Валуев, более трезвое понимание общественно-политической ситуации.

Постоянные колебания Муравьева и Долгорукова между желаемым и возможным в определении основополагающих принципов реформы проявились также при обсуждении администра-

¹⁹¹ В отношении организации местной власти Гагарин также предлагал фактически законсервировать существующий порядок. Он выступил против организации волостных учреждений, предложил сильно сократить компетенцию мировых посредников и, соответственно, «на первое время сохранить за помещиком прежнюю власть, ограничив ее» (Журналы... Т. 2. С. 35—42, 72—73).

¹⁹² Русская старина. 1891. № 11. С. 412.

тивных полномочий землевладельцев и организации местной власти. Настаивать на сохранении за помещиками прежней власти (с некоторыми неизбежными ограничениями), как это делал П.П.Гагарин, значило войти в явный конфликт с предложениями РК. Кроме того, эта власть, как отмечалось выше, ограничивалась бы пределами имения и оказалась бы изолированной от административной системы в целом. К середине 1860 г. в дворянской среде было разработано значительное количество разнообразных проектов реорганизации местного управления, некоторые из которых не могли не быть известны Муравьеву, Долгорукову и Валуеву. В архивном фонде М.Н.Муравьева хранится интересный документ, подтверждающий, что еще летом 1860 г. министр государственных имуществ проявлял пристальное внимание к этим проектам. Это записка Муравьева «О возможности и необходимости соединить со временем в одно все управления сельскими свободными обывателями» (август 1860 г.). В ней вопрос о преобразовании губернской администрации ставился в связь с организацией непосредственного управления крестьянами и с «установлением прав дворянства». Министр государственных имуществ предлагал уничтожить волость и поставить крестьянское самоуправление под контроль мировых судей с административными правами. «Правительство может быть твердо, — писал он, — когда в действиях оно будут участвовать люди, знающие местные потребности... Теперешнее управление... исправить нельзя, но надобно изменить в основаниях, введя новый свежий элемент управления общего мнения и с тем вместе некоторое сословное участие... Государство монархическое не может обойтись без допущения некоторых аристократических родовых начал... Но главный вопрос, как теперь очистить так называемое дворянство от плевел; как восстановить достоинство сего высшего сословия»¹⁹³.

¹⁹³ ГА РФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 33. Л. 3—9 об. Эта записка составлялась в Эмсе, где Муравьев проводил тем летом свой отпуск. Судя по его письмам из-за границы к А.А.Зеленому, там он основательно знакомился с трудами губернских комитетов. См.: Голос минувшего. 1914. № 11. С. 227.

Неизвестно, дал ли Муравьев какой-либо ход своей записке. Однако осенью того же года, во время разработки контр-проекта на труды РК, к близким мыслям пришел также П.А.Валуев. В небольшой записке «Ряд предположений по вопросу об устройстве сельских обществ и учреждению вотчинной полиции» он делал вывод, что если ограничиться упразднением волостей, то между сельскими обществами «не устанавливается административной связи в форме сословного управления», и предлагал создать «устройство крестьянского управления, сходное с предполагающимся волостным, но прямо подведомое и подчиненное вотчиннику»¹⁹⁴. В другой записке Валуев развивал свои предложения, стараясь сблизить их с программой РК. Речь в ней шла уже о *волостеле*, который, «не составляет инстанции» и «призван быть помощником мирового посредника».

Валуев имел в виду еще несколько вариантов вотчинно-полицейской власти: от упразднения волостей и полновластия помещика в пределах имения (к чему, по-видимому, склонялся В.А.Долгоруков) до «некоторого лишь расширения прав попечительства» по сравнению с проектом РК. Однако сам он, как и значительная часть дворянства, стоял за создание новой территориальной единицы и за передачу волостелям определенных административных полномочий¹⁹⁵. Таким образом помещики, не становясь частью бюрократического аппарата, получали бы в свои руки реальную власть, которая в перспективе должна была распространиться на все категории населения. «Мнение трех членов» отразило именно эту точку зрения, обращенную не в прошлое, а в будущее¹⁹⁶.

Главный комитет отверг это мнение, утвердив проект РК. Однако в Государственном Совете благодаря настойчивым

¹⁹⁴ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 111. Л. 124—125 об.

¹⁹⁵ Там же. Л. 109—118.

¹⁹⁶ Волостели должны были избираться из числа местных землевладельцев (пассивный ценз — 500 дес., активный — 150), исполнять должность безвозмездно и при этом никому не подчиняться (см.: Журналы... Т. 2. С. 88—93; Приложения к журналу... С. 62—65).

требованиям сторонников расширения прав помещиков соответствующие статьи закона были скорректированы¹⁹⁷. «Помещику, — говорилось в утвержденном тексте Положений, — предоставляется... вотчинная полиция в сельском обществе временнообязанных крестьян, на земле его поселенных, и с сим вместе помещик есть попечитель того сельского общества»¹⁹⁸. Это изменение не затронуло сути предложений РК. В результате созданная система местной власти фактически лишала поместное дворянство возможности контролировать крестьянское самоуправление. Не была образована и территориальная единица, в рамках которой землевладельцы могли бы утверждать свое влияние на окружающее население.

Таким образом, можно утверждать, что в вопросе об организации местной власти «Мнение трех членов» отражало некоторые идеи, характерные для «аристократической оппозиции». Есть также основания полагать, что Муравьев и Долгоруков первоначально хотели настаивать на более радикальном пересмотре проектов РК, однако затем вынуждены были отказаться от своих намерений. И хотя принципиальных изменений в готовившемся законе добиться им не удалось, во многом под давлением их мнения Главный комитет допустил уменьшение наделов и увеличение повинностей.

В Государственном Совете оппозиция проектам РК оказалась более многочисленной, и окончательный исход реформы определила принципиальность императора, утвердившего по всем ключевым вопросам мнение меньшинства¹⁹⁹.

В результате вклад недовольных реформаторской программой сановников в корректировку проектов ограничился,

¹⁹⁷ ОР РНБ. Ф. 287. Ед. хр. 102. Л. 1.

¹⁹⁸ Положения 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. М., 1916. С. 42. Статья 148 Общего положения. В первоначальной редакции вотчинная полиция не упоминалась. См.: Материалы Редакционных комиссий... Первое изд. Ч. XVIII. С. 63—67.

¹⁹⁹ См.: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена... С. 227—228.

помимо уменьшения норм наделов, лишь положением о «дарственном» («четвертном») наделе, которое было принято Государственным Советом по предложению П.П.Гагарина.

* * *

Едва ли нуждается в доказательствах тот факт, что крестьянская реформа решающим образом сказалась на судьбе высшего сословия. Многие его консервативно настроенные представители и спустя десятилетия возвращались к ней как к своеобразной точке отсчета, считая, что принятие Положений 19 февраля было равносильно вынесению помещику дворянству смертного приговора.

В 1883 г. известный публицист Р.А.Фадеев в письме к своему близкому знакомому, министру двора графу И.И.Воронцову-Дашкову, усматривал причину бедственного положения страны в том, «что освобождение крепостных... разбило в корень государственный строй, основанный Петром Великим, в котором главный фактор состоял из властного помещицкого дворянства, связывавшего правительство с землею, а казенная бюрократия служила только орудием для направления дворянства и народа через дворянство во всех видах деятельности; что с тех пор, как помещицкое дворянство было растолчено в порошок, уцелев разве в гербовниках, а правительство, утратив главный фактор прежней силы, осталось при одной бюрократии, практическая связь его с землею порвалась, а власть лишилась возможности что-нибудь направлять, сдерживать и даже отчетливо понимать в общественной жизни»²⁰⁰.

Под словами Фадеева могли бы подписаться многие из представителей консервативного дворянства, чьи взгляды и деятельность в 1857–60 гг. были проанализированы выше. Рассмотренный материал позволяет утверждать, что для тех, кого общественное мнение уже накануне 1861 г. относи-

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3353. Л. 5–5 об. Цитирую по неподписанной копии, находящейся в фонде Шуваловых. В копии из РГИА (Ф. 919. Оп. 2. Д. 543) автор указан.

ло к «аристократической» оппозиции реформе, важнейшими были именно политические последствия эмансипации. Отмена крепостного права, в их представлении, должна была способствовать росту политического влияния помещиков в государстве и в обществе, а основой этого влияния должна была стать земельная собственность вкупе с доминированием землевладельцев в местной жизни. Отвергалось все, что могло препятствовать этому, будь то чиновничий аппарат или крестьянская община.

Однако в отличие от «либерального» дворянства, которое выступало за обязательный выкуп крестьянами земли при активном участии правительства, «аристократы» усматривали в таком исходе реформы угрозу социально-политическому значению поместного дворянства. Вмешательство государства во взаимоотношения сторон, по их мнению, должно было быть сведено к минимуму. Именно эта сторона их программы предопределила несочувствие к ней большинства помещиков, требовавших, чтобы государство гарантировало им возмещение возможных материальных потерь и возлагавших на него всю ответственность за последствия реформы.

Важно подчеркнуть: «аристократы» совсем не желали вернуться к порядкам николаевского царствования; если их идеи и были реакционными, то это не была пассивная реакция, не приемлющая перемен. Идеологическая ориентация — традиционалистская или западническая — не сказывалась на принципиальном содержании их идей. Различия в убеждениях определялись скорее тем, насколько далеко тот или иной деятель готов был пойти, с одной стороны, в уступках реформаторской программе и общественному мнению, а с другой — в отстаивании собственных взглядов. Так, идеи западника Орлова-Давыдова оказались ближе к представлениям традиционалистов и крепостников Безобразовых, чем к взглядам англомана П.П.Шувалова.

Как и дворянство в целом, «аристократы» оказались разобщенными, не имели ясного сознания того, какие конкретные пути ведут к достижению желаемого, постоянно колеба-

лись, то фрондируя, то демонстрируя покорность, искали поддержку то в верхах, то в дворянской массе и т. д. Вплоть до рассмотрения Положений в Государственном Совете многие представители «оппозиции» питали надежду, что программа РК не будет полностью реализована, что в нее могут быть внесены принципиальные изменения, и ощущение непредопределенности реформы также не способствовало консолидации их рядов. Тем не менее очень многие из тех мотивов и мыслей, которые консервативное дворянство развивало и отстаивало на протяжении всего пореформенного периода, прозвучали уже в 1858—1860 гг.

ГЛАВА II
ОППОЗИЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ
ДВОРЯНСТВА, ПРАВИТЕЛЬСТВО
И ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ
«КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ»
1861—1869 гг.

Конфликт между поместным дворянством и реформаторами, которые разрабатывали Положение 19 февраля, разумеется, не сводился к борьбе противников и сторонников отмены крепостного права, а имел гораздо более общие основания. Неслучайно он актуализировался преимущественно в спорах о том, в какой мере государство может и должно контролировать социальные отношения и действовать по принципу *tout pour peuple, rien par peuple*¹.

В этом контексте приобретал особое значение тот факт, что в ходе подготовки реформы в полной мере проявились разобщенность «высшего сословия», отсутствие в его среде устойчивых корпоративных традиций, сплотившись на почве которых дворянство могло бы противопоставить представлению об инициативной роли правительства собственную политическую волю. Реформаторы имели возможность нейтрализовать обвинение в нежелании считаться с мнением дворянства указанием на то, что оно само не способно осознать свои цели и интересы и не может трезво оценить про-

¹ «Все для народа, ничего посредством народа». Этим девизом Наполеона III Н.А.Милютин заключил свою беседу с П.Д.Стремоуховым в 1859 г. «Никогда, — сказал он, — никогда, пока я стою у власти, я не допущу каких бы то ни было притязаний дворянства на роль инициаторов в делах, касающихся интересов и нужд всего народа. Забота о них принадлежит правительству; ему и только ему одному принадлежит и всякий почин в каких бы то ни было реформах на благо страны» (Русская старина. 1900. № 4. С. 143).

исходящее. В 1862 г. Н.А.Милютин отвечал французскому публицисту Э.Жирардену, заметившему, что реформа разорила русское дворянство и «гильотинировала» права собственности: «Лучше потерять несколько десятин земли, чем сложить голову на плахе... русское правительство, имея пример французский перед собой, нашло разумным им воспользоваться, чтоб оградить для будущего то самое дворянство, которое ныне кричит и жалуется...»².

Понятно, что для той части дворянства, которая претендовала на самостоятельную роль в общественной жизни (в том числе и для тех, кто составлял в 1857—1860 гг. так называемую «аристократическую оппозицию»), самой насущной становилась необходимость сформировать и отстаивать «общее мнение» сословия, избежав при этом возможных упреков в эгоистических побуждениях. Успех или неудача на этом поприще находились в непосредственной зависимости от того, какую позицию претенденты на лидерство займут по наиболее актуальным для помещиков вопросам; будут ли их идеи отражать настроения большинства дворян.

1. Дворянские собрания 1861—1862 гг о последствиях крестьянской реформы и будущем «высшего сословия»

Наиболее острыми для помещиков в первые годы после отмены крепостного права были проблемы, связанные с реализацией реформы и перестройкой хозяйств в новых условиях. Почти всеобщая оппозиционность «высшего сословия» в это время обуславливалась в первую очередь недовольством условиями и ходом реформы. Многочисленные трудности в устройстве отношений с бывшими крепостными, их повсеместное пассивное, а порой и прямое сопротивление, нежелание заключать сделки с помещиками в ожидании «истинной воли», слабость полицейской власти на местах, ликвидация государственной кредитной системы, деятельность мировых по-

² Цит. по: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена.... С. 230—231.

средников, которые воспринимались как правительственные агенты, наделенные почти неограниченной властью, — все это вызывало объяснимое раздражение помещиков. А поскольку при разработке Положений интересы дворянства, по общему мнению, игнорировались, то ответственность за реальные или ожидаемые трудности всецело возлагалась на ненавистную «бюрократию».

Сословные же собрания предоставляли дворянству единственную легальную возможность выразить претензии к правительству в форме не разрозненных частных мнений, а солидарной позиции сословия. Правительство было готово к подобной реакции и постаралось ввести в заданные рамки ожидавшиеся бурные протесты помещиков или хотя бы отчасти направить энергию дворянства в безопасное русло. В 1861—62 гг. дворянские съезды должны были состояться в более чем двадцати губерниях. Перед открытием первых из них министерством внутренних дел были сформулированы пять вопросов, предложенных к обсуждению дворянству. Два из них (о пересмотре устава о службе по выборам и об управлении земскими повинностями) имели непосредственное отношение к проблеме будущего «высшего сословия» и его участия в местном управлении; еще один касался чрезвычайно актуальной для землевладельцев проблемы поземельного кредита. Правительство позаботилось и о том, чтобы выборы не продлились дольше ограниченного законом срока³.

Готовились к выборам и те, кто в ходе подготовки крестьянской реформы находились в оппозиции к Редакционным Комиссиям. При этом каждый из них, как и прежде, по-своему оценивал, насколько далеко должно пойти дворянство в выражении своего протеста и чего конкретно может оно потребовать от правительства. Наиболее непримиримую позицию занял Н.А.Безобразов, который и после принятия Положений отрицал их правомерность и настаивал на возврате к обсуждению основных принципов реформы. Готовясь к поезд-

³ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 155. Л. 83—83 об.; ф. 982. Оп. 1. Д. 46. Л. 1—2.

ке на московские выборы, Безобразов позаботился о том, чтобы его идеи были рассмотрены и в других губерниях. В Пскове подготовленная им записка была представлена А.Д.Бизюкиным, в Петербурге Безобразов, опасаясь не успеть к дворянскому собранию из Москвы, уполномочил на это А.П.Платонова⁴.

Московские дворяне еще за несколько месяцев до съезда готовили проекты всеподданнейших адресов, в которых говорилось, что помещики оказались в критическом положении и необходимо принятие срочных мер. В.П.Орлов-Давыдов в ответ на неоднократные призывы назначенного министром внутренних дел П.А.Валуева к умеренности представил ему записку, в которой «выговорил ясно, что дворянство перейдет на сторону красных (то есть окажется в непримиримой оппозиции. — И.Х.), если правительство не завербует его на свою сторону»⁵. Как и прежде, ключевым для него оставался вопрос о политических последствиях реформы, а точнее — выкупа крестьянами земли. Условия преобразования, писал Орлов-Давыдов, таковы, что развитие собственных хозяйств невыгодно для помещиков. Нельзя ожидать, чтобы «дворянство пустилось в убыточное обрабатывание земли посреди населения, противостоящего его влиянию... Никто не говорит, что большие владельцы разорятся... У них будут деньги взамен земель. Но они сами осуждены быть ненужными потребителями... Без политического знамени, без влияния на государственные дела... дворянство поневоле впадает в скептицизм на счет собственного достоинства»⁶.

Записка писалась в то время, когда большинство помещиков, в том числе и крупных, все больше склонялось к выводу о неизбежности скорейшей отдачи земли на выкуп, полагая, как формулировал С.И.Мальцов, что «лучше получить от каз-

⁴ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1862 г. Д. 33. Ч. 2. Л. 1—1 об.; ОР РНБ. Ф. 124. Д. 365. Л.1—2.

⁵ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 5. С. 177.

⁶ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 85. Д. 21. Л. 56—56 об.

ны плохие деньги, чем накапливать недоимки на крестьянах»⁷. Необратимый характер реформы понимали и многие последовательные противники мелкой земельной собственности, в том числе сам Орлов-Давыдов. «Н.А.Безобразов, — записал он в дневнике в начале декабря, — читает мне длинную и красноречивую записку... Он просит учреждения поместного права, дабы восстановить некоторую полицейскую власть и права помещику распоряжаться всей землей. Эта последняя статья и затруднительна, потому что земля уже отдана крестьянам силою общего мнения...»⁸ Но если отказ от наделения крестьян землей невозможен, то необходимо, считал Орлов-Давыдов, скорректировать Положения таким образом, чтобы заинтересовать землевладельцев в ведении собственных хозяйств. И вновь главным препятствием признавалась община. Пока она существует, считал граф, невозможно развитие ни вольнонаемного труда, ни арендных отношений. Кроме того, существование общины может подкрепить пагубную идею, что верховная власть и крестьянство сообща противостоят своекорыстию помещиков. «Теперь мужики более роялисты, чем сам царь. Они прибегают к нему во всех своих распрях с бывшими помещиками, но продолжение этого тесного и непосредственного союза... может покупаться только ценою самоволия»⁹.

В конце 1861 и в 1862 гг. В.А.Краинский составил по поручению Орлова-Давыдова несколько записок, которые граф намеревался использовать для пропаганды своих идей. В них, а также в письмах Краинского к Орлову-Давыдову, П.А.Валуеву и шефу жандармов князю В.А.Долгорукову была сформулирована определенная программа действий. Реформа, писал Краинский, проведена под влиянием некоей очень сильной «демократической партии», которая «смешала весьма удачно свои коммунистические теории с вопросом об освобождении крестьян... захватила в свое распоряжение

⁷ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 5. С. 86.

⁸ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 5. С. 178.

⁹ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 85. Д. 21. Л. 54.

печать, кафедры, цензуру». Эта партия «разъединила правительство с дворянством и успела возбудить антагонизм между двумя сословиями — дворян и крестьян». «Тайные вожди демократов искусно распускают слух, что правительство сильно, опираясь на народные массы и на армию, ему преданные»¹⁰.

Сами по себе подобные нападки не были чем-то новым. Интерес представляют выводы Краинского о необходимых мерах, которые правительство и дворянство должны противопоставить «демократическому движению». «Дворянство, — утверждал он, — должно поддержать правительство так точно, как последнее — соединиться с дворянством. В 1848 и 1849 годах могли же в Западной Европе дать правильный исход революции, потому именно, что тамошние правительства сказали благомыслящей части общества: спасайте себя и нас». Условием проведения осмысленной охранительной политики признавалась организация «консервативной» дворянской партии, которая имела бы свои печатные органы и способных руководителей: «Нужно, чтобы люди политические, которые по своему образованию и положению в обществе могут руководить дворянством, обрекли себя на то настойчивое, упорное терпение, которое равнодушно считает 19 неудач, чтобы в 20-й раз раз достигнуть предположенной цели»¹¹.

Пример Франции, считал Краинский, убедительно свидетельствует о пагубности централизации, поскольку «достаточно одного мятежа в столице, чтобы переменить образ правления». Поэтому нужна скорейшая децентрализация местного управления, которое следует сосредоточить в земских, уездных и губернских советах, состоящих из депутатов всех сословий. «Таким образом, власть бюрократии была бы подкопана в самом основании... она осталась бы без рук и без ног»¹². Эта мера должна подкрепляться изменением Положений 19 фев-

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 101. Д. 32. Л. 7 об.; картон 52. Д. 42. Л. 1—2.

¹¹ Там же. Картон 52. Д. 44. Л. 3 об.

¹² Там же. Л. 18; д. 42. Л. 4—5.

раля: организацией добровольного для помещиков и обязательного для крестьян выкупа и введением остзейского управления крестьянами¹³.

Программа Краинского — Орлова-Давыдова (брянский предводитель очень чутко прислушивался к советам и указаниям графа) предполагала, что при условии содействия правительства некие влиятельные деятели смогут сплотить «высшее сословие». Она базировалась на представлении, что дворянство является преимущественным и естественным союзником и опорой власти. Обращает на себя внимание, что, хотя вопрос о судьбе дворянства как сословия Краинским прямо не затрагивался, сословный подтекст обвинений реформаторов в «демократическом цезаризме» был несомненен. Между тем оказалось, что в дворянских собраниях 1861—63 гг. этот вопрос стал предметом самых острых дискуссий, в ходе которых выяснилось, что большая часть дворянства совсем не склонна ни к «охранению» собственных устоев, ни к солидарности с правительством. Более того, оказалось, что те, кто в 1859—60 гг., как считалось, принадлежали к одной и той же «аристократической партии», имеют различное представление о будущем «высшего сословия».

Отмена крепостного права затрагивала все стороны жизни страны, и круг проблем, обсуждавшихся на губернских съездах в первые годы после реформы, соответствовал ее всеобъемлющему характеру. В то же время практически все общие требования, сформулированные помещиками, от немедленного разверстания и выкупа земель до политического представительства, имели непосредственное отношение к вопросу о том, чем должно быть дворянство в новых условиях. Формально он заключался в том, имеет ли смысл после освобождения крестьян дальнейшее существование дворянства как отдельного сословия. Однако любая интерпретация

¹³ Краинский считал необходимым передать функции посредников приходским судам, в которых, согласно Лифляндскому Положению 19 ноября 1860 г., крестьянские заседатели находились бы под опекой выбранных дворянством судей.

дворянского вопроса оказывалась интерпретацией взаимоотношений верховной власти, бюрократии и дворянства.

Процесс самоидентификации дворянства как общественной силы, противостоящей и являющейся антиподом «бюрократии», активно протекал уже накануне 1861 г. Тот факт, что чиновничество принадлежало преимущественно к дворянскому сословию, а каждый дворянин занимал определенную позицию в Табели о рангах, лишь вносил дополнительную остроту в дискуссии на эту тему.

Уже в 1859 г. известный либеральный экономист В.П.Безобразов в нашумевших статьях «Аристократия и интересы дворянства» настаивал, что сословная замкнутость неизбежно приводит к господству бюрократии и к всевластию государства¹⁴. Мотив «упразднения сословий» прозвучал, хотя и весьма нечетливо, и в отзывах некоторых депутатов Губернских комитетов. Отстаивавшаяся ими либеральная программа, элементами которой были развитие местного самоуправления, разделение властей, гласный суд, в сущности, подразумевала отказ от исключительности статуса дворянства. По мнению А.М.Унковского, А.Г.Шретера, Д.А.Хрущева, И.С.Безобразова, А.И.Кошелева, помещики могли и должны были сохранить доминирующее положение в обществе, но уже не как представители сословия, обладающего монополией на власть, а как «класс самый образованный и как главный землевладелец». Как писал один из либеральных депутатов, А.В.Оболенский, «дворянство должно или погибнуть, или преобразоваться на новых началах»¹⁵.

Прежние сословные преимущества отвергались либералами-помещиками не только как «несоответствующие духу времени», но и поскольку они, являясь частью старого порядка,

¹⁴ Русский вестник. 1859. № 11. Кн. 1. С. 16. Б.Н.Чичерин, отстаивавший, в противоположность катковскому журналу, преимущества четких сословных границ и централизации, также понимал неразрывную связь между ними (см.: Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции. М., 1858. С. 234).

¹⁵ Приложения к трудам Редакционных комиссий по крестьянскому делу. Отзывы членов Губернских комитетов. Т. 3. Ч. 2. СПб., 1860. С. 130.

слишком тесно привязывали дворянство к государственной власти. По формулировке В.П.Безобразова, навеянной самым популярным политическим сочинением того времени — книгой А. де Токвиля «Старый порядок и революция» — «всякая искусственная привилегия... не усиливает аристократию, а ослабляет ее, ибо ставит ее в положение зависимости, подчиненности в отношении к руке, давшей и поддерживающей привилегию»¹⁶.

«Консерваторы» же делали из посылки о разрыве прежней связи самодержавия с дворянством совершенно иные выводы, полагая, что в ответ дворянству следует, сплотившись на почве своих учреждений, противопоставить бюрократическому произволу приверженность существующему праву и сословным традициям. При этом из аморфного сословия, которое не может контролировать свой состав, оно должно превратиться в независимый политический институт, чьи права были бы гарантией от дальнейших посягательств государства¹⁷.

В 1861—1863 гг. общим для всех выступлений дворян, независимо от их политических пристрастий, стало стремление отыскать основу своего будущего вне государства и независимо от него. Вполне закономерно, что дворянство было в целом едино, полагая такой основой цензовую земельную собственность. Разногласия же проявлялись при обсуждении того, на каких основаниях землевладельцы могут потеснить «бюрократию» в государственном управлении.

Свою долю остроты в начавшиеся дебаты внесла полемика в прессе, инициированная известной статьей И.С.Аксакова¹⁸,

¹⁶ Русский вестник. 1859. № 11. Кн. 1. С. 16.

¹⁷ См., например: ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1860 г. Д. 11. Ч. 4. Л. 33—33 об. Записка В.Н.Саломирского.

¹⁸ См.: Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957. С. 83—84. Эта дискуссия, в которой приняли участие Б.Н.Чичерин, М.Н.Катков и другие публицисты, освещена также в работах В.А.Китаева. См.: Китаев В.А. К вопросу о полемике между Катковым и Чичериным в 1862 г. // Ученые записки Горьковского гос. Университета. Вып. 151. Горький, 1971; *его же*. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50-60-х годов XIX века. М., 1972.

которая призывала дворянство к «самоуничтожению», и по мнению многих, была «написана перед самыми выборами будто бы для того, чтобы раздражить умы»¹⁹.

Особенно бурными обещали стать московские выборы. Влияние столичных дворянских съездов на провинциальные всегда было значительным; в первой же половине 60-х гг. именно Москва стала основным центром дворянской оппозиции. Так, симбирские дворяне, доносил местный губернатор, «с особенным вниманием будут ожидать постановлений дворянства московской губернии, которые будут служить руководством и при их совещаниях»²⁰. «Вообще я надеюсь найти в белокаменном городе сильнейшую опору, чем в Петро... или лучше сказать Подлограде», — писал Н.А.Безобразов А.П.Платонову²¹. Тесно связанное с правительственными и придворными кругами, дворянство северной столицы воспринималось как слишком склонное к компромиссам, да и сам Петербург стал для раздраженных помещиков олицетворением антидворянской «опричнины».

Интрига московского собрания 1862 г. закручивалась именно вокруг сословного вопроса. Среди невиданного количества съехавшихся на выборы дворян (более 400) были защитники самых разных точек зрения. «Ярые аристократы, бары прежних времен... либералы, демократы, демагоги и проч., и проч. — все это спорит, горячится, и никто ничего не переварил... Ералаш страшнейший: кто желает сделать дворянство замкнутым сословием, так, чтобы пожалованное дворянство должно... подвергаться баллотировке, другой требует отмены вовсе дворянства и переименования его в землевладельцев, третий кричит... давай нам земский собор — выборных от всех сословий», — сообщал А.И.Кошелев Ю.Ф.Самарину²². «Мне здесь что-то чуждо и дико. Кажется, не будет единодушия...

¹⁹ См.: РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 5. С. 180.

²⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1094. Л. 3 об.

²¹ ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 365. Л. 2 об.

²² Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В.А.Черкасского. Т. 1. Кн. 2. М., 1904. С. 320-321.

Большая путаница и противоречия!» — записал в дневнике после открытия собрания Орлов-Давыдов²³. Единодушие в собрании действительно не было. Подготовленные Н.А.Безобразовым предложения, содержавшие резкое осуждение реформы, требования вернуть всю землю помещикам, усилить их власть и созвать выборных от дворянства для восстановления поправленных сословных прав²⁴, встретили поддержку лишь части собравшихся и не были приняты. Идею «слияния сословий» отстаивал князь А.А.Щербатов, стоявший за принятие в дворянскую среду землевладельцев всех сословий. Несмотря на аплодисменты, сопровождавшие его речь, само предложение было отвергнуто. Зато громадным большинством голосов (306 против 58) был поддержан проект адреса подольского дворянства, чтение которого сопровождалось «величайшим восторгом и громкими рукоплесканиями». Его суть заключалась в либеральных требованиях гласности суда, свободы печати, ответственности государственных служащих. Подольцы предлагали также допустить представителей всех сословий к разработке устава о выборах и организовать земство и центральное представительство так, чтобы исключить преобладание как «необразованных личностей над образованными», так и «одного сословия над другим»²⁵.

Сочувствие адресу объяснялось, конечно, не либерализмом членов собрания, большинство которых едва ли имело сколько-нибудь определенные политические убеждения, а другими причинами. Во-первых, либеральная программа выглядела гораздо более оппозиционной, чем защита дворянских привилегий, связанных в представлении многих помещиков с поддерживаемым правительством старым порядком управления. Достаточно наглядно это проявилось в дебатах псковского и симбирского собраний, проходивших

²³ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 5. С. 6.

²⁴ См.: Московские письма. Предложения Н.А.Безобразова московскому дворянству. Берлин, 1862.

²⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 48. 1862 г. Д. 31. Л. 1, 8-18; ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1862 г. Д. 33. Ч. 1. Л. 1, 18, 35-37.

одновременно с московским. «Собрание, — доносил представитель жандармского корпуса в Пскове Д.М.Ходкевич, — разделилось на две партии. Одна... требовала слияния сословий, другая стояла за сословную замкнутость и торжественно протестовала против новых идей». Предложение о создании дворянской Думы, которая защищала бы интересы сословия, дворяне «встретили холодно», зато проект общесословных «земских дум без участия правительственных лиц» вызвал всеобщее одобрение. «Мы должны соединиться с народом и стать во главе его, потому что только тогда мы будем достаточно сильны, чтобы остановить произвол и “указы”», — заявил лидер либералов бар. М.Н.Медем. «Слова эти возбудили восторг... Направление большинства не хорошо, — резюмировал Д.М.Ходкевич, — как только кто заговорит... что дворянству нет никакой надобности идти по пути самоуничтожения себя как сословия и что мудрое правительство печется о наших нуждах, одним словом, как только раздастся голос в пользу правительства, тотчас начинается шиканье и крики»²⁶.

Подобным образом связывало сословные привилегии и господство бюрократии и никогда не отличавшееся либерализмом симбирское дворянство. Право сословного избрания в должности, говорилось в его постановлении, «составляло в сущности тяжелую личную повинность», которая вела к подчинению дворянства «бюрократии». «Дворянство, уединенное от прочих сословий вследствие крепостного права... должно соединиться со вновь возникающим земством, от которого было отделено произволом власти»²⁷.

Другой, не менее важной причиной, способствовавшей отказу дворянства от защиты сословных прав, было признание того, что монополия дворянства на землевладение неизбежно должна отойти в прошлое. Почти все дворянские съезды высказались за немедленные и обязательные для крестьян разверстание угодий и выкуп. Разумеется, помещики желали

²⁶ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1862 г. Д. 33. Ч. 2. Л. 1—13.

²⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 48. 1862 г. Д. 119. Л. 15—15 об.

получить полную выкупную сумму (по Положениям землевладелец, в одностороннем порядке требовавший выкупа, терял 20—25 %) и, по возможности, не выкупными свидетельствами, а ценными бумагами, имеющими свободное хождение. Однако высказывались и более общие соображения, в которых проявилось то, что дворянство прагматично воспринимает землю в первую очередь как объект купли-продажи и требует устранить препоны на пути перехода ее из рук в руки. Как говорилось в постановлении московского собрания, реформа установила такой порядок, при котором поземельную собственность очень трудно обратить в деньги: «Земля, перестав быть собственностью помещика, вместе с тем не сделалась собственностью крестьянина... Как же при таких условиях надеяться, чтобы кто-нибудь нам дал денег под нашу землю, когда мы не знаем сами, какая именно часть ее наша»²⁸. Дворянство тем самым настаивало на устранении сословного характера землевладения, закономерным следствием чего и была мысль о необходимости допустить к обсуждению местных дел представителей всех сословий.

Такие же защитники дворянских прав, как Орлов-Давыдов и Безобразов, вполне закономерно отказывались признать неизбежность выкупа и готовы были терпеть материальные убытки в надежде, что землевладение будет основой исключительного положения помещиков. По убеждению Орлова-Давыдова, слияние дворянства с представителями других сословий равносильно его уничтожению. Олицетворяющее охранительное начало, оно «должно обрабатывать в своей исключительной среде свои мнения, безо всякой примеси посторонних интересов... хотя бы и со всей резкостью своих предрассудков». Другие сословия тоже должны говорить «свойственным им языком. По крайней мере, можно будет разобрать голоса»²⁹. Позиция Орлова-Давыдова была последовательно консервативной. В условиях мощного натиска на дворянство (именно так воспринимал граф правительственную политику нового

²⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 48. 1862 г. Д. 31. Л. 21—22.

²⁹ Там же. Л. 49—50 об.

царствования), натиска, поддержанного частью самого со-словия, необходимо было, по его мнению, спасти то, что есть, а не жертвовать существующим в надежде обрести некое новое «высшее сословие». Очевидно, что подобные идеи были гораздо менее привлекательными по сравнению со всеобъемлющей либеральной программой.

Кроме того, «охранители» так и не смогли сформулировать на московском съезде единую позицию. Яркое описание Орловым-Давыдовым разброда в их стане опровергает сложившееся мнение о существовании в дворянской среде сплоченной «олигархически-крепостнической» группировки³⁰. «Собрание закрывается губернатором... но мы все спорим, какую редакцию принять как общую от всех протестующих против подольского адреса... В то же время прибегает Безобразов с целой новой тетрадкой. Нашлись охотники и ее подписать, но вообще все остались при своих отдельных протестах, а нас кажется всего не было 15 человек. Зовут к губернскому столу. Мы бросаемся к нему — Львов, Бутурлин, Безобразов, все три с отдельными бумагами! Московский предводитель... отвечает всем трем, пока они друг друга перебивали... что выборы кончены и что надо уйти»³¹.

Еще более обескураживающе для консерваторов развивались события на петербургском съезде 1862 года. Здесь свои проекты постановлений предложили дворяне ямбургского и петербургского уездов. Последний принадлежал князю Г.А.Щербатову, а также таким активным деятелям «аристократической оппозиции» Редакционным комиссиям, как князь Ф.И.Паскевич, граф А.Г.Строганов и граф А.П.Шувалов; поддержал проект и губернский предводитель граф П.П.Шувалов. Выдвигались два основных требования: во-первых, «предоставление крестьянам немедленной свободы» (то есть права выходить из общины и отказываться от

³⁰ См., напр.: Сладкевич Н.Г. Об общественно-политических настроениях дворянства в 1861—1862 гг. // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976.

³¹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 5. С. 18—19.

надела) с переложением повинностей с личности на землю, и во-вторых, включение в состав дворянских собраний землевладельцев всех сословий с определенным цензом и даже уполномоченных от крестьянских обществ. «Исключение их, — говорилось в проекте, — из совещаний наших было бы не только оскорбительной несправедливостью, но и отняло бы в скором времени у дворянских собраний то существенное политическое значение, которое неминуемо принадлежит в государстве собранию представителей всей поземельной собственности»³².

А.П.Платонов в том же собрании выступил со знаменитой «конституционной» запиской, подвергавшей существующий сословный строй резкой критике. «Устроенные в России в истекшем столетии по идеям мыслителей 18 века на ложных началах», сословия, по его мнению, неправильно организованы «по состояниям, а не по обществам». «Граждане, принадлежащие к одному сословию, часто не имеют между собой никакого общего интереса и вместе с тем, имея жительство общее с лицами других сословий... лишены голоса в делах общественных». Представителей всех сословий необходимо объединить в уездных и губернских собраниях (конечно, обеспечив при этом преобладание «просвещенным» собственникам), которые и должны стать основой Государственной Думы³³. В ответ на предложения Платонова А.П.Шувалов произнес речь, содержащую в себе весьма характерные для «либеральствующей» части дворянства нападки на «произвол». «Боярские наши думы, — заявил он, — наши земские соборы, постоянно зависевшие от произвола царей, не сумели оградить личной свободы гражданина... Жалкая была свобода наших предков и жалкая была их гражданская самостоятельность»³⁴.

³² ГА РФ. Ф. 1155. Оп. 1. Д. 174. Л. 4—4 об.; ф. 109. 1 эксп. 1862 г. Д. 33. Ч. 4. Л. 1—2; РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 167; РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3341. Л. 1.

³³ РГИА. Ф. 1540. Д. 1. Л. 15—20. Записка была тогда же опубликована, см: Свободное слово. 1862. Т. 1. Вып. 3.

³⁴ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3341. Л. 5—6.

Предложения подоспевшего из Москвы Н.А.Безобразова, как он и предполагал, не встретили большого сочувствия. «После всех либеральных и передовых мнений..., — с удовлетворением резюмировал П.П.Шувалов, — крепостникам не удастся склонить большинство на свою сторону. Несмотря на то, что Безобразов первый оратор России, во время всей его речи длилось молчание...»³⁵.

В общей форме необходимость объединения сословий в земстве признавалась большинством помещиков, причем не как необходимая уступка, а как единственное средство обеспечить свое политическое влияние и как основа общегосударственного представительства. Конечно, степень фиктивности такого объединения зависела от предлагавшейся дворянством конкретной организации земских учреждений. Большинство проектов предполагало их устройство по образцу дворянских собраний, с решительным перевесом личного землевладения. «Либерализм» дворянства часто ограничивался признанием лишь принципа всесословности как санкции на то, чтобы выступать от имени «земства», реальное же участие иных сословий должно было стать более или менее символическим. Средства достижения этой цели могли быть различными: установление высокого имущественного или сословного ценза на право быть избранным, введение принципа участия крупных собственников без выборов, ограничение числа гласных от «низших состояний», словом — искусственное обеспечение преобладания представителей дворянского землевладения.

Приведу несколько характерных примеров. Постановление смоленского дворянства (декабрь 1861 г.) начиналось вроде бы либеральной констатацией того, что «дворянская собственность утратила свой политический характер, поэтому и дворянство, представлявшее до настоящего времени земство, должно отныне разделить с ним представительство без различия сословий». Однако далее признавалось необходимым «для сохранения преобладания дворян дозволить уч-

³⁵ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3341. Л. 7 об.

реждение майоратств, сохранив за этим видом собственности особое место в разряде представителей всех сословий». Подача голосов в земских собраниях должна происходить по условиям, причем дворянство должно иметь больше голосов, чем любое другое сословие³⁶. Симбирское дворянство требовало включить в земские собрания всех потомственных дворян, а представителей других сословий только на основе достаточно высокого ценза, при этом к выборам допускались только выкупившие надел крестьяне. Одно из постановлений тульского собрания еще более ограничивало представительство других сословий в земствах: кроме почетных граждан и купцов первых двух гильдий (если они владеют двойным земельным цензом), допускались к участию лишь депутаты, избранные всеми сословиями из дворян³⁷.

Говоря о дворянских съездах 1861—63 гг., нельзя обойти вниманием тверское собрание 1862 г. Оно освещено достаточно подробно в работах Т.Эммонса и И.П.Попова³⁸. Оба исследователя справедливо полагают, что торжественный отказ от всех сословных привилегий ставит выступление тверских либералов несколько особняком в дворянском движении. По словам И.П.Попова, тверской адрес выражал «программу наиболее радикальной части либерального дворянства», испытавшей сильное влияние революционных идей. Вместе с тем необходимо разделять последовательный радикализм немногочисленной «партии» А.М.Унковского, А.И.Европеуса, братьев Бакуниных и позицию основной массы дворян губернии. В 1862 г. дворянское собрание было увлечено своими лидерами³⁹, но после об-

³⁶ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 155. Л. 116—118.

³⁷ Там же. Ф. 1284. Оп. 48. 1862 г. Д. 119. Л. 17 об.—19; ф. 908. Оп. 1. Д. 155. Л. 123—125. Та же тенденция прослеживается и по материалам других дворянских собраний. См.: РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 155; ф. 1282. Оп. 2. Д. 1108; Материалы по земскому общественному устройству. СПб., 1885. Т. 1. С. 381—409.

³⁸ Emmons T. The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge Univ. Press, 1968. P. 333—349; Попов И.П. Тверское выступление 1862 г. и его место в событиях революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1974.

рушившихся на них репрессий уже не проявляло прежней оппозиционности. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что сам адрес 1862 г. выделялся среди других подобных выступлений скорее своим резким тоном, чем логикой рассуждений. Враждебные отношения между сословиями возводились в нем к влиянию Положений 19 февраля, а объединение дворянства с народом подавалось как предпосылка к переходу власти из рук бюрократии в руки дворянства. Очевидно, для многих подписавших адрес, как и для помещиков других губерний, отказ от привилегированного положения был лишь очередной формой выражения неудовлетворенности и протеста против реформы. Характерно, что именно таким образом оценил действия тверских дворян В.А.Краинский. «Я оправдываю их в том смысле, — писал он Орлову-Давыдову, — что когда дом горит, люди бросаются в окна, не рассуждая, что может быть их ждет другая смерть. Виной всему невыносимое положение, созданное дворянству»⁴⁰.

«В то время, — вспоминал Б.Н.Чичерин, — петербургское дворянство, так же как и московское, представляло в себе то странное сочетание дворянских притязаний и напускного либерализма, которое составляло довольно естественную принадлежность людей, внезапно выбитых из обычной колеи и недоумевающих, куда им идти... Они домогались каких-то прав, но не сознавали ясно ни своих целей, ни своего положения»⁴¹. Тем не менее очевидно, что в среде дворянства было немало тех, кто считал любые искусственные привилегии «несоответствующими духу времени» и рассчитывал, что дворянство и без них, по выражению А.А.Щербатова, «не будет затерто или поглощено другими сословиями», что первенство его сохранится в силу социального и культурного превосходства.

³⁹ Следует отметить, что большинство на этом съезде составляли представители двух уездов, где позиции либералов были наиболее сильны — тверского и новоторжского (см.: Попов И.П. Тверское выступление... С. 258).

⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 52. Д. 44. Л. 2.

⁴¹ Воспоминания Б.Н.Чичерина. Московский университет. М., 1929. С. 90.

Отмеченный многими современниками противоречивый характер тех идей, которые проявились в ходе дворянских собраний 1861—62 гг., отражал не только отсутствие у «высшего сословия» ясного представления о положении, в котором оно оказалось. За шумом и хаотичностью прений нельзя было не заметить, что наиболее активная часть дворянства самозабвенно и с азартом пытается освоить стезю публичной, как бы парламентской политической деятельности. *Noblesse oblige*: за либеральными фразами порой скрывалось не только ожесточение людей, у которых отняли значительную часть состояния, но и желание «оказаться на высоте» в переломный исторический момент. Характерно, что, когда В.Н.Карамзин высказал на петербургских выборах мысль, что думать о самоуничтожении дворянства еще рано, А.И.Васильчиков тут же возразил ему речью с лейтмотивом «как бы не было поздно», которая вызвала настоящую овацию⁴². Демонстративные выступления в пользу всесословных учреждений порой подкреплялись расчетом, что в подобном отказе от исключительного положения приобретения перевешивают возможные потери. «Охранительная» же позиция воспринималась многими как пассивная или реакционная.

2. Попытки консолидации «охранительных сил» в 1862—1864 гг. Консервативное дворянство и деятельность П.А.Валуева

Ход дворянских съездов выявил еще одну важную тенденцию. Оказалось, что успех тех или иных предложений обусловлен не только их смыслом или ораторскими талантами выступавших. Необходимость координации действий, предварительной разработки собственных идей, подготовки «общего мнения», наконец, необходимость обеспечить сочувственное внимание со стороны представителей правительства была особенно очевидна для разобщенных «консерваторов».

⁴² РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3341. Л. 1 об.

В Москве определенные шаги к их сплочению попытался предпринять сразу после съезда 1862 г. В.П.Орлов-Давыдов. «Кн. Львов, — записал он в дневнике в конце января, — согласно данной мною мысли предлагает нам собираться у него периодически, чтоб советоваться по делам...»⁴³. В этих собраниях принимали участие сенаторы князь Ю.А.Долгоруков и А.П.Бутурлин, А.А.Головин, Д.В.Зиновьев. Под руководством Орлова-Давыдова В.А.Краинский составил программу занятий новоявленного политического клуба. Вскоре, однако, выяснилось, что у привлеченных графом немолодых уже представителей московской знати нет достаточной решимости даже для негласных совещаний. «Я не знаю, будет ли какой-нибудь полезный результат от этих трудов и составит ли наше общество. Его члены очень робки и боятся компрометироваться, — писал граф уже 15 февраля, — к тому же у нас нет по сю пору ни председателя, ни секретаря»⁴⁴. Ничем не увенчалось и его намерение превратить в орган, вокруг которого объединялись бы «консерваторы», газету Н.Ф.Павлова «Наше время», по-видимому, рекомендованную ему в качестве консервативного издания П.А.Валуевым. М.Н.Катков также отказался поместить в «Русском вестнике» статьи Краинского. В конце 1862 г., так ничего и не добившись, Орлов-Давыдов уехал за границу.

Несколько большего «консерваторы» сумели достичь в северной столице. Чрезвычайный съезд 1862 г., казалось бы, продемонстрировал, что самое «аристократическое» по составу общество империи под руководством Г.А.Щербатова и братьев Шуваловых склонно не столько к охране дворянских прав, сколько к выступлениям в пользу «объединения сословий». Избранная съездом комиссия по подготовке проекта земских учреждений развивала свои предложения именно в таком духе. «МВД предположило себе, по-видимому, главной целью удержание некоторого желательного перевеса за высшими сословиями, — писал председатель комиссии П.П.Шувалов по поводу

⁴³ РГАДА Ф. 1273. Оп. 1. Д. 5. С. 20.

⁴⁴ Там же. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3341 С. 36—37.

разработанного под руководством П.А.Валуева проекта земских учреждений. — Но сколь полезно ни было преобладание образованнейшей части населения, оно едва ли может быть достигнуто столь искусственными средствами. Высшее сословие... имеет полную возможность упрочить за собой... влияние путем принужденного доверия прочих жителей»⁴⁵. Согласно жандармскому донесению, среди столичного дворянства «большинство состояло из лиц, предпочитающих направление в предполагаемых земских учреждениях “слияние и равноправность”»⁴⁶. Н.А.Безобразов, возмущенный работой дворянской комиссии, готов был записать в «либералы» даже своего давнего союзника А.П.Платонова: «Слышал я, будто Комиссия Шуваловская творит дела непогрешные! Ужели дворянство скажет и Вам, милый Александр Платонович, то же, что говаривал Цезарь Бруту...»⁴⁷

Однако уже после открытия очередного съезда в 1863 г., который и должен был обсудить подготовленный комиссией проект, выяснилось, что «консерваторы» сумели подготовить почву для борьбы за собственные идеи. Начало продолжительным дебатам положило выступление трех членов комиссии (А.П.Платонова, А.Д.Бизюкина и Н.М.Орлова), которые не только предложили переделать проект, но и резко выступили в защиту сословного значения дворянства, которое вновь признавалось «коренным и непрелагаемым законом империи». «Всякое заявление, могущее в чем-то нарушить или отменить целостность нашего учреждения, — заявил Орлов, — должно быть отвергнуто»⁴⁸. По мнению всех троих, необходимо было ограничить участие крестьянства в избирательных собраниях волостными старшинами; установить высокий пассивный ценз при выборах гласных, что практически исключало бы возможность избрания крестьян; сделать дворянских предводителей председателями земских собраний и ввести в губернские земства по одному дворянскому

⁴⁵ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 237. Л. 10.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1862 г. Д. 33. Ч. 4. Л. 85 об.

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 365. Л. 3—3 об.

⁴⁸ Русский листок. 1863. №. 12. С. 231—232.

заседателю от уезда. Проект большинства комиссии, считали его противники, отличался не только демократическим характером, но и чрезмерной централизацией, поскольку реальная деятельность земств фактически ограничивалась в нем губернским уровнем (уездные собрания не имели бы самостоятельного значения)⁴⁹.

В результате при голосовании по конкретным пунктам проекта часть членов собрания в очередной раз обнаружила поверхностность своего либерализма, а либеральное «большинство» постоянно оказывалось в меньшинстве. Не приняв предложения Орлова о высоком пассивном цензе, собрание, однако, проголосовало за то, что председательствовать в земствах должны предводители дворянства, а представительство крестьян должно быть сокращено⁵⁰. Как доносил жандармский агент, в итоге прений, в ходе которых много раз выступали одни и те же лица, «консервативная партия оказалась преобладающею над прогрессистами»⁵¹.

Немалую роль в этом успехе «охранителей» сыграло появление в Петербурге не просто консервативного, но откровенно продворянского печатного органа. Речь идет о «Русском листке» — еженедельном издании, первые номера которого вышли в 1862 г. Редактором газеты первоначально был Г.И.Кори. В январе 1863 г. полноправными соредакторами стали В.Д.Скарятин и Н.Н.Юматов, а в августе того же года «Русский листок» был преобразован в «Весть», при этом ни содержание, ни формат издания никаких изменений не претерпели (выпуски «Вести» за 1863 г. имели, что подчеркивало преемственность издания, двойную нумерацию)⁵².

⁴⁹ Русский листок. 1863. №№ 11—12, 25—28.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1862 г. Д. 33. Ч. 4. Л. 63—86.

⁵¹ Там же. Л. 85.

⁵² «Весть» просуществовала до 1870 г.; очень быстро газета приобрела репутацию органа «плантаторов», «крепостников» или «олигархов», а само ее название стало нарицательным. Вместе с тем обстоятельства появления этого издания остаются не вполне ясными. С легкой руки памфлетиста-эмигранта князя П.В.Долгорукова в литературе утвердилось мнение, что учредителями газеты были В.П.Орлов-Да-

Основной темой «Русского листка» стал именно вопрос о будущем дворянства в связи с созданием земских учреждений. Анализ материалов газеты за год ее существования позволяет говорить о незаметной на первый взгляд, но существенной эволюции отстаивавшихся в ней идей. В январе-марте 1863 г. авторы статей, посвященных сословной проблеме, неоднократно подчеркивали, что дворянству не следует «цепляться за свои привилегии», что на смену «старого дворянства, которое можно считать уничтоженным», должна прийти «естественная аристократия лучших людей», состоящая из поземельных собственников⁵³. Но уже после окончания петербургских выборов тон публикаций несколько изменился. В газете появляются утверждения, что «приобщение к дворянству других элементов только его ослабит». Более того,

выдов, Н.А.Безобразов, А.П.Платонов и П.Н.Трубецкой. (См.: Скоропелова В.А. Основание газеты «Весть» и ее программные задачи // Проблемы истории СССР. Вып. 3. М., 1973. С. 230; Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати в 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С.124.) В.Г.Чернуха к этим именам добавляет А.П.Бобринского, на участие которого в организации «Вести» указывал в своих воспоминаниях А.И.Дельвиг. Между тем статья Долгорукова в «Колоколе», на которую ссылаются историки, была написана в 1867 г., когда все названные лица действительно участвовали в финансировании издания. По отношению же к 1863 г. этого утверждать нельзя. В дневнике Орлова-Давыдова за этот год, большую часть которого он провел за границей, ни «Весть», ни ее редакторы не упоминаются. Все вопросы о мнимом его участии в основании газеты, очевидно, снимает запись в дневнике за 1864 г.: «У меня был сегодня редактор журнала Весть Скарятин. Он держится, говорят, консервативных правил. Его дела идут плохо». (РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 8. С. 54). После этого знакомства Орлов-Давыдов действительно стал помогать газете и взамен требовал от Скарятин помещения в ней тех или иных материалов. В моем распоряжении нет также никаких достоверных данных об участии в основании «Вести» Платонова, Бобринского и Трубецкого. Такие данные существуют лишь относительно Н.А.Безобразова: в посвященном его памяти некрологе Скарятин прямо называл его основателем газеты.

⁵³ Русский листок. 1863. № 5. С. 89; № 10. С. 180–181.

один из авторов счел возможным констатировать, что «у нас сложилась уже сильная консервативная партия»⁵⁴.

С особым воодушевлением «Русский листок» отнесся к знаменитым статьям Каткова, в которых редактор «Московских Ведомостей» развивал мысли о необходимости введения в земства крупных собственников⁵⁵. После такого совпадения взглядов, говорилось в «Листке», «нельзя уже сказать, что мнение газеты выражает только мнение известного приятельского кружка»⁵⁶. Под «кружком», солидарность с которым автор статьи и не собирался опровергать, несомненно имелся в виду тот самый кружок петербургских аристократов, представители которого сумели склонить на свою сторону столичное дворянское собрание в 1863 г.

С переименованием «Русского листка» в «Весть» тон статей стал еще более резким. Откровенные нападки на «теории известного свойства», отразившиеся, по мнению авторов газеты, и в деятельности мировых посредников, и в требованиях политического равенства, сочетались в новой газете с завуалированной апологией дореформенных отношений помещиков и крестьян, с отрицанием закономерности выкупа бывшими крепостными земли. На страницах газеты появляются многочисленные статьи Г.Б. и П.Б. Бланков, Н.А.Безобразова, Н.И.Герсеванова и других деятелей, которые со времен подготовки отмены крепостного права пользовались репутацией откровенных «крепостников».

То, что с самого начала своего существования «Весть» заняла совершенно определенную и недвусмысленную политическую позицию, казалось бы, должно было соответствовать желаниям поддерживавших издание кругов. Однако в прямоте Скарятина

⁵⁴ Там же. № 25. С. 460. № 28. С. 517—519.

⁵⁵ Московские Ведомости. 1863. № 138, 140, 143. О проекте земских учреждений М.Н.Каткова см.: Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957. Интересные данные о взглядах публициста на политическое значение земств содержатся в его переписке с П.А.Валуевым: М.Н.Катков и гр. П.А.Валуев в их переписке // Русская старина. 1915. №. 10-12; 1916. № 6.

⁵⁶ Русский листок. 1863. № 29. С. 540.

и его сотрудников, часто превращавшейся в прямолинейность, заключался и очевидный недостаток: она могла отпугнуть более умеренных и осторожных сторонников консервативной политики. «Весть» не могла стать средством консолидации охранительных сил еще и потому, что она была обычным периодическим изданием, содержание которого в значительной степени зависело от редакторов, а не от тех, кто его финансировал.

По-видимому, именно это побудило часть столичного высшего общества попытаться организовать принципиально новое, акционерное печатное издание. Инициатором выступил бывший петербургский губернатор Н.М.Смирнов. Ход этого предприятия достаточно подробно изложен в дневнике Орлова-Давыдова. 9 февраля 1864 г. он записал: «Было совещание у Смирнова об учреждении газеты *du centre* для проведения консервативных и умеренных мнений. Отклоняю от себя назначение быть главным учредителем. Газета должна быть на акциях при комитете для постоянного направления редакции». К совещаниям были привлечены многие представители придворных и бюрократических кругов, в том числе граф А.П.Толстой (бывший обер-прокурор Синода), князь Г.А.Щербатов, князь Л.В.Кочубей, князь Б.Д.Голицын, Н.В.Исаков (начальник Главного управления военно-учебных заведений), сенатор А.И.Войцехович и даже друг императора граф А.В.Адлерберг. Предполагалось, что подписная сумма составит 100 тыс. рублей; газета должна была называться «Родина». Однако уже после составления программы печатного органа выяснилось, что «многие отбиваются от начала подписки». Когда обнаружилось, что денег для основания отдельного издания недостаточно, решено было обсудить возможность приобретения одной из уже существовавших газет. «Речь идет, — писал Орлов-Давыдов в ноябре 1864 г., — о трех — Санкт-Петербургских Ведомостях, Северной Пчеле и Вести. Я более расположен к последней». Но переговоры по этому поводу также не привели ни к какому результату⁵⁷.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 8. С. 54, 60, 67—68, 79—81, 83—87, 121; д. 9. С. 23, 45. В фонде III Отделения находится краткая записка Л.В.Кочубея о предполагаемом издании. См.: ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1864 г. Д. 11. Ч. 13.

Таким образом, инициаторы издания стремились привлечь к участию как можно более широкий круг лиц, а привлечение А.В.Адлерберга было равносильно обращению за одобрением предприятия к императору. Орлов-Давыдов и его единомышленники считали, что новая газета должна стать не только органом, в котором они могли бы отстаивать собственные мнения, но и средством сплочения охранительных сил. «Слабость наша, — писал в эти дни графу В.А.Краинский, — состоит в том мелочном невежественном самолюбии, которое не умеет себя подчинить аих *hommes d'ordre et de gouvernement*... Но если мы составим дисциплинированную, как в Англии, партию, следственно и силу громадного большинства, тогда сам Государь выведен будет из затруднительного положения менажировать людей, настойчиво и отважно идущих к своей страшной цели». В следующем письме Краинский прямо сформулировал главную цель основания газеты: «По собственным словам Вашего сиятельства... нужен **центр**. Этим **центром** могут быть только лица высоко поставленные в общественном мнении, независимые в своем образе мыслей, непричастные к материальному обогащению путем службы... остальная благомыслящая часть общества должна им содействовать, исполняя с полным доверием то, что будет ей передано из этого **центра**, иначе мы не выйдем... из анархии разномыслия и разнодействия, составляющих нашу слабую сторону. Вопрос об основании большой газеты в консервативном духе на акциях весьма важен». Ссылаясь на свои связи в орловской, калужской, смоленской и других губерниях, бывший брянский предводитель обещал обеспечить содействие этому начинанию в провинции⁵⁸.

Газета, которая издавалась бы в Петербурге при непосредственном участии влиятельных лиц и распространялась бы в губерниях, представлялась своеобразным организационным центром «либерально-консервативной партии» (термин Краинского). «Эта партия, — писал он, — должна по чувству самосохранения получить правильную организацию — центральную в столицах, местную — в губерниях, имея непрерывную

⁵⁸ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 52. Д. 46. Л. 7 об.-8, 9-9 об.

связь со всеми своими сочленами так точно, как имеют ее теперь революционеры и бюрократы... Когда наступит катастрофа, не нами возбужденная... только правильно и сильно организованная консервативная партия может мгновенно захватить общее движение в свои руки»⁵⁹.

В стремлении отыскать организационную форму, которая стала бы основой «охранительной партии», Краинский и Орлов-Давыдов обращались и к основанному в сентябре 1863 г. Петербургскому собранию сельских хозяев⁶⁰. Членами этого общества, созданного по образцу английских сельскохозяйственных клубов, состояли многие заметные представители столичной аристократии, в том числе П.П. и А.П. Шуваловы, Г.А.Щербатов (вскоре избранный его председателем), князь А.С.Меншиков, князь А.И.Васильчиков, А.П.Платонов и др. В.П.Орлов-Давыдов стал председателем комиссии по составлению программы научных заседаний общества. «Наш клуб дойдет до гигантских размеров, — писал он. — Я также предвижу, что немного времени пройдет до первого большого шума и беспорядка, и вероятно клуб закроют по высочайшему повелению. У дворян слишком много причин неудовольствия, чтобы они не воспользовались случаем собрания, чтоб дать волю своему справедливому негодованию»⁶¹.

Опасения графа не оправдались. Несмотря на многолюдность заседаний, проходивших в здании Дворянского собрания, никакими оппозиционными заявлениями они не ознаменовались. В деятельности клуба принимало участие множество людей, придерживавшихся совершенно различных политических взглядов, и объединение их при обсуждении принципиальных вопросов было задачей нереальной.

Тщетность всех попыток добиться солидарности дворянства заставила Орлова-Давыдова прийти к резкому заключению, что дворяне заслуживают разорения, так как «не умеют

⁵⁹ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 52. Д. 46. Л. 14—14 об.

⁶⁰ История создания этого общества освещена в статье: Чернуха В.Г. Петербургское собрание сельских хозяев (1860-е гг.) // ВИД. Вып. 17. Л., 1985.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 8. С. 37—38.

защищать своих прав и нападают друг на друга». «Нет у нас никакого *esprit de corps* — сословного согласия, — писал он, — но напротив того — всегдашняя готовность выказывать свои услуги и вредить товарищам»⁶². Пессимизм по поводу возможности достичь чего-либо на пути защиты сословных интересов был в это время весьма распространен в великосветском обществе. «Безнадежно оконченным» считал «дело дворянства» князь С.М.Воронцов. В конце 1865 г. С.И.Мальцов говорил Орлову-Давыдову, «что теперь не время отстаивать права дворянства и что при нынешнем союзе демократической партии с правительством всякое действие будет осуждено как революционное». Мальцов советовал «дождаться того времени, когда правительство будет принуждено финансовым расстройством прибегнуть к помощи и советам землевладельцев»⁶³.

Суммируя подобные отзывы, следует подчеркнуть, что причины своих неудач «охранители» усматривали не только в сословной разобщенности, но и в отсутствии поддержки со стороны верховной власти и правительства. Слова Мальцова демонстрируют понимание того, что любое выступление против господствовавшего «демократического», в его интерпретации, направления во внутренней политике будет восприниматься императором как посягательство на собственную власть до тех пор, пока преобладание в правительстве не окажется на стороне «охранителей». В сущности, о том же говорил Орлову-Давыдову и П.А.Валуев, по словам которого, «всякая ошибка со стороны дворян записывается нашими неприятелями, которые обращают в свою пользу все наши промахи»⁶⁴. Как не без проницательности отмечал еще в 1862 г. В.А.Краинский, «примирение правительства с дворянством» оказывалось «условием *sine qua non*» изменения политического курса⁶⁵.

Неудивительно, что для сторонников создания «охранительной партии» особое значение приобретала возможность

⁶² РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1 Д. 9. С. 182, 212.

⁶³ Там же. Д. 10. С. 282, 63.

⁶⁴ Там же. С. 107.

⁶⁵ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 52. Д. 44. Л. 11 об.

заручиться содействием хотя бы некоторых «правительствующих лиц». Поэтому особого рассмотрения заслуживают их контакты с теми министрами, на поддержку которых они могли рассчитывать. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что именно на П.А.Валуеве и В.А.Долгорукове — наиболее вероятных сторонниках защиты дворянских интересов в правительстве — лежала обязанность пресекать все политические выступления дворянства. Вероятно, поэтому к 1866 г. в обществе сложилось, как доносил агент III Отделения, убеждение, что «Валуев составляет для дворян китайскую стену»⁶⁶. Недовольство тем, что министр внутренних дел постоянно отклоняет дворянские ходатайства, было особенно сильно в провинции, достигнув пика после московского собрания 1865 г. В глазах многих помещиков он был лишь одним из представителей той самой бюрократии, ограничения «всевластия» которой они добивались. Характерно, что, когда великий князь Константин Николаевич, обсуждая в 1866 г. со своим адъютантом А.А.Киреевым собственный «конституционный» план, упомянул о проекте Валуева 1863 г., Киреев сначала не мог поверить, что такой проект вообще может существовать⁶⁷. Даже В.П.Орлов-Давыдов, регулярно общавшийся с министром внутренних дел, по-видимому, не имел полного представления о его мыслях, касающихся организации представительных учреждений.

Следует отметить, что к политическим выступлениям дворянства и П.А.Валуев, и В.А.Долгоруков относились не без сочувствия, хотя и считали их поспешными и неумелыми. Так, по поводу очередной попытки А.П.Платонова поставить на голосование в дворянском собрании вопрос о допущении выборных в Государственный Совет, Валуев отметил: «Я написал кн. Долгорукову, что признаки времени умножаются. На днях он говорил государю: *qu'il n'y a pas une voix pour la monarchie pure* (что нет ни одного голоса в защиту абсолютной монархии. — И.Х.)». События, происшедшие на московском собрании

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 109. Секр. арх. Оп. 1. Д. 1735. Л. 1 об.

⁶⁷ ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.

1865 г., министр внутренних дел оценил еще более определенно: «Вместо того, чтобы распознавать признаки времени... эти господа (представители правительства. — И.Х.) стараются изобрести средства помешать графам Орловым-Давыдовым высказывать, хотя и неловко, и неточно, и неуместно, часть того, что думает и ощущает Россия. Напрасные старания. Волна поднялась среди моря и идет к берегу. Ее остановить нельзя, а можно только приготовить ей ложе»⁶⁸.

Однако говорить о солидарности Валуева с кем-либо из дворянских лидеров не приходится. Постоянные наблюдения за их действиями и речами приводили Петра Александровича к выводу о царившей в дворянской среде атмосфере разброда и незрелости мыслей. «Вчера кн. Воронцов убил у меня два часа времени самыми пустыми речами о крестьянском деле и других современных затруднениях, — записал Валуев после визита одного из представителей фрондирующей аристократии. — Завтра он едет в Париж. Таковы, к сожалению, у нас почти все люди высшего круга. Ничего толком не сообразят, покричат наудачу вкось и вкривь, да и уедут в Париж»⁶⁹. Побывав по приглашению Орлова-Давыдова на одном из первых заседаний сельскохозяйственного клуба, он сделал заключение, что «собрание само по себе похоже на гимназистов, упражняющихся в парламентаризме». «В каждом слове, — писал он после одного из торжественных обедов, данных дворянством в 1866 г., — слышится, что это еще упражнение в слове, и упражнение большей частью весьма неудачное... Внимание заслуживают разные оттенки претендентов на это орудие. Близорукие ультра-дворяне, как гр. Орлов-Давыдов, дворяне с аристократическими притязаниями и демагогическими приемами, как гр. Андрей Шувалов, чистые демагоги, как Крузе, люди с желчным честолюбием, ищущие преимущественно личного значения, как кн. Щербатов... Есть нечто столь дикое в совокупности и сопоставлении всего этого, что можно бы отчаиваться насчет нашей будущности... И сила, и

⁶⁸ Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1. С. 213; т. 2. С. 15.

⁶⁹ Там же. Т. 1. С. 159.

единство, и верноподданническая преданность и покорность, все более кажется, чем есть»⁷⁰.

Но несмотря на столь пессимистические оценки деятелей всех оттенков, собственные убеждения Валуева сближали его, как и накануне 1861 г., с теми, кто резко отрицательно относился к «демократической» стороне реформ. Неслучайно поддерживавшие «Весть» представители столичной аристократии неоднократно прибегали к содействию министра, испрашивая цензурных послаблений для патронируемой ими газеты⁷¹. Некоторые шаги к сближению с ними предпринимал и сам Валуев. В начале 1864 г., то есть вскоре после того, как император с неудовольствием вернул министру записку о преобразовании Государственного Совета, Орлов-Давыдов отметил в дневнике: «Имею продолжительный разговор с Валуевым об земских учреждениях. Он говорит, что сказал Государю, что надо предоставить простор в делах большим землевладельцам, каковы Строганов, Меншиков и я. После других любезностей он спрашивает, имею ли я в него доверие и может ли надеяться на мое сочувствие»⁷². Незадолго перед этим Орлов-Давыдов передал Валуеву очередную записку Краинского, в которой отстаивалась необходимость увязать земскую реформу с введением центрального представительства, что соответствовало и взглядам министра. И хотя в признании дворянства опорой порядка Орлов-Давыдов готов был идти гораздо далее Валуева, точки соприкосновения министра с теми, кого он сам именовал «ультра-дворянами», несомненно существовали⁷³.

Именно стремление превратить высшее сословие в действительную, и вместе с тем солидарную с властью общественную силу, лежало в основе тех «органических» мер, которые Валуев пытался провести в первые годы своего пребывания на по-

⁷⁰ Дневник П.А.Валуева. Т. 1. С. 270; т. 2. С. 118. Упомянуты Г.А.Щерба-тов, А.П.Шувалов и Н.Ф.Крузе — председатель губернской земской управы, ярый «конституционалист».

⁷¹ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 487 (письмо Валуеву Н.А.Безобразова от 21.08.1864); РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 8. С. 87.

⁷² РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 8. С. 40—41.

⁷³ См., например: Дневник П.А.Валуева. Т. 1. С. 260, 266; т. 2. С. 93.

сту министра. Его «конституционный» проект хорошо известен в литературе. Гораздо меньше внимания исследователи уделяли тому, в какой связи он находился с его же идеями об организации земств и местного управления. В этом отношении особый интерес представляет малоизвестный проект министра об организации вытей⁷⁴.

Вопрос об «устройстве территориальных волостей» (вытей) был поднят в 1862 г. Проект составлялся в течение 1863—1864 гг. и 13 августа 1864 г. был внесен в Главный Комитет⁷⁵. В объяснительной записке к нему значение, которое придавалось учреждению вытей, скрывалось за практическими соображениями об устранении «территориально-административной чересполосицы» и отчуждения крестьянства от «образованного класса». На основании этих соображений Валуев предлагал учреждение выти (округа с числом жителей до 15 тыс.), всеобщего вытного схода и должности вытного головы. Последний должен был назначаться высочайшим приказом по докладу министра внутренних дел, исполнять должность безвозмездно и иметь полномочия, подобные тем, которыми в 1860 г. планировалось наделять «волостеля»⁷⁶.

Проект Валуева, таким образом, соответствовал постоянным требованиям помещиков упрочить местную власть и дать

⁷⁴ Едва ли не единственная работа, в которой рассматривается этот проект — статья американского историка П.Цапа (Czap P. P. Valuev's Proposal for a Vyt' Administration // Slavonic and Eastern European Review. No. XLV, July 1967), который, однако, рассматривает его вне связи с «конституционными» замыслами министра.

⁷⁵ Во всеподданнейшем отчете за 1861—63 гг. он обращал внимание императора на уже составленный проект; Александр II наложил резолюцию «Крайне необходимо». Однако когда Комитет Министров, рассматривавший в 1866 г. выполнение резолюций, обратился к Валуеву с запросом о судьбе предложений, оказалось, что проект все еще находится в Главном комитете. В итоге никаких решений по этому поводу так и не было принято, хотя после апреля 1866 г. Валуев и пытался вернуться к его обсуждению. См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1864 г. Д. 86. Л. 64—69; ф. 1284. Оп. 66. 1863 г. Д. 11. Л. 35—36; ф. 908. Оп. 1. Д. 111. Л. 121—123. Д. 101. Л. 112 об.

⁷⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1864 г. Д. 86. Л. 2—62.

им возможность оказывать влияние на крестьянское самоуправление. Именно так определил сам Валуев свои намерения в беседе с Орловым-Давыдовым в конце 1862 г., обнадежив того «уверением, что помышляет о восстановлении полицейской власти и предоставлении помещикам должного веса в этом отношении»⁷⁷. Однако был у проекта и более общий смысл. В том же 1862 г. при обсуждении основных начал земской реформы в особом совещании под председательством великого князя Константина Николаевича обсуждалась мысль, что «с окончательным... слиянием всех сельских состояний потребуется необходимое раздробление уездов, для удобства администрации, на более мелкие поземельные единицы, которые составят собой третью, или низшую степень предполагаемых в губерниях земских учреждений»⁷⁸. Представляется вероятным, что по первоначальному плану Валуева такой низшей земской инстанцией должна была стать территориальная единица, подобная выти. Учитывая, что земская реформа связывалась им с введением выборных членов в Государственный Совет, замысел министра приобретает вполне определенные черты: уездные и губернские собрания стали бы лишь средним звеном между местным управлением, всецело находящимся в руках землевладельцев, и центральным представительством. Решающее значение в подобной вертикали приобретали бы низший и высший ее элементы, земство же в целом как бы естественным путем, в обход болезненного вопроса о сословных преимуществах, стало бы сугубо дворянским институтом. Косвенное подтверждение тому, что именно такой виделась Валуеву необходимая реформа, обнаруживается в одном из его писем М.Н.Каткову: «Вы строите много земских горниц без земской крыши. Это не здание... Если же Вы будете последовательно наводить крышу, она очевидно ока-

⁷⁷ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 6. С. 165.

⁷⁸ ОР РНБ. Ф. 379. Д. 210. Л. 1-2. Цитируемый документ — проект журнала Совещания, сохранившийся в фонде его делопроизводителя Ф.П.Корнилова, — содержит единственное известное упоминание об этом направлении разработки земской реформы.

жется противоцензурною. По моему мнению, верна мысль о пользе большего единения и сплочения элементов каждой местности. Верна и другая мысль об ошибочности известных теорий насчет крестьянства (речь идет об идеях, отразившихся в Положениях 19 февраля. — И.Х.)... Полагаю, что можно исходить от необходимости восстановления территориального начала... Волости и общества суть единицы юридические, собирательно-личные. Наделы и владельцы земли суть единицы не приуроченные, не связанные органической связью». Упомянув о своем вытном проекте, Валуев резюмировал: «...Если Вы примитесь за разработку этой мысли, если Вы будете преимущественно указывать на хозяйственно-полицейскую сторону дела, и если Вы вспомянете о центральном управлении, говоря о местном самоуправлении, то разные цензурные сомнения устранятся»⁷⁹.

Политическое значение местного управления обозначено в письме достаточно четко. В основе подобного взгляда лежала, как отмечалось в предыдущей главе, ориентация на английскую политическую систему, апологеты которого оценивали местное самоуправление как фундамент представительных учреждений, при отсутствии которого «конституция» в значительной степени превращалась в фикцию. Примерно в том же смысле развивали свои идеи и многие представители консервативного дворянства. Этот же взгляд последовательно отстаивался «Русским листком», а позднее «Вестью».

Однако в проекте о вытях связь вытных голов с земством хотя и декларировалась, но была фиктивной. Земство не имело бы никакого влияния ни на назначение, ни на деятельность головы, поскольку он никому не подчинялся. Дело в том, что проект разрабатывался в то время, когда Земское Положение уже было принято в том виде, которому Валуев совсем не сочувствовал. В итоге вытный голова должен был не заменить какое-либо из существовавших учреждений, а как бы над- или подстроиться к ним. Система управления оставалась нетрону-

⁷⁹ Русская старина. 1916. Июнь. С. 352. Письмо от 12.04.1864.

той, сама же предлагавшаяся мера потеряла свое принципиальное значение.

Но, пожалуй, гораздо более, чем близость конкретных планов, министра объединяло с консервативными дворянскими кругами резкое неприятие «демократических», «цезаристских», «мужикофильских» идей их противников — «Милютин и К^о»⁸⁰. Именно стремление противопоставить сплоченным реформаторам собственную силу и лежало в основе неоднократных попыток создания «консервативной партии».

Привлекает особое внимание факт, отразившийся, в частности, в деятельности Краинского и Орлова-Давыдова в 1862—64 гг.: оба они осознавали необходимость объединения как можно более широкого круга политически активных дворян, в том числе людей, чьи убеждения, как это стало ясно в ходе дворянских собраний 1862—63 гг., сильно отличались от их собственных. Эта готовность к компромиссам очень показательна. Некоторых из тех, кого общественное мнение уже в 1864 г. относило к так называемой «партии Вести», не без основания приписывая им крайние взгляды на совершавшиеся преобразования, не устраивали узость и ограниченное влияние собственного кружка. Но оказалось, что общего врага в лице «демократов» для объединения еще недостаточно. Фиаско проекта умеренного издания («центристская» газета так и не была основана) объяснялось не скупостью предполагавшихся акционеров, а, скорее, неопределенностью самой идеи «консервативного центра». «Весть», обладавшая совершенно недвусмысленным политическим обликом (хотя это и делало ее весьма уязвимой), снискала гораздо большую финансовую поддержку. Характерна оценка такого стороннего наблюдателя и одновременно, по-видимому, типичного представителя

⁸⁰ После одной из бесед с великой княгиней Еленой Павловной, которая пыталась примирить Валуева с Н.А.Милютиним, министр записал в дневнике: «Я воздал ему приличное, но указал на разномыслие по польским делам. Я мог бы указать вообще на различие стремлений демократических и аристократических (русская аристократия так скромна и неаристократична!)...» (Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 93).

столичного чиновничества среднего уровня, как А.И.Артемьев: «Не только не сочувствую я взглядам «Вести», даже возмущаюсь ими... а все-таки я «Весть» ценю несравненно выше «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Голоса», столь либеральствующих. «Весть» по крайней мере консеквентна, верна своей цели, доселе еще ни разу не оказалась переметной сумой: все подводит к своему знаменателю и весьма нередко подводит с большим умением»⁸¹.

Постоянное и настойчивое обращение части дворянства к идее сплочения «охранительных сил» в некую «консервативную партию» являлось симптомом кризиса, в котором оказалось «высшее сословие», и вместе с тем признаком крепнущего осознания того, что прежние, корпоративные и закулисные формы борьбы за свои интересы должны дополниться новыми. Отвечая на вызов времени, «консерваторы» демонстрировали свое желание противопоставить нарастающему давлению либерального общественного мнения собственный взгляд на смысл происходящих в стране перемен.

3. Земская реформа и обострение противоречий в среде оппозиционного дворянства

К середине 1860-х гг. дворянская оппозиционность, характеризовавшаяся в конце 50 — начале 60-х гг. противоречивым смещением идей, все явственнее оформлялась в виде двух направлений: либерального и консервативного (еще раз подчеркну условность этих терминов). Большую роль в этом процессе сыграли принятие и реализация Положения о земских учреждениях. Представитель жандармского корпуса в Пскове сообщал в 1865 г.: «В псковской губернии как в земских собраниях, так равно и в обществе существуют в настоящее время две партии — консервативная и демократическая... Партии эти образовались с 19 февраля 1861 г. и существуют везде, где отмена крепостного права изменила отношения

⁸¹ ОР РНБ. Ф.37. Д. 165. Л. 36 об.

между дворянством и крестьянами. Можно даже сказать, что с введением в действие Положения о земских учреждениях антагонизм между этими партиями усилился и принял более определенные формы»⁸².

Создание земств не только предоставляло дворянству новые возможности для оппозиционных выступлений. В то время как либералы восприняли земства как новое поле для реализации политических амбиций, «охранители» оценили их введение как очередной антидворянский, «демократический» шаг правительства. Реформа нарушала монополию дворянских собраний на выступления от имени «общества». Само появление учреждений, как бы конкурировавших с сословными, создавало дополнительное поле напряжения в политических баталиях и, по мнению многих защитников дворянских прав, могло привести к еще большему разладу в рядах высшего сословия. «В самом деле приходит в голову мысль, что Государь есть самый заклятый враг дворянства, — записал Орлов-Давыдов, ознакомившись с проектом реформы, — Какая демократия узаконяется в России!.. Но дворяне так между собой разделены, что нет никакой [основы] для совокупного и упорного возражения»⁸³.

Примечательно, что недовольство крупных землевладельцев вызывало не только относительно широкое представительство в земствах крестьянства и буржуазии, но главным образом низкий, с их точки зрения, ценз, установленный для первой, землевладельческой курии⁸⁴. Накануне принятия реформы Государственным Советом Д.Н.Шидловский и Орлов-Давыдов составили и разослали ряду членов Совета записку, в которой говорилось: «Самое меньшее участие в делах земства предоставляется дворянству, потому что числительность в избирательных собраниях по сословным кружкам будет всегда на

⁸² ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1865 г. Д. 42. Ч. 4. Л. 18—18 об.

⁸³ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 8. С. 19, 39.

⁸⁴ Около 200 десятин землевладения (цифра варьировалась в зависимости от местности). На самом деле ценз был еще ниже, поскольку при исчислении собственности помещиков в нее включались наделенные крестьянские земли, которыми те не могли распоряжаться.

стороне мелкой шляхты, которая вероятно будет избирать гласных в губернское собрание из своей среды, имея в виду выбор членов управ с хорошим содержанием...»⁸⁵. Эта логика привела авторов записки к мысли о необходимости значительно увеличить пассивный ценз для избрания в гласные и предоставить крупным собственникам право личного участия в земских собраниях.

Но наибольшую тревогу противников чрезмерного «демократизма» земств вызывало все-таки возможное противопоставление новых учреждений дворянству. Бывший в эти годы в их числе адъютант великого князя Константина Николаевича А.А.Киреев писал в дневнике в 1865 г.: «Правительство очевидно намерено перенести центр тяжести провинциального self-government'a из дворянских собраний в земские собрания. Дворянские собрания ограничатся одними обедами». После одного из разговоров с великим князем Киреев еще более уверился в своих подозрениях, сделав вывод, что «консервативность заключается, по мнению моего почтенного собеседника, в сохранении всего касающегося до Р[омановы]х. Что пределом человеческого блага и государственного благоустройства [является] цезаризм, основанный на мужицких голосах, и что наконец партия конституционная и партия революционная почти тождественные для него понятия»⁸⁶.

Однако дворянство в целом отнюдь не было едино в отношении к новым органам, что в полной мере проявилось, в частности, в ходе знаменитого московского дворянского собрания 1865 г. В литературе этот съезд рассматривался главным образом как своеобразная «высшая точка» в конституционных выступлениях дворянства⁸⁷. На мой взгляд, влияние, которое оказали

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1865 г. Д. 42. Ч. 18. Л. 54. Авторство установлено на основании дневника Орлова-Давыдова, см.: РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 8. С. 11, 19–21.

⁸⁶ ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3. Л. 37 об., 54.

⁸⁷ См.: Скороспелова В.А. Московское дворянское собрание 1865 г. и газета «Весть» // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. 1974. № 2; Нардова В.А. Законодательные документы 60-х годов XIX в. об адресах на «высочайшее» имя // ВИД. Т. IX. Л., 1977.

на дворянское оппозиционное движение события, происходившие на съезде, и последовавшая за ним реакция правительства, заслуживает внимательного рассмотрения. «Конституционные» выступления 1862—63 гг., являясь по преимуществу демонстративным выражением протеста против реформы 1861 г., были туманны по форме и неопределенны по содержанию; ни в одном из них не было сколько-нибудь отчетливо сформулировано, каким должно быть гипотетическое представительство. Начало съезда 1865 г. как будто свидетельствовало, что он пойдет по той же колее, что дворяне готовы будут сплотиться на одной лишь почве — оппозиции правительству и «бюрократии».

Уже на следующий день после открытия собрания Орлов-Давыдов отмечал в дневнике: «Вижу изо всего направления прений, что если им оставить ход свой, согласие обнаружится в одном оскорблении Верховной власти, но что одной общей резолюции от всего дворянства, одной благоразумной и практической мысли не будет»⁸⁸. На этом съезде, как и в 1862 г., предложениям Н.А.Безобразова о созыве выборных от дворянства противостоял поддержанный Д.Д.Голохвастовым проект подольского уезда о всесословном земском представительстве. Понимание необратимости свершившихся преобразований стало, по-видимому, уже всеобщим. Как заявил один из выступавших, «теперь уже не время обсуждать, полезно или вредно для гражданского строя существование дворянства. Оно более не существует как сословие — это факт, который совершился. Обнародовано земство и мы вступаем в новую эру»⁸⁹. Однако большинство явно не могло определиться, какую позицию занять в новых условиях. «Я замечаю, — писал Орлов-Давыдов, — что хотя проект Безобразова совершенно противен подольскому... однако они не в открытом противоборстве, как того должна бы требовать логика»⁹⁰.

В этот момент Орлов-Давыдов и решился произнести речь, склонившую дворянство к единому постановлению. «Демо-

⁸⁸ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 9. С. 61.

⁸⁹ Там же. Ф. 1379. Оп. 1. Ч. 3. Д. 634. Л. 1.

⁹⁰ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 9. С. 60.

кратические» земства, а с ними и «демократический Земский собор», по мнению графа, станут реальностью, с которой необходимо будет считаться, «хотя бы мы этого и не желали», и которой нужно противопоставить в качестве «предохранительного клапана» консервативный элемент. «Мы постоянно твердим друг другу поощрения, что мы считаемся необходимой опорой престола. На это нам говорят с некоторою справедливостью, что опорой... не может быть то, что само слабо, само валится, что не имеет чувства самосохранения. На это отвечаю, что хотя слабость есть, хотя есть признаки разрушения, однако чувство самосохранения у нас есть... Много было говорено о том, что дворяне ничего не значат, и что оплот дворянства не нужен для государя, который опирается на народные массы... Что народ предан теперь государю как никогда, это справедливо, но спрашивается, когда земли больше не будет, которую можно им раздавать, когда не будет больше воли, которую можно им прибавить... не объявят ли они новые условия подданства, и это будет именно когда дворянство обратится в мужиков, тогда будет один только царь и он один дворянин»⁹¹.

Речь Орлова-Давыдова, по сути, была инвективой в адрес всей политики Александра II. Ни до, ни после него никто в публичном выступлении не выражал столь откровенного протеста против идеи «демократического цезаризма». Сколь угодно резкие нападки на «бюрократию» (Д.Д.Голохвастов в своей речи на собрании именовал окружение царя «опричниной») не могли так задеть верховную власть. Характерно, что в петербургском свете выступление графа было воспринято как оскорбление императора⁹².

Но несмотря на одобрение речи собранием, предложение Орлова-Давыдова ходатайствовать о создании наследственного, по назначению императора, представительства (своеобразной «па-

⁹¹ ГА РФ. Ф. 109. Секр. арх. Оп. 3. Д. 2169. Л. 21–25. Цитирую по обнаруженной мной архивной стенограмме прений. Текст речи, опубликованный в «Вести» (№ 4. 14.01.1865), отличается от оригинала.

⁹² См.: РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 9. С. 88, 158–159.

латы пэров», которая должна была бы умерять радикализм «земского собора») встретило всеобщее неодобрение: «Возражали сильно. Как, они говорили, будет это? Да Государь выберет опять Адлербергов и Милютиных... Слова “из рода в род” вооружают против себя всех... “Эти мысли не соответствуют современным потребностям!”... Прудон и Герцен пустили глубокие корни в московской почве. Я в отчаянии и в недоумении... Но какой же смысл остается во всем изменении... Кто захочет быть в этом дворянском собрании, имея при том возможность быть избрану в общее земское...»⁹³. В результате дискуссий адрес был составлен в крайне туманных выражениях⁹⁴.

Таким образом, московское дворянство не захотело выступать в защиту своих сословных прав и выразило желание, завоевав сочувствие других земских сословий, выступать перед властью от имени «народа». Правительство воспринимало такую возможность достаточно серьезно: вскоре после московского адреса жандармской агентуре было поручено выяснить, «в какой степени сильно влияние дворян на прочие классы населения и в какой степени сии последние доверяют первым. Это вопрос особенной важности». Это поручение было следствием донесений агентов, которые, отслеживая восприятие адреса в обществе, указывали, что при общем сочувствии к его смыслу, все сходились во мнении: «дворяне должны были пригласить к участию в адресе и прочие сословия, тогда они могли рассчитывать на успех»⁹⁵.

Отношение к земству становится критерием политических убеждений. В декабре 1865 г. А.А.Киреев, активно участвовав-

⁹³ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 9. С. 69.

⁹⁴ Весть. 14.01.1865. № 4. С. 11.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 109. Секр. арх. Оп. 1. Д. 1731. Л. 10—10 об. Об этом же сообщал в письме Валуеву князь А.А.Оболенский. «Уже теперь ходит молва между образованным купечеством и мещанством, — утверждал он, — что напрасно дворянство принимает на себя ходатайствовать о нуждах всего государства, что они его на это не уполномачивали, а что дворяне могут рассуждать только о своих собственных нуждах. Какую же поддержку дворянство может ожидать в прочих сословиях?» (ОР РНБ. Ф. 126. Д. 35. Л. 5—5 об.)

ший в работе московского земства, передавал в дневнике оценку одного из наиболее влиятельных дворянских деятелей Москвы И.И.Мусина-Пушкина, который выделял в тамошнем обществе «четыре кружка»: «1) Безобразов (земство не существует, есть только дворянство, “а прочее все гиль”. 2) Орлов-Давыдов — переход от Безобразова к 3) Гагарину (земство он не любит, но терпит его, принимает как неизбежное зло). 4) Пушкин, Голохвастов (Голохвастов ленив, авангардный начальник, партизан, подчиняется И.Пушкину) взялись за земство смело, не прочь в нем участвовать, желают соединения его с дворянством в деятельности». «Кажется, категорий слишком много, — добавлял сам Киреев. — Их две. Безобразов — Давыдов и Гагарин — Голохвастов, Пушкин»⁹⁶. При этом собеседники согласились, что основная масса дворян еще не определилась, и это делает невозможным создание «партии».

Таким образом, московские события дали новый толчок размежеванию если не дворянства в целом, то наиболее активной его части. В Москве группировка Голохвастова и Мусина-Пушкина уже в течение 1865 г. предприняла решительные попытки выработать единую программу и тактику. Среди бумаг верейского предводителя князя А.В.Мещерского сохранились протоколы нескольких частных секретных совещаний 1865—67 гг., в которых участвовали А.В. и Н.П.Мещерские, П.А.Васильчиков (зять Орлова-Давыдова), граф В.А.Бобринский, Д.Д.Голохвастов, граф И.И.Мусин-Пушкин, граф А.С.Уваров, А.А.Нейдгарт. Ни к какому положительному результату эти совещания не привели, однако интересно, как участники оценивали возможность «дать крупному землевладению... влияние и перевес, которые оно утратило»⁹⁷. На совещании августа 1865 г. возобладало мнение, что «всякий вопрос сословный может быть затронут не в исключительном, а в общем интересе всех сословий... Потеря, которую несет дворянство, есть... факт очень грустный, но... повторение его с точки зрения дво-

⁹⁶ ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3. Л. 47 об. Упомянут князь Л.Н.Гагарин — московский губернский предводитель дворянства.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 1379. Оп. 1. Ч. 3. Д. 653. Л. 2.

рянской... положительно вредно, факт этот дает петербургским друзьям нашим (то есть «недругам дворянства». — И.Х.) крепчайшее орудие остановиться на нем... и украсить его своими личными толкованиями. Эти друзья наши могут даже хлопотать нам ту или иную вспомогательную полумеру, представив, что дворянство только и думает о своих исключительно интересах»⁹⁸.

Итог совещаний со слов Мусина-Пушкина подвел А.А.Киреев: «1) Ключ позиции находится в настоящее время в земстве, дворянские собрания можно пожалуй уподобить крепостям... но таким, из которых нет возможности делать вылазок... 2) Поэтому нам необходимо взять в руки земство (иначе мы должны будем ограничиться одной защитой). Это необходимо еще и потому, что мы, имея земство против себя, и защититься-то хорошенько не сумеем»⁹⁹. Несмотря на отсутствие выраженной конфронтации между этой группой и, по-видимому, немногочисленными приверженцами точки зрения Безобразова и Орлова-Давыдова (так, Голохвастов после 1865 г. долгое время поддерживал дружеские отношения с Орловым-Давыдовым; регулярно информировал своего тестя о совещаниях и П.А.Васильчиков), пропасть между сторонниками и противниками земств, как покажут события 1866 г., постепенно углублялась.

Похожее разделение на группы прослеживается и в дворянской среде северной столицы, хотя здесь ситуация осложнялась из-за такого специфического фактора, как близость петербургского *beau monde* к высочайшему двору. «Двор поглощает всякого рода элементы, — считал Орлов-Давыдов, — и демократов, и придворных... Это все сплотно в одну нераздельную массу и образует один свод, который покамест очень тверд»¹⁰⁰. Граф, подвергшийся неожиданно суровому преследованию после московского собрания (вместе с В.Д.Скарятиним он был отдан под суд по формальному по-

⁹⁸ РГАДА. Ф. 1379. Оп. 1. Ч. 3. Д. 621. Л. 31-31 об.

⁹⁹ ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3. Л. 52.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 9. С. 141

воду напечатания запрещенных цензурой речи и адреса в «Вести»), с горечью отмечал, что несмотря на выражаемое ему в частных разговорах сочувствие, большинство знати его чуждается.

В Петербурге, где ареной оппозиционных выступлений стало земство, наиболее резкие из них принадлежали А.П.Шувалову и А.П.Платонову. Последний еще на предварительном собрании земских гласных в Царском Селе читал обширную записку, в которой подверг критике Земское Положение и настаивал на созыве Собора. Его оценка земств во многом совпадала с мнением Орлова-Давыдова: «Правительство, — говорилось в записке, — поступило недобросовестно как в отношении помещиков, которых оно польстило земскими учреждениями, в сущности окончательно их уничтожившими, так и по отношению к крестьянам, которых, заманив этими учреждениями... поставило в совершенную зависимость от себя»¹⁰¹. Двумя месяцами позже в губернском собрании оппозиционный настрой Платонова поддержали А.П.Шувалов и Н.Ф.Крузе, чьи резкие выступления получили большой резонанс в обществе.

Именно эти события особенно встревожили императора, который счел необходимым созвать совещание министров для обсуждения «действий земских собраний, стремления к конституции, выражающегося в заявлениях насчет центрального земского собрания»¹⁰². Сами по себе «конституционные» выступления не могли быть для правительства чем-то неожиданным. Озабоченность Александра II, вероятно, была вызвана тем фактом, что земские собрания не проявили той умеренности и «консерватизма», какие от них ожидалась верховной властью. Подтверждением этому является разговор великого князя Константина Николаевича с А.А.Киреевым, состоявшийся в это время. «Где же, — восклицал великий князь, — после этого (петербургских выступлений. — *И.Х.*) искать консервативные элементы? Ведь в земстве очевидно должен

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 109. Секр. арх. Оп. 3. Д. 2192. Л. 1 об.

¹⁰² Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 92.

преобладать консервативный элемент, ведь там так много крестьянского элемента?!»¹⁰³.

Целый ряд данных свидетельствует о том, что зимой 1865—66 гг. в петербургском высшем обществе как никогда активно обсуждались вопросы, касающиеся политического представительства, земств и «демократического» характера правительственной политики. «С земством или с дворянством придется высочайшей власти считаться, — утверждал Орлов-Давыдов, — сила центрального министерского правительства потрясена. Если не один, так другой способ представительного правления водворится в России, и кажется, что первые к тому шаги уже сделаны»¹⁰⁴. Близкий к аристократическим кругам Б.М.Маркевич, петербургский информатор М.Н.Каткова, писал тому о растущем успехе и влиянии «Вести» в столичном обществе¹⁰⁵.

Таким образом, Земское Положение и деятельность земств стали важным фактором, сделавшим еще более явным разделение дворянства на противоборствующие группировки. С другой стороны, оппозиционные выступления земских собраний подготовили почву для поворота во внутренней политике, совпавшего с новым всплеском активности «консерваторов».

4. «Аристократы» и изменение внутриполитического курса в 1866 г.

В историографии принято рассматривать переориентацию внутренней политики в сторону «охранительных» начал в 1866 г. как следствие апрельского покушения на Александра II Д.В.Каракозова. Между тем есть основания полагать, что выстрел Каракозова лишь ускорил процесс, наметившийся несколькими месяцами ранее. Именно к этому времени относил «первую завязку реакционного движения» весьма осведом-

¹⁰³ ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3. Л. 54.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 10. С. 20.

¹⁰⁵ ОР РГБ. Ф. 120. Папка 25. Д. 3. Л. 121—122.

ленный князь А.И.Васильчиков. Его записка «Тайная полиция в России»¹⁰⁶, посвященная обстоятельствам и последствиям изменения внутривластного курса, особенно интересна в части, где автор говорит о событиях 1866 г., так как сам он принимал в них непосредственное участие. По словам Васильчикова, в течение зимы 1865—66 гг. «собрались случайно в Петербурге несколько лиц, проживавших в течение последних лет в провинции, но принадлежавших... к высшему и придворному обществу». В ходе их общения друг с другом обсуждалась возможность «совокупить все консервативные силы страны, чтобы противостать демагогическим стремлениям некоторых влиятельных лиц, приближенных к Государю... Основано было в виде первой попытки сплочения аристократического элемента Общество взаимного поземельного кредита»¹⁰⁷. Васильчиков не называет фамилий, однако некоторые из них определяются по другим источникам. В течение почти всей этой зимы в Петербурге находился прибалтийский генерал-губернатор и будущий шеф жандармов граф П.А.Шувалов. Перед отъездом в конце февраля он говорил с Александром II о «возрастающем нерасположении к правительству и о том, что отсюда действуют или стараются действовать на земские собрания»¹⁰⁸.

Первые упоминания о проекте поземельного банка относятся к тому времени, когда Шувалов еще был в столице. Неоднократно выражавшееся в дальнейшем сочувствие Петра Андреевича к банку, его дружеские связи с основателем Общества взаимного поземельного кредита (далее — ОВПК) графом А.П.Бобринским заставляют полагать, что он участвовал в составлении проекта. Подтверждение этому содер-

¹⁰⁶ См. приложение к данной книге.

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 936. Л. 8—9. Некоторые обстоятельства возникновения и деятельности Общества проанализированы в статье: Чернуха В.Г. Создание Общества взаимного поземельного кредита // Монополии и экономическая политика царизма в кон. XIX—нач. XX вв. Л., 1987.

¹⁰⁸ Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 106.

жится в небольшой заметке А.А.Киреева, посвященной истории создания ОВПК (Киреев стал одним из основателей банка): «Русские патриоты Зеленой и другие, в видах обрусения Западного края, устроили... банк с 5-миллионным фондом для поощрения введения русского землевладения в Западном крае... В то же самое время Шувалов, Бобринский и другие старались устроить тождественный банк в России, с преимущественно олигархической окраской...»¹⁰⁹. Гласная инициатива в деле создания ОВПК принадлежала именно Бобринскому¹¹⁰. Кроме того, зимой 1865—66 гг. в Петербург из-за границы в очередной раз приехал утративший часть былого блеска и влияния, но не утративший амбиций фельдмаршал князь А.И.Барятинский.

В числе учредителей банка были В.П.Орлов-Давыдов, В.К.Ржевский, Б.М.Маркевич, графы П.Г., П.А. и П.П. Шуваловы, князь Б.Д.Голицын, князь Н.А.Лобанов-Ростовский, князь Ф.И.Паскевич, Д.Н.Шидловский, Н.А.Безобразов, граф В.А.Бобринский, князь Л.Н.Гагарин, князь В.И.Барятинский, граф И.И.Воронцов-Дашков, В.Н.Карамзин, В.Я.Скарятин¹¹¹. Большинство упомянутых имен так или иначе связывались с «консервативной» оппозицией реформам. Поддержал идею общества и П.А.Валуев. Впрочем, среди учредителей были и либеральный экономист В.П.Безобразов, и близкий к славя-

¹⁰⁹ ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 46. Л. 1. Речь идет о так называемом Товариществе приобретателей имений в Западном крае (по фамилии министра государственных имуществ известного также как «банк Зеленого»).

¹¹⁰ Граф Алексей Павлович был известен в петербургском обществе не только своей амбициозностью, но также неуживчивым характером и склонностью к интригам. По утверждениям недоброжелателей, ради достижения цели он легко мог встать на путь спекуляций и даже обмана. Князь Д.А.Оболенский в своих записках назвал Бобринского «совершенно полоумным человеком, но не лишенным энергии, хитрости и коварства» (РГИА. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 429. Л. 44.)

¹¹¹ Весть. 3.04.1866. № 25. Стоит заметить, что В.Я.Скарятин, друг наследника престола и гофмаршал его двора, не имел, вопреки часто встречающимся в литературе утверждениям, никакого отношения к редактору «Вести» — В.Д.Скарятину.

нофилам князь А.И.Васильчиков, и известные своим либерализмом князья Г.А. и А.А. Щербатовы. «Состав банка, в котором я принял участие, — утверждал Киреев, — был очень пестр. Там были местные люди (landlords) вроде Григория Щербатова, тянувшие к народу, к земству, и были аристократы-чиновники, презиравшие народ»¹¹². Разделение само по себе весьма показательное...

«Сочувствие к банку огромное», — писал Каткову Маркевич. Узнав о проекте, император якобы сказал, очевидно намекая на конституционные притязания дворянства: «Вот настоящее дело аристократии». У сомневавшихся в поддержке царя инициаторов дела эти слова вызвали восторг и были оценены как «желание сделать что-либо приятное дворянству». «Какая-то внутренняя борьба [происходит] в нашем владыке, — отмечал Маркевич, — клонящаяся в сторону дворянства и либеральных уступок желаниям страны»¹¹³. По мнению Г.А.Щербатова, царя пугала перспектива, что дворянство «может оставить правительство изолированным»¹¹⁴. Примечательно, что чуть позже Маркевич советовал редактору «Московских Ведомостей» воспользоваться благоприятным моментом и «выразить или скорее освежить выражение Вашего сочувствия к конституционным стремлениям дворянства».

Консервативное дворянство группировалось в это время не только вокруг ОВПК. В марте 1866 г. попытка объединить усилия «охранителей» была предпринята в Петербурге и во время первых выборов мировых судей. «Агитируются две большие партии, — сообщал Маркевич, — чиновников... и партия, окрещенная аристократическою... желающая дать мировому институту характер стойкий и консервативно-законный»¹¹⁵. Об «отчасти случайной, отчасти предумышленной сходке» «влиятельных особ» в «разных кредитных обществах

¹¹² ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 46. Л. 2.

¹¹³ Там же. Ф. 120. Папка 25. Д. 4. Л. 134 об., 137—139 об.

¹¹⁴ Там же. Л. 139 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 17.

и секретных комитетах» упоминает в своей записке и А.И.Васильчиков¹¹⁶.

Было ли случайным столь резкое повышение активности представителей высшего общества именно в тот момент, когда назревавший кризис во взаимоотношениях самодержавия и дворянства еще более обострился благодаря оппозиционным выступлениям земства, когда проводимые властью меры по «умиротворению» Западного края и Царства Польского стали вызывать много нареканий внутри России, провоцируя противоборство «ульtrarусской партии» и сторонников более умеренного курса, когда все эти обстоятельства, возможно, поколебали уверенность императора в безошибочности внутренней политики его правительства? Васильчиков полагал, в частности, что волнения в столичном земстве были подготовлены «чуть ли не с общего согласия агитаторами и администрацией», однако данных, подтверждающих это, не существует. Симптоматично, что хотя гораздо более разительным было совпадение зарождавшегося внутривластного перелома с покушением Каракозова, никаких выводов по этому поводу Васильчиков не делал, ограничившись краткой фразой, что «явился Каракозов на стороне реакции»¹¹⁷.

В каком направлении развивались усилия по сплочению «охранительных» сил и насколько плодотворными они оказались, стало ясно уже после покушения, во второй половине 1866-го и 1867-м годах. Хотя А.И.Васильчиков и утверждал, что в ходе создания ОВПК «некоторые лица, считавшие себя главами консерватизма в России, сблизились, сговорились, и в скором времени достигли желаемого — высших должностей государственного управления», однако на деле ситуация была более сложной. Действия тех, кого общественное мнение относило к так называемой «аристократической партии», очень быстро продемонстрировали эфемерность этого образования.

В марте 1866 г. А.П.Бобринский попытался заручиться поддержкой великого князя Константина Николаевича как в ор-

¹¹⁶ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 936. Л. 34.

¹¹⁷ Там же. Л. 9.

ганизации ОВПК, так и, что особенно интересно, в деле предоставления дворянству участия в государственном управлении. Первого апреля А.А.Киреев, несомненно знавший о намерениях Бобринского, записал слова великого князя: «Бобринский был у меня, я с ним говорил о теориях Щербатова и Крузе (дворянские и земские собрания), он постоянно оставался dans des généralités (на уровне общих мест — И.Х.), он не мог привести ни одного факта...». Киреев заверил собеседника, что факты будут земством предоставлены в изобилии¹¹⁸. В тот же день состоялся обмен мыслей по поводу представительства между великим князем и П.А.Валуевым. «Видно, что вел. князь занят мыслью сделать что-нибудь вроде opus grata и сам сделаться persona grata..., — записал тот. — Быть может, на него подействовали грезы его адъютанта Киреева или разговор с графом Алексеем Павловичем Бобринским»¹¹⁹. Интересно, что вскоре после этой беседы Валуев посоветовал Орлову-Давыдову «съездить к Константину Николаевичу, который теперь будто бы лучше расположен к дворянству»¹²⁰. 4 апреля, за несколько часов до покушения, великий князь сообщил Валуеву, что брат разрешил ему заняться разработкой идеи реформы Государственного Совета и привлечь к этому Валуева и государственного секретаря князя С.Н.Урусова. Последующая судьба конституционного проекта великого князя не раз освещалась в литературе¹²¹. История же дальнейших переговоров Бобринского и Киреева с Константином Николаевичем, дающая возможность по-новому взглянуть на этот проект, осталась вне поля зрения исследователей.

В сентябре 1866 г. Киреев записал: «К.Р. (Константин Романов. — И.Х.) желал бы сблизиться с консервативной партией. Я сильно занят этой мыслью... Его бы действительно сле-

¹¹⁸ ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3. Л. 67.

¹¹⁹ Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 114.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 10. С. 120.

¹²¹ См.: Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

довало бы иметь во главе, это был бы лучший доступ к А.Р. Но где партия-то?.. «Мы» мол. «Да кто вы?»». Как явствует из более поздней записи, еще в 1865 г. он обещал великому князю поддержку московского общества. Однако консультации с Катковым в сентябре-октябре 1866 г. оказались безрезультатными. Редактор «Московских Ведомостей» имел собственное представление о политической ситуации. «Весть пишет, — заявил он Кирееву, — что ей прикажет Валуев... Валуев гораздо опаснее Милютина, этот возбуждает сопротивление, а Валуев... приручает разными ключами, критиками и сладкими речами. Партии в настоящее время составить не из чего... Есть хорошее направление в обществе, но оно не воплощается. Пока должно бороться с Вестью, хороших людей нужно отделить от Вести»¹²².

Какую же «консервативную партию» имел в виду адъютант великого князя? Из целого ряда его записей явствует, что он желал объединения «умеренно-консервативных сил», и считал крайностью идеи, отстаивавшиеся «Вестью», Орловым-Давыдовым и Безобразовым. Представление о том, какие именно силы должны составить эту партию, у молодого и склонного к иллюзиям Киреева было довольно смутным. В 1866 г. он полагал, что А.П.Бобринский придерживается убеждений, близких его собственным, и потому принял на себя роль посредника, с одной стороны, между Бобринским и великим князем, а с другой — между ними и Москвой (в лице Каткова и кружка Мусина-Пушкина). Когда Константин Николаевич, подобно Каткову, поделился со своим адъютантом опасениями по поводу лиц, стоящих за ОВПК, тот постарался убедить собеседника в лояльности общества правительству и в конструк-

¹²² ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3. Л. 102 об.—103 об., 113. Интересно, что по мнению близкого к великому князю И.А.Шестакова, тот «примкнул к союзу» Шувалова и Валуева, имея в виду умалить влияние Каткова как признанного глашатая «национальных интересов» в Западном крае. «Началась эра взаимной поддержки в делах темных, — писал Шестаков, — где удовлетворение самолюбия и гибель личных врагов были единственными целями». (ОР РНБ. Ф. 1061. Д. 5. Л. 18—19).

тивности позиции «консерваторов». Тогда великий князь выдвинул три условия объединения с ними: неприкосновенность Положений 19 февраля; устранение «вопроса о конституции»; «полную свободу в выборе лиц» (предполагалось, что «консерваторы» будут настаивать на отмежевании великого князя от ряда одиозных для дворянства фигур, например, Н.А.Милютин и С.М.Жуковского). Первые два условия не вызвали у Киреева никаких возражений; по поводу последнего он не без наивности записал: «Кажется, что на это должно согласиться. Зато можно ввести в союз людей другой крайности (Безобразова etc)»¹²³. Трудно было представить в пореформенной России более полярные, антагонистические фигуры, чем Николай Милютин и Николай Безобразов...

Что думал по поводу этих условий Бобринский, без сомнения, преследовавший собственные цели, неизвестно. Но такой опытный мастер политических комбинаций, как П.А.Валуев, которого участники переговоров попытались в них вовлечь, отнесся к их побуждениям с большой осторожностью. После предварительных бесед он записал: «Что-то неясно для меня во всех этих проделках»; еще через два дня: «Не нравится мне все это». Решительный разговор Валуева с великим князем состоялся 11 ноября: «Великий князь развивал следующие темы: не он изменился, а люди, как Бобринский. Вместо пустых демонстраций на выборах и конституционных грез, они изыскивают другие пути к охранению консервативного начала. Почему им в этом не помочь? Не он, великий князь, в них нуждается, а они в нем». Валуев выразил резонное сомнение в возможности «соединить» его с Милютиным и настаивал на том, чтобы поставить в известность о переговорах императора. «Из всего вижу, — заключил он, — что и Бобринский, и Киреев, и вел. князь не вполне говорят правду... Вел. князь желает играть роль, в которой не признается или которую сам еще недостаточно себе уяснил. Быть может, обе стороны не вполне друг друга понимают. Замечательно, что вел. князь снова говорил о своем предполо-

¹²³ Там же. Л. 110 об.—112.

жении созывать депутатов от дворянства и земства...»¹²⁴. Вскоре Бобринский уверил Валуева, что новый шеф жандармов граф П.А.Шувалов знает о переговорах и одобряет их. Великий князь, видимо, осознав неловкость положения, испросил у Александра II разрешения на свое участие в делах ОВПК (о «конституционной» подоплеке переговоров он умолчал).

Наконец, 28 ноября состоялся «знаменательный», по определению Киреева, разговор его и Бобринского с представителями столичной аристократии, входившими в правление ОВПК, — П.Г.Шуваловым, Г.А.Щербатовым и А.И.Васильчиковым. Сведения о нем содержатся также в упомянутой записке А.И.Васильчикова¹²⁵. «Я начал, — пишет Киреев, — с чтения известной записки. По прочтении ее я начал развивать подробно основные мысли, в ней заключающиеся, упирая преимущественно на необходимость группирования наших сил и на невозможность найти другой центр кроме К.Р.. Только что я окончил, встает Васильчиков и, обращаясь к Бобринскому, говорит: “il faut jocker cartes sur table, ou vent-on en venir?”¹²⁶... Шувалов сказал, что он только банкир, более ничего, и не может вдаваться в политику. Щербатов не высказывался определительно, Васильчиков — определительно и наотрез. Я положительно недоумевал. “Vous voulait etre très fin” Ы¹²⁷, — объяснил мне Бобринский потом... С досады у нас, Бобринского и меня, слезы навертывались»¹²⁸. По сообщению же Васильчикова, «изложена была целая программа консер-

¹²⁴ Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 163—166.

¹²⁵ А.А.Киреев обозначил в дневнике участников совещания лишь именами и начальными буквами фамилий. Позднее он попытался дешифровать запись, в результате чего появились карандашные надписи, хотя и характеристичные, но способные лишь запутать читателя документа: букву «В.» (Васильчиков) он расшифровал как «Валуев», а «Петр Ш.» (П.Г.Шувалов) превратился в «Петра Андреевича Шувалова». В приведенной цитате сокращения раскрыты.

¹²⁶ «Нужно раскрыть карты, а не скрывать задних мыслей» (фр.).

¹²⁷ «Вы хотели действовать слишком тонко» (фр.).

¹²⁸ ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3. Л. 119. К сожалению неясно, какую именно записку имел в виду Киреев.

вативной политики, будто бы уже заручившейся согласием высокопоставленных особ и в заключение предложено было тем двум лицам, которые были приглашены вместе со мной, поступить в члены Главного Комитета о <крестьянских> учреждениях для усиления в нем землевладельческого элемента и перестроения крестьянского управления»¹²⁹.

Великий князь, которого Киреев известил о безуспешности совещания, заявил: «Ну так я опять возвращусь к собственному семейству и своему виолончелю. Не я хлопотал, а вы». «Ему было больно, но еще более досадно: “Я все еще пугало!”»¹³⁰. Через месяц, вновь оказавшись в Москве, Киреев сделал весьма любопытную запись: «Голохвастов и Ив. Пушкин подтверждают мне, что моя связь с Вестью уже сильно меня поколебала во мнении Москвы. Нам необходимо от этого избавиться. Предполагаемая комбинация с К.Р. и консервативной партией невозможна, точно так же невозможна и группировка около банка»¹³¹. Позднее его убеждения окончательно изменились; свое сотрудничество с Бобринским он позднее оценивал так: «Меня хотели втянуть в олигархическую, конституционную партию Шувалов и К^о, но вскоре дело выяснилось».

В изложенной истории переговоров привлекает внимание несколько обстоятельств. Бобринский, несомненно, очень многого не договаривал в беседах с Киреевым и великим князем, и ориентация на сложные закулисные комбинации во многом определила фиаско всей затеи с организацией под эгидой ОВПК «консервативной партии». Но существовала еще одна причина такого исхода. Многие из тех, кого он попытался привлечь к этому делу, — М.Н.Катков и Мусин-Пушкин в Москве, Г.А.Щербатов и А.И.Васильчиков в Петербурге, отказались участвовать в нем из-за нежелания оказаться союзниками «Вести» и тех кругов в правительстве, которые ассоциировались с «Вестью». В этой связи возникает ряд вопросов. Действовал ли Бобринский по своей иници-

¹²⁹ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 936. Л. 36—36 об.

¹³⁰ ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3. Л. 119 об.

¹³¹ Там же. Л. 126 об.

ативе или как представитель какой-либо группы, например, так называемой партии «Вести»? Кто входил в эту группу? Какова была ее программа? Наконец, в каких отношениях с этой «партией» находились в 1866–1867 гг. П.А.Шувалов и П.А.Валуев?

Следует отметить, что под «партией “Вести”» осведомленные современники подразумевали не столько редакторов и сотрудников газеты, сколько стоявших за ней представителей столичной аристократии. Многие объединяли «Весть» с Валуевым и Шуваловым. Но подобную оценку нельзя считать общепринятой. Показательна одна из записей А.А.Киреева. В октябре 1866 г. он утверждал: «Партия красная окончательно разбита. Коалиция Валуев и Шувалов торжествует... Весть будет радоваться, но ведь коалиция может свернуть шею красным, а потом приняться и за консерваторов»¹³². Еще более противоречивую картину рисуют письма Б.М.Маркевича к М.Н.Каткову. Он нередко употреблял понятия «партия “Вести”», «аристократическая партия». Более того, А.П.Бобринский и петербургский уездный предводитель князь П.Н.Трубецкой, тесно связанные с газетой, по его определению, были «крайними представителями партии ныне власть имеющей»¹³³. Однако уже в конце 1866 г. он попытался уверить своего корреспондента в обратном, склоняя его к поддержке ОВПК: «Я вам уже не раз писал, что газета Весть далеко не изображает собою настоящих воззрений той партии или тех некоторых лиц, влиятельных в среде крупных землевладельцев, которые от времени до времени пользуются Вестью для проведения своих идей...» В феврале 1867 г., после роспуска петербургского земского собрания и первых заседаний комитета, обсуждавшего изменения в Земском положении (об этом речь пойдет ниже), Маркевич сделал следующий вывод: «Из знакомства моего со всеми этими людьми, из всех их маленьких агитаций, из каких-то их подозреваемых стремлений что-то провести и против чего-то ополчиться я могу только заключить о полнейшей их неумелости и прихожу к убеждению,

¹³² ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3. Л. 106 об.—107.

¹³³ Там же. Ф. 120. Картон 25. Д. 4. Л. 94.

что затормозить движение они не в состоянии, и что если у кое-кого из них и есть кое-какие предполагаемые намерения в ретроградном смысле, то ни один из них не способен облечь их в плоть и кровь»¹³⁴.

Непросто оценить, насколько искренен был Маркевич, стремившийся подвигнуть Каткова если не на союз с «аристократами», то, по крайней мере, на нейтралитет по отношению к ним. Вместе с тем его оценки нельзя не признать очень показательными. Резюмируем их. «Партия «Вести» есть, и в то же самое время ее не существует. Она есть как совокупность принадлежащих к столичному свету людей с определенными взглядами, стремящихся влиять на правительственную политику и поддерживающих П.А.Шувалова. Но она не существует как организованная и сплоченная сила, способная добиться своих целей. Далеко не все представители петербургской аристократии поддерживают идеи «Вести». Непросты отношения этой «партии» и с консервативными министрами; неопределенным оказывается также состав данной группировки. Маркевич чаще всего упоминал А.П.Бобринского и П.Н.Трубецкого; в одном из его писем речь шла об основателе газеты Н.А.Безобразове. С другой стороны, он совсем не говорил об Орлове-Давыдове, А.П.Платонове или Д.Н.Шидловском.

В дневнике Орлова-Давыдова за этот период Бобринский упоминается только в связи с ОВПК, а П.Н.Трубецкой не упоминается вовсе, хотя ссылки на контакты с редактором «Вести» В.Д.Скарятиным, которому граф продолжал рекомендовать те или иные материалы, встречаются постоянно. В обществе Орлова-Давыдова считали «патроном» «Вести». Однако о попытках создания консервативной партии вокруг Константина Николаевича он не писал, и остается сделать вывод, что к действиям Бобринского граф был совершенно непричастен. Объяснение этому факту заключается отчасти в том, что имя Орлова-Давыдова во многом было знаковым: для «либеральных» аристократов (Щербатова, Васильчико-

¹³⁴ Там же. Л. 143; картон 26. Д. 1. Л. 47.

ва, Киреева), которых Бобринский надеялся ангажировать, а тем более для великого князя он был представителем крайних убеждений. Слишком свежи были и воспоминания о немилости, в которую граф попал при дворе после московского собрания 1865 г. И все же тот факт, что люди, финансировавшие «Весть» и определявшие ее содержание, не только не координировали свои усилия, но, по-видимому, вообще имели слабое представление о действиях друг друга, говорит о многом.

Но если солидарной в действиях не была даже «немногочисленная, но ярая», по определению Маркевича, группировка «Вести», то еще менее солидарности обнаруживалось в среде петербургской аристократии в целом. А.П.Бобринскому удалось при создании ОВПК добиться участия в банке тех ее представителей, которые еще в 1862—63 гг. проявили разное понимание ключевых вопросов российской действительности. Однако вскоре выяснилось, что подобное объединение весьма неустойчиво, и одним из поводов к расколу, как и ранее, стал вопрос о земстве.

В марте 1866 г. на очередном дворянском собрании губернский предводитель князь Г.А.Щербатов произнес речь, в которой, сетуя на умаление дворянства, подчеркнул, что высшее сословие должно просить «прав, а не привилегий». «Судьба земских учреждений есть вместе и наша судьба», — заявил Щербатов и предложил собранию принять всеподданнейшее прошение, которое заключалось в следующем: 1) все ходатайства дворянских и земских собраний, предполагающие изменения законов, должны рассматриваться в законодательном, а не административном порядке; 2) остальные ходатайства подлежат рассмотрению Сената; 3) земство наравне с дворянством должно получить право избирать депутатов для представления ходатайств; 4) эти депутаты должны по праву, а не по приглашению участвовать в заседаниях Сената и Государственного Совета.

И речь, и адрес носили компромиссный характер, поскольку говорили о расширении прав земства *наряду* с дворянскими правами. Впрочем, есть основания полагать, что изначально намерения Щербатова были несколько иными. Прочитав еще до собрания его вариант прошения, Орлов-Давыдов на-

звал его «страшной галиматъей» и вместе с А.П.Платоновым внес в проект коррективы¹³⁵.

Щербатов старался подчеркнуть легальность ходатайства, «избежать шума и предотвратить печатные демонстрации»: по его требованию «Весть» не поместила о ходатайстве никаких сообщений¹³⁶. Возможно, поэтому вместо репрессивных мер дворянству было лишь объявлено об оставлении ходатайства без последствий. На этом же съезде Орлов-Давыдов был избран кандидатом в губернские предводители, однако, что характерно, лишь после того, как от должности поочередно отказались Г.А.Щербатов, П.П. и А.П. Шуваловы, Ф.И.Паскевич, А.А.Бобринский и В.Н.Карамзин.

Согласно действовавшему законодательству, губернский предводитель председательствовал и в земском собрании, где в январе 1867 г. и развивались события, серьезно повлиявшие на настроения столичного дворянства, а также на правительственную политику. Поводом к оппозиционным выступлениям на этот раз стал закон от 21 ноября 1866 г., ограничивший права земства по обложению торгово-промышленных заведений¹³⁷. Собрание отказалось применить закон к составленной до его издания раскладке земских сборов на 1867 г. В ходе обсуждения этого вопроса А.П.Шувалов произнес речь, в которой требовал пересмотреть закон «совокупным и одновременным трудом центральной администрации и земства». В подготовке демонстрации активно участвовали председатель губернской управы Н.Ф.Крузе, А.П.Платонов и Г.А.Щербатов. Последующие репрессии были вызваны не только заявлением Шувалова, но и резким тоном, в котором был составлен зачитанный в собрании отчет управы. Все попытки Орлова-Давыдова направить ход заседания в иное русло не имели успеха. В дневнике граф писал о давлении враждебной к нему партии большинства, «центром которой Щербатов»¹³⁸. Однако ближе к истине, вероятно, был

¹³⁵ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 10. С. 91.

¹³⁶ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1124. Л. 10А об.—10Б.

¹³⁷ ОР РГБ. Ф. 120. Картон 25. Д. 4. Л.94.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 11. С. 65—70.

С.Д.Шереметев, писавший в воспоминаниях: «Будучи петербургским губернским предводителем дворянства, он (Орлов-Давыдов — И.Х.) не только не сдержал заварившейся каши, но сам некоторою неопытностью вести дело и непониманием обязанностей председателя попался как кур во щи и пострадал, конечно, более, нежели он того заслуживал. У него не доставало способности быстро охватить положение и направить все к желательному или возможному исходу»¹³⁹.

В ходе совещания в правительстве, срочно собранного в ответ на выступление земства, П.А.Валуев предложил закрыть собрание. П.А.Шувалов же настаивал на более крутой мере: приостановлении действия Земского Положения в губернии и личном наказании своего родственника, А.П.Шувалова, и Крузе. Последняя точка зрения возобладала. Небогатого Крузе решено было выслать в Оренбург, а Шувалова — за границу (из опасения, что в провинции он мог приобрести слишком большое влияние). «А.Шувалов готовится к отъезду довольный как медный грош, — сообщал Маркевич Каткову. — Ему возложили наконец столь желанный мученический венец на главу.. Это свистун и больше ничего, над которым все хохочут, несмотря на то, что само правительство насильно хочет придать ему серьезное значение»¹⁴⁰. Впрочем, за пределами beau monde действия Шувалова и Крузе были встречены сочувственно. Орлов-Давыдов писал о поддержке их «Гостиным двором»: «Ходят по народу слова: “теперь нас всех задела, от князя до пастуха”»¹⁴¹.

Эти события сделали раскол в петербургском обществе еще более явным. «В городе продолжают, — писал Валуев, — толки и демонстрации. В пользу Крузе состоялась довольно значительная подписка. Кн. Щербатов, кн. Васильчиков и кн. Воронцов заявили, что они выходят из Общества взаимного поземельного кредита»¹⁴². Дело было в том, что «Весть», еще в 1866 г. поддержавшая закон 21 ноября, обвинила «оппозицио-

¹³⁹ Мемуары графа С.Д.Шереметева. М., 2001. С. 47–48.

¹⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 120. Картон 25. Д. 4. Л. 32-33.

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 11. С. 85.

¹⁴² Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 85.

неров» в «незрелости и популярничанье»¹⁴³. Несколько позже, в прибавлении к № 84 газеты, деятельность петербургского земства была подвергнута еще более суровой оценке. В ответ А.П.Шувалов издал за границей «открытое письмо», в котором заявил, что «Весть» действует по заказу некоего «известного могущественного кружка»¹⁴⁴. Либеральный «Голос» отозвался на эту полемику, иронически высказав недоумение по поводу несочувствия «Вести» конституционным идеям А.П.Шувалова, при том, что газета поддержала «московских говорунов» (то есть московских дворян в 1865 г.).

Странность ситуации была отмечена многими современниками. По мнению А.И.Васильчикова, события, в которых «два члена одной и той же фамилии играли две первые роли: один — народного агитатора, другой — усмирителя восстания» имели целью скомпрометировать земство¹⁴⁵. Правда, прямо о «сговоре» Васильчиков не писал. Имеющиеся данные говорят о том, что в своих либеральных увлечениях А.П.Шувалов, как и некоторые другие представители петербургской аристократии, был вполне искренен. Именно после закрытия петербургского земства мнение о солидарности «Вести» с П.А.Шуваловым и Валуевым стало весьма распространенным, в том числе и в провинции. Уже в феврале жандармский агент доносил из Новгорода о «темных слухах, что... есть партия, которая имеет свой печатный орган, поддерживается министерством внутренних дел и положительно направляет свои удары и свое влияние к тому, чтобы... уменьшить силы земства»¹⁴⁶. Для того чтобы ответить на вопрос, в какой мере подобные слухи имели под собой реальные основания, необходимо обратиться к анализу деятельности Шувалова в первые годы пребывания его на посту шефа жандармов, а также к личным контактам министров (Шувалова и Валуева) с представителями «партии «Вести»».

¹⁴³ Весть. 1867. № 11.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3667. Л. 3.

¹⁴⁵ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 936. Л. 9.

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1865 г. Д. 42. Ч. 18. Л. 26 об.

5. Программа «охранительной» политики в 1866—1869 гг.: укрепление власти или структурные реформы?

Можно ли говорить о солидарности двух государственных деятелей, занимавших в правительстве ключевые посты министра внутренних дел и шефа жандармов, с «аристократами», которые получили к тому времени достаточно устойчивую репутацию сторонников «олигархической конституции», и уже поэтому не могли пользоваться благоволением императора? Осторожность — это слово, пожалуй, наиболее точно отражает позицию Шувалова и Валуева по отношению к «Вести» и программе, отстаивавшейся в газете. Неоднозначное отношение П.А.Валуева к идеям и деятельности представителей недовольной реформами аристократии в первой половине 1860-х гг. анализировалось выше. Данные о его контактах с так называемой «партией «Вести»» в 1866—68 гг. также довольно противоречивы. Советами Петра Александровича продолжал пользоваться В.П.Орлов-Давыдов, к содействию Валуева апеллировал и А.П.Бобринский. Однако утверждение Каткова, что «Весть» «пишет по указке Валуева», следует считать преувеличением. В октябре 1866 г. Маркевич сообщал Каткову о недоумении, с которым редакция «Вести» восприняла предостережение за одну из резких статей о виленском генерал-губернаторе Кауфмане, поскольку за несколько дней до того «Валуев пожелал лично познакомиться (курсив мой. — И.Х.) со Скарятиним, призвал его к себе и объявил, что он вполне сочувствует “совершенно европейским воззрениям сего редактора”». Еще через полгода корреспондент Каткова вновь выражал сомнение в существовании связи между «Вестью» и министром внутренних дел¹⁴⁷.

Тем не менее определенные связи между Валуевым и Скарятиним, по-видимому, все-таки установились. Доказательством этому служит обнаруженное в фонде канцелярии министра письмо к нему редактора «Вести» от 1 марта 1868 г.

¹⁴⁷ ОР РГБ. Ф. 120. Папка 25. Д. 4. Л. 105—106; папка 26. Д. 1. Л. 69.

Участвуя в очередном дворянском собрании псковской губернии, Скарятин предложил принять всеподданнейший адрес, в котором дворянство просило бы исследовать причины его бедственного экономического положения. «Вам угодно было сказать мне, — сообщал он в письме министру, — что Вы не получили еще копии с несостоявшегося адреса... Мне казалось необходимым сообщить Вам эти факты в полной уверенности, что никто лучше вас не в состоянии объяснить их»¹⁴⁸.

Не менее противоречивыми были отношения с «партией «Вести»» П.А.Шувалова.

Вскоре после покушения Каракозова был образован негласный правительственный комитет в составе П.А.Шувалова, В.А.Долгорукова, П.А.Валуева, П.П.Гагарина, Д.А.Милютина, Д.А.Толстого, М.Н.Муравьева, А.А.Зеленого¹⁴⁹. На первом же его заседании Шувалов прочитал собравшимся свою записку. Она, как установил И.В.Оржиховский, давно известна в литературе, но неверно приписывалась Муравьеву¹⁵⁰.

Анализируя внутривластную ситуацию, новый шеф жандармов приходил к выводу, что «все утомлены постоянными переменами и просят у правительства более спокойной и консервативной эры», что «власть потрясена». Признавалось необходимым, в частности, «прекратить... враждебные выходы дворянских и земских собраний». Для этого нужно, чтобы «правительство выказало себя сильнее вожаков общественно-государственного мнения, потому что люди льнут к силе».

Вместе с тем Шувалов пытался найти объяснение оппозиционным выступлениям дворянства. Несоразмерность власти, предоставленной Главному комитету по устройству сельского хозяйства и мировым посредникам, привела к тому, писал он, что «землевание поставлено, так сказать, вне закона». След-

¹⁴⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1116. Л. 291—292.

¹⁴⁹ См. об этом: Оржиховский И.В. Комитет «общественного спасения» 1866 г. // Общественно-политическая мысль и классовая борьба в России в XVIII—XIX вв. Горький, 1973.

¹⁵⁰ Эта записка была опубликована. См.: Былое. 1907. № 1.

ствием этого стали «потеря землевладельческим классом доверия к правительству, проявление конституционных тенденций и желание захватить в свои руки часть прав, принадлежащих верховной власти». Логика шефа жандармов заключалась в том, что дворянство выступает против правительства не из революционных устремлений, а из «видов самосохранения», и поэтому необходимо предпринять действия, которые бы успокоили высшее сословие и превратили бы его в союзника правительства в борьбе с демократией. С этой целью он предлагал целый комплекс мер по поддержанию дворянства и землевладения: ограничение власти посредников, упразднение Главного комитета, развитие поземельного кредита, предоставление крупным собственникам прав мировых судей и введение их в состав земств.

Гарантии собственности, дворянство как консервативная опора престола, развитие мирового суда — все это было общим местом продворянской публицистики. Таким образом, шеф жандармов с самого начала недвусмысленно заявлял, какого политического направления он будет придерживаться. С другой стороны, в записке явно делалась ставка на демонстрацию силы и на незыблемость государственного строя. Все льготы, которые Шувалов предлагал предоставить дворянству, рассматривались им как средство умиротворения; о хотя бы частичном удовлетворении политических требований высшего сословия не было и речи. Насколько роль *absolutiste quand môme*, которую, по выражению Валуева, разыгрывал Шувалов, соответствовала его убеждениям? Сам Валуев, похоже, сомневался в его искренности. После одного из разговоров с ним «по поводу его записки о введении в земские собрания нового правительственного элемента в виде назначаемых от короны мировых судей» Валуев сделал вывод: «В изустных объяснениях гр. Шувалова еще резче, чем в составленных под его фирму писаниях, выразилась мысль, что главное для исполнения воли государя есть защита верховной власти от будущих притязаний и нападений земства. На этой струне, то есть на струне оберегательства, прежде всего и превыше всего не только прав, но и форм проявления авто-

кратической власти гр. Шувалов играет перед его величеством. Оно ловко и верно рассчитано, но надолго ли и с каким окончательным исходом?»¹⁵¹.

Местонахождение данной записки неизвестно, но можно полагать, что под назначаемыми мировыми судьями имелись в виду не чиновники, а крупные землевладельцы. В этом случае мысль Шувалова совершенно соответствовала тому, чего с самого начала своего существования требовала «Весть», и Валуев не мог не знать об этом. Следовательно, что-то в аргументации шефа жандармов заставило министра внутренних дел убедиться, что тот защищал прерогативы правительства, а не усиление политического значения дворянства. Подобное определение приоритетов, вполне соответствовавшее и характеру новой должности Шувалова, и настроению императора, диссонировало с неоднократно выражавшимися столичной аристократией «конституционными» претензиями. Как совместить такую позицию шефа жандармов с тем, что его друг и союзник А.П.Бобринский в это же время вел переговоры с великим князем, имевшие явный «конституционный» подтекст?

Говорить о скоординированности усилий Бобринского и Шувалова тем более сложно, если учесть еще одно обстоятельство. Пока Бобринский старался заручиться поддержкой Константина Николаевича, Шувалов активно настаивал на упразднении Главного комитета¹⁵², а это не могло не восприниматься великим князем как мера, направленная лично против него. Нельзя также не отметить, что ни дневники Киреева и Валуева, ни другие источники не зафиксировали прямого участия Шувалова в той бурной деятельности, которую развернул Бобринский с зимы 1865—66 гг. Причиной этого, на мой взгляд, была как осторожность шефа жандармов, так и отсутствие у него в это время сложившейся программы.

¹⁵¹ Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 142—143.

¹⁵² Подробнее см.: Чернуха В.Г. Из истории государственных учреждений: Главный Комитет об устройстве сельского состояния. 1861—1882. // ВИД. Вып.13. Л., 1982.

В литературе достаточно подробно освещены те аспекты «охранительной» правительственной политики 1866—68 гг., которые были связаны с усилением правительственной власти и административного контроля за земствами и печатью¹⁵³. Нет сомнения, что П.А.Шувалов играл значительную роль в проведении такой политики. Меньше внимания историки уделяли попытке коренного пересмотра Земского Положения, которая была предпринята правительством на рубеже 1866—67 гг. Требование перестройки земских учреждений являлось одной из главных, программных идей той части дворянства, мнения которой выражала «Весть». Поэтому история этой неудавшейся «контрреформы» представляет значительный интерес при анализе позиции Шувалова и его связей с так называемой «аристократической партией».

Атака на земства со стороны «партии “Вести”» готовилась еще до скандального петербургского земского собрания. А.И.Васильчиков сообщал в своей записке об одном из собраний, на котором ему довелось присутствовать: «...В доме частного лица и в присутствии лиц, поступивших в состав высшей администрации, составлен был как будто случайно, экспромтом, после ужина, что-то вроде секретного комитета; хозяин дома председательствовал, а редактор журнала “Весть” исправлял, по-видимому, должность секретаря». Первым из вопросов, предложенных к обсуждению, стало предложение «предоставить крупным землевладельцам голос по праву владения в земских собраниях и почетное звание мировых судей независимо от избрания». Но обсуждение оборвалось после возражения одного из присутствовавших, что те собственники, которых предполагается привлечь, или уже избраны, или не желают участвовать в местных делах, проживают «в столицах и чужих краях»¹⁵⁴.

Сообщение Васильчикова интересно сопоставить с другими данными. В конце 1866 г. редактор «Вести» В.Д.Скарятин от-

¹⁵³ См.: Оржиховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60—70-х гг. XIX в. Горький, 1974.

¹⁵⁴ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 936. Л. 36 об.—37.

правился в псковскую губернию, где один из местных землевладельцев продал или подарил ему достаточное для избрания в земские гласные количество земли. Согласно жандармскому донесению, известие о том, что Скарятин стал губернским гласным, возбудило «всеобщее любопытство и множество ожиданий». Редактор стал «душой консервативной партии», в которую входили холмский и псковский уездные предводители дворянства Калитин и бар. А.А.Фредерикс, губернский предводитель А.Б. фон Фитингоф, председатель губернской управы князь Ф.В.Шаховской. К «демократической» же партии, возглавлявшейся Н.А.Вагановым и Н.Я.Ростовцевым, относились «настоящие и бывшие мировые посредники и все купцы»¹⁵⁵.

«Мое появление в Пскове, — докладывал Скарятин А.П.Бобринскому, — произвело в демократическом лагере волнение... Наша партия вообще упала духом. Мне забот больше именно в том, чтобы поднять дух и дисциплинировать. Я говорю целый день без умолка, улыбаюсь всем, всем жму руки, лышу, подличаю; даже самому противно. Но иначе ничего не сделаешь с этими тюфяками»¹⁵⁶. На открывшейся сессии Скарятин предложил ходатайствовать о расширении полномочий почетных мировых судей и о предоставлении им прав земских гласных. Этот последний и наиболее принципиальный пункт председатель собрания Фитингоф неожиданно для всех отказался поставить на голосование. «Так-то всегда действуют люди, на которых следовало бы, кажется, рассчитывать, — сетовал Скарятин в очередном письме Бобринскому.— Если будут действовать подобным образом консерваторы или правительство, то не трудно окончательно убить дух охранительной силы. И без того уже она в страшном разброде и ряды ее редуют с каждым днем. Я убедился здесь, что несмотря на рескрипт 13 мая¹⁵⁷, несмотря на то, что губернатор здесь достойнейший человек (будущий министр юстиции граф К.И.Пален. — *И.Х.*), даже и здесь выгоднее быть ра-

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1865 г. Д. 42. Ч. 4. Л. 35—36 об.

¹⁵⁶ Там же. Секр. арх. Оп. 3. Д. 1290. Л. 6-7.

¹⁵⁷ Речь идет о рескрипте на имя председателя Комитета министров князя П.П.Гагарина, ознаменовавшем переход к «охранительному» курсу.

дикалом, чем консерватором. Если бы вы были здесь, то скоро убедились бы, что не много еще нужно, чтобы покончить с последними консерваторами»¹⁵⁸.

Прошение об изменении состава земства от имени одного из земских собраний, конечно, могло бы стать весомым аргументом при обсуждении этого вопроса в правительстве. Именно в конце 1866 г. П.А.Валуеву было поручено составить записку о возможных изменениях в Земском Положении. Как отмечалось выше, требования «обуздать» земство раздавались в верхах уже в предыдущем году; акцентировал их и П.А.Шувалов в своей записке весной 1866 г. Для противников «демократического состава» и «демагогических устремлений» земств важно было, по какому пути пойдет при этом правительство: многие из них понимали, что попытки контролировать действия собраний административными методами способны лишь усилить противостояние новых учреждений правительству¹⁵⁹. Другой же возможный путь заключался в изменении состава гласных и структуры земских органов.

Предложения Валуева являлись сочетанием обоих способов. В числе сформулированных им мер были уже известные по запискам Шувалова: введение в земства назначенных правительством мировых судей, предоставление отклоненных земских ходатайств на рассмотрение Комитета Министров. Кроме того, Валуев предлагал ограничить значение уездных собраний выборами губернских гласных (считалось, что губернские собрания более консервативны по составу), сократить или вовсе упразднить управы, ввести должность

¹⁵⁸ Там же. Д. 2207. Л. 1–1 об.

¹⁵⁹ Как писал в дневнике Орлов-Давыдов, «земские учреждения не суть творения самого земства, а суть вымысел верховной власти. Поэтому и нет в самом земском собрании согласия и общего стремления к одной цели. Но есть одно постоянное направление к оппозиции... Поэтому губернатор и земское собрание бывают часто в разладе. Губернатор получает инструкции от министра вн. дел, а гласные ищут популярности обличением правительственных злоупотреблений» (РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 12. С. 68–69).

правительственного комиссара в губернском собрании, четко разграничить полномочия земств и администрации. В качестве одного из способов усиления «консервативного элемента» министр упоминал и изменения пословного состава гласных (разумеется, в пользу землевладельческой курии).

Впрочем, все эти предложения отчасти дезавуировались в заключении, где министр указывал: «Надлежит избегать со стороны правительства чрезвычайных мер... Главные вины земских собраний до сих пор ограничиваются словами и заявлением неправильных домогательств... которые сами по себе бессильны»¹⁶⁰. Как он утверждал позже, намекая на то, что содержание записки было по меньшей мере согласовано с Шуваловым, «я должен был в некоторых отношениях пойти далее, чем лично считал необходимым, чтобы предупредить порывы, которые могли повести еще гораздо далее»¹⁶¹.

Оппозиционное выступление столичного земства в начале 1867 г. лишь давало в руки Шувалова дополнительный козырь. Именно это обстоятельство и заставило многих подозревать инспирированный характер заявлений А.П.Шувалова и Н.Ф.Крузе. Уже после закрытия собрания записка Валуева была подвергнута рассмотрению специального комитета в составе его самого, П.А.Шувалова, М.Х.Рейтерна и А.А.Зеленого. По-видимому, по настоянию Шувалова в комитет приглашались своего рода «эксперты» — гласный петербургского губернского земского собрания граф А.А.Бобринский, гласный орловского земства князь Н.А.Лобанов-Ростовский, председатели новгородской и рязанской земских управ Н.А.Качалов и князь С.В.Волконский, самарский предводитель дво-

¹⁶⁰ Записка П.А.Валуева Александру II о земских учреждениях. Публикация В.Г.Чернухи // Советские архивы. 1971. № 4. С. 84—87. В черновой записке конца декабря 1866 г. Валуев, в частности, писал о необходимости «выждать, для представления предположений о каких-либо существенных изменениях и дополнениях закона, вторичных собраний в большинстве губерний» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1804. Л. 49.)

¹⁶¹ Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 417.

рянства М.Б.Тургенев и петербургский вице-губернатор, автор «Вести» П.Ф.Лиленфельд (последний — по рекомендации Орлова-Давыдова). Лишь Бобринский, Лобанов и Лиленфельд высказались за изменение земств в смысле «меньшей демократичности». «Шувалов и Зеленый слушали, — писал П.А.Валуев. — Чем больше они слушают, тем менее определительны их взгляды»¹⁶². Сам Валуев по-прежнему считал, что какие-либо серьезные изменения в Земском Положении преждевременны¹⁶³. Любопытную оценку итога заседаний дал в письме к Каткову Б.М.Маркевич. Передавая слова Бобринского, констатировавшего, что комитет смогли убедить те, кто отстаивал Земское Положение, он делал вывод: «Так называемая олигархическая партия оказывается чистейшим пуфом; она не в состоянии ничего сказать, ничего провести, у нее и программы никакой нет, да и где она, из кого состоит — право трудно сказать. К ней уже конечно не принадлежат Гр.Щербатов и Ал.Васильчиков... ни Петр Павл.Шувалов, бывший здешний предводитель... который прямо высказывался против повышения ценза выборов в земские гласные и против проводимой «Вестью» мысли о даровании крупным землевладельцам *de jure* прав быть мировым судьей своего участка... Изолированное положение, в котором остался [П.А.]Шувалов после упразднения здешнего земства... доказывает, как все это носит характер случайности и не истекает из какой-либо сознательной программы действий»¹⁶⁴. И все же сведения о призывавшихся «экспертах», сопоставленные с данными других источников, позволяют существенно дополнить представление о составе «аристократической партии». Особого внимания в этом контексте заслуживает фигура князя Николая Алексеевича Лобанова-Ростовского —

¹⁶² Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 189.

¹⁶³ «Перед обедом заседание у меня по земскому вопросу, — записал он 27 января. — Кроме Лобанова и Бобринского, на этот раз был приглашен... Качалов. Он всех их рассудительнее, и его слова подействовали на Шувалова» (Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 186).

¹⁶⁴ ОР РГБ. Ф.120. Папка 26. Д. 1. Л. 47—48.

одного из наиболее видных (и наименее известных) представителей этой группировки. Приведу пространный, но очень характерный отзыв о нем графа С.Д.Шереметева: «Центральным лицом Яхт-клуба [был] хозяин дома и главный основатель этого учреждения кн. Н.А.Лобанов-Ростовский. Это личность весьма любопытная и оригинальная, во многих отношениях для своего времени замечательная. Когда-то адъютант В[еликого] К[нязя] Константина Николаевича, он близко узнал Мраморный дворец... Я уже застал Лобанова хотя и в морском мундире, но покинувшим двор Константина... Его разговор, хотя и отличался резкостью, был интересен, остроумен и независим. Он весьма определенно, откровенно и прямолинейно шел «против течения» 60-х годов, резко и язвительно отзываясь о В[еликом] Князе, порицая все направление царствования, предсказывал гибельные последствия увлечений, и указывал на стремление многих — и весьма сознательное — двинуть Россию по пути, враждебному монархическому строю, на пристрастный и столь же сознательный поход против дворянства, прикрываемый благонамеренным попечением о благе крестьянского населения... Жаль, что в словах его было много горечи и желчи. Видно, что у него все эти вопросы наболели, он презирал всякую сентиментальность в серьезном государственном деле... Видна в нем была жажда деятельности, желание пользы России было искренно и несомненно.

Он покинул Мраморный дворец с чувством омерзения и вышел в отставку, ясно понимал, куда стремилось господствующее течение и какой можно было ожидать от него результат. В нем были и ум и энергия, много стойкости и предприимчивости. Он умел работать и выступал бойцом в общественных собраниях, преимущественно в Петербургской городской думе, кот[орой] состоял гласным. На него большинство смотрело как на человека отсталого, крепостника злого и, как выражались в то время, «ретрограда». Его осыпали бранью и ругательствами снизу и сверху. Друзей у него было немного в обществе, иные его опасались за язык, другие избегали его по сознанию его превосходства как человека более

образованного и сильного, иные из чувства ревности, что, к сожалению, нередко бывает между людьми единомышленными. Все, что приближалось ко двору, от него отвернулось. Жаль, что в словах его чувствовались страстность и озлобление, но в основе его стремлений лежало исключительно благо страны и ясное сознание, что господствующее направление не руководствовалось исключительно подобными же стремлениями, а в лице выдающейся и влиятельной группы деятелей не скрывало даже весьма определительного желания уничтожить дворянство ради дворянства, и что верховная власть со свойственной ей сентиментальностью, следуя по пути задуманных и приводимых в исполнение реформ, поспешных, пристрастных и односторонних, неминуемо шла к собственному своему разложению и гибели... Это сознавалось в 60-х годах. Это оправдывалось в 1881! Кн. Лобанов горячился и скорбел, зная закулисную сторону многих личностей и их действий, близко изучивший взгляды и направление, господствовавшие в Мраморном дворце. Он не стеснялся ни в словах, ни в писаниях своих, постоянно занят был общественными делами и вопросами, работал неустанно даже и тогда, когда его постиг тяжкий недуг: поражение спинного хребта... Учреждая Яхт-клуб, Кн. Лобанов вовсе не думал придать ему тот характер, кот[орый] он получил в весьма скором времени. Цель его была — дать возможность людям известного образа мыслей сходиться для беседы о пользах и нуждах отечества.» В числе таких людей Шереметев называл графа Н.В. Левашова, князя А.М. Дондукова-Корсакова, князя Б.Д. Голицына. «Все они занимали более или менее видные служебные места... только кн. Дондуков в это время был в чистой отставке после ссоры с Милютиным и щеголял в штатском одеянии. Нужно отдать им справедливость: общество было веселое и не банальное. Между ними были люди недюжинные, умевшие даже в кутежах своих сохранить печать порядочности и до некоторой степени художественности».¹⁶⁵

¹⁶⁵ Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 94—96.

Следует отметить, что современники нередко именовали «аристократов» «партией яхт-клуба». С назначением на пост шефа жандармов П.А.Шувалова, представителя той среды, которую С.Д.Шереметев характеризовал как «своего рода отдельный замкнутый мир, малодоступный и полуиностранный»¹⁶⁶, эта часть столичного высшего общества не могла не связывать определенные надежды на «политическое влияние». Одним из немногих способов облечь такого рода закулисное влияние в легальную форму и был призыв «экспертов» для решения какого-либо конкретного вопроса. Наряду с негласным совещанием по земским делам «эксперты» были приглашены в начале 1867 г. и к обсуждению положения на западных окраинах империи, в том числе преобразования судебной системы в Царстве Польском. «Мы входим в эту новую форму ведения этих дел, как в лес, — записал П.А.Валуев 3 февраля. — Шувалов и Баранов имеют в виду заставить разработать прикосновенные вопросы несколько частных лиц, разыгрывающих роль волонтеров, а именно гр. Алексея Бобринского, Ржевского, кн. Лобанова, гр. Комаровского, гр. Зубова и Киреева. Они называют все это учреждением “редакционной комиссии”. Никто из них не имеет определяющего понятия о том, к чему он идет и чего он добивается.»¹⁶⁷ Желания «оказывать влияние» было недостаточно, «волонтерам» явно недоставало бюрократического профессионализма и опыта. «Кругом меня играют в управление кто с детской, кто с старческой самоуверенностью», — заключил Валуев после следующего заседания импровизированного совещания...

Ничем положительным не увенчались и заседания комитета по земскому вопросу. Единственным реальным итогом его работы можно считать законы 13 июня 1867 г., первый из которых усиливал ответственность председателей собраний

¹⁶⁶ Мемуары графа С.Д.Шереметева. М., 2001. С. 107.

¹⁶⁷ Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 187. Упомянуты виленский генерал-губернатор граф Э.Т.Баранов, А.П.Бобринский, В.К.Ржевский, Н.А.Лобанов-Ростовский, граф В.Е.Комаровский, граф П.А.Зубов и А.А.Киреев.

и запрещал сношения между собраниями разных губерний, а второй ставил под контроль губернатора публикацию материалов собраний¹⁶⁸. «Аристократы» несомненно стремились к совершенно иным изменениям в статусе земств и желали усиления не административного контроля, а роли «земле-владельческого элемента» в местном самоуправлении. При этом неизбежно было возвращение к идее консервативного представительства. «Примерно десять лет тому назад, — вспоминал Н.А.Лобанов-Ростовский в письме А.А.Бобринскому в 1879 г., — мы, Дондуков и я, отправились к Вашему шурину Шувалову. Мы говорили ему о [необходимости] образования второго отделения Государственного совета из двух представителей от каждого губернского земства (земства тогда состояли из крупных собственников-консерваторов). Шувалов мне сказал: еще слишком рано; вы хотите направить нас по пути, на котором у нас не будет возможности вернуться назад. Я ответил: когда правительство решится даровать то, о чем я прошу, будет слишком поздно.»¹⁶⁹ Сообщение Лобанова подтверждается документом, который удалось обнаружить в архивном фонде Дондуковых-Корсаковых. Это — записка А.М.Дондукова-Корсакова с копией сопроводительного письма к П.А.Шувалову, датированного январем 1867 г. Интересно однако, что Дондуков отвергал излюбленное предложение «аристократов» о признании крупных землевладельцев гласными без выборов. «Солидарность интересов и выборное начало, призвавшее одинаково в губернские собрания всех гласных, — с полным основанием утверждал он, — служит главным звеном соединения крупных землевладельцев с мелкими. Измените эту связь, [и] вы возбудите все страсти зависти и недоверия, враждебная партия неминуемо воспользуется этим состоянием умов, выражения: касты, олигархия, едва ли, может быть, понятные большинству, будут выставлены вперед как угрожа-

¹⁶⁸ Подробнее см.: Нардова В.А., Чернуха В.Г. Законы 13 июля 1867 г. // ВИД. Вып. 11. Л., 1979.

¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 5. Д. 198. Л. 12 об. Оригинал на франц. яз.

ющие интересам мелких землевладельцев...» Кроме того, по его мнению, «...при настоящем расположении умов всякая мера даже консервативная, исходящая из чисто административного источника, будет принята ежели не враждебно, то непременно равнодушно или недоверчиво». Единственно возможной и необходимой консервативной мерой князь считал «создание членов от каждого губернского земства в кодификационную комиссию для пересмотра самого положения о земстве и всех ныне существующих уставов о земельных новшествах»¹⁷⁰. Составление этой записки, указывалось в сопроводительном письме, было следствием состоявшегося ранее разговора ее автора с П.А.Шуваловым¹⁷¹. Для шефа жандармов, который перед этим буквально разогнал петербургское земство за подобное предложение, не могла не быть очевидной несвоевременность такой откровенно «конституционной» меры.

Таким образом, первая же попытка «партии “Вести”» добиться принятия серьезных мер в духе собственной программы окончилась безрезультатно отчасти из-за занятой П.А.Шуваловым позиции. О ее неопределенности свидетельствует также дневник Орлова-Давыдова. В январе 1867 г. граф встретился с Шуваловым; разговор шел о только что разогнанном петербургском земстве. Орлов-Давыдов счел необходимым обосновать свой взгляд на проблему: «Я дальше объясняю Шувалову, что в этом случае поражена демократическая партия — партия, созданная самим государем, через введение новых имущественных законов... Это совершилось в то время, когда вся Европа благоговела перед демократическим цезаризмом Наполеона III. Он тогда стоял образцом, но с тех пор он много потерял в общественном мнении через все сделанные им ошибки... “Vous avez extremement raison (Вы совершенно правы, фр. — И.Х.)” — сказал граф»¹⁷². Запись в дневнике об этой беседе достаточно обширна, что не характерно для Орло-

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 133. Л. 11—13 об., 17.

¹⁷¹ Там же. Л. 28.

¹⁷² РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 11. С. 83—84.

ва-Давыдова. Все говорит о том, что это не был разговор людей, хорошо знакомых со взглядами друг друга: Шувалова необходимо было убеждать.

Вскоре после встречи с шефом жандармов петербургский предводитель был принят императором. С разрешения Александра II Орлов-Давыдов составил записку «о положении крупных собственников»¹⁷³. Характерно, что П.А.Валуев, которому граф отдал записку для предварительного прочтения, предостерег его от «чрезмерной откровенности» и посоветовал «соблюдать предосторожность». В архиве Орлова-Давыдова сохранился уже отредактированный экземпляр этого документа. Развитие мелкого землевладения, общинное устройство, преобладание крестьян и мелких собственников в земствах, — все это, по мнению графа, являлось звеньями одной цепи. В существующем земстве нет места крупным собственникам как корпорации, как консервативному общественному слою. Те из них, кто принимает участие в деятельности собраний, вынуждены «отказываться от своих преданий и переносить всю свою умственную деятельность на то поприще, которое обещает популярность. Чтоб быть передовыми людьми... им нужно опередить самые передовые стремления». Необходимо поэтому устроить «противовес огромным правам, вновь дарованным массе мелких землевладельцев»¹⁷⁴.

Как стало известно Орлову-Давыдову, император прочел записку, но своего отношения к ней не высказал, повелев передать ее в «комитет о переделке земских учреждений». В марте 1867 г. записка была передана П.А.Шувалову. Дальнейшие упоминания о судьбе документа в дневнике отсутствуют.

Закономерно предположение: пассивная позиция Шувалова в этом вопросе объяснялась не только отсутствием у него четкой программы, но и тем, что изменению состава земств не сочувствовал сам Александр II. Опытному человеку достаточно было нескольких слов или даже интонации, чтобы убедить-

¹⁷³ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 11. С. 109—114, 122.

¹⁷⁴ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 82. Д. 48. Л. 27—37 об.

ся в нерасположении императора к той или иной идее (много примеров тому содержит дневник Валуева). Возможно, такие слова были сказаны Александром II именно при передаче Шувалову записки Орлова-Давыдова¹⁷⁵. Как утверждал в 1868 г. в одном из писем Каткову генерал Р.А.Фадеев, человек осведомленный и близкий к «высшим сферам»: «Верные люди говорят мне, что никто и никогда не посмеет представить Государю о переделке земских учреждений или суда, не расплатившись за это местом»¹⁷⁶. Вероятно, император руководствовался теми же мотивами, которые побудили его не согласиться на упразднение Главного Комитета. Как сообщал Валуев, при обсуждении этого последнего вопроса «Его Величество изволил сказать, что будет неладно, если слишком передадимся на сторону дворянства, что это возбудит массы, которые и без того уже возбуждены и т.д.»¹⁷⁷.

Кампания, развернутая «партией “Вести”», могла в этом случае иметь эффект, противоположный тому, на который рассчитывали сторонники изменения Земского Положения. Политическая, «конституционная» подоплека требований ввести в состав земств крупных землевладельцев не могла не быть очевидной и обществу, и верховной власти. Характерно, что в слухах, ходивших в столичном обществе об упомянутой выше записке Валуева, предложения министра, в которых не было и намека на представительство, тем не менее связывались с «конституционными» идеями. Так, в изложении Б.М.Маркевича суть записки заключалась в том, чтобы уничтожить уездные земские собрания, а губернские собирать на семь дней в году «лишь для избрания гласных в Государственный Совет и устроить их так, чтобы могли быть избираемы в них лишь очень крупные землевладельцы»¹⁷⁸. Такая интерпретация

¹⁷⁵ Характерно, что сам Орлов-Давыдов сознавал, что записка скорее всего «не понравится Государю, который не сочувствует дворянским интересам» (РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 11. С. 122).

¹⁷⁶ ОР РГБ. Ф. 120. Папка 20. Л. 68.

¹⁷⁷ Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 126.

¹⁷⁸ ОР РГБ. Ф. 120. Папка 26. Д. 1. Л. 33.

могла показаться тем более правдоподобной, что еще в конце 1866 г. по Петербургу распространились толки о «конституционном» проекте, который был якобы составлен Валуевым по совету П.А.Шувалова, и о солидарном выступлении министра внутренних дел, шефа жандармов и великого князя Константина Николаевича в пользу представительства. Видимо, такие слухи были спровоцированы переговорами великого князя с А.П.Бобринским. Не исключено также, что определенную роль в их распространении сыграло выступление в пользу представительства Н.А.Лобанова и А.М.Дондукова. Для Шувалова, выступавшего в качестве защитника самодержавия, распространение подобных слухов было крайне невыгодно. Не случайно Маркевич советовал Каткову, для того чтобы скомпрометировать «олигархические» идеи Валуева, «использовать щекотливость царя относительно личной его власти»¹⁷⁹.

Вероятно, и Шувалову, и Валуеву казалось гораздо более безопасным представить необходимые, на их взгляд, меры в контексте усиления правительственной власти. Именно это желание отразилось и в получившей довольно широкую известность в 1868 г. записке псковского губернатора Б.П.Обухова. Этот любопытный документ был проанализирован в одной из статей В.Г.Чернухи, которая сделала обоснованный вывод о его инспирированности, связав происхождение записки с именем П.А.Шувалова¹⁸⁰.

Еще в период подготовки крестьянской реформы Обухов, будучи членом самарского губернского комитета, возглавлял в нем консервативное большинство, противостоявшее Ю.Ф.Самарину. Был он и в числе депутатов второго призыва, после чего вскоре был избран губернским предводителем. В конце 1866 г., когда идея создания «консервативной партии» стала чрезвычайно актуальной, он, будучи уже самарским губерна-

¹⁷⁹ ОР РГБ. Ф. 120. Папка 25. Д. 4. Л. 118.

¹⁸⁰ Чернуха В.Г. Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (сер. 70-х гг. XIX в.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 162–163.

тором, высказывал соответствующие мысли в беседе с П.А.Валуевым¹⁸¹. Возможно, настрой губернатора привлек внимание министра: вскоре Обухов сменил К.И.Палена на посту псковского губернатора. К тому времени за этой губернией уже утвердилась репутация своеобразного «оазиса консерватизма», так что назначение Обухова нельзя считать случайным. Ознакомившись с делами губернии, новый ее начальник в конце 1867 г. составил аналитическую записку и направил ее в министерство. Валуев поступил с этим документом достаточно нетрадиционно: записка была отпечатана и разослана как губернаторам, так и представителям высшей столичной администрации. Получила она известность и в петербургском обществе.

Восприняв документ как программу действий тех сил, с которыми связывалась «охранительная политика» Шувалова, противники этой политики поспешили разоблачить ее несостоятельность. В 1868 г. записка была издана в Берлине с предисловием Ю.Ф.Самарина и резкими комментариями А.И.Васильчикова¹⁸². Нельзя согласиться с мнением В.Г.Чернухи, что «предание гласности консервативных планов Шувалова нанесло им удар»¹⁸³. На мой взгляд, смысл составления и распространения записки заключался как раз в том, чтобы прозондировать почву и выявить возможную реакцию общества на идеи, которые должны были лечь в основу внутренней политики.

Обухов уделял основное внимание критике общинного землевладения и круговой поруки, крестьянского самоуправления и суда, земств и мировых посредников. Отстаивались, соответственно, участковое землевладение, устройство поземельного кредита, ограничение юрисдикции волостных судов, а также усиление полиции и губернаторской власти. Ни в критической части, ни в собственных предложениях автор записки

¹⁸¹ Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 176.

¹⁸² Русский администратор новейшей школы: Записка псковского губернатора Б.Обухова и ответ на нее. Берлин, 1868.

¹⁸³ Чернуха В.Г. Борьба в верхах... С. 163.

не высказывал ничего оригинального. Многие из затронутых им проблем разрабатывались в «Вести» на протяжении нескольких лет, что и не преминули отметить Самарин и Васильчиков. Вместе с тем нельзя было не заметить, что Обухов, настаивая на необходимости «собрать и соединить разбросанные в весьма достаточном количестве консервативные элементы», в то же время упирал преимущественно на усиление правительственной администрации. Оставалось загадкой, что он подразумевал под «консервативными элементами» и какими средствами предполагал добиться их сплочения. Как тонко подметил А.И.Васильчиков, записка «угождает одновременно двум противоположным вкусам: бюрократическому и аристократическому»¹⁸⁴. Таким образом, отмеченная выше противоречивость политики Шувалова в 1866–67 гг. отразилась и в записке псковского губернатора, вскоре назначенного товарищем министра внутренних дел. Если в ней и была представлена определенная программа, то следует признать ее столь же непоследовательной, как и действия шефа жандармов.

Фактически отказавшись открыто поддержать меры в отношении земства, являвшиеся ключевыми в программе «партии “Вести”», Шувалов сосредоточил в 1866–68 гг. максимальные усилия на достижении «правительственного единства». В литературе существует мнение, что его стремление добиться замещения ключевых административных постов теми, на чью поддержку он мог безусловно рассчитывать, объяснялось «традиционным комплексом временщика-царедворца, трудно сочетавшимся с тем типом государственного человека, который начал вырабатываться в пореформенную эпоху»¹⁸⁵. Такая оценка представляется односторонней. В условиях, когда в правительстве отсутствовала солидарность действий, а министерские по-

¹⁸⁴ Русский администратор... С. 65.

¹⁸⁵ Филиппова Т.А. Петр Андреевич Шувалов // Русские консерваторы. М., 1997. С. 209. Ср.: Рибер А.Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 65.

сты занимали люди противоположных убеждений, постоянные колебания внутривластного курса были неизбежны, и любые попытки реализовать какую-либо программу оказывались трудно осуществимыми. Эта ситуация была в свое время ярко описана Е.М.Феоктистовым: «Между советниками Государя находились люди совершенно противоположных направлений; они вели упорную борьбу между собой, старались всячески повредить друг другу, а посреди их стоял благодушный монарх, оказывавший одинаковое благоволение этим враждебным лагерям»¹⁸⁶.

Наиболее проницательным современникам было ясно, что Александр II никогда не допустит появления «однородного кабинета», поскольку он угрожал бы его полновластью. В конце 1866 г. Маркевич передавал Каткову такие слова Ф.И.Тютчева: «Государь никогда не решится отдать себя в руки одного определенного направления, и чем сильнее чувствует он в данный момент влияние на себя одного человека, тем сильнее инстинкт его требует найти другого человека мнения совершенно противоположного, чтобы из этих противоположностей составить себе нечто среднее, чем он и будет руководствоваться»¹⁸⁷. И все же хотя бы частичная солидарность правительства означала изменение такого порядка, при котором решающим в борьбе личностей и группировок всегда оказывался голос царя. В 1867 г. в очередной раз убеждая Каткова в отсутствии угрозы со стороны «партии «Вести»», Маркевич делал знаменательный вывод: «От кого же предстоит опасность, которая могла бы произойти лишь тогда, если бы в правительстве установилось между несколькими наиболее влиятельными людьми единство воззрений на главнейшие государственные вопросы и из этого вытекало бы естественно программа вполне обдуманная и направленная во имя, пожалуй, «консерватизма»... Но ведь всего этого ни тени нет. Никакого единства, никакого согласия нет между членами правительства — это известно всем. Le sab-

¹⁸⁶ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848—1896). Воспоминания. М., 1991. С. 119.

¹⁸⁷ ОР РГБ. Ф.120. Папка 25. Д. 4. Л. 95.

inet homogène (однородное правительство, фр. — И.Х.) остался до сих пор воздушным замком в честолюбивом воображении Альнаскара Шувалова...»¹⁸⁸.

Необходимо подчеркнуть: Маркевич воспринимал «однородное правительство» как условие не только реализации, но самого существования «консервативной» программы. Сам Шувалов считал создание «однородного кабинета» задачей принципиальной важности. Такое понимание этой проблемы отразилось в одном из его писем П.П.Альбединскому. «Общее положение дел далеко незавидное, — сообщал он своему другу в конце 1868 г., — наши разногласия в высших сферах с каждым днем становятся язвительнее... Все это дурно отзывается на нрав мой... и бывают дни, в которые я мечтаю о какой-нибудь решительной бескомпромиссной для того, чтобы чем-нибудь выйти из тяжелого хода дел... Единство — это для нас жизненная потребность, единство необходимо во что бы то ни стало — пусть оно образуется даже в нежелательном направлении — все будет лучше настоящего. Тогда в скором времени обнаружатся тенденции тех, которые усыпают на нас общественное мнение России и парализуют наши действия»¹⁸⁹.

Анализируя те назначения 1866—69 гг., которые общественное мнение с основанием приписывало влиянию Шувалова, а также неудавшиеся его попытки продвинуть на ту или иную должность своих сторонников, следует признать, что в «кадровой» политике шеф жандармов руководствовался желанием опираться на представителей той аристократической среды, к которой принадлежал и он сам. «Проводятся на важнейшие места государства лично приятные и ближайšie знакомые Государю, — писал Маркевич в конце 1866 г., — разумеется, это не может [ему] не нравиться. Но каково выносить это России!»¹⁹⁰. Ближайшие знакомые императора оказывались и друзьями самого шефа жандармов.

¹⁸⁸ ОР РГБ. Ф.120. Папка 26. Д. 1. Л. 60—61.

¹⁸⁹ ОР РНБ. Ф. 16. Д. 29. Л. 11 об.—12.

¹⁹⁰ ОР РГБ. Ф.120. Папка 25. Д. 4. Л. 80.

Это была плеяда тех генерал-адъютантов, о которых как об определенном «типе» с иронией писал Е.М.Феоктистов: «Нет такой деятельности, которую он считал бы не по плечу для себя; без малейших колебаний он готов испробовать свои силы на чем угодно — на управлении финансами, иностранной политикой, церковными делами и т.п... Обычно для них похвалой... было то, что они быстро “схватывают”, быстро овладевают всяким вопросом, но, к сожалению, быстро схваченное столь же быстро не оставляло и следа. Недаром Юрий Самарин говорил о “генерал-адъютантском нигилизме”»¹⁹¹. Наиболее характерным примером подобного назначения стал С.А.Грейг. Шувалов предполагал, что, заняв должность товарища министра финансов в мае 1866 г., тот вскоре сменит М.Х.Рейтерна. Однако уже через несколько месяцев Валуев отмечал, что Рейтерн «решительно остается при обнаруженной малоспособности Грейга»¹⁹².

Один из ближайших друзей шефа жандармов, П.П.Альбединский, вскоре занял пост рижского генерал-губернатора; петербургским губернатором стал приятель Шувалова граф Н.В.Левашов. Позднее Шувалов смог продвинуть А.Л.Потопова и князя А.М.Дондукова-Корсакова на места виленского и киевского генерал-губернаторов. По ходатайству Альбединского и при содействии Шувалова курляндским губернатором в 1868 г. был назначен активный сотрудник «Вести» П.Ф.Лилиенфельд. Должность эстляндского губернатора тогда же была предложена сыну В.П.Орлова-Давыдова Анатолию Владимировичу¹⁹³. Продолжением такой политики стало и назначение министром внутренних дел ген.-ад. А.Е.Тимашева, о чьем невысоком профессионализме и нежелании заниматься делами в обществе ходили легенды¹⁹⁴. То-

¹⁹¹ Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 275—276.

¹⁹² Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 154.

¹⁹³ Другой его сын, В.В.Орлов-Давыдов, в 1866 г. был назначен симбирским губернатором.

¹⁹⁴ Существуют данные, что Шувалов вынужден был содействовать последнему назначению после безуспешных попыток добиться соеди-

варищем министра, а затем и министром юстиции стал псковский губернатор К.И.Пален. На место наиболее активного своего противника, военного министра Д.А.Милютина, Шувалов прочил П.П.Альбединского. Наконец, в контексте тех же усилий необходимо рассматривать попытку добиться упразднения Главного Комитета, а затем, когда это не удалось, — ввести в его состав представителей крупного землевладения.

В отстаивании большинства из этих сбывшихся и несбывшихся назначений прослеживается определенная политическая логика. Помимо естественного желания заместить своими сторонниками ключевые посты в государстве, Шувалов руководствовался стремлением как можно более ослабить позиции тех, чьи убеждения связывались не столько с реформами вообще, сколько с концепцией «демократического цезаризма». Наиболее яркими фигурами, олицетворявшими это направление, считались братья Милютины и великий князь Константин Николаевич. С другой стороны, самое серьезное внимание шеф жандармов уделял западным окраинам империи, политика в отношении которых стала в это время причиной острых столкновений так называемой «национальной партии», выступавшей за создание противовеса «сепаратистским устремлениям» немецкого и польского дворянства в лице «верноподданного» местного крестьянства, и теми, кто считал, что центробежные тенденции должны преодолеваться с помощью не социальных, а политических реформ. По мнению последних, средствами сплочения окраин с Россией должны были стать введение представительных учреждений, уважение к правам собственности и постепенная, осторожная унификация местных и великорусских социально-политических институтов. П.А.Валуев, Шувалов и их единомышленники придерживались именно этой точки зрения, считая политику своих противников не только демагогической и бесплодной, но и крайне опасной из-за ее воз-

нения под своим начальством МВД и III Отделения (см.: ОР РГБ. Ф. 120. Папка 26. Д. 2. Л. 4).

можных отголосков внутри России. Позиция Валуева неоднократно формулировалась им в дневнике, взгляды же шефа жандармов достаточно определенно отразились в одном из его писем к П.П.Альбединскому: «Это («национальное» — И.Х.) направление не призвано объединять, оно неминуемо разъединит центр с его окраинами, вселит в них ненависть ко всему русскому, возрадуется всякому проявлению этой ненависти, надеясь, что правительство в виду его будет действовать путем насилия и что таким образом его глаза будут отвлечены от всего того, что господа эти замышляют для внутреннего преобразования государственного строя в России»¹⁹⁵. В печати «демократическое обрусение окраин» наиболее последовательно критиковала «Весть», яркими же защитниками «национальной политики» выступали «Московские Ведомости».

И А.П.Бобринский, и П.А.Шувалов тем не менее должны были считаться с тем громадным влиянием на общественное мнение, которое М.Н.Катков приобрел в период подавления польского восстания благодаря своей последовательной и бескомпромиссной позиции. Неслучайно создатели Общества взаимного поземельного кредита пропагандировали его как надежное средство распространения русского землевладения в Западном крае. Характерно, что Б.М.Маркевич акцентировал внимание Каткова именно на этой предполагаемой стороне деятельности «аристократов». При этом он противопоставлял Бобринского и Шувалова с одной стороны П.А.Валуеву, а с другой — «партии Н.А.Милютина».

Конфликт Валуева с Катковым, причиной которого было расхождение по целому ряду принципиальных вопросов, в том числе и по поводу методов борьбы с сепаратизмом, приобрел в это время настолько острый характер, что все, связанное с именем министра, вызывало у издателя «Московских Ведомостей» резкое неприятие. Поэтому не вызывает удивления, что на протяжении 1866 г. Маркевич в своих письмах проводил мысль, что Шувалов — самостоятельная

¹⁹⁵ ОР РНБ. Ф. 16. Д. 29. Л. 4.

фигура и нет никаких оснований смешивать его с Валуевым. Гораздо более значимым представляется настойчивое стремление Маркевича убедить своего корреспондента в пагубности национальной политики, проводимой Милютиним и его сторонниками: «Увлеченные ненавистью к Валуеву, Вы отрекаетесь от всего Вашего прошедшего и поддерживаете теперь разлагающие принципы, вводимые Милютиним в Царстве [Польском] и клонящиеся не к торжеству русской национальности, а к разорению крупной собственности...»¹⁹⁶.

Суммируя данные о деятельности Бобринского и политике Шувалова, можно утверждать, что их усилия имели одну и ту же вполне конкретную цель — свести к минимуму влияние тех, кто в тогдашнем политическом лексиконе именовался «красными». Бобринский занялся созданием как можно более широкой коалиции сил, которые могли бы противостоять твердым позициям «красных» в бюрократической среде, печати и земствах, Шувалов же стремился сосредоточить в своих руках реальную власть и лишить своих противников возможности действовать. Уже поэтому активность шефа жандармов нельзя ни сводить к желанию фаворита убрать все препятствия на пути утверждения своего влияния, ни интерпретировать лишь как проявление борьбы «камарильи» за власть. Более корректным было бы утверждение, что 1866—68 гг. были временем обострения политической борьбы принципиальных противников, борьбы, которая началась еще накануне 1861 г. и не прекращалась в течение всего пореформенного периода.

6. Общественно-политическая борьба в 1866—69 гг. и кризис «Вести»

Оценки современниками реального влияния Шувалова были достаточно противоречивыми. Распространенное мнение о всесии шефа жандармов отражало определенные успехи, которых ему удалось добиться на пути продвижения своих

¹⁹⁶ ОР РГБ. Ф. 120. Папка 25. Д. 4. Л. 115.

протезе. Однако многие осведомленные участники событий (например, Валуев и Маркевич) считали подобное мнение сильно преувеличенным¹⁹⁷.

С другой стороны, проведению осмысленной «консервативной политики» препятствовало отсутствие у возможного «единого правительства» сколько-нибудь серьезной общественной опоры. Тот самый гипотетический союз «всех здравых охранительных сил страны», в пользу которого выступало консервативное дворянство, оказался химерой. Выше уже отмечалось, что причиной этого во многом было отсутствие единства в среде «высшего сословия». В течение 1866—68 гг. перспектива объединения хотя бы части землевладельцев во круг какой-либо программы стала еще менее реалистичной.

Анализируя ошибки «аристократов», А.И.Васильчиков считал одной из них выступления против Земского Положения, которые продемонстрировали «отчуждение аристократии от прочего дворянства и средних сословий, принявших живое участие в новом порядке управления». Другой ошибкой он считал солидарность придворных кругов с «Вестью» против «Московских Ведомостей». «Эта неосторожность и политическая бестактность» имела, по словам Васильчикова, два последствия. Во-первых, сторонники «Вести» «прослыли чуть ли не изменниками... мнение об общем заговоре петербургского высшего общества с польским и остзейским дворянством укоренилось на долгое время...». Во-вторых, «аристократы» тем самым «отвергли единственного союзника, который мог быть им полезен в русской печати»¹⁹⁸.

Оценка Васильчикова в целом соответствовала действительности. Осудив польский сепаратизм, и «Весть», и те, кто стоял за ней, поддержали, как и большая часть русского общества, подавление силой вооруженного мятежа. Однако вскоре политика правительства в Царстве Польском и в Западном крае стала вызывать у многих крупных землевладельцев серье-

¹⁹⁷ См.: Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 172; ОР РГБ. Ф. 120. Папка 25. Д. 4. Л. 95.

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 936. Л. 19—20.

езную озабоченность — ассоциации с решением крестьянского вопроса внутри России были слишком очевидны. «Общая развязка делам и в Польше и в России, — утверждал Орлов-Давыдов еще в конце 1863 г., — разорение дворянства, в Польше бунтующего, в России смиренного...». «Дело в том, — писал он же, ознакомившись с указом о наделении польских крестьян землей, — что наше правительство ведет войну не столько с Польшей, сколько с дворянством, равно польским и русским»¹⁹⁹.

Недовольство вызвало у покровителей «Вести» и принятие законов 10 декабря 1865 г. об обязательном отчуждении земель помещиков польского происхождения в Западном крае. Естественно, что газета и в этом случае оказалась рупором их мнений²⁰⁰. С 1865 г. «западная» политика становится одной из основных тем «Вести», а полемика между ней и «Московскими Ведомостями» приобретает характер ожесточенных взаимных нападок. В результате два органа печати постепенно становятся непримиримыми оппонентами. Оказавшись «на стороне Милютина» в польском вопросе, «Московские Ведомости» неизбежно эволюционируют и в интерпретации внутренних проблем: дворянской, земской, «конституционной». Эту эволюцию можно проследить по материалам газеты, явственно проявилась она и в письмах к Каткову Б.М.Маркевича. Следует напомнить, что в 1863—64 гг. в освещении этих тем «Вестью» и газетой Каткова было очень много общего. Еще в начале 1865 г., во время дебатов в московском дворянском собрании, Катков, хотя и косвенно, но выражал сочувствие «конституционному» московскому адресу, а Безобразов и Орлов-Давыдов воспринимали его как своего союзника. Памятуя об этом и почувствовав изменение тона «Московских Ведомостей», Маркевич в декабре 1865 г. упрекал Каткова в «молчании по тем предметам, о которых трезвонит Весть беспрестанно: о деятельности и стремлениях демократического земства, о чиновничьем царизме (так в тексте. — И.Х.), о га-

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 7. С. 129; д. 8. С. 72.

²⁰⁰ См.: там же. Д. 10. С. 47.

рантиях собственности и пр. Так упорно и страстно проповедуя идею русской народности... Московские Ведомости как будто забыли, что под этой народностью они понимают будущую, свободную и правильно развивающуюся Россию... а не ту стихийную массу, которую у нас зовут народом и которой известные молодцы думают задавить враждебную нам цивилизацию в польской и остзейской окраинах»²⁰¹. Но убедившись, что попытки апеллировать к убеждениям, отстаивавшимся Катковым ранее, не достигают цели, Маркевич решил изменить тактику. В конце 1866 г. он пытался уверить своего корреспондента в том, что «Весть» и «аристократическая партия» — далеко не одно и то же, и что последняя «не враждебна русскому делу»²⁰². Наконец, уже в начале 1869 г. Маркевич писал: «Вы придаете слишком много значения стоящим за Вестью и слишком мало принимаете во внимание самую личность задорного ее редактора»²⁰³.

Не преувеличивал ли Маркевич самостоятельности В.Д.Скарятина, чья бестактность якобы возмущала «консерваторов»? Косвенное указание на возможную истинную причину «своеволия» Скарятина содержат те же письма Маркевича. «Поляки зачитываются Вестью до одури, — констатировал он. — Число возросших абонентов Вести прямо надо отнести к Западному краю, где она расходится тысячами экземпляров»²⁰⁴. Вероятно, Скарятин руководствовался собственными интересами, понимая, что полемика с «Московскими Ведомостями» сильно увеличивает число подписчиков. Но у такой редакционной политики была и обратная сторона — «Весть» компрометировала не только себя, но и своих покровителей.

Позиция газеты была уязвима не только в польском вопросе, где ее можно было обвинить в предательстве национальных интересов. Говоря о пагубных последствиях крестья-

²⁰¹ ОР РГБ. Ф. 120. Папка 25. Д. 3. Л. 122–123.

²⁰² Там же. Д. 4. Л. 143, 146.

²⁰³ Там же. Папка 26. Д. 3. Л. 11 об.

²⁰⁴ Там же. Папка 25. Д. 3. Л. 108; папка 26. Д. 1. Л. 113.

янской реформы, «Весть» давала повод обвинениям в крепостничестве, а защищая дворянские права — в олигархизме. Наконец, крайне негативно была воспринята в общественном мнении поддержка газетой активной политики усиления административной власти и стеснения земства, которую проводили в 1866—68 гг. П.А.Шувалов, П.А.Валуев, а затем и А.Е.Тимашев. При этом руководители газеты, очевидно, пытались преследовать определенные политические цели, представление о которых дает одно из писем Маркевича конца 1868 г.: «Enfant terrible et perdu так называемой “консервативной партии” — Петенька Трубецкой... выболтал мне закулисные планы Вести... “Главное дело, вот видите, — глубокомысленно вещал Петя, — это спустить Милютина (Дмитрия Алексеевича. — И.Х.); это единственный человек, мешающий установиться солидарному министерству, которое должно вести нас к конституции”. Я так и ахнул. Как? Тимашев, Шувалов и Дундуков должны вести нас к конституции? “Да, да и да, как вы этого не понимаете! Программа их состоит в том, чтобы постоянно пугать государя относительно совершенных им в демократическом духе реформ и под этим видом побудить его к ряду таких мер, которые сосредоточат все влияние в руках имущего класса, который таким образом незаметным путем дойдет до желаемой цели государственного представительства”. Как все это не смешно... но я не сомневаюсь, что этой идеальной программой тешится Скарятин»²⁰⁵.

Прямолинейность идей соответствовала прямолинейности избранной «Вестью» тактики. Подозрение в официозности политического издания у многих его читателей могло вызвать лишь чувство отторжения. Деятельный сотрудник газеты псковский помещик А.С.Зеленой в письме к В.Д.Скарятину, своему близкому знакомому, прямо называл «промахом» поддержку «политики притеснений» и советовал редактору «Вести» занять более гибкую позицию. По его мнению, газета должна была отстаивать консервативные

²⁰⁵ ОР РГБ. Ф. Папка 26. Д. 2. Л. 21 об.

идеи, но в то же время демонстрировать свой оппозиционный настрой²⁰⁶.

«Я встречен гр. В.П.Толстой с вопросом, неужели я патрон Вести, — записал в конце 1866 г. Орлов-Давыдов. — Все на нее крайне ожесточены, а за какое именно преступление я не понимаю»²⁰⁷. Е.В.Васильчикова, дочь Орлова-Давыдова, в это же время сообщала отцу из Москвы, что в кружке ее мужа «у Вести мало друзей»²⁰⁸. В конце концов граф счел необходимым обратиться через П.А.Васильчикова к Каткову с тем, чтобы по мере возможности отмежеваться от «Вести»²⁰⁹. Однако и спустя два года все считали графа «участвующим в редакции “Вести” или влияющим на ее направление», хотя он, по его собственному признанию, перестал видаться со Скарятиним, поскольку «грубость и неловкость его очень вредны всей той партии, которой он сам называет себя защитником»²¹⁰.

Одновременно с падением популярности газеты в среде русского дворянства, тот факт, что она все более воспринималась как официальное издание, прибавлял хлопот и Валуеву²¹¹, и его преемнику на посту министра А.Е.Тимашеву. В ноябре 1868 г. Маркевич сообщал, что «Тимашев негодует за медвежьи услуги, оказанные Вестью консервативной партии». Однако агрессивный тон «Московских Ведомостей» не смягчался, и в начале следующего года министр через посредство Маркевича передал Каткову: «Меня искренне удивляет всегда, когда в таком серьезном органе как Московские Ведомости я встречаю выражения: партия Вести, стоящие за Вестью и т.п. Где эта партия, где эти люди? Я... не знаю человека более бестактного, чем г. Скарятин... В его поддержке никто не нуждается, а мнение его едва ли разделяют сколько-нибудь серьезные люди»²¹².

²⁰⁶ ГА РФ. Ф. 109. Секр. арх. Оп. 1. Д. 2018. Л. 7.

²⁰⁷ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 11. С. 28.

²⁰⁸ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 40. Д. 52. Л. 10.

²⁰⁹ Там же. Л. 1–8.

²¹⁰ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 13. С. 88.

²¹¹ См.: Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 156.

²¹² ОР РГБ. Ф. 120. Папка 26. Д. 2. Л. 19; д. 3. Л. 14 об.

При значительном количестве свидетельств, говорящих о стремлении откреститься от «Вести», мне не удалось обнаружить ни одного, относящегося ко времени после 1866 г., в котором бы речь шла об открыто заявляемой солидарности с газетой. Вместе с тем кризис издания, открыто и последовательно выступавшего в защиту прав «высшего сословия», проповедовавшего пагубность политического равенства и демократии, опасность развития общинного землевладения и ставки на консерватизм масс, никак нельзя объяснить исключительно ошибочностью тактики, избранной руководителями газеты. Более общая причина, определившая и падение популярности «Вести», и неудачи всех более или менее масштабных попыток создания «консервативной партии», заключалась в том, что русское поместное дворянство не нашло, да и не могло найти ту реальную почву, на которой оно могло бы объединиться и отстаивать сколько-нибудь отчетливую программу. Освобождение крестьян, лишение помещиков контроля над местным управлением, наконец, введение земств, — все это отнимало у дворянства существенные прерогативы, которые могли бы стать основой его будущего политического влияния. Ощущение непонимания и растерянности, которые испытывали многие представители «высшего сословия», отчетливо проявилось в речи псковского предводителя Н.С.Волкова на открытии губернского съезда 1865 г. «Дворянство, — сказал он, — выросло не на почве крепостного права, не грамота его создала... Но почему мы, потеряв временное, придаточное наше право, ощущаем какое-то одиночество?.. Мы оторвались друг от друга, сделались частями, не связанными между собой общим стремлением, остались дворянами, но не сохранили плотности и единства сословного нашего тела»²¹³.

В этих условиях большинство дворян предпочло отказаться от защиты привилегированного положения, которое до реформ не только не обеспечивало независимости этого сословия от государства, но, напротив, являлось составной частью

²¹³ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1865 г. Д. 11. Ч. 2. Л. 38.

прежнего порядка управления. Немногочисленные же «охранители» не без основания считали раздававшиеся из уст дворян призывы к самоуничтожению демагогией и заискиванием перед «общественным мнением».

«Одно средство достигать популярность — оппозиция к правительству при отказе от всякого рода дворянских прав, — с горечью констатировал Орлов-Давыдов в 1868 г. — Андрей Шувалов, Щербатов и другие защищают права народных масс и вознаграждены популярностью. Кто защищает власть? Не могу указать ни на одного крупного собственника или знатного дворянина... Трусость перед большинством безграничная. При этом ходе дел мы сойдем скоро на уровень чистой демократии»²¹⁴.

Проблема для тех, кто считал необходимым консолидировать «охранительные силы», состояла не только в том, что значительная часть дворянства не проявляла желания защищать «консервативные начала». Даже и приверженцы таких начал не могли ясно выразить, *что* и *как* они должны защищать. Следует подчеркнуть: речь идет не об отсутствии представления о мерах, которые, по их мнению, нужно было осуществить. Мысли о вреде общины, о необходимости предоставить землевладельцам большее влияние на местах, о пользе «консервативного» представительства неоднократно звучали в различных официальных и частных записках, в печати, в дневниках и письмах. В совокупности все эти идеи составляли целую программу, которая была достаточно детально сформулирована к началу 1870-х гг. Но события 1861—69 гг. продемонстрировали, что всякое предложение в духе этой программы наталкивалось или на противодействие, или на равнодушие громадного большинства дворян-землевладельцев, то есть, собственно, тех, кто должен был бы составлять среду естественных приверженцев предлагавшихся мер.

«Сознаюсь с огорчением, — писал Орлов-Давыдов в сентябре 1867 г., — перед моим приятелем и прежним сподвижником Голохвастовым, что я совершенно растерялся: не знаю ни

²¹⁴ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 11. С. 164—165.

какая цель русских консерваторов, ни даже на кого я мог бы надеяться как на сотрудника и помощника». Через полгода уже сам Голохвастов сетовал Орлову-Давыдову «о разладе между дворянами, отсутствии общей цели и о том, что нет никакой чисто аристократической партии... отдельной от дворянской массы, зараженной всеми самыми превратными теориями.» «Но спрашивается, — добавлял граф в дневнике, — кто же в России составит эту партию? Вельможи по имени и состоянию в возможность составления такой партии не верят, а против нее восстают и демократы, и чиновники, и сам царь»²¹⁵.

«Охранители» оказывались в своеобразном замкнутом круге: слабость корпоративных традиций препятствовала сплочению дворянства, а любые попытки укрепить эти традиции вызвали бы обвинения в отстаивании узкосословных интересов. Достаточно ярко это проявилось в ходе негласных совещаний московских дворян, об одном из которых, состоявшемся в 1865 г., шла речь выше. Уже тогда в ответ на утверждение одного из участников, что главная цель дворянства — «развивать общественное мнение», другой выразил сомнение, «найдется ли в зале [дворянского] собрания весьма небольшое количество членов политически подготовленных и могущих оказать какое бы то ни было влияние на общество»²¹⁶.

В декабре 1866 г. дворяне вновь безрезультатно говорили о программе. «С одной стороны была выражена мысль о необходимости приобрести сочувствие земства путем пожертвований, с другой стороны заявлено было о том, что необходимо прежде всего подумать о себе». Под жертвованиями имелось в виду участие дворянства в платеже налогов и расширение прав земства. А.А.Киреев, участвовавший в этом совещании, изложил суть прений таким образом: «В виду наступающих важных событий людям, представляющим образование, соединенное с поземельной собственностью (характернейшее определение

²¹⁵ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 11. С. 269; д. 12. С. 117—118.

²¹⁶ Там же. Ф. 1379. Оп. 1. Ч. 3. Д. 621. Л. 27.

дворянства! — И.Х.), необходимо высказаться и по возможности влиять на ход дел, организовать в плотную партию. Партия эта конечно не может иметь исключительно сословного характера... иначе мы останемся без всякого влияния в крае... Она не может войти в соглашение ни с Милютиним, ни с Валуевым».

Но московские дворяне, стремясь добиться создания «консервативной партии», проповедовали тактику, отличную от той, которой придерживалась «партия “Вести”». «На влияние личное при дворе, — писал Киреев, — мы не должны рассчитывать (иначе мы сделаемся камарильей или чиновниками)... Должно иметь в виду, что мы дворяне, и что поэтому: 1. мы не можем забывать дворянских интересов, но и 2. что мы должны опережать других на пути либеральных мер, мы должны показать краю, что мы хотим стоять во главе края, а не сословия»²¹⁷.

Интересно, что не только в общих намерениях (обеспечить должное влияние землевладельцам), но и в конкретной программе московские дворяне были очень близки к тем идеям, которые пропагандировались «Вестью». Судя по записи Киреева, они считали необходимым ввести в земские собрания крупных собственников в качестве почетных мировых судей, передать мировым судьям функции посредников, ограничить полномочия крестьянских волостных судов, «освободить крестьян от общины»²¹⁸.

Но условием того, чтобы «встать во главе народа» и выступать от имени всех сословий, был отказ от защиты сословных прав, и здесь дворяне заходили в явный тупик, поскольку завуалировать пропомещичий смысл их программы было просто невозможно. Кроме того, оставалось неясным, какими средствами, не влияя на правительство, можно добиться реализации этих мер. Как резюмировал П.А.Васильчиков, «для того, чтобы действовать... во-первых, необходима общая точка отправления и, второе, твердая почва. Относительно первого необходимо... предание... его у нас нет в на-

²¹⁷ ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3. Л. 124—125.

²¹⁸ Там же. Л. 125 об.—126.

шем дворянстве, стало быть и единства быть не может. Что же касается до почвы, на которой мы стоим, то как почва дворянских собраний, так и почва земского собрания одинаково шатки не только в настоящем, но и в будущем... Представляется два пути для достижения цели, — первый — это действовать не прямо и непосредственно, а тайно в Петербурге; другой — это то, что предлагает Д.Д.Голохвастов (сплочение дворянства разных губерний в некоем «тайном обществе». — И.Х.). Первое антипатично, второе — или причинит вредные последствия для членов, или поведет к революции»²¹⁹.

* * *

«В самом деле мы еще не созрели, — утверждал Д.А.Милютин в черновых заметках 1864 г., — толкуют о партиях, ведут жаркую полемику, создают себе органы, а никто не отдает себе отчета в чем же состоит его партия, чего она хочет... Не мудрено, что иностранные газетчики совсем перепутали смысл тех названий, под которыми наши партии выступают. Кто у нас прогрессист, либерал, ретроград? Кто у нас аристократ, демократ, социалист?». И далее: «У нас слишком велико еще брожение, слишком разрозненны интересы, чтобы ожидать чего-нибудь хорошего и прочного от инициативы представителей этих разрозненных интересов»²²⁰.

Анализ деятельности консервативного дворянства в 1861—69 гг. подтверждает справедливость этой оценки принципиального противника претензий «высшего сословия» на самостоятельную политическую роль в государстве. Впрочем, подобные суждения неоднократно высказывались и теми, кто непосредственно участвовал в безуспешных попытках организовать дворянство и направить его к единой цели.

Не находя опоры ни в дворянском сословии (значительную часть которого составляла «бюрократия»), ни в представителях поместного землевладения, ни даже в «аристократии

²¹⁹ РГАДА. Ф. 1379. Оп. 1. Ч. 3. Д. 653. Л. 5 об., 2—3

²²⁰ РО ИРЛИ. Д. 9096. L.16.104. Л. 1—2.

имен и гербов», защитники дворянских интересов ориентировались в своих идеологических пристрастиях на мифологизированные образцы, отыскивавшиеся либо в эпохе Земских соборов и Боярской думы, либо в «аристократической» Англии. Оба подхода могли причудливым образом сочетаться: так, значительная часть переданной Александру II записки Орлова-Давыдова 1867 г. была посвящена доказательству того, что русские бояре мало чем отличались от британских пэров. Однако реалии пореформенной России слишком резко контрастировали с умозрительным идеалом. К концу 1860-х гг. едва ли кто-либо из «консерваторов» продолжал верить в то, что из аморфного «общества» сами собой выдвигнутся и сплотятся силы, которые могут стать оплотом в борьбе с «разрушительными тенденциями», опорой необходимой, по их мнению, охранительной политики. Вполне закономерно, что наряду с пессимистическими оценками все чаще озвучивалась идея, согласно которой «охранительную силу» необходимо сначала создать, а затем активно поддерживать, причем делать это должно государство.

С одной стороны, такая идея соответствовала тому, что всегда провозглашало консервативное дворянство: оно являлось и должно являться преимущественной опорой престола. На поддержку верховной власти консерваторов обрекало неприятие буржуазного социального нивелирования, упрощения политической структуры, — словом, всего того, что связывалось с понятием «демократия». Вместе с тем это не была поддержка *status quo*, и главный аргумент в пользу политической реформы заключался в том, что инерция и своеволие бюрократической машины гораздо более ограничивают самодержавие, чем это делало бы консервативное представительство, что собственник всегда благонадежнее чиновника.

Но как же добиться этого, если признавалось, что власть, как и общество, пропитана «самыми пагубными учениями»? Кто или что должно исполнить роль некоего *deus ex machina*, разомкнув этот замкнутый круг и дав толчок движению в нужном направлении? Иначе говоря, в чем, по представлению

идеологов дворянского консерватизма, заключалась ключевая проблема, решение которой могло бы способствовать выходу из тупика? Присутствовало ли осознание самого этого тупика, или приверженцы несуществующего «аристократического» идеала не задумывались, в чем их часто обвиняли политические противники, над путями воплощения его в жизнь?²²¹ Для того чтобы ответить на эти вопросы, ниже программа дворянских консерваторов будет проанализирована более детально.

В заключение же данной главы хотелось бы отметить, что противоречивость, аморфность облика «аристократической оппозиции» в полной мере отражала очерченные выше характерные черты дворянского оппозиционного движения в целом. Многие современники употребляли понятия «аристократическая» или «олигархическая партия», имея в виду и социальную принадлежность ее представителей, и их идеалы. Однако те из них, кто, подобно Б.М.Маркевичу или А.А.Кирееву, имел возможность общаться с «аристократами» и оценивать их деятельность на основании собственных наблюдений, а не слухов, выражали сомнения в том, что к ним применимы термины «партия» или «группировка».

Думается, это совсем не означало, что «аристократическая оппозиция» была лишь фикцией, подобной мифическим «социалистам», разработавшим крестьянскую реформу с целью погубить Россию. «Аристократы» были неорганизованны, но стремились к сплочению своих рядов; они далеко не всегда координировали свои действия, но, несомненно, постоянно общались друг с другом. Одни из них, как Орлов-Давыдов, пользовались любым удобным случаем для отстаивания и пропаганды своих убеждений, другие (например, Ф.И.Паске-

²²¹ «У иных же, — писал Милютин, — преобладает теория над практикой... Теория доводит до выводов нелепых, неприменимых; но фанатические последователи теории не останавливаются перед явной невозможностью; видя неосуществимость своих теорий, они покидают с озлоблением действительность и уносятся в отвлеченный мир своих идеалов» (Там же. Л. 3).

вич и С.М.Воронцов) относились к общественной деятельности достаточно равнодушно; для некоторых приоритетом была успешная карьера, тогда как другие отказывались от любых компромиссов — но всех их объединяла приверженность к одним и тем же ценностям и антипатия к общим политическим противникам.

Разумеется, эти ценности разделяли далеко не все представители крупного землевладения, близкие к придворным и правительственным сферам, то есть не все те, кто мог бы быть назван аристократом по социальному положению, и, наоборот, и В.А.Краинский, и В.Д.Скарятин, как и, скажем, многие из активных авторов «Вести», пропагандировавшие идеи консерваторов, не принадлежали к этому социальному слою. Поэтому эпитет «аристократический» нельзя считать ни чисто социальной, ни сугубо политической характеристикой.

ГЛАВА III

«АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ» ОППОЗИЦИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 70-Х ГОДОВ: ПРОГРАММА И ПОПЫТКИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

1. Программа

«аристократической» оппозиции к началу 1870-х гг.

Начиная с периода подготовки отмены крепостного права представители консервативного дворянства, которых общественное мнение объединяло в «аристократическую» или «олигархическую партию», неоднократно выражали свои взгляды на ключевые проблемы российской действительности. Анализ неурядиц и затруднений, которыми сопровождалась реализация реформ, закономерно вел к критике недостатков самих законов и сопровождался предложением тех или иных мер для их исправления.

Выше часто упоминались наиболее характерные для «аристократов» идеи. Говоря о вреде общинного землепользования и самоуправления, о демократизме земств, неэффективности местной власти и бюрократических методов управления государством, они, соответственно, настаивали на развитии участкового землевладения и арендных отношений, на ограничении власти сельских сходов и волостных судов, на изменении состава земств, на предоставлении земельным собственникам политических прав и большего влияния на окружающее их население. Существовала ли логическая взаимосвязь, которая позволила бы считать все эти мысли аспектами единой программы? Только ответив на этот вопрос, можно корректно оценить, что же представляла собой «аристократическая» оппозиция реформам, каковы были ее идеологические ориентиры и конкретные цели.

Как уже отмечалось в историографическом очерке, исследователи, затрагивавшие данную тему, весьма неоднозначно интерпретировали некоторые из указанных идей, квалифицируя их то как «крепостнические» и «дворянские», то как «либеральные» и «буржуазные», а порой как сочетание того и другого. Действительно, следует ли рассматривать, например, выступления «аристократов» против изолированности крестьянского самоуправления и суда либо их «конституционные» пристрастия как свидетельство либерализма или консерватизма их взглядов? Следуя за политическими противниками дворян-консерваторов, историки часто писали об «олигархическом» характере их политических притязаний, не раскрывая смысла этого понятия. Но если понимать под олигархией предоставление политических прав лишь части граждан, то придется признать любое конституционное требование в пореформенный период олигархическим, поскольку, независимо от форм гипотетического представительства, *de facto* в нем принимало бы участие незначительное меньшинство всего населения (на это неоднократно указывали такие противники конституции, как Ю.Ф.Самарин и братья Милютины).

Но наименее ясным остается вопрос, чем были обусловлены постоянные и упорные антиобщинные выступления. Очевидные аналогии с идеями С.Ю.Витте и П.А.Столыпина и не менее очевидная противоположность правительственной политике 1880-90 гг., традиционно характеризующейся как продворянская и крепостническая, заставляют усомниться в обоснованности параллелей между программой «аристократов» и контрреформами следующего царствования. Но означает ли это, что те, кого общество именовало «крепостниками», на самом деле отстаивали «буржуазные» идеи? Что в таком случае стояло за обвинениями их в крепостничестве? В.Г.Чернуха объясняет критику общины частью дворянства экономическими соображениями¹ и в то же время связывает ее с «утверждением буржуазных принципов частной собственности».

¹ «Одни предпочитали прикрепление крестьянина к земле... Другие же... предпочитали, с одной стороны, обезземеленного крестьянина,

сти и личной ответственности в платеже налогов»². Не отрицая правомерности такого подхода, следует признать, что он едва ли способен объяснить суть противостояния сторонников и противников общины.

Детальное рассмотрение программы «аристократов» тем более важно, что проведенный выше анализ их безуспешных попыток добиться сплочения собственных рядов, постоянные политические поражения, отторжение их идей дворянством — все это заставляет обратиться к выявлению причин, определивших слабость группировки, которая в пореформенной России не была ни маргинальным, ни эпизодическим явлением.

Основным источником для реконструкции программы «аристократической» оппозиции будут служить материалы публицистики и близкие к ним по содержанию программные записки, письма. Еще раз подчеркну, что о существовании политической программы, на мой взгляд, может идти речь только в том случае, когда составляющие ее положения обладают внутренней логической связью, когда все они подчинены определенной общей цели. Именно поэтому наибольший интерес представляют не столько небольшие статьи в периодических изданиях (например, в «Вести»), сколько книги и рукописи тех авторов, чья принадлежность к группировке не вызывает сомнений. Охарактеризую наиболее значительные из них.

В 1868 г. в Петербурге под инициалами П.Л. вышла книга «Земля и воля». Ее автором был Павел Федорович Лилиенфельд. Остзейский дворянин по происхождению, он окончил Александровский лицей и в 1850-е гг. работал под руководством Н.А.Милютина в Хозяйственном департаменте МВД. После крестьянской реформы Лилиенфельд был по-

превращающегося в батрака и, с другой — кулака». (Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати в 60—70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 126).

² Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике 60—70-х гг. XIX в. Л., 1972. С. 204.

следовательно — мировым посредником, председателем мирового съезда, почетным мировым судьей и председателем земской управы петергофского уезда, где, в частности, находились имения некоторых великих князей и представителей столичной знати. В 1867 г. он по ходатайству друга П.А.Шувалова, графа Н.В.Левашова, был назначен петербургским вице-губернатором, а в августе следующего года — курляндским губернатором. В 1867-68 гг. в «Вести» были опубликованы две серии его статей, которые и составили книгу, впоследствии переведенную на немецкий язык. По словам биографа Лилиенфельда, это сочинение «произвело в свое время сильное впечатление... Многое из того, что было высказано... тогда признавалось преувеличенным и причинило [автору] много неприятностей»³. При написании статей Лилиенфельд использовал не только собственный опыт, но также советы и рекомендации В.П.Орлова-Давыдова, с которым был близко знаком. Следует также отметить, что позже он приобрел некоторую известность, в том числе и европейскую, как социолог.

Перу князя Николая Алексеевича Лобанова-Ростовского принадлежало другое интересное сочинение — «Молодая Россия», опубликованное в Штутгарте в 1871 г. под псевдонимом «Европеец». Некоторое время назад в литературе утвердилось мнение И.Ф.Масанова, что книга была написана В.П.Безобразовым. Лишь недавно В.Г.Чернуха установила на основании данных цензурного ведомства ее истинного автора⁴. Характерно, что издавать свою работу за границей под невнятным псевдонимом Лобанова побудила не боязнь репрессий, а опасение, что имя автора может а priori скомпрометировать содержание книги в глазах общественного мнения. Когда в конце 1870—начале 1880-х гг. князь вновь обратился к заграничному печатному станку, он, говоря в письме к своему другу графу А.А.Бо-

³ ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 2944. Л. 4 об.—5.

⁴ Чернуха В.Г. Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (сер. 70-х гг. XIX в.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 164; РГИА. Ф. 777. Оп. 3. 1881 г. Д. 23. Л. 14—15.

бринскому об одном из собственных сочинений, изданном под псевдонимом, писал: «Очень важно, чтобы те, кто на него отвечал, не предполагали, от какого крепостника оно исходит»⁵.

В 1873 г. в либеральном «Вестнике Европы» была помещена обширная статья В.П.Орлова-Давыдова «Земледелие и землевладение». По мнению В.Г.Чернухи, она была написана на рубеже 1872—73 гг. Однако есть данные, свидетельствующие, что к составлению труда, в котором, как во всех сочинениях графа, анализ положения сельского хозяйства сопровождался постановкой гораздо более общих политических проблем, он приступил еще в 1870 г. Именно в это время Орлов-Давыдов написал обширную рукопись «Размышления о видах поземельной собственности в России и влиянии их на общественный быт»; тогда же он обратился к В.А.Краинскому за советом, стоит ли ее издавать. Получив не слишком благоприятный отзыв о литературных достоинствах работы, граф отказался от этой мысли⁶. Лишь в 1873 г. в сильно переделанном виде рукопись была передана в «Вестник Европы». Перед этим Орлов-Давыдов, как он часто делал, отдал ее для прочтения П.А.Валуеву, в то время — министру государственных имуществ и председателю комиссии по исследованию положения сельского хозяйства. Валуев попросил вычеркнуть «некоторые слишком резкие замечания — сближение... теорий Прудона с нашим крестьянским Положением и также плач об упадке дворянского значения»⁷. Редактор журнала М.М.Стацюевич сначала отказался публиковать работу (граф посчи-

⁵ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 5. Д. 198. Л. 15. Одна из его книг этого времени была издана под псевдонимом Р.С.Т., остальные — Г.Д. (См.: Р.С.Т. Наша бедность. Берлин. 1879; Г. Д. Социальные реформаторы. Штутгарт. 1880; Г. Д. Что народу нужно. Штутгарт. 1881; Г. Д. Между Востоком и Западом. Рязань. 1890.) Интересно, что Дмитрий Николаевич Губарев (Г.Д.) — реально существовавший человек. В каталоге РГБ все сочинения Лобанова-Ростовского приписаны именно ему. Обстоятельства его сотрудничества с князем остаются невыясненными.

⁶ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 14. С. 204. Текст рукописи см.: ОР РГБ. Ф. 219. Картон 87. Д. 3.

⁷ Там же. Д. 17. С. 123—124.

тал, что из-за критики в ней общины), но затем изменил свое решение. Однако по его настоянию наиболее острые места статьи были исключены. Как и книги Лилиенфельда и Лобанова, статья Орлова-Давыдова, вышедшая также отдельной брошюрой⁸, получила определенный общественный резонанс, удостоившись и сочувственных, и недоброжелательных отзывов.

Статьи и книга Лилиенфельда увидели свет в то время, когда, как это рассмотрено в предыдущей главе, «партия “Вести”» пыталась подвигнуть П.А.Шувалова к активным действиям по реализации своих идей. 1870 год был не менее значимым и для землевладельцев, и для правительства. Дело в том, что именно в этом году заканчивался предусмотренный Положениями 19 февраля 9-летний срок, в течение которого крестьяне не могли продать или заложить даже выкупленные наделы тем, кто не принадлежал к их сельскому обществу (статья 39 Общего Положения). Только по истечении этого срока крестьянин мог отказаться от пользования еще не выкупленным наделом, который в этом случае, если общество не пожелало бы оставить его за собой, возвращался помещику (статьи 128—130, 134 Местного великорусского Положения). Соответственно, в 1870 г. должны были сниматься предусмотренные ограничения на выход крестьян из сельского общества.

Правительство ожидало наступающий год не без тревоги, опасаясь начала массовых переселений и аграрных волнений. Как сообщал П.А.Шувалов П.П.Альбединскому в июне 1869 г., «70-й год не обрисовывается еще достаточно ясно, а потому желание МВД не подавать примера никаким переселениям — желание вполне основательное, так как всякое переселение может в настоящую минуту принять размеры важного государственного вопроса»⁹. С другой стороны, при соответствующем истолковании не совсем ясно сформулированных статей закона мог возникнуть повод для серьезной корректировки Положений.

⁸ Орлов-Давыдов В.П. Земледелие и землевладение. СПб., 1873.

⁹ ОР РНБ. Ф. 16. Ед. хр. 29. Л. 6.

Кроме того, в конце 1869 г. А.Е.Тимашев получил высочайшее разрешение возобновить деятельность комиссии по преобразованию губернских и уездных учреждений, которая должна была спешно составить проект административно-полицейской реформы. Вскоре после начала заседаний в комиссии был поднят вопрос об «установлении в положениях административно-полицейской реформы всесословной единицы низшего территориального деления»¹⁰ (именно это требование неоднократно раздавалось из уст помещиков). Одновременно в МВД разрабатывался вопрос о создании новых органов вместо мировых посредников¹¹. Активизировалось в это время и обсуждение реформы налоговой системы, возможной отмены подушной подати и введения всесословного обложения¹². Местное управление, налоговые и аграрные проблемы находились в самой непосредственной взаимосвязи.

Таковы, вкратце, были обстоятельства, сопровождавшие появление (как видим, не случайное) указанных сочинений. Обратимся к анализу сформулированной в них программы.

Не вызывает удивления, что в восприятии землевладельцев, каких бы политических взглядов они не придерживались, именно крестьянская реформа стала своеобразной точкой отсчета при попытках проанализировать наиболее острые проблемы российской действительности. Конец 1860-х и 1870-е гг. стали для русского общества временем подведения первых итогов реформы. Именно в этот период начали активно обсуждаться идеи, которые занимали общество и правительство на протяжении последующих десятилетий. Одни считали главной причиной неблагополучного положения сельского хозяйства и обнищания крестьян земельный голод и обременитель-

¹⁰ См.: РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 310. Л. 102–103. На работу Комиссии он, правда, не оказал впоследствии никакого влияния, так как было признано, что обсуждение этой проблемы «при недостаточной подготовке привело бы только к излишней проволочке» (там же).

¹¹ См.: Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике 60–70-х гг. XIX в. Л., 1972. С. 61–65.

¹² Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 211–228.

ность различных налогов и платежей, другие же — органические, структурные пороки того порядка, который был заложен Положениями 19 февраля. В новейшей историографии утвердился обоснованный вывод о том, что авторам Положений отмена крепостного права представлялась лишь исходным пунктом длительного процесса, который должен был привести к запрограммированному результату¹³. По словам Л.Г.Захаровой, «Редакционные комиссии, как нигде в Европе, создали закон, жестко регламентирующий будущее развитие»¹⁴. Рассматриваемый период как раз и был временем реализации этой жесткой программы, что придавало спорам по аграрным вопросам определенный смысл: фактически речь шла не о том, чтобы скорректировать *результаты* некогда осуществленной реформы, а о том, следует ли направить в иное русло продолжающийся процесс ее осуществления.

Конечной целью либерального большинства Редакционных комиссий было создание мелкого крестьянского землевладения, независимого от крупного, помещичьего землевладения и в экономическом, и в социальном, и в административном отношениях. Почти для всех создателей Положений вопрос, будет ли это крестьянское землевладение общинным или участковым, имел подчиненное значение (исключением была, пожалуй, лишь позиция последовательного приверженца общины Ю.Ф.Самарина). Прекрасно зная либеральную европейскую экономическую доктрину, безусловно отвергавшую хозяйственную целесообразность общинного землепользования, реформаторы не могли не признавать закономерности разложения общины¹⁵. Почему же она тем не менее оказалась важнейшим элементом Положений? Во-первых, при-

¹³ См.: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права. М., 1984. С. 232—233.

¹⁴ Захарова Л.Г. Самодержавие и реформы в России. 1861—1874. (К вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992. С. 35.

¹⁵ См.: Захарова Л.Г. Крестьянская община в реформе 1861 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1986. № 5. С. 36—42.

знавалось, что крестьяне могут выкупить землю только целыми обществами (правительство не могло входить в подробности миллионов сделок). Во-вторых, как известно, размер выкупных платежей не был связан с реальной ценностью наделов и земля сама по себе не могла служить обеспечением ссуды, что вело к установлению круговой поруки. Но существовали и иные причины. Закрепление за сельским обществом фонда наделных земель, которые не должны отчуждаться вне пределов общества, изымало их из сферы, регулируемой законами спроса и предложения, и помещик уже не мог рассчитывать вернуть их себе. В этом был заложен механизм, который позволял реформаторам надеяться, что большинство крестьян, хотя бы и помимо их собственной воли, станут землевладельцами, а не превратятся в «бесприютных пролетариев». Поэтому нежелательной признавалась концентрация земли в руках не только помещиков, но и, скажем, так называемых кулаков. Именно в том, чтобы избежать масштабного обезземеления и пролетаризации крестьянства, виделась гарантия от социальных взрывов, потрясавших Европу.

Вместе с тем Положениями закреплялось не только общинное землепользование, но и сословное самоуправление, включенное через волостные органы в административную систему. Предполагалось, что это должно обеспечить государству возможность опекать крестьян и защищать их от корыстных поползновений бывших владельцев. Крестьянский суд действовал на основе обычаев, а не общегражданских законов, распространение которых на внутриобщинные отношения противоречило Положениям. Изолированность крестьянства гарантировала ему и относительно широкое участие в земских учреждениях, тогда как более «прогрессивная», с теоретической точки зрения, бессословная избирательная система свела бы представительство крестьян, которые не выдержали бы соперничества с «образованными» сословиями, к минимуму.

Во всем этом, как и в стремлении поставить бывших крепостных под контроль правительства, а не дворянства, заключался определенный политический смысл, связанный с уже неодно-

кратно упоминавшейся идеей самодержавия, опирающегося на все сословия, на народ *in concreto*, и, соответственно, идея сильной власти, проводящей реформы во благо всех. Такая схема полностью устраивала императора, предоставляя ему инициативу в проведении одних реформ и обоснование отказа осуществлять другие. Она обеспечивала и свободу маневра в борьбе с политическими противниками: оказывалось, что одни из них отстаивали отжившие понятия или своекорыстные меры, идеи других не имели исторических, национальных корней, третьи же лишь пытались опередить события.

Как объяснял в 1865 г. Н.А.Милютин В.А.Долгорукову, «прежде дворянство стояло между государем и частью подданных, но... и тогда уже не было никого между царем и государственными крестьянами. Теперь же вместо 10 млн, имеющих прямое общение с царем, 20 млн,— вот и все различие. Управление по-прежнему будет состоять из элементов интеллигенции без различия сословий, призываемых к правительственной деятельности правительственной властью»¹⁶. Стоит напомнить, что именно такой взгляд на сущность пореформенного самодержавия «аристократы» (и не только они) именovali «демократическим цезаризмом».

Таким образом, экономические, социальные и идеологические аспекты крестьянской и земской реформ взаимобуславливали друг друга; каждый из элементов по необходимости бегло очерченной здесь программы реформаторов имел принципиальную важность, отказ от любого из них фактически означал серьезный поворот в заданном направлении развития страны. И несмотря на несомненный утопизм этой программы, она позволяла использовать традиции, существовавшие и в государственном управлении, и в сфере народных представлений, и тем самым, как это ни парадоксально, обеспечивала своеобразную преемственность по отношению к дореформенному социально-политическому устройству. Идеи же противников реформаторов, напротив, оказались неприемлемыми для самодержавия.

¹⁶ Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 22.

Исходным пунктом в рассуждениях дворянских публицистов был тезис о том, что сельское хозяйство находится в кризисном или, по меньшей мере, застойном состоянии. В наибольшей степени это относилось к хозяйству крестьянскому, которое, по их мнению, не только не способно конкурировать с помещичьим в производстве товарного хлеба, но зачастую не может обеспечить потребностей самих крестьян. Более того, признавалось, что ситуация может только ухудшаться, поскольку общинная система лишена каких-либо внутренних ресурсов для повышения эффективности хозяйствования.

Неизбежные спутники общины — круговая порука, периодические переделы земли, чересполосица, принудительный севооборот не допускают никаких агротехнических улучшений. Но еще важнее то, что общинное владение «останавливает всякую личную предприимчивость — основание прогресса, уничтожает значение семейства... желание трудиться, потому что собственность недостаточно обеспечена»¹⁷. Мысль, что община как средство обязательного наделения крестьян землей гарантирует страну от пролетариата, абсолютно несостоятельна, считали «аристократы». Забота о собственнике помимо его усилий — невыполнимая химера. Разорившиеся мелкие собственники, утверждал Лилиенфельд, — самый обременительный для правительства вид пролетариата, «потому что в случае нужды правительство и общество должны поддерживать и спасать не только их существование, но и их жалкую собственность»¹⁸. По мнению Орлова-Давыдова, пролетариат — естественное и неизбежное явление, не только атрибут всякого общества, но и условие его богатства, роста городов и развития промышленности. «Чем меньше сельскохозяйственных производителей, — заявлял он, ссылаясь на труды французского экономиста де Лаверня, — тем больше прибыль»¹⁹. Впрочем, своих политических оппонентов граф подозревал не столько в недостаточном знакомстве с

¹⁷ Европеец. Молодая Россия. Штутгарт. 1871. С. 79—80.

¹⁸ П.Л. Земля и воля. СПб. С. 25—26.

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 87. Д. 3. Л. 64 об., 65—66.

политической экономией, сколько в завуалированном стремлении к социальному равенству: «Пусть говорят так ясно, как Прудон, а не как многие реформаторы, которые выставляют на свет только розовый кончик своих теорий, скрывая их начальный пункт». В своем желании опираться на общину социалисты пытаются по-своему использовать неразвитость народа. Проявлять стремление к самостоятельности, писал Лиленфельд, «это, по понятиям крестьян, значит идти против мира, и нет поступка, на который они смотрели бы с большим негодованием и презрением. И вот где кроется зародыш тех чисто демократических нравов и воззрений, которые отличают массу русского народа и которые преклоняются только перед всемогуществом самодержавия. В соединении с общинным владением землей воззрения эти получают иногда чисто социалистический оттенок. Оттенок этот даже несколько захватывает нашу бюрократию, а современную печать окрашивает в довольно яркий красный цвет... Эта-то часть общественного мнения именно и опирается на неясные инстинкты, неразвитость, или как теперь охотно выражаются, на “стихийные силы” русского народа»²⁰. Признавая собственность и экономическую свободу основополагающими ценностями, Лобанов-Ростовский считал отношение к ним главным критерием, позволяющим отличить «истинных либералов» от социалистов. «Люди... партии разрушителей говорят, что право собственности даровано правительством, и потому может быть правительством же ограничено... В России социалисты большей частью выдают себя за либералов, несмотря на то, что они предлагают деспотически распоряжаться частным имуществом»²¹.

Таким образом, споры об общине переносились с экономической на идеологическую почву. Рассмотрение трудов дворянских публицистов вне этого контекста может привести к не совсем корректным выводам. Дело было отнюдь не в хозяйственных интересах помещиков. Вместе с тем иногда встречающееся в литературе утверждение о «буржуазном» характере ан-

²⁰ П.Л. Земля и воля. С. 81–82.

²¹ Молодая Россия. С. 110–112.

тиобщинных выступлений следует признать недостаточно конкретным. По справедливому наблюдению В.Л. Степанова, и в европейской науке фритредерским идеям в области аграрных отношений противостояло иное направление, представители которого трактовали землю не как обычный товар и настаивали на активном вмешательстве государства в «естественные» процессы ее мобилизации²².

Современники часто характеризовали выступления помещиков против общины как крепостнические, не принимая во внимание ссылки на авторитет либеральных западных экономистов. Землевладельцы, в свою очередь, обвиняли в крепостничестве своих оппонентов, поскольку те, по их мнению, стремились прикрепить крестьян к земле и к сельскому обществу, власть которого признавалась не менее гнетущей, чем былая власть помещиков. Но если сравнение диктата мира с помещичьим произволом можно считать лишь метафорой, то обвинения в крепостничестве противников общины имели гораздо более конкретный смысл, так как защита «аристократами» частной собственности на наделы неизменно сопровождалась требованиями предоставить землевладельцам большее влияние на окружающее население, а любое заявление в этом духе либеральное общественное мнение квалифицировало как попытку восстановить дореформенные порядки.

Фундаментальной особенностью социального устройства деревни после 1861 г. было, как известно, сосуществование крупного помещичьего и мелкого крестьянского землевладения. Однако в реальности сосуществование превращалось в противостояние, тем более острое, что помещик постоянно сталкивался не с отдельными экономически зависимыми от него мелкими собственниками, а с «собирательным лицом мира», члены которого выступали против него как единое целое. Предусмотренный законом широкий простор для применения обычного права и изолированность крестьянского самоуправления не создавали никаких предпосылок к сглаживанию противоречий во взаимоотношениях сторон. Социальный антаго-

²² См.: Степанов В.Л. Н.Х.Бунге. Судьба реформатора. М., 1998. С. 247.

низм мог лишь возрастать по мере того, как крестьянские наделы дробились, а земельный голод принуждал членов сельского общества прибегать к аренде помещичьих земель.

Восприятие крестьянства как некоей стихийной силы, грозящей социальным взрывом, страх растущего отчуждения двух «миров», понимание того, что дворянские усадьбы уподобляются островкам в море, которое в любой момент может их поглотить, — вот что в конечном счете лежало в основе выступлений дворянства. Поэтому «аристократы» и ратовали за создание условий для коренного переустройства социальной структуры и системы власти в деревне. «Действительная опасность заключается, — писал уже в 1879 г. Н.А.Лобанов-Ростовский графу А.А.Бобринскому, резюмируя собственную программу, — не в нигилисте, а в крестьянине, которому скажут: ты достаточно силен, чтобы не платить налогов и захватить земли короны и крупных собственников. У нас революция должна принять форму пугачевщины. Авторитет царской власти и страх еще удерживают крестьянина, но во время мятежа авторитет исчезнет; страх на некоторое время сохранится, но слабость правительства, не располагающего никакой поддержкой кроме жандарма и солдата, станет совершенно очевидной... Так что ситуация будет хуже, чем когда-либо. Чтобы иметь хоть какие-то шансы на успех в борьбе с этой угрозой, необходимо прежде всего разрушить общину, позволить каждому крестьянину выделить его надел земли, сделав его консерватором... Необходимо отдать крестьян под надзор почетных мировых судей... Необходимо изменить избирательный закон в земство и в думу в консервативном смысле, то есть усилить голос собственников. Необходимо создать при Государственном Совете постоянную редакционную комиссию, состоящую из выборных членов — людей консервативных... Эта комиссия будет выработать проекты законов... Необходимо однородное министерство, состоящее исключительно из искренних консерваторов»²³.

²³ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 5. Д. 198. Л. 7—8. Оригинал на фр. яз.

Разрушение общины могло бы, по мнению «аристократов», привести к появлению слоя фермеров-арендаторов, зависящих от крупного землевладельца не только экономически, но и социально, прибегающих к его покровительству и помощи и являющихся проводником его влияния. Неизбежное расслоение крестьянства смягчало бы социальную напряженность, так как различие интересов «крепких хозяев» и батраков затрудняло бы их совместное противостояние помещику. «Непосредственному влиянию высших классов на низшие мешает недостаток среднего класса, в особенности средних поземельных собственников, — утверждал Лилиенфельд, — которые служили бы связью между крупным собственником и нашими крестьянами-общинниками. Он может быть пополнен лишь постепенно, и первым шагом к тому представляется выделение из среды самих крестьян-общинников личных собственников средней руки»²⁴.

Существовал и иной смысл выступлений в защиту фермерских хозяйств, сформулированный отчетливее всего Орловым-Давыдовым. Граф считал, что землевладение необходимо предоставить «на долю самых крупных капиталистов в государстве, которые ищут не столько выгодного, сколько верного помещения своего капитала; они не могут употреблять свое время на имущественные дела, их досуг должен быть посвящен занятию общественными делами»²⁵. Таким образом, «лендлорд» получал бы возможность заниматься общественно-политической деятельностью, арендаторы-фермеры — организацией хозяйства, непосредственно же земледелием занимались бы наемные работники. При очевидном несоответствии российским условиям этого идеала, позаимствованного из английской действительно-

²⁴ П.Л. Земля и воля. С. 145—146. Нельзя не согласиться с мнением Д.Ливена, что «в истории аристократии девятнадцатого века не было ничего важнее, чем отношения между дворянством и сельскими субэлитами, в первую очередь зажиточными крестьянами и фермерами» (Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815—1914. М., 2000. С. 25). В великорусских губерниях, впрочем, само существование таких элит в пореформенную эпоху вызывает некоторые сомнения.

²⁵ Орлов-Давыдов В.П. Указ. соч. С. 32.

сти, он оказывал сильное влияние на представления «аристократов», хотя даже самым ярким его приверженцам его осуществление виделось возможным в сравнительно отдаленном будущем.

На обвинения в отрыве от реальности, слепом подражании иностранным образцам они неизменно отвечали, что на Россию так же, как и на другие страны, распространяются универсальные экономические и политические законы. Одним из последних признавался тот, что представители крупной земельной собственности являются наиболее консервативным социальным слоем и единственно возможной опорой монархии. Анализ смысла, который вкладывался «аристократами» в понятие собственности, демонстрирует, что фритредерские буржуазные идеи использовались ими лишь как удобный аргумент в борьбе с политическими противниками; в основе же их ценностной ориентации лежало представление, что социальная мобильность — неизбежное следствие экономического либерализма — должна уравниваться устойчивым и не подверженным превратностям рынка слоем крупных землевладельцев. Так, особую озабоченность Орлова-Давыдова вызывало то, что помещики стремятся избавиться от земельной собственности, превращаясь в рантье или вкладывая деньги в биржевые спекуляции. Противопоставлял «космополитизм денежных капиталов» недвижимой собственности и Лилиенфельд: «Владение землей — самый высокий и благородный вид собственности, оно служит основаниям всякой истинной аристократии, этой... самой твердой опоры монархического начала»²⁶. «Землевладелец по своей натуре принадлежит к здоровой части общества, — как достаточно откровенно утверждал в одном из писем к Александру II князь А.И.Барятинский, — промышленник, напротив, не знающий ненарушимой собственности... основывающийся на собственном почине и на своих силах, питает дерзкие начинания. В соблюдении размеров этого последнего элемента состоит наука управления»²⁷.

²⁶ П.Л. Земля и воля. С. 175—176.

²⁷ Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И.Барятинский. Т. 3. М., 1891. С. 249.

Но свою роль консервативного гаранта политической стабильности землевладельцы могут исполнить только в том случае, если будут созданы условия, при которых они могли бы занять доминирующее положение в местной жизни. Выше уже неоднократно упоминалось об идеях «аристократов» относительно необходимости передать помещикам административные и судебные полномочия. В 1860-е гг. наиболее приемлемой формой для этого признавался институт почетных мировых судей.

Согласно судебным уставам, они избирались на тех же основаниях, что и участковые, но не получали жалования и не обязаны были постоянно находиться в уезде. В то же время за ними не был закреплён определенный участок и исполнять свои обязанности они могли лишь по просьбе обеих заинтересованных сторон. Таким образом, почетный мировой суд был видом третейского суда с ограниченными полномочиями. «Весть» же выступала за радикальное расширение этих полномочий при сохранении принципа безвозмездной службы. Представление о смысле этих выступлений можно получить из статей «О земских и судебных мировых учреждениях», составивших вторую часть книги Лилиенфельда. Новые учреждения, считал автор, «возведены или, скорее сказать, нагромождены на сыпучем основании» недееспособных волостных органов. С другой стороны, огромное количество разных должностей, на деле занимаемых одними и теми же людьми, не соответствует потребности в единой и доступной власти. Его предложения заключались в том, чтобы «возложить на местных землевладельцев, по званию почетных мировых судей, безвозмездное отправление суда и расправы в ближайших селениях и волостях», соединив в их руках власть мировых судей, посредников, судебных и станowych приставов. Они же должны были исполнять «хозяйственные распоряжения», которые, очевидно, могли отдавать себе сами, поскольку съездам судей предстояло заменить земские управы, съезды посредников и даже губернские присутствия по крестьянским делам. Волостные суды и правления должны были быть упразднены, а волостные старшины подчинены мировым судьям; в состав же волостного схода включались все личные собст-

венники²⁸. Оценивая столь радикальные предложения, следует иметь в виду, что они являлись не конструктивным проектом, а своего рода демонстрацией, программным выступлением.

Впрочем, мировой суд был не единственной возможной формой, в которую могли бы облечься властные полномочия землевладельцев. Об этом свидетельствует и проект П.А.Валуева о вытях и еще один малоизвестный проект — о приходских попечительствах. Согласно «Положению о приходских попечительствах» 1864 года, эти выборные органы из числа прихожан, возглавлявшиеся священниками, занимались в основном материальными проблемами церковного прихода²⁹. В январе 1868 г. Н.М.Смирнов поставил в Московском губернском земском собрании вопрос о преобразовании попечительств во всеобщий орган с одновременным расширением его функций. Идея была подхвачена Д.Д.Голохвастовым. Была избрана комиссия, которая в декабре того же года представила два проекта. По проекту Смирнова предлагалось отделить от церковного «гражданское, или хозяйственное» попечительство — орган, состоящий из схода и совета; землевладельцам при этом планировалось предоставить права почетных попечителей. Голохвастов же настаивал на изъятии попечительства из духовного ведомства и на признании его «низшей земской единицей» с правом самообложения, аргументируя это тем, что «у земства нет корней», а у помещиков — никакой возможности участвовать в обсуждении местных дел³⁰.

Продворянская направленность проектов не укрылась от Ю.Ф.Самарина. Учреждение мелкой всеобщей единицы такого рода было бы, по его мнению, крайне опасным, поскольку соединение помещиков и крестьян чревато неизбежными столкновениями при обсуждении вопросов, «непосредственно задевавших личные интересы обеих сторон». Невозможно так-

²⁸ Весть. № 33. 17.03.1867; № 35. 22.03.1867.

²⁹ См.: Освальд Ю. Духовенство и реформа приходской жизни. 1861—1865 // Вопросы истории. 1992. № 12.

³⁰ Журналы Московского губернского земского собрания. Январь 1868 г. М., 1868. С. 63—64, 67, 176—177. Декабрь 1868 г. М., 1869. С. 363—380.

же «придумать комбинацию, которая бы уравнивала представительство одного или нескольких помещиков и множества крестьян». Кроме того, мало кто из землевладельцев захочет участвовать в подобном деле³¹.

Во всех этих выступлениях привлекает внимание одна особенность: речь шла не столько о том, чтобы предоставить помещикам определенную власть над их бывшими крепостными, сколько реформировании всей системы местного управления и в первую очередь волостных и земских учреждений. Всеобъемлющий характер проектов не позволяет сводить их смысл к стремлению восстановить в новых формах прежнюю помещичью власть, не выходящую за пределы имения. «Аристократы» желали большего: преобладание собственников в волости и земстве должно было, помимо прочего, служить основой консервативного представительства. Таким образом, мысль о «всесословной волости», несколько позднее ставшая излюбленной темой выступлений либеральных земцев, первоначально активно защищалась консервативным дворянством и считалась крепостнической.

Важнейшим из препятствий на пути утверждения влияния помещиков была все та же община. Ее члены воспринимали бы опеку землевладельца, в лице ли мирового судьи или волостного попечителя как вмешательство в их внутренние дела, строившиеся по собственным законам. Необходимо также учитывать, что правовая обособленность крестьянства дополнялась административной: правительственный контроль за сельским самоуправлением ограничивался фискальными делами и в значительной степени был фиктивным. Неудивительно, что критика сословной изолированности крестьянства стала лейтмотивом продворянской публицистики³². С целью ее преодоления пред-

³¹ Там же. Декабрь 1868 г. С. 352—354. Несмотря на поручение собрания комиссии продолжать работу, никаких практических последствий предложения не имели.

³² «X том гражданских наших законов, — писал Либлиенфельд, — в сущности не имеет никакого применения к 40 миллионам сельского населения» (П.Л. Земля и воля. С. 55).

лагалось либо упразднить волостные сходы и суды, либо подчинить их контролю землевладельцев, тем самым способствуя распространению на крестьян общих гражданских законов, что, в свою очередь, вело бы к разрушению общины.

С другой стороны, крестьянское самоуправление было важнейшим элементом системы власти. Обеспечить влияние землевладельцев на практике можно было либо при условии уничтожения или коренного реформирования ряда органов государственной власти и самоуправления (на что, например, были направлены идеи Лилиенфельда), либо созданием власти, параллельной существующей (как это пытался сделать Валуев). Правительство, сознававшее насущную необходимость организации более эффективной местной власти, на протяжении десятилетий не могло разработать программы своих действий в этой сфере и вынуждено было ограничиваться полумерами. Проблема заключалась в том, что реформировать администрацию и суд в деревне, не разрушая системы, сконструированной в Положениях 19 февраля 1861 года и в Земском Положении, было невозможно. Уже поэтому любое предложение такого рода касалось множества сложнейших, трудноразрешимых проблем и неизбежно оказывалось «революционным».

По общему признанию, быстро решить задачу разрушения общины было невозможно. Собственно, «аристократы» и не выступали за насильственное ее упразднение. И Лилиенфельд, и Лобанов, и Орлов-Давыдов считали возможным осуществить лишь те меры, которые могли способствовать разложению общины в перспективе. Как писал Лилиенфельд, имелось в виду только «благоприятствование естественному ходу развития... постепенно, без насильствования... без потрясений»³³. Во-первых, речь шла об изменении 165 и 169 статей Общего Положения, которые ограничивали право на выход из общины или продажу надела. Во-вторых, предусматривалось затруднение периодических переделов земли, составлявших неизменную принадлежность общинного землевладения, и,

³³ П.Л. Земля и воля. С. 79, 81.

втретых, — отмена статьи, которая обуславливала переход к участковому владению согласием 2/3 сельского схода.

Публицисты понимали, что отмена большинства указанных ограничений была осуществима только при упразднении круговой поруки и реформировании существовавшей налоговой системы, основой которой было обложение не земли или реального дохода, а личного труда крестьянина. Радикальная налоговая реформа должна была бы предшествовать снятию ограничений в отношении крестьянских земель. Между тем переложение повинностей на землю было крайне затруднено также из-за того, что во многих местностях ее ценность была недостаточно высока. Хотя переход к более современной налоговой системе признавался «аристократами» закономерным, практическое его осуществление оказывалось крайне сложной задачей, и неслучайно публицисты либо игнорировали эту проблему, либо рассматривали ее очень бегло и поверхностно.

Аргументы тех, кто указывал на неизбежность круговой поруки, обычно парировались тем, что на деле она не обеспечивает платежей, поскольку недоимки лишь растут год от года, и что во всяком случае порука может существовать и при участковом землевладении. Однако она была лишь одним из проявлений фискальной природы прикрепления крестьян к земле. В 1868 г., возражая Б.П.Обухову, А.И.Васильчиков указывал, что повинности крестьян не являются разновидностью имущественного налога, а носят государственный характер: «Не от того крестьянин платит подати, что у него есть земля, а земля ему дана, дабы он платил подати»³⁴. Такое положение было равносильно признанию того, что обеспечение крестьян землей является делом государственным. Неизбежные последствия этого подхода сформулировал современный историк и правовед В.В.Леонтович: «Земля, предоставленная крестьянам, является имуществом, которое дается для того, чтобы обеспечить их существование как крестьян».

³⁴ [Васильчиков А.И., Самарин Ю.Ф.] Русский администратор новейшей школы: Записка псковского губернатора Б.Обухова и ответ на нее. Берлин, 1868. С. 49.

Следовательно, государственные интересы «должны быть под защитой особых юридических постановлений и... вполне логично запретить продажу такой земли лицам, не принадлежащим к крестьянскому сословию... И уж во всяком случае этому следует максимально препятствовать»³⁵. Разрубить этот узел можно было только, если бы самодержавие отказалось от роли опекуна крестьянства и гаранта социальной стабильности. «Одно из двух — или опека... или свобода со всеми ее логическими последствиями, — заявлял В.Д.Скарятин еще в середине 60-х гг., — то есть обогащение, самостоятельность для людей способных... и — подчиненность, зависимость, батрачество — на долю неспособности. Середины тут нет!»³⁶ Но такой подход был, в сущности, глубоко чужд как либералам, так и консерваторам; и те, и другие традиционно возлагали именно на власть всю ответственность за происходящие в социальной сфере процессы. Кроме того, возникал резонный вопрос: почему государство, отказываясь от опеки крестьянства, должно в то же время поддерживать дворянское землевладение? Подобное избирательное применение принципа *laissez faire* еще более обнажало тот факт, что доктрина экономического либерализма, будучи для «аристократов» удобным аргументом в идеологической борьбе, отнюдь не принималась ими безоговорочно.

Наконец, еще одним фактором, препятствующим влиянию землевладельцев, помехой, которую трудно было устранить каким-либо законом, был растущий абсентеизм и нежелание помещиков, особенно крупных, заниматься местными делами. По мнению «аристократов», привлечь дворянство к деятельности на этом поприще можно было бы, предоставив крупным и средним землевладельцам «подобающее положение» в уездных и губернских учреждениях, а также право на участие в центральных и/или высших органах власти. Постепенно рас-

³⁵ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995. С. 201.

³⁶ Цит. по: Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике... С. 134.

пространяется представление о такого рода «политических правах» («конституции») не как о компенсации за потерю былой власти на местах, а как о дополнении, естественном следствии преобладания дворянства в местной жизни.

Анализ основных положений программы «аристократов» позволяет утверждать, что они находились в теснейшей связи и взаимообуславливали друг друга. Но внутренняя цельность программы лишь делала еще более очевидным тот факт, что на пути ее осуществления вставало множество трудноразрешимых практических препятствий. Парадокс заключался в том, что дворянство, считавшееся консервативным и реакционным, отстаивало идеалы, гораздо менее приложимые к российской действительности, чем либеральные реформы, кабинетное происхождение которых оно критиковало. Исходя из консервативных посылок об опасности разобщения двух основных сословий, о необходимости усилить значение поместного дворянства как опоры престола, «аристократы» фактически приходили к защите мер, в отношении которых А.И.Васильчиков, а затем и Ю.Ф.Самарин применили меткое определение «революционный консерватизм».

Сознавалось ли это противоречие самими публицистами? В опубликованных работах все несоответствия и практические трудности, естественно, не обнажались. Лишь иногда в них проскальзывали характерные утверждения, демонстрировавшие, что публицисты не без скепсиса относятся, например, к возможности преодолеть привязанность крестьян к традиционному укладу жизни или к способности помещиков тратить свое время и силы на безвозмездное руководство местной жизнью. Так, Лобанов-Ростовский считал вероятным, что никто из землевладельцев не пожелает безвозмездно исполнять обязанности «окружного головы»; в этом случае, писал он, на эту должность могут назначаться коронные чиновники. Другим примером может служить приведенная выше сентенция Лилиенфельда, констатировавшего внутреннюю спаянность крестьянского общества. «Общая характеристическая черта предлагаемых мер, — писал он же, — заключается в том, что действие их может быть ощутительно лишь посте-

пенно, по истечении довольно значительного времени. Но настоящее положение таково, что необходимо помочь немедленно и непосредственно»³⁷.

Но кто же должен был взять на себя бремя оперативного решения стоящих перед страной проблем? Единственным возможным ответом было: правительство.

2. «Аристократы» и правительство в 1870—1873 гг.

Создание газеты «Русский мир»

Несмотря на близость, если не тождественность идей, сформулированных в рассмотренных выше сочинениях, их судьба, как и судьба их авторов, складывалась по-разному. Лиенфельд, став курляндским губернатором, посвятил все свои силы делам губернии. Труд Орлова-Давыдова до 1873 г. оставался неизвестным, а сам граф, во многом из-за неудачного предводительского опыта, в 1870—72 гг. устраняется от активного участия в общественно-политической деятельности.

Несколько иным оказалось значение книги Лобанова-Ростовского. Целый ряд данных позволяет утверждать, что ее публикация находилась в связи с ростом активности в начале 1870-х гг. консервативных кругов и правительственной группировки, возглавлявшейся П.А.Шуваловым.

К 1870 г. «Весть» и ее редактор В.Д.Скарятин приобрели совершенно одиозную репутацию в обществе. Сократилось число подписчиков газеты, и ее тираж, достигавший в 1866—67 гг. 5,5 тыс., к 1870 г. упал до трех. Солидарность «Вести» с теми или иными идеями способствовала не столько их пропаганде, сколько компрометации. Основной причиной этого была, конечно, почти всеобщая антипатия ко многим идеям, проповедовавшимся в газете безо всякой оглядки на «общее» мнение. Роковую роль в судьбе издания сыграла полемика с «Московскими Ведомостями». Для консерваторов в прави-

³⁷ П.Л. Земля и воля. С. 155-156.

тельстве и для покровителей «Вести» в высшем обществе крайне актуальной стала задача сгладить противостояние М.Н.Каткова их усилиям и в перспективе добиться его сочувствия. «Они, — сообщал Маркевич Каткову в начале 1870 г., имея в виду Шувалова и его союзников, — не чувствуют себя в аванжажах, и это имеет прямым последствием то, что Тимашев приостановил окончательное внесение в Государственный Совет трех своих крепостнических проектов... будучи убежден, что они могли бы пройти только в случае немотства “Московских Ведомостей”»³⁸. В одном из следующих писем Маркевич писал, что «патроны» «Вести» А.П.Бобринский, Шувалов, Б.Д.Голицын и Н.А.Лобанов-Ростовский «внесли, говорят, до 25 тыс. рублей, чтобы заполучить ее из рук Скарятина, которого, по-видимому, признали негодным... Как слышно, главная у них пружина будет Фадеев, который главнейшим образом будет вести агитацию против военного министерства, его, как известно, наши феодалы считают важнейшею помехой установить то солидарное министерство, о котором они так хлопочут»³⁹.

Обращение к Р.А.Фадееву нельзя не признать очень знаменательным. Один из ближайших сотрудников князя А.И.Бярятинского, он в 1868 г. был по ходатайству последнего причислен к МВД и стал, по собственному выражению, «редактором антимилютинской работы», которую вел фельдмаршал⁴⁰. В то же время Фадеев еще с начала 1860-х гг. поддерживал отношения и с М.Н.Катковым. Именно в «Русском вестнике» была в 1867 г. опубликована принесшая ему европейскую известность серия статей «Вооруженные силы России». Определенные связи существовали у генерала и с «Вестью», где, в частности, была помещена обширная комплиментарная статья об этом произведении⁴¹.

³⁸ ОР РГБ. Ф. 120. Папка 26. Д. 4. Л. 6.

³⁹ Там же. Л. 15.

⁴⁰ См. об этом: Кузнецов О.В. Р.А.Фадеев — генерал и публицист. Волгоград. 1998.

⁴¹ Весть. 1868. № 121. 30 октября.

Комбинация с преобразованием «Вести» в 1870 г. не удалась. Однако большинство великосветских покровителей газеты полностью отказались от ее поддержки, и она, перейдя на несколько месяцев в единоличное ведение П.Н.Трубецкого, в том же году прекратила свое существование.

Между тем в 1869 г. Барятинский и Фадеев потерпели чувствительное поражение в борьбе с Д.А.Милютиным. Их записка, подвергавшая критике Положение 1868 года о полевом устройстве армии в военное время, была негативно оценена императором⁴². Вероятно, эта неудача, а также общность интересов побудила противников военного министра объединить свои усилия. Летом 1870 г., во время заграничной поездки П.А.Шувалова, Барятинский встречался с ним и заручился его содействием, о чем сообщил в письме Фадееву⁴³. Фельдмаршала и шефа жандармов сближало не только недовольство Милютиным. Как и для многих представителей высшего общества, идеалом социально-политического устройства для них была Великобритания. Барятинский разделял присущее «аристократам» резко отрицательное отношение к общине. Орлов-Давыдов, посетивший в конце 1868 г. шурина в его курском имении, записал в дневнике: «Он также поражен распущенностью и обеднением крестьян, их пьянствованием и большим вредом от круговой поруки. Я обратил давно его внимание на этот вопрос»⁴⁴. За несколько дней до визита своего зятя Барятинский отправил на имя А.Е.Тимашева письмо, в котором подвергал критике общинное землевладение. Его рассуждения о ее хозяйственной несостоятельности и политической опасности были как две капли воды похожи на аргу-

⁴² См.: Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-70 гг. в России. М., 1952. С. 130–133.

⁴³ РГИА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 61. Л. 2. Позднее, в 1872 году, Фадеев писал Шувалову: «Около полутора года (так в тексте. — И.Х.) Вы доставляли мне можно сказать прямой доступ к Государю, зная наперед, что я не могу сказать ничего приятного... Из людей, окружающих престол, никто кроме Вас не принял бы на себя такого заявления — это я слишком хорошо знаю...» (там же. Д. 35. Л. 4).

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 13. С. 50–51.

менты Лиlienфельда, Лобанова и самого Орлова-Давыдова, который, ознакомившись с запиской, нашел взгляд шурина «очень правильным», но крайне скептически отнесся к возможности одобрения записки императором⁴⁵. То, что во время разговоров фельдмаршала с Шуваловым в 1870 г. обсуждалась не только военная реформа, но и проблемы, связанные с общиной, подтверждается дальнейшими событиями.

Возможно, тогда же было принято решение, что для успешной борьбы за реализацию своей программы следует заручиться поддержкой и наследника престола — великого князя Александра Александровича, с которым Бярятинский говорил о военных делах еще в 1868 г., причем цесаревич сочувственно отнесся к его идеям⁴⁶. Все свои записки 1871—73 гг. на военные темы Фадеев неизменно отправлял не только Шувалову, который знакомил с ними Александра II, но одновременно и наследнику. Привлечь последнего на свою сторону было тем легче, что очень близкими к цесаревичу людьми были генерал В.В.Зиновьев, бывший управляющий хозяйством Бярятинского, и граф И.И.Воронцов-Дашков, в 1858—62 гг. — адъютант и командир конвоя Бярятинского, близкий знакомый Фадеева, впоследствии — адъютант цесаревича, а в первой половине 1870-х гг. — командир гвардии гусарского полка.

Разумеется, нельзя считать случайным, что уже в следующем году после встреч Бярятинского с Шуваловым и после закрытия «Вести» в Петербурге была основана новая консервативная газета — «Русский мир». Обстоятельства возникновения и программа этого органа заслуживают особого внимания. Первые слухи о готовящемся издании распространились в столичном обществе в апреле 1871 г. В создании газеты активно участвовал сподвижник Фадеева генерал М.Г.Черняев, вложивший в издание значительную сумму, непосредствен-

⁴⁵ Там же. С. 236. Письмо А.Е.Тимашеву опубликовано в кн.: Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И.Бярятинский. Т. 3. С. 191—195. Это письмо стало основой записки, представленной Александру II, местонахождение которой и реакцию на нее императора выяснить не удалось.

⁴⁶ Зайончковский П.А. Военные реформы... С. 130.

ная же организационная работа была возложена на полковника В.В.Комарова, который стал редактором газеты. Из писем Комарова к Воронцову-Дашкову явствует, что, во-первых, последний стоял у истоков организации газеты и, во-вторых, ее создатели согласовывали свои действия с П.А.Шуваловым⁴⁷. Помимо Воронцова-Дашкова, «Русский мир» финансировался и некоторыми другими представителями высшего общества, в том числе Н.А.Лобановым-Ростовским, В.Л.Нарышкиным, С.М.Воронцовым; в 1873 г. к ним присоединился и Орлов-Давыдов⁴⁸. «Обстоятельства благоприятствовали делу, — сообщал Комаров Воронцову-Дашкову, — принятому во всех кружках с живым сочувствием»⁴⁹.

Политическая программа «Русского мира», экземпляр которой сохранился среди бумаг Воронцова-Дашкова, скорее всего, была составлена Фадеевым. Такой вывод позволяют сделать и общие идеи, изложенные в ней, и выражения, очень характерные для последующей публицистики генерала. В литературе утвердилось мнение, что главной целью организации «Русского мира» была борьба с военным министром⁵⁰. Однако, судя по программе, перед газетой ставились гораздо более широкие задачи. Этот документ целиком посвящен проблеме взаимоотношений самодержавия, дворянства и бюрократии; не обошлось в нем и

⁴⁷ Комаров просил графа «оказать благодеяние скорейшим разрешением вопроса об издании газеты»: «Меня побуждают к этому... сознание необходимости настойчиво продолжать дело, с таким успехом начатое под Вашим руководством». В следующем письме содержится просьба «написать графу П.А.Шувалову», что он, Комаров, гарантирует успех дела: «Без этого письма Вашего Сиятельства мои разговоры с графом Шуваловым не принесут желаемую пользу» (ОР РГБ. Ф. 58/1. Картон 46. Д. 1. Л. 1–2).

⁴⁸ См.: РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2707. Л. 21–22; РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 17. С. 75, 82; Возможно, на газету пошли те 25 тыс. руб., которые в 1870 г. предполагалось выделить на «Весть»; в таком случае можно предположить участие в деле А.П.Бобринского и Б.Д.Голицына.

⁴⁹ ОР РГБ. Ф. 58/2. Картон 54. Д. 2. Л. 5.

⁵⁰ Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати в 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 131–132.

без критики общины. «Реформа 19 февраля, — говорилось в программе, — резко изменила существовавший дотоле государственный строй. Дворянство утратило свое значение представительного сословия и перестало служить звеном между верховной властью и народом; преимущества его стали лишь номинальными без практической силы. Одним из бесчисленных последствий этого переворота было усиление бюрократии». Последняя «объявляет чуть ли не ересью всякую мысль о том, чтобы мыслящий строй нашего общества в лице дворянства приобрел преобладающее влияние на дела нашего крестьянства, или о том, что наша община то же закрепощение мужика... Канцеляристы сделались отчаянными защитниками общины, подрывающей в самом зародыше понятие о собственности»⁵¹.

Газета начала выходить в сентябре 1871 г.; уже в первых ее номерах были помещены извлечения из книги Лобанова-Ростовского. В дальнейшем «Русский мир» неизменно проповедовал многие идеи, которые отстаивались и в «Вести», и в рассмотренных выше книгах. Особенно активно авторы газеты выступали за усиление власти помещиков в рамках реформированных волостных и земских органов, за переход от общинной к частной собственности. Как писал Н.С.Лесков, «Комаров со своим “Monde Russe” совсем заехал в “Весть” и уедет в этом направлении кажется еще подальше»⁵².

Общая направленность «Русского мира» не оставляла сомнений: газета во многом стала преемницей «Вести». Однако, в отличие от последней, «Русский мир» не вызывал противодействия со стороны М.Н.Каткова и даже пользовался его поддержкой⁵³. Одной из причин этого стала позиция, занятая

⁵¹ ОР РГБ. Ф. 58/2. Картон 54. Д. 2. Л. 10 об.—14 об.

⁵² Лесков Н.С. Собрание сочинений. Т. 10. М., 1958. С. 338. Письмо П.К.Щебальскому от 14 октября 1871 г.

⁵³ Об этом можно судить по письмам Каткову Маркевича и Лескова, которые неоднократно просили редактора «Московских Ведомостей» поддержать «Русский мир» и информировали его о делах издания (см.: ОР РГБ. Ф. 120. Папка 27. Д. 1. Л. 81; д. 3. Л. 3; Лесков Н.С. Указ. соч. С. 350—351).

новым изданием в национальном вопросе. По справедливому наблюдению В.Г.Чернухи, «одно из существенных отличий публицистики “Русского мира” от “Вести” — это ее националистический характер»⁵⁴. О специфическом положении нового органа печати свидетельствует и записка Р.А.Фадеева «О задачах и перспективах газеты “Русский мир”» (1874 г.) «Основанная... высоко стоящими людьми, оценившими современную потребность», говорилось здесь, газета, имея характер «глубоко монархический, охранительный и чисто русский», «стала органом, способным объединить многочисленных, но не соприкасающихся между собой русских людей охранительного направления». «Оставаясь органом, существенно консервативным по духу, “Русский мир” привлекает к себе в то же время и благоразумных либералов... К чести просвещенных людей, стоящих во главе дела, “Русскому миру” была предоставляема почти полная свобода слова, хотя эта газета шла иногда вразрез многим сторонам установленного у нас официального порядка»⁵⁵.

Кроме того, в это время Катков был более всего озабочен проведением своей программы в области образования. Число противников классической системы и в обществе, и главное — в правительстве было столь велико, а министр просвещения граф Д.А.Толстой, на которого легло все бремя борьбы за учебную реформу, был, по мнению Каткова, столь подвержен колебаниям, что публицист не мог упустить возможности заручиться поддержкой влиятельнейшего шефа жандармов, покровительствовавшего «Русскому миру». Нуждался в Каткове и сам Шувалов. Тесный контакт между ними установился несколько позже, в конце 1872 г. (посредником выступал Маркевич). Однако и ранее Катков более чем осторожно относился к опубликованию материалов, которые могли бы восприниматься как критика проводимой Шуваловым политики. Неслучайно Маркевич писал ему, что бесцветность «Москов-

⁵⁴ Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати... С. 132.

⁵⁵ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 549. Л. 1—1 об.

ских Ведомостей» «относят к тому, что Вы телом и душой отдались Шувалову и не сможете теперь затрагивать ни одного важного вопроса»⁵⁶.

Печатный орган несомненно был важнейшим условием активного воздействия на внутреннюю политику и формирования общественного мнения — в подобной оценке консерваторы были едины в начале 1870-х гг. так же, как и десятилетием раньше. «Не забывайте, — писал Фадеев Воронцову-Дашкову, — что всякая партия связывается прочно только органом, выражающим ее убеждения и рассыпается без него»⁵⁷.

Но, в отличие от начала 1860-х гг., консерваторы могли рассчитывать, что их программа ляжет в основу политики «крепко организованной партии во власти» (выражение Маркевича). «Гр. Шувалов серьезно практикует "ministere des ideés"», — писал Валуев в 1873 г. Ядро шуваловской группировки составляли, по его мнению, К.И.Пален, Д.А.Толстой и А.П.Бобринский. «Гр. Бобринский исключительно держится гр. Шуваловым, гр. Толстой на него опирается и, кроме того, единится с ним своими антипатиями, гр. Пален к нему льнет, хотя ему не подчиняется... К четырем графам примыкают с разными оттенками ген. Тимашев и кн. Урусов. Первый не слишком доволен гр. Шуваловым... но это не мешает тому и другому быть заодно по вопросам общим. Кн. Урусов стоит правой ногою в шуваловском лагере, но другую ногу он держит по возможности в Мраморном дворце или в Государственной канцелярии... Наконец я состою седьмым в консервативном конклаве... К сожалению, когда конклав в сборе, он менее занимается делом, чем толками о своих противниках и праздными фразами о своих принципах»⁵⁸.

⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 120. Папка 27. Д. 2. Л. 28.

⁵⁷ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2707. Л. 10.

⁵⁸ Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 284—285. А.В.Головнин добавлял к этому списку С.А.Грейга, Д.М.Сольского, А.А.Абазу и Д.Н.Набокова. (РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.) Интересные наблюдения о «фракции Шувалова» в правительстве содержатся в статье А.Рибера (см.: Рибер А.Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992. С. 65—68).

Действия П.А.Шувалова как будто подтверждали, что он готов использовать некоторые идеи, предложенные, в частности, Лобановым-Ростовским.

*Организация и деятельность
сельскохозяйственной комиссии*

Еще В.Г.Чернуха обратила внимание на любопытный факт: автор книги «Молодая Россия» (князь Лобанов) настаивал на необходимости проведения специального исследования состояния сельского хозяйства. При этом он ссылался на французский опыт. Однако мысль о создании соответствующей комиссии впервые была высказана Лиленфельдом, который призывал использовать форму британских парламентских исследований (так называемых *inquiries*)⁵⁹. Суть деятельности тамошних парламентских комиссий заключалась в опросе под присягой широкого круга лиц по сформулированной заранее программе; полученные материалы публиковались, а деятельность комиссий, разумеется, была публичной и широко обсуждалась в обществе и прессе. В российских условиях использование подобных процедур означало бы отступление от обычной бюрократической практики разработки законов.

Привлечение к правительственной деятельности «местных сил», в какой бы форме оно ни совершалось, имело бы и определенное политическое звучание. Вместе с тем сугубо экономический, на первый взгляд, характер темы предполагаемого исследования позволял избежать обвинений в конституционных притязаниях. От искусства председателя и членов такой комиссии зависела бы возможность манипулировать и опрашиваемыми, и итогами опроса, представив их в определенном свете. Таким образом, аргументы противников общины были бы сильно подкреплены, неизбежная же публичность работы затрудняла бы возможность похоронить ее выводы в бюрократическом порядке.

⁵⁹ П.Л. Земля и воля. С. 72—75.

Лобанов-Ростовский пошел еще далее Лиlienфельда. По его мнению, необходимо было также создать министерство сельского хозяйства и организовать при нем «сельскохозяйственный совет», куда вошли бы независимые и не занимающие других должностей собственники. Совету предлагалось передать право законодательной инициативы⁶⁰.

Вскоре после опубликования книги Лобанова обе эти идеи стали обсуждаться в правительственных кругах. В августе 1871 г. князь А.И.Барятинский направил Александру II письмо, посвященное вопросу об общине. «Поощрите частную собственность, — писал в нем князь, — и Вы задушите зародыши коммунизма... Нет прочнее гарантии для законного преуспевания, как собственность и свобода личности»⁶¹. Нельзя не согласиться с В.Г.Чернухой, что выступление фельдмаршала было согласовано с Шуваловым и очень точно рассчитано: Александр II получил письмо во время путешествия на Кавказ. Решающая роль Барятинского в покорении края обеспечивала благосклонное внимание к его инициативе, а сопровождавший императора Шувалов имел возможность подкрепить письмо собственным мнением. В письме к Барятинскому от 11 сентября шеф жандармов сообщал, что получил согласие императора рассмотреть вопрос об «упразднении второго рабства», то есть общины, в Комитете Министров. «На мой взгляд, — писал Шувалов, — этого достаточно, чтобы дать нам возможность взять дело в свои руки вопреки всем “петербургским красным”, которые не преминут при этом случае дать большое сражение; а чтобы не придать этому важному вопросу характер партийной борьбы даже в среде правительственной, я представил Государю как полезно было бы совещание с земскими собраниями в виду преимущественно экономического значения вопроса... Я не сомневаюсь, что значительное большинство собраний выскажется в смысле наших взглядов, и тогда дело будет выиграно»⁶². За неделю до этого Шувалов направил официальное письмо товарищу мини-

⁶⁰ Молодая Россия. С. 99—101.

⁶¹ Зиссерман А.Л. Указ. соч. Т. 3. С. 244.

⁶² Там же. С. 245—246.

стра внутренних дел князю А.Б.Лобанову-Ростовскому, предложив ему собрать и представить на рассмотрение Совета министров необходимые данные «о вреде, порождаемом для хозяйства крестьян общинным пользованием и владением землею» и соображения о возможности привлечь к обсуждению этого вопроса земские учреждения. К письму была приложена анонимная записка, автор которой (А.И.Барятинский?) сетовал на обеднение крестьян и рост недоимок, «расслабление власти и разгул безнаказанности». Предлагая «возбудить и поддержать самодеятельность в самом крестьянском обществе», он особо подчеркивал, снимая возможные упреки в «крепостничестве», что «на эту самодеятельность и рассчитывало именно Положение 19 февраля»⁶³.

Сознавая, что в правительстве перспектива пересмотра Положений будет многими воспринята отрицательно, Шувалов решил выбить из рук своих политических противников главный козырь, обратившись к «обществу». Ни Совет, ни Комитет Министров не предоставляли такой возможности; вероятно, поэтому Шувалов и не настаивал впоследствии на обсуждении проблемы в этих учреждениях.

А уже 19 октября шеф жандармов извещал находившегося в то время не у дел П.А.Валуева, что именно ему, Валуеву, император поручает представить свои соображения по поводу организации нового министерства сельского хозяйства и промышленности. Как явствовало из письма, против этого выступило министерство финансов, глава которого М.Х.Рейтерн (противник Шувалова) был недоволен тем, что создание нового ведомства приведет к отделению от его министерства департамента промышленности. Сам же шеф жандармов считал создание министерства насущной необходимостью и, вероятно, уже тогда прочил на новый министерский пост Валуева⁶⁴. Среди бумаг последнего сохранилась его всеподданнейшая записка «О министерстве сельского хозяйства и промышленности». В ней Валуев приходил к выводу, что «в общественных кругах оно (со-

⁶³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1047. Л. 1—11.

⁶⁴ Там же. Ф. 908. Оп. 1. Д. 672. Л. 85—86.

здание министерства. — И.Х.) будет принято в смысле великого обещания и возбудит не только большие, но и неизбежно преувеличенные надежды»⁶⁵. Организация нового министерства была таким образом признана делом слишком сложным; гораздо проще было бы использовать форму межведомственной комиссии, в которую представители общества могли быть приглашены в качестве экспертов. Уже через полгода, в апреле 1872 г., П.А.Валуев возглавил при содействии Шувалова министерство государственных имуществ — ведомство, непосредственно занимавшееся аграрными проблемами. Сразу после назначения Валуев заявил князю Д.А.Оболенскому, который был в 1870—72 гг. товарищем министра: «je veux donner une couleur au ministère»⁶⁶. По сообщению Оболенского, новый министр имел в виду, во-первых, создание специальной сельскохозяйственной комиссии, а во-вторых, введение в состав Совета министра «почетных членов из крупных землевладельцев для обсуждения сельскохозяйственных дел». «Надо заметить, — добавлял Оболенский, — что в Совет министра Г.И. никаких сельскохозяйственных дел не поступает, и вообще при настоящем устройстве министерства сельскохозяйственная часть вся ограничивается управлением заведениями и утверждением уставов сельскохозяйственных обществ. Все это пуф...»⁶⁷ Однако дело было, надо полагать, не в практическом значении планов Валуева, а в декларации, знаковый характер которой не мог не быть понятен заинтересованным наблюдателям.

Уже в мае 1872 г. император утвердил доклад министра об организации Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. В состав комиссии вошли представители нескольких министерств. От министерства государственных имуществ одним из членов был назначен Н.А.Лобанов-Ростовский (не имевший к этому ведомству никакого отношения). Летом 1872 г. в различные районы России для сбора сведений были командированы

⁶⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 328. Л. 23.

⁶⁶ Я хочу придать цвет министерству (*фр.*).

⁶⁷ РГИА. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 429. Л. 98.

чиновники, а также разосланы циркулярные запросы губернаторам, предводителям дворянства, земству. В ноябре начались заседания комиссии, на которых было опрошено свыше 180 человек, располагавших, по мнению комиссии, нужными сведениями. В их числе были П.Ф.Лилиенфельд, М.А.Безобразов, В.П. и А.В. Орловы-Давыдовы, Г.Б.Бланк, А.А.Бобринский, В.В.Апраксин, Н.М.Орлов и некоторые другие деятели, известные своими консервативными взглядами. Впрочем, приглашались и многие либералы (например, А.И.Васильчиков и Ю.Э.Янсон), в том числе заведомые сторонники общины. В марте-апреле 1873 г. комиссия перешла к обсуждению собранных материалов.

Официальные журналы ее заседаний⁶⁸ не отражают многих нюансов деятельности комиссии, в том числе противостояния членов, придерживавшихся различных политических убеждений, и позиции самого Валуева. Ценная в этом отношении информация содержится в дневнике одного из членов — Н.Ф.Фан дер Флита. Автор дневника был убежденным либералом и его записи отчетливо фиксируют возникшее с самого начала совместных заседаний разделение комиссии на группировки: «Против крайних консерваторов Лобанова и Стремоухова крайними либералами были Тютчев, я и отчасти Бушен. Остальные члены больше лавировали»⁶⁹.

Атмосфера заседаний была далека от спокойного и делового обсуждения практических вопросов. Князь Лобанов и Стремоухов, пытавшиеся поставить «тенденциозные», с точки зрения Фан дер Флита, проблемы — о причинах абсентеизма и о влиянии его на сельское хозяйство, о недостатках крестьянского самоуправления и о необходимости опеки над ним, о предостав-

⁶⁸ Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования положения сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. Журналы комиссии. СПб., 1873.

⁶⁹ ОР РНБ. Ф. 806. Ед. хр. 49. Л. 29 об. П.Д.Стремоухов, бывший нижегородский предводитель дворянства, представлял в комиссии МВД; А.Б. фон Бушен — министерство финансов; С.Н.Тютчев — удельное ведомство. «Консерватизм» был для Фан дер Флита синонимом «крепостничества».

лении помещикам административных и судебных полномочий — постоянно встречали противодействие со стороны либералов. Обе стороны пытались выявить и заострить существовавшие между ними противоречия⁷⁰. Особенно ярко это проявилось в содержании особых записок, в которых члены комиссии выражали свои взгляды на суть обсуждаемых проблем. «Сколько бы ни были важны, — писал здесь П.Д.Стремоухов, — например, вопросы о пожарах, о скотских падежах, об улучшении обработки земли и пород скота, все это суть *частности*... отдельное разрешение которых не может на практике привести ни к каким существенным результатам». Истинными же причинами упадка сельского хозяйства он считал абсентеизм, отсутствие власти на местах и вредное влияние общины⁷¹.

Еще более развернутую программу сформулировал Лобанов-Ростовский. В центре ее, как и в книге «Молодая Россия», была идея о переустройстве местной власти. Автор настаивал на введении в земства почетных мировых судей, широком распространении безвозмездной службы, предоставлении помещикам прав сельских старост, ограничении состава сходов и учреждении должности окружных голов с широкими административно-судебными правами⁷². Либеральные члены комиссии в своих записках, напротив, обходили вопросы о состоятельности крестьянского самоуправления и о вреде общины⁷³, сосредотачивая свое внимание на необходимости агротехнических улучшений, развитии сельскохозяйственных школ и т.п.

Особое место в ряду этих документов занимают две записки, принадлежавшие перу П.А.Валуева. В крайне осторожной форме министр обсуждал возможность перехода к участковому зем-

⁷⁰ ОР РНБ. Ф. 806. Ед. хр. 48. Л. 10, 19 об., 41 об., 42 об.—43, 44 об., 45 об. См. также: Журналы комиссии. С. 6, 28—41.

⁷¹ Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования положения сельского хозяйства и сельской промышленности. Приложение 5. Частные записки и заметки членов комиссии и других лиц. СПб., 1873. С. 28—30.

⁷² Там же. С. 10—18.

⁷³ Исключением среди них был фон Бушен, принципиальный сторонник частной крестьянской собственности на землю.

левладению и приходил к выводу, что «трудно стремиться к прямой перекройке» существующих порядков, а иметь в виду следует только «частные перемены» — ограничение сроков передела наделных земель, предоставление обществу возможности отказываться от общинного землепользования по приговору не 2/3, а 1/2 или 1/3 схода. Валуев был весьма озабочен возможными обвинениями в стремлении поколебать принципы реформ: «Привести самоуправление крестьян к уровню, ближе соответствующему к их умственному и нравственному развитию, восстановить некоторые органические связи между образованным меньшинством и необразованными массами, поставить организацию судебной власти... ближе к тем, которые могут нуждаться в ее защите... значило бы довершать, а не колебать крестьянскую и судебную реформу»⁷⁴. В ходе заседаний председатель комиссии, по отзывам Фан дер Флита, постоянно стремился сгладить противостояние: «Для устранения споров он даже вовсе выбрасывал важные вопросы — община, небезопасное положение помещиков, хотя иногда в ущерб самого дела». «Валуев так торопился, — утверждал Фан дер Флит, — что мы не успели подвергнуть основательному разбору весь сырой материал и в своем заключении ограничились общими местами. Валуев достиг своей цели, было много треску, о комиссии говорили, он рисовался — но основательного результата она не достигла»⁷⁵.

Сопровождавшая работу комиссии спешка по-видимому была обусловлена тем, что Валуев и Шувалов рассматривали саму работу комиссии в качестве промежуточного, подготовительного этапа для подготовки общественного мнения и будущей постановки в правительстве затронутых в ней вопросов. С другой стороны, и среди ее членов, и в числе тех, кто опрашивался комиссией, было много принципиальных противников корректировки реформ, и углубление в изучаемые предметы привело бы лишь к обострению дискуссий, которые могли предоставить оппонентам консерваторов дополнительные аргументы в борьбе с ними.

⁷⁴ Доклад... Приложение 5. С. 6—7.

⁷⁵ ОР РНБ. Ф. 806. Ед. хр. 49. Л. 26 об.—27 об.

Осторожность председателя комиссии имела и другую причину. Валуев меньше Шувалова и гораздо меньше, чем чуждые бюрократической практике «аристократы», был склонен к иллюзиям по поводу осуществимости сколько-нибудь серьезных мер, которые могли быть истолкованы как искажение крестьянской реформы⁷⁶. Кроме того, его действия были продиктованы не только нежеланием рисковать своим служебным положением, но и здравым скептицизмом по отношению к амбициозным планам Шувалова и консервативному радикализму «аристократов». Подтверждением такого вывода может служить позиция министра государственных имуществ в отношении одного из проектов В.П. Орлова-Давыдова, который был выдвинут графом как раз во время окончания работ сельскохозяйственной комиссии.

Одновременно с написанием статьи «Земледелие и землевание» Орлов-Давыдов составил записку, в которой предлагал организовать «губернские хозяйственные советы» из числа местных землевладельцев. Предполагалось, что советы объединят главным образом крупных собственников, способствуя изживанию абсентеизма, и будут всесторонне обсуждать различные сельскохозяйственные проблемы. В конце февраля 1873 г. граф познакомил с проектом министра государственных имуществ. «Валуев пугается, — записал Орлов-Давыдов в дневнике, — и отклоняет меня от моего намерения, но, выслушав мои объяснения, что совет будет чисто совещательный и чуждый всякого вмешательства в местное управление, он сближается со мной... и кончил тем, что дал мне очень полезные советы. Он выворотил... вступительные мои приемы и дал этим характер правительственный вместо прежнего сословного моему проекту. Он также присоветовал отказаться от моей мысли старшины совета, которому было бы... присвоено право быть призвану в Государственный Совет. Он окончательно одобрил мое намерение посоветоваться с графом Шуваловым»⁷⁷. Шеф

⁷⁶ См., напр.: Дневник П.А. Валуева. Т. 2. С. 339.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 17. С. 99—100. Первоначальный вариант проекта обнаружить не удалось.

жандармов воспринял идею с гораздо большим энтузиазмом и обещал поддержать ее. Проект обсуждался в петербургском дворянском собрании, которое, одобрив его, направило соответствующее ходатайство в МВД. Совет должен был собираться два раза в год под председательством губернатора или губернского предводителя; суть прений предполагалось печатать в газетах; решения, принятые большинством, губернатор обязан был бы доводить до сведения правительства⁷⁸.

Вскоре после принятия ходатайства Шувалов заявил Орлову-Давыдову, что «предварил Государя о моем предложении собранию дворянства и сказал ему, что считает оное своевременным и полезным. Мне он обещает поддержать мое предложение влиянием своим собственным и действиями одномыслящих с ним “друзей”»⁷⁹. А.Е.Тимашев, который, по закону, решал вопрос об удовлетворении ходатайства, запросил мнение Валуева. Последний в своем официальном отзыве одобрил саму мысль, однако выразил сомнение в ее «удобности и полезности» и предложил передать проект для согласования в комиссию по губернским учреждениям. На бюрократическом языке это означало, что ходатайство удовлетворять нецелесообразно, и Тимашев его отклонил⁸⁰.

Разумеется, в подобном решении была своя логика. Было несложно предсказать, что земства и либеральная печать отрицательно отнесутся к идее, предложенной известным «крепостником» и «олигархом», а будоражить общественное мнение накануне подведения итогов работы сельскохозяйственной комиссии едва ли входило в планы Валуева. Вместе с тем судьбу проекта нельзя не признать очень показательной: и в 1867 г., когда речь шла о реформировании земств, и, как будет рассмотрено ниже, при обсуждении дворянских проектов всесословной волости, идеи «аристократов» вроде бы сочувственно встречались в правительственной среде, но в конечном счете признавались несвоевременными и неудобоис-

⁷⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 91-А. 1873. Д. 100. Л. 20–23.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 17. С. 101.

⁸⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 91-А. 1873. Д. 100. Л. 25–33.

полными самими же консервативно настроенными министрами.

*Проекты всесословной волости
в петербургском дворянском собрании*

Еще в декабре 1870 г. А.П.Платонов поставил в Петербургском губернском земском собрании вопрос о создании всесословной волости⁸¹. По предложению управы обсуждение этого вопроса было отложено⁸², а проект Платонова передан в дворянское собрание, где была избрана комиссия по преобразованию волостных учреждений. «За недостатком фактических данных» комиссия не смогла прийти к единой точке зрения, и к чрезвычайной земской сессии 1873 г. было представлено два проекта членов комиссии А.П.Платонова и Я.Я.Савельева. Проект Платонова⁸³ (подобно рассмотренным выше предложениям Лилиенфельда) предполагал полное преобразование существовавшего местного устройства. В соответствии с этим проектом упразднялись уездные земства, полицейские управления, мировой суд (в том числе почетный), волостные правления и суды, даже становые и следственные приставы. Функции всех этих учреждений передавались в волость, где должны были быть созданы: волостная дума, формировавшаяся на основе двухступенчатых выборов (крестьяне и мелкие собственники избирали членов схода, в который входили также все землевладельцы с определенным цензом, половина схода и должна была составить думу), волостная управа (4 человека), волостные судьи (с образованием не ниже уездного училища) и волостной голова, выбираемый из местных землевладельцев. Губернские земские собрания составлялись из выборных — по одному от каждой

⁸¹ Стенографический отчет заседаний Санкт-Петербургского губернского земского собрания. Декабрь 1870 г. СПб., 1871. С. 123—136.

⁸² Стенографический отчет... Декабрь 1872 г. СПб., 1873. С. 213.

⁸³ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 83. Д. 10.

волости. Губернский мировой суд становился инстанцией для волостного.

Конечно, реализация этих предложений была невозможна даже технически (в волости просто не нашлось бы столько представителей «образованного сословия»). Но важно, что проект демонстрировал способ, с помощью которого предполагалось обеспечить доминирующее положение помещиков на местах. Земства попросту упразднялись, так же, как и правительственная административно-полицейская власть. При этом уезд оказывался единицей излишней: широкие права землевладельцев на волостном уровне прямо обуславливали их участие в губернской администрации; до «центрального представительства» оставался один шаг.

Проект Савельева был несравненно более скромным: согласно ему, волостной голова имел бы обязанности, близкие обязанностям волостного старшины, волостной сход (по 10 членов от крупных и мелких собственников и 10 — от крестьян) должен был заботиться о благоустройстве волости; крестьянский и мировой суд объединялись; структура уездных учреждений не претерпевала изменений⁸⁴. В ходе обсуждения проектов оба они были признаны неосуществимыми не только теми, кто не сочувствовал самой идее всесословной волости как средства обеспечить влияние помещиков, но и некоторыми представителями «аристократической партии». В.П.Орлов-Давыдов при этом указывал на общину и круговую поруку как «главный корень всех настоящих социальных затруднений, устранить которые есть задача нового волостного положения». По здравому же мнению Н.А.Лобанова-Ростовского, всесословная организация не должна базироваться на хозяйственных началах, так как в этом случае «антагонизм сталкивающихся интересов испортит все дело» (стоит напомнить, что именно таким было главное возражение Ю.Ф.Самарина против подобных проектов). С другой стороны, единоличная власть на местах полезна и необходима. Следовательно, объединение в волости сословий возможно только «по делам административно-полицейским».

⁸⁴ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 83. Д. 11.

По предложению Лобанова-Ростовского собрание приняло новые основные принципы реформы: во главе волости должен находиться «образованный старшина» с правами мирового посредника и судьи, станového и судебного следователя; мировой суд должен стать апелляционной инстанцией для волостного; землевладельцы должны получить в пределах своих владений полицейские права сельских старост⁸⁵. Второе требование, призванное ограничить пределы применения обычного права, было в конечном счете направлено против крестьянской общины, а третье носило частный характер, ограждая помещичье хозяйство от резко участвовавших в пореформенный период потрав и порубок. Но наиболее значимой и самой сложной для разработки была, конечно, мысль об объединении власти в руках местных землевладельцев. Ведь (как отмечали Самарин и Черкасский еще в 1860 г.) если предоставить им властные полномочия, то они должны будут отвечать за их исполнение, а это уже не соответствовало бы «безвозмездному, независимому и почетному» характеру должности. Между тем от комиссии требовалась не декларация, а реальный проект: пожалуй, впервые после периода разработки реформы 1861 г. идеологи «аристократической партии» получили возможность доказать состоятельность отстаивавшейся ими программы, а вместе с тем и шанс на ее реализацию. Сохранившиеся в фонде Орлова-Давыдова материалы⁸⁶ свидетельствуют, что к исполнению своей задачи члены комиссии отнеслись с большой серьезностью. Но и в этот решительный момент «охранители» не смогли достичь единства: Орлов-Давыдов разошелся в мнениях с большинством комиссии и, несмотря на все попытки Лобанова-Ростовского прийти к компромиссу, составил собственный проект⁸⁷. Разногласия заключались в самом подходе к предполагавшейся реформе.

⁸⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 91-А. 1873 г. Д. 100. Л. 15 об—16, 19 об; ОР РГБ. Ф. 219. Картон 83. Д. 17; Санкт-Петербургские ведомости. 9 марта 1873 г. Был также избран новый состав комиссии, в него вошли Лобанов-Ростовский, Орлов-Давыдов, А.А.Бобринский, М.А.Безобразов и И.И.Неплюев.

⁸⁶ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 83.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 19. С. 41, 43, 50, 174, 181, 186—187.

Проект комиссии (его автором был Лобанов-Ростовский) начинался с традиционной для дворянской публицистики критики недостатков местного управления: подчеркивалось отсутствие реальной и близкой местным жителям власти, «анархическое состояние» крестьянского самоуправления, «неблагонадежность сходов», несправедливость решений волостных судов. Традиционно формулировалось и средство устранения этих недостатков — привлечение к участию в управлении местных землевладельцев, которые, соединив в своих руках судебную и административную власть, осуществляли бы ее безвозмездно. Правда, автор проекта признавал, что «образованный элемент в уезде невелик и мало изъявляет готовности жертвовать своим временем для общественной пользы». Поэтому следует «ограничить круг действий должностных лиц небольшим пространством около их усадьбы, не заваливать их значительной перепиской, не требовать их постоянно присутствия в уезде, не требовать частых разъездов».

В соответствии с этими условиями проектировалось введение двух должностей: земского головы и волостного старшины. Обязанности первого ограничивались «наблюдением» на всем пространстве волости за порядком, «безопасностью лиц и имуществ», действиями сходов и старост, состоянием дорог, благотворительных и учебных заведений. Земский голова должен был назначаться и увольняться губернатором на основе ценза, установленного для мировых судей. Волостному же старшине передавались функции мирового судьи, неременного члена уездного присутствия по крестьянским делам, станного пристава; к нему же переходили все дела упраздняемых волостных правлений и прежних волостных старшин. Кроме того, он должен был контролировать исполнение решений уездных учреждений и земского головы, разрешать жалобы на действия сельских судов и сходов, утверждать и удалять сельских должностных лиц, решать дела по семейным разделам, отдаче крестьян в заработки и установлению над ними опеки, выдаче им паспортов и рабочих книжек. Для волостных старшин, по сравнению с мировыми судьями, существенно понижался имущественный и образовательный ценз. Как считали

авторы проекта, все эти обязанности старшин «могут быть большей частью решены ими дома, тогда как обязанности земских голов требуют осмотра на месте. Волостной старшина решает дела по жалобам жителей, земский же голова лично следит за охранением порядка и законности»⁸⁸.

Итак, старшина — а его должность как будто создана для полубразованных и небогатых землевладельцев — является по проекту своеобразным канцелярско-исполнительным «придатком» при крупном землевладельце — земском голове. Отметим также, что проект сильно ограничивал не только права, но и состав сельских сходов: из них исключались домохозяева, в чьем владении находилось менее трех душевых наделов; недоимщики; должники (крестьяне, получившие и не вернувшие ссуду); те, кто подвергся в течение пяти лет до схода наказанию (сложно сказать, задумывался ли автор проекта над тем, что в результате права на участие в сходе лишились бы едва ли не все члены общины). По проекту усиливалась и роль дворянства в уездных органах. Уездные присутствия, которые должны были руководить деятельностью голов и старшин, трансформировались в орган чисто дворянский, состоящий из 4 почетных мировых судей (по выбору мирового съезда) и предводителя дворянства; при этом все члены присутствия должны были работать безвозмездно, так же, как и члены земской управы (последние превращались, по оценке «Санкт-Петербургских Ведомостей», «в какие-то невозможные по своей бесправности канцелярии»).

Анализируя проект, нельзя не заметить, что он был направлен в первую очередь на ограничение крестьянского самоуправления и на установление над ним непосредственного контроля помещиков. После того как в 1873 г. мысль о «слиянии» сословий фактически была признана дворянством несостоятельной, подобная цель уже не могла быть достигнута под риторическими предложениями общности интересов

⁸⁸ Петербургское губ. дворянское собрание. Волостное устройство. Проект комиссии. СПб., 1875. Подготовительные материалы к проекту см.: ОР РГБ. Ф. 219. Картон 83. Д. 1—3, 6, 12—13.

местных жителей, отсутствия «корней» у земств. В результате в полной мере проявились истинные побуждения «аристократов»: «опека» над крестьянством должна была стать лишь средством для постепенного разрушения общины. Интересно также, что непосредственное выполнение этой задачи проект возлагает на волостных старшин — лиц, чей социальный статус уже не соответствовал качествам «опекуна», как они традиционно определялись дворянской публицистикой (независимость, образованность и т.п.). Необходимость разделить полномочия между головой и старшиной обуславливалась признанием того факта, что русское помещичье дворянство не желает исполнять обязанности, которые, по определению А.И.Васильчикова, налагали бы на него «новое тягло, и еще почетное, безвозмездное... не обеспечивая ему ни одной из тех выгод, которые могут служить вознаграждением за тяжкие и докучные труды сельского начальства»⁸⁹.

Орлов-Давыдов мотивировал свое несогласие с комиссией тем, что никто не захочет безвозмездно исполнять административно-полицейские обязанности. Другое препятствие он формулировал в письме к Лобанову так: «Мне кажется невозможным возлагать такие важные обязанности, какие Вы возлагаете на Земского Голову, не подчиняя его в полицейском отношении правительственной власти, а в хозяйственном — земской; если же имеется в виду устроить только попечительство и право наблюдения в волости, то попечитель может быть допущен под условием, что он не будет облечен никакою положительною властью»⁹⁰.

Первоначальный проект Орлова-Давыдова предполагал создание двух должностей: коронного попечителя и волостного головы. Первый должен был «во время пребывания в своем уезде или городе доводить до сведения властей о всяком неустройстве», при этом он не состоял бы на службе, никому не подчинялся и никаких конкретных прав и обязанно-

⁸⁹ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 936. Л. 39—39 об.

⁹⁰ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 11. Д. 36. Л. 1. Письмо от 28 декабря 1873 г.

стей не имел. Управление же волостью по проекту принадлежало волостному голове; к нему переходили обязанности мировых судей, а также упраздняемых учреждений по крестьянским делам, волостных правлений и судов. Предполагалось, что должность головы будет выборной и оплачиваемой. В судебном отношении он должен был подчиняться мировому съезду, а в административном - губернатору. Кроме того, предусматривалось создание «всесословного волостного схода»; он должен был собираться под председательством головы два раза в год для обсуждения «хозяйственных дел волости» и состоять из уполномоченных от землевладельцев и сельских обществ (по одному на каждые 500 десятин владения или пользования). Как и в проекте Валуева 1863 г., на который граф прямо ссылаясь, такой сход несомненно представлял собой только декорацию⁹¹.

В окончательном же варианте о «коронном попечительстве» уже не упоминалось⁹² и, кроме того, не затрагивались уездное управление и земские органы. Таким образом, отказ от требования безвозмездной службы сводил политическую по своему звучанию идею передачи помещикам власти в волости и уезде к учреждению должности чиновника с широкими полномочиями, напоминающего будущего земского начальника.

Судьба составленных проектов должна была решаться на губернском дворянском съезде 1875 г. Однако их авторы, конечно, рассчитывали и на сочувственное внимание со стороны правительства.

Изложенные факты неоспоримо свидетельствуют, что в 1871—73 гг. резко возросла активность и «аристократов», и правительственного «консервативного конклава», нащупывавших различные возможности к сплочению консервативных сил и принятию целого ряда мер в области аграрного законодательства и местного управления. Письмо Бяратинского к Александру II по поводу общины, основание «Русского мира»

⁹¹ ОР РГБ. Ф. 219. Картон 83. Д. 5, 21.

⁹² Орлов-Давыдов В.П. Проект положения о всесословной волости. СПб., 1874.

и пропаганда в газете программы «аристократов», создание и деятельность сельскохозяйственной комиссии, проект губернских хозяйственных советов Орлова-Давыдова, обсуждение в столичном дворянском собрании вопроса о всесословной волости — все эти события можно считать вехами на таком пути. Те, кто имел возможность оценивать происходившее в «высших сферах», не могли не прийти к выводу, что консерваторы «что-то затевают» (выражение Фан дер Флита).

Вместе с тем «консервативная волна» была неоднородна. Программа, сформулированная в сочинениях Лилиенфельда, Лобанова и Орлова-Давыдова, отличалась четкостью и определенностью, тогда как действия предполагаемых проводников и покровителей этой программы были весьма осторожными, подчиняясь непростой логике политической и личной борьбы, компромиссов и бюрократических правил, которые диктовались сложностью административно-законодательного процесса. Необходимо поэтому разграничивать идеологическую ориентацию, общие симпатии, которые сближали «аристократов» с Шуваловым и Валуевым и готовность последних осуществлять конкретные меры, защищавшиеся, например, Лобановым или Орловым-Давыдовым.

3. П.А.Шувалов, Р.А.Фадеев и поражение консервативной группировки. 1874—1875 гг.

Деятельность Шувалова и его сторонников в первой половине 1870-х гг. представляет собой самостоятельную исследовательскую проблему; вместе с тем игнорировать ее в данной работе не представляется возможным уже потому, что в литературе существуют достаточно противоречивые оценки взглядов и политики шефа жандармов. Фактически, без ответа остается вопрос, почему Шувалову, несмотря на все его влияние, так и не удалось достичь сколько-нибудь значительных результатов в проведении консервативного курса.

Современники неоднозначно оценивали личные и деловые качества Шувалова. Аристократ и англоман, принадлежавший

к той социальной среде, которую в зависимости от отношения к ней можно было считать и «блестящей», и «пустой», граф Петр Андреевич обладал всеми достоинствами и недостатками талантливой сановника и вельможи. Компенсируя поверхностное образование способностью «схватывать и понимать любое дело» (это качество признавали за ним даже недоброжелатели), он являл собой тип государственного деятеля, совершенно отличный от усидчивых и основательных профессиональных бюрократов, будь то Д.А.Милютин, А.В.Головнин или П.А.Валуев. «Силою обстоятельств и привычки, — писал А.В.Головнин, — он вел жизнь придворную, светскую, постоянно суетился, целый день бегал, ездил с визитами, по обедам, вечерам, ужинам; со времени назначения в шефы жандармов вмещивался во всякие важные и неважные дела, сопровождал Государя во всех путешествиях, и на все его доставало, и везде оказывался исправен, и нигде не опаздывал, но зато не было у него времени, чтобы сколько-нибудь успокоиться, войти в себя, чтоб думать, размышлять...»⁹³.

У противников Шувалова неодобрение вызывали не только его убеждения, но и образ жизни, и манера вести дела. «Гр. Петр Шувалов, — писал в воспоминаниях Д.А.Милютин, — принадлежал к той блестящей молодежи пятидесятых и шестидесятых годов, которая, не получив солидного образования, мало знакомая с делами государственными и порядками служебными, брала своею беспредельною самонадеянностью, ловкостью, способностью к интриге, умением бойким разглагольствованием пускать пыль в глаза... В предмете совершенно для него новом, достаточно было ему непродолжительного разговора с человеком знающим, прочтения какой-нибудь записки или брошюры, чтобы говорить о том предмете с авторитетом человека компетентного. Конечно, таким легким путем... схватывались сведения крайне поверхностные»⁹⁴. Любопытная параллель: очень похожие характеристики давались также А.И.Барятинскому и Р.А.Фадееву, то есть тем, кто, будучи чуждыми бюрократической

⁹³ РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 14. Л. 27–27 об.

⁹⁴ ОР РГБ. Ф. 169. Картон 15. Д. 3. Л. 40–41.

среде, можно сказать, являлись «поставщиками идей» для шефа жандармов. «Ум его, — говорил Д.А.Милютин о Барятинском, — хотя и неглубокий, необычайно плодовит, и ему ничего не стоит в фантазии пересоздавать судьбы всей Европы»⁹⁵. Племянник Фадеева С.Ю.Витте, сравнивая его с Д.А.Милютиным, писал: «Фадеев не получил систематического академического образования... был скорее художник науки, блистал громадными талантами, был человеком увлекающимся, с большой долей фантазии. Напротив того, Милютин представлял собой сухого военного академика, ученого, последовательного человека, с большими видами, с большой программой, систематической, может быть, недостаточно талантливой, но весьма последовательной и крайне разработанной»⁹⁶.

Эта подвижность и широта взгляда, в ущерб его глубине и устойчивости, являлась одной из причин того, что многочисленные и амбициозные планы возникали и столь же легко исчезали, не оставляя ощутимого следа. «А ргорós Шувалова я часто сравниваю нынешний ход здешних дел без него с тем, что было при нем, — писал Валуев в 1875 г. — Я раз назвал его дрожжами. При нем брожение не прекращалось. Оно шло не впрок большей частью, но оно происходило. Теперь всеобщее затишье...»⁹⁷.

Фактически, Шувалов имел мало общего с тем образом мрачного временщика и упорного реакционера-жандарма, который был закреплен в общественном сознании блестящей эпиграммой Тютчева и во многом воспринят либеральной историографией. По образной характеристике князя А.И.Васильчикова, «реакция» проводилась «без шума, без нахальства, с улыбками и пожатием рук», способствовали ей «светские и родственные связи, ум и любезность великосветских дам, обширное родство и свойство с главными аристократическими фамилиями... това-

⁹⁵ Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 322. По отзыву В.А.Инсарского, «незнание чиновнических приемов и обычаев, плохое знакомство с нашими узаконениями и бесчисленными постановлениями связывало его по рукам и ногам» (Русская старина. 1906. № 4. С. 104).

⁹⁶ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 27.

⁹⁷ Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 323.

рицеские нравы начальников... вечера с цыганами, завтраки с журналистами и вообще этот добродушный тон...»⁹⁸.

Итог проведения такого «великосветского консерватизма» позже был сурово подведен Е.М.Феоктистовым: «Если о каждом государственном человеке следует судить по его делам, то Шувалов, сойдя с поприща, не оставил по себе ровно ничего, что могло бы быть поставлено ему в заслугу... Он разыгрывал роль представителя консервативной политики, но, присматриваясь ко всему, что совершалось при нем, трудно понять, в чем состоял его консерватизм»⁹⁹. Тонко сформулировал противоречивость убеждений Шувалова, определявшуюся особенностями его мировоззрения, Д.А.Оболенский: «Он великий либерал в совершенно отвлеченном западном смысле и потому бесплодном для России. Про него можно сказать *qu'il est liberal en gros et très despote en détail* (что он либерал в принципе и великий деспот в его применении. — *фр. И.Х.*)... Он великий поклонник конституционной формы Правления и не прочь завтра же придумать для России какую-нибудь комедию или призрак конституции, но в то же время сам будет предлагать меры против необходимых последствий реформы. Он широко понимает принцип *liberté de conscience* (свободы совести. — *фр. И.Х.*), но в приложении его готов будет дойти до инквизиции. Он враг принципа национальности не менее самого передового нигилиста, но это только потому, что презирает свою национальность...»¹⁰⁰

Нельзя не признать, что для многих наблюдателей поверхностность Шувалова была не просто свойством его характера, но симптомом того, что петербургская аристократия утратила связь со страной и живет в своем собственном мире. А.А.Киреев считал, что влияние шефа жандармов было «зловредным», «потому что он отдалял Государя от народа... и потому что был лишен окончательно чувства национального достоинства... *Je ne reconnais pas des nationalites, je ne reconnais que les gens comme il faut et les autres... Кто же les gens comme il*

⁹⁸ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 936. Л. 14, 15 об.

⁹⁹ Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 121, 326.

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 430. Л. 19.

faut? Ежели бы это так выразился, например, Дерби, я бы понял, что это английские аристократы, *tonies*, скажи мне это Тьер, я бы понял, что это образованное среднее сословие... Но для Шувалова? Те, которые говорят с шиком по-французски и состоят членами яхт-клуба?»¹⁰¹. Обвинение «партии “Вести”» в подражании европейским порядкам, в антинациональном характере ценностной ориентации было традиционным. В сентенции Киреева привлекает внимание другое: понимание того, что единственной социальной опорой являлся для Шувалова крайне узкий слой столичной аристократии. Именно об этой части петербургского высшего общества граф С.Д.Шереметев позже с горечью напишет: «Это глубокие эгоисты, высокомерные критики всего, что происходило в России, к которой относились свысока, и не пошевелившие пальцем ради малейшего общественного дела. Это то дворянство, которое безучастием своим способствовало разгрому нашего среднего дворянства. Как назвать этих людей? Но эгоизм, доведенный до таких пределов — это почти измена! Люди этого типа меня всегда от себя отталкивали, но враги дворянства на них указывали с радостью! Между ними было, однако, две группы, между собой связанные родством и приятнью. Те, которые жили за границей, наслаждаясь жизнью, критикуя свою родину, воспитывая свое молодое поколение в том же духе и ничего не делая; и те, которые будучи с ними одного поля ягоды, находили, однако же, необходимым бороться с существующим течением, занимать служебные места по выборам или в администрации и дослуживаться при случае до высоких чинов и влиятельного положения. Сюда примыкают все Шуваловы с их родичами. Они чужды России, но думают действовать именем ее и как будто ради нее...»¹⁰²

¹⁰¹ ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 6. Л. 89. «Я не признаю национальностей, а признаю лишь различие между людьми достойными и всеми остальными» — приписывавшееся Шувалову выражение. Словосочетание *comme il faut* на русский язык может быть переведено лишь приблизительно.

¹⁰² Мемуары графа С.Д.Шереметева. М., 2001. С. 108.

Отсутствие опоры вынуждало задумываться над ее созданием... Не приходится сомневаться, что политика шефа жандармов была направлена на усиление роли поместного дворянства. Однако само дворянство не представляло собой сколько-нибудь сплоченной силы, которой было бы достаточно лишь предоставить простор для деятельности. «Консервативные начала» необходимо «насаждать», заявлял Шувалов Маркевичу в мае 1873 г., говоря о перспективах привлечения земских деятелей к обсуждению итогов валуевской комиссии¹⁰³. Правительство должно дать дворянству возможность реализовать свою охранительную роль; именно оно, правительство, ответственно за формирование собственной консервативной опоры из аморфного и раздираемого противоречиями высшего сословия — такая мысль все чаще озвучивалась в 1870-е гг. и идеологами консервативного дворянства. Поскольку такой опорой, как признавалось, могли стать только дворяне-землевладельцы, то в центре внимания оказывались вопросы, как привлечь их к проживанию в имениях и к активному участию в местной жизни. Характерно, что многие восприняли работы сельскохозяйственной комиссии именно в этом смысле. «Для нас, помещиков, — писал московский губернский предводитель, известный консерватор князь А.В.Мещерский, — всего важнее и отраднее, что первенствующее место в докладе (комиссии. — И.Х.) отведено необходимости вернуть деревне цивилизующий дворянский элемент... Все дело сводится к вопросу, который сам собою очень отчетливо сквозит в докладе: или дайте дворянству новую Жалованную грамоту, взамен упраздненной на самом деле, то есть идите вперед охранительным историческим путем, или... идите путем не историческим, то есть, что одно и то же — революционным»¹⁰⁴. Между тем Шувалов и Валуев не спешили с законодательной постановкой вопросов, сформулированных в докладе комиссии очень бегло и туманно.

¹⁰³ ОР РГБ. Ф. 120. Папка 27. Д. 3. Л. 48.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 1379. Оп. 1. Ч. 3. Д. 745. Л. 1 об. Цитируемый документ озаглавлен: «Конспект предполагаемого разговора с П.А.Валуевым. 26 ноября 1873 г.»

Год, прошедший с представления этого доклада весной 1873 г. до отъезда Александра II и Шувалова за границу в апреле 1874 г., был насыщен событиями и во многом стал решающим для судьбы и самого Шувалова (уже в мае 1874 г. состоялся его разговор с императором, повлекший назначение его послом в Лондон), и той политики, которую он пытался проводить. По мнению В.Г.Чернухи, этот период стал своеобразной кульминацией деятельности Шувалова, который вслед за Валуевым и великим князем Константином Николаевичем поставил вопрос о привлечении общественных сил к законодательной деятельности, потерпел в этом поражение и был отправлен в отставку с поста шефа жандармов¹⁰⁵. В.Г.Чернухе принадлежит заслуга детального анализа перипетий борьбы, сопутствовавшей тому, что она, хотя и с оговорками, оценивает как попытку Шувалова ввести в государственный строй России начало политического представительства. Однако целый ряд вопросов остается недостаточно проясненным. Наиболее важные для данной работы можно сформулировать так: имел ли Шувалов определенный план действий и представление о том, каким образом можно осуществить программу, о солидарности с которой он неоднократно заявлял в частных разговорах и смысл которой заключался в разрушении общины и предоставлении дворянству должного веса в местном и общегосударственном управлении?¹⁰⁶ В какой мере его действия в 1873—74 гг. были подчинены таким целям?

¹⁰⁵ См.: Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма... С. 67—118.

¹⁰⁶ Так, беседуя с В.П.Мещерским в 1871 г., Шувалов заявил: «Я например, думаю, что прогресс требует расширения местного самоуправления, дворянство должно было бы иметь больше значения в губернии, как словие... земство могло бы иметь очень важные экономические задачи для разрешения хотя бы этого варварского вопроса общины» (Мещерский В.П. Мои воспоминания. Ч. 2. СПб., 1898. С. 147). Б.М.Маркевичу Шувалов сказал в одном из разговоров, что по его мнению, за образец местного устройства следует взять остзейские губернии, где помещик «сохранил почительство над волостью» (Оржиховский И.В. Третье отделение // Вопросы истории. 1972. № 2. С. 114).

История так называемого «конституционного» проекта Шувалова, подробно изложенная В.Г.Чернухой¹⁰⁷, вкратце такова. 9 мая 1873 г. Комитет Министров одобрил представление П.А.Валуева о том, чтобы отсрочить до ноября рассмотрение заключений сельскохозяйственной комиссии. В это же время Шувалов сообщил Маркевичу, что намеревается привлечь к обсуждению поставленных комиссией проблем представителей земства, причем не стал возражать, когда собеседник интерпретировал такой шаг как «начало конституции»¹⁰⁸. Следующие несколько месяцев были использованы для распространения трудов комиссии и пропаганды ее выводов.

В октябре шеф жандармов сообщил Валуеву, что заручился предварительным согласием императора обсудить эту меру. 27 ноября состоялось заседание Комитета Министров, на котором Шувалов заявил, что труды комиссии необходимо рассмотреть в одном или двух совещаниях с участием выборных экспертов от земств. Совещания должны были обсудить законопроекты, предварительно разработанные в министерствах, и составить по ним свое заключение; затем проекты и мнения совещаний поступили бы в Государственный Совет, где рассматривались бы обычным порядком. Свое предложение Шувалов мотивировал тем, что труды валуевской комиссии уже получили значительный резонанс, что земские учреждения опасно оставлять «без умственной пищи», а благотворность привлечения местных деятелей доказана опытом разработки крестьянской реформы. Валуев поддержал шефа жандармов, однако настаивал на том, чтобы административные вопросы оставались в исключительной компетенции правительства. Против предложения выступили М.Х.Рейтерн, Д.А.Милютин и председатель Комитета граф П.Н.Игнатьев¹⁰⁹. Никакого решения принято не было; к обсуждению этого вопроса Комитет Министров вернулся лишь в феврале следующего года. На этот раз речь шла о

¹⁰⁷ Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма... С. 70—108.

¹⁰⁸ ОР РГБ. Ф. 120. Папка 27. Д. 3. Л. 45—48.

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 192. Л. 47—53.

призыве всех председателей губернских управ и некоторых губернских предводителей дворянства, причем уже не для обсуждения заранее составленных законопроектов, а для их разработки. Предварительно Шувалов попытался заручиться поддержкой великого князя Константина Николаевича, однако, по-видимому, не сообщил ему о намерении призвать наряду с представителями земства дворянских предводителей. Очертания нового совещательного органа вырисовывались крайне смутно (П.А.Валуев, например, считал предложение Шувалова «неопределенным и незрелым»). На решающем заседании Комитета Министров 19 февраля обнажилась, по характеристике Валуева, «полнейшая пестрота и неясность предположений, мнений, желаний и убеждений»¹¹⁰.

Принципиальное значение имел вопрос, будут ли призваны все председатели управ (и предводители) или представители лишь некоторых губерний по усмотрению верховной власти. В первом случае предложенная мера могла иметь политическое («бесповоротное», по точному выражению Валуева) значение, во втором — сводилась к институту «экспертов», приглашение которых было предусмотрено уже существовавшим законом. В результате выявившихся разногласий Комитет Министров пошел по второму пути. Шувалов, не добившись ожидаемого результата, не решился перенести обсуждение вопроса в Совет Министров. «Прежде только о том и была речь, — записал Валуев 2 марта, — теперь не слишком хочется возбуждать в присутствии государя вопрос о призыве *всех* председателей управ и предводителей»¹¹¹.

Делать выводы о смысле предложений Шувалова достаточно сложно, поскольку речь шла об идее, так и не оформившейся в конкретный проект. «Конституционные» проекты Валуева и великого князя Константина Николаевича предполагали реформирование высшего государственного органа (Государственного Совета), тогда как идея Шувалова

¹¹⁰ Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 300.

¹¹¹ Там же. С. 301.

была гораздо скромнее и имела вполне конкретный ситуативный смысл: предполагалось привлечь представителей общества к разработке определенных законов, а не законов вообще.

Решить важнейшие из проблем, затронутых валуевской комиссией, — об общине, абсентеизме, реформе местного управления и податной системы, в обычном бюрократическом порядке было едва ли возможно как из-за инерции государственной машины, так и из-за принципиальных политических разногласий в правительстве. Шувалов был совершенно прав, когда говорил Маркевичу, что правительство неспособно к этому «в настоящем своем составе»¹¹². Прекрасно знакомый с бюрократическими порядками А.Н.Куломзин сформулировал итоги работы комиссии таким образом: «В частных беседах... Валуев не скрывал своей твердой уверенности, что поднятые вопросы будут разработаны в высшей, под его председательством, коллегии из представителей местных общественных учреждений. Но тут-то выразилась немощь существующего строя, заключающаяся в постоянном междоусобном антагонизме, коренным образом мешавшем всякому движению вперед, если только не было на то ясно выраженной и настойчиво проведенной воли монарха... Все свелось к указаниям на необходимость предварительного изучения этих вопросов в отдельных ведомствах. На жаргоне канцелярии, привыкшей к подобным решениям, это называлось — распахали по ящикам»¹¹³.

Вряд ли шеф жандармов мог уповать на деловитость и профессионализм призванных местных деятелей. Но с их приглашением он получил бы средство давления на своих противников и возможность обойти традиционную процедуру принятия законов. Именно в это время он был озабочен и необходимостью воздействовать на общественное мнение, добившись оживления консервативных сил. Любой, даже не самый важный шаг в этом направлении воспринимался как значимый симптом определен-

¹¹² Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма... С. 86.

¹¹³ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 192. Л. 46—47.

ного поворота правительственного курса. В качестве примера можно привести изданный благодаря Шувалову рескрипт 25 декабря 1873 г., передававший наблюдение за народными училищами предводителям дворянства¹¹⁴. На одном из заседаний совещания с участием ряда предводителей, обсуждавшего реализацию этой меры, шеф жандармов, по сообщению А.И.Георгиевского, выступил «с речью, в которой содержался прямой намек на будущую, более значительную роль, к которой должно быть призвано дворянство»¹¹⁵. Ознакомившись с рескриптом, А.А.Киреев записал в дневнике: «Но стоило ли сочинять этот рескрипт, из него ничего не выжмешь! Он — un discours académique... Многие находят, что было бы лучше сделать что-нибудь, чем говорить»¹¹⁶. Рескрипт, очевидно, имел не столько практический, сколько демонстративный смысл, и вызвал благодарственные адреса дворянских собраний. Подобным образом широкий резонанс, который неизбежно сопровождал бы призыв местных деятелей в законодательные комиссии, мог быть использован как катализатор общественной активности, как средство направить внутреннюю политику в определенное русло.

Такой вывод объясняет удивительное, на первый взгляд, невнимание шефа жандармов к формальной, организационной стороне своего предложения. Будут ли призванные эксперты разрабатывать законопроекты или обсуждать уже составленные, какова будет при этом роль правительства, окажется ли численный перевес на стороне представителей земских или дворянских собраний — эти вопросы могли не иметь принципиального значения, коль скоро Шувалов надеялся, что возглавлять комиссию будет многоопытный П.А.Валуев, а сочувственное внимание к ее

¹¹⁴ «Поводом были обнаруженные в разных местах попытки революционной пропаганды чрез посредство училищ», — писал Валуев. О заседании Совета Министров, обсуждавшем проект рескрипта, который, по-видимому, был составлен М.Н.Катковым, см.: Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 285—286; Милютин Д.А. Дневник. Т. 1. М., 1947. С. 115—116. Именно после этого заседания великий князь Константин Николаевич выразил желание сблизиться с Шуваловым.

¹¹⁵ ОР РГБ. Ф. 120. Папка 27. Д. 4. Л. 3.

¹¹⁶ Там же. Ф. 126. Оп. 1. Д. 6. Л. 77 об.—78.

деятельности проявят представители и консервативных, и либеральных кругов. Поскольку новый совещательный орган должен был заниматься вопросами, уже сформулированными в сельскохозяйственной комиссии, то тематика, если не тональность, его выводов была заранее определена, а инициатива в любом случае находилась бы в руках Шувалова и Валуева¹¹⁷.

Нельзя утверждать, что призыв местных деятелей имел для шефа жандармов столь же большое значение, как, например, реформа Государственного Совета для П.А.Валуева. Когда выяснилось, что большинство Комитета Министров относится к предложениям Шувалова или с опаской, или однозначно отрицательно, он с видимой легкостью отказался от своей затеи, позволив свести ее, как того и добивались Милютин и Рейтерн, к традиционному призыву «экспертов». «...Разрешился наконец вопрос о “комиссиях” гр. Шувалова, — записал Валуев 26 февраля. — И как легко и дешево на этот раз! Моя редакция принята единогласно и почти без всяких предварительных прений!» «Конец был миролюбивее, чем можно было ожидать; гора родила мышь...» — заметил после заседания Д.А.Милютин¹¹⁸. Отмечу также позицию такого проницательного наблюдателя, как Ю.Ф.Самарин. А.А.Киреев записал в дневнике о затее Шувалова: «Впрочем, едва ли “*on est serieux*”. Самарин, которого сейчас видел, полагает, “*que c’est un blague*”»¹¹⁹. Самарин никогда не был склонен недооценивать

¹¹⁷ Именно такой вывод сделал А.А.Киреев: «Думаю, что граф Шувалов рассчитывает так: если призыв будет благонамеренный, то я его буду всячески поддерживать, ежели же будет неблагонамеренный, то я... добьюсь отрицательным путем того, чего не добьюсь положительным» (там же. Л. 79). Сам Шувалов, сообщая Валуеву о полученном от императора согласии на обсуждение своего предложения, выделял как важнейшее условие успеха то, что «дело останется в наших (его и Валуева. — И.Х.) руках» (Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма... С. 88).

¹¹⁸ Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 301; Милютин Д.А. Дневник. Т. 1. М., 1947. С. 142.

¹¹⁹ ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 6. Л. 78 об.—79. «Едва ли это серьезно... это чепуха».

угрозы, исходящей от «шуваловцев», и чуть позднее открыто и горячо выступил против программы «аристократов». Но суть ее он справедливо видел в попытках пересмотреть земскую и крестьянскую реформы, а не в робких «конституционных» притязаниях.

Уже через месяц после заседания Комитета Министров Маркевич сообщал Каткову, что в очередной беседе с ним Шувалов, очевидно, не обескураженный неудачей, заявил: «Надо организовать консервативные силы на местах, надо возбудить потребность и дать возможность самоохранения тем консервативным элементам, которые реформы начала царствования попрали ногами. Реформа образования первый и величайший шаг к нашему спасению, но надо и в стране подготовить почву, куда бы могли пойти те добрые семена, которые мы вправе ожидать от этой реформы...» «Я уже вам не раз писал об идеях Шувалова относительно этой организации консервативных сил, — добавлял Маркевич. — Как некую программу его воззрений следует видеть в статьях Русского Мира “Чем нам быть”, которые пишет теперь Фадеев, “переговоривший предварительно относительно их не только с гр. Шуваловым, но и с наследником”, уверял он меня»¹²⁰.

Статьи публиковались в «Русском мире» с конца марта по конец июня, а в октябре 1874 г. вышли отдельным изданием под названием «Русское общество в настоящем и будущем. (Чем нам быть?)». Содержание и обстоятельства появления этого сочинения, а также развернувшаяся вокруг него бурная полемика заслуживают внимательного рассмотрения именно потому, что многие современники воспринимали это выступление отставного генерала и сподвижника А.И.Бярятинского, как и дворянские проекты всесословной волости, в связи с деятельностью Шувалова и его группировки в правительстве.

Произведение Фадеева выгодно отличалось от статей «Вести» и сочинений Лилиенфельда, Лобанова и Орлова-Давыдова. Принадлежа перу несомненно талантливого писателя и

¹²⁰ Там же. Ф. 120. Папка 27. Д. 4. Л. 19—20.

оригинального мыслителя, оно было лишено той монотонности изложения и предсказуемости, заданности выводов, которые составляли слабую сторону произведений «аристократов»¹²¹. Автор не обрушивал на читателя поток жалоб, обвинений и предложений, подкрепленных для убедительности цифровыми выкладками и ссылками на европейские авторитеты, а как бы призывал его совместно проанализировать состояние неустойчивости и разъединения, в котором оказалось русское общество, и постепенно, исподволь подводил увлеченного читателя к нужным выводам. При этом Фадеев старательно избегал столь характерных для «аристократов» прямолинейных обвинений либералов и реформаторов в желании ниспровергнуть собственность и государственный строй. Но наиболее разительно его книга отличалась от публицистики «Вести» общей идеологической ориентацией: безоговорочно отвергались попытки применить ценности и модели, позаимствованные из западной действительности, хотя Россия и признавалась европейской по сути страной.

В то же время, достаточно широко используя некоторые славянофильские идеи и термины, Фадеев отказывался признать реалистичность политической доктрины славянофильства с ее идеалом бессословности и политического равноправия. Исходной посылкой для публициста была мысль о том, что «воспитательный (петербургский) период» русской истории породил «культурное сословие русских европейцев», но лишил его самостоятельности, поскольку единственной организованной силой было государство, а единственным средством взаимодействия власти и общества — бюрократическая опека. Итогом такого полуторавекового развития стало состояние бесформенности, бессвязности образованного слоя, которое еще более усугубилось с началом реформ, проводимых под девизом бессословности.

Наиболее слабым местом многих построений «аристократов» несомненно была неукорененность их программы в рос-

¹²¹ «Они (статьи. — И.Х.) очень блестящи, — утверждал Маркевич, — но курьезно, что он выведет как окончательный вывод?» (Там же. Л. 20).

сийской действительности, отсутствие социальной основы для ее осуществления. В отличие от них Фадеев признавал: «Наш консерватизм есть самое заносное из заносных»; «нашей правой в ее чистом виде, нашему охранительному направлению нет покуда никакого дела. Проиграв сражение в начале шестидесятых годов... через несколько лет... охранители поднялись вновь, но проникательные из них поняли, что на перепаханном русском поле нет уже старых корней и нет еще новых всходов»¹²². Ход рассуждений приводил автора к утверждению, что бесперспективно и опасно ожидать, когда в недрах общества сами собой возникнут начала, которые приведут к его сплочению. Почин должен принадлежать верховной власти и правительству; только они способны создать новые формы, воспользовавшись которыми, дворянство приобретет значение руководящей силы. Самодержавие признавалось, таким образом, не только абстрактной ценностью, но и главной структурирующей, руководящей силой русской истории, дворянство же — «творением верховной власти, а не самостоятельным словом». Необходимо, полагал автор, воссоздание дворянства как «государственного сословия, поголовно обязанного к срочной земской службе»¹²³.

Фадееву нельзя было отказать в логической последовательности. Поскольку именно верховная власть должна организовать «правильно привилегированный слой сообразно современным потребностям», то неизбежным был вывод, что власть может требовать от своего детища исполнения возложенных на него задач. Едва ли есть смысл обсуждать реалистичность введения в пореформенной России принципа обязательной службы: если бы Фадеев всерьез на это рассчитывал, то его умозрительные конструкции были бы еще большей утопией, чем все идеи критиковавшихся им западников и славянофилов. Вновь приходится констатировать, что предложения консерваторов не выдерживали проверки реальностью, оставаясь

¹²² Фадеев Р. Русское общество в настоящем и будущем. (Чем нам быть?) СПб., 1874. С. 199—200.

¹²³ Там же. С. 201, 214, 229.

не более, чем умозрительными конструкциями. Впрочем, исторические цели были для Фадеева гораздо важнее практических, и маниловский характер формулируемых им «способов уврачевания» российской действительности лишь подчеркивал остроту недуга.

Традиционалистская ориентация, диссонировавшая с последовательным европеизмом «аристократов», обуславливала соответствующую постановку не только дворянского, но и крестьянского вопроса. Автор признавал «благонадежность русского народа как охранительного устоя». Образованное сословие должно «развивать крестьянское самоуправление, а не замещать его собой». Очень бегло и туманно говорил Фадеев об общине. Однако когда он переходил от общих рассуждений к изложению конкретных мер, которые должны были вести к восстановлению дворянства, выяснялось, что они почти тождественны требованиям «аристократов». Чиновничеству не способно руководить местной жизнью. Вся власть в уезде должна находиться «исключительно у лиц, избранных дворянством», быть «дешевой, несложной и ограничиваться наименьшим числом лиц». Предлагалось объединить обязанности волостного попечителя и мирового судьи, наделив ими местного помещика, выбираемого на эту должность дворянством. Съезд таких волостных начальников, проходящий под председательством предводителя, должен был стать главным уездным органом, а бюрократический аппарат — подвергнуться радикальному сокращению. Поскольку каждый дворянин должен стать служилым человеком, государство может отказаться от своих прерогатив в пользу землевладельцев, ведь последние «будут в глазах верховной власти теми же офицерами и чиновниками»¹²⁴. Чем же помещик будет отличаться от чиновника? Земская служба должна быть безвозмездна, отвечал Фадеев.

Таким образом, автор фактически ратовал за устранение правительственной администрации и передачу помещикам всей полноты местной власти на уездном и волостном уровне.

¹²⁴ Фадеев Р. Указ. соч. С. 100—110, 249—250.

Традиционализм оказывался лишь спекуляцией, идеологическим маневром, который помимо воздействия на общественное мнение имел, на мой взгляд, и вполне конкретную цель — убедить наследника престола, с которым Фадеев якобы советовался при написании статей, если не поддержать эту программу, то, по крайней мере, не препятствовать ее реализации¹²⁵. Антипатия цесаревича к претензиям дворянства на независимую роль, к «космополитизму» «Вести» и Шувалова была хорошо известна современникам. Сочинение же Фадеева смягчало откровенно западнический смысл программы «аристократической партии».

Выступление Фадеева пришлось на то время, когда комиссия столичного дворянского собрания составляла проекты всесословной волости, а Шувалов все более открыто заявлял о своем желании предоставить дворянству больший вес в государстве. Существовала ли между этими событиями прямая связь? Можно ли утверждать, что консерваторы в правительстве и обществе наконец смогли скоординировать свои усилия?

Подтверждением тому, что Фадеев, по крайней мере, консультировался с Шуваловым, является одно из его писем И.И.Воронцову-Дашкову. Летом 1874 г., призывая графа не дать погибнуть «Русскому миру», генерал писал: «При разброде наших понятий не только внизу, но и вверху, влиятельный орган с направлением, принятым “Русским миром”, обещал самые благоприятные последствия: он не только собирал вокруг себя группу

¹²⁵ Встревоженный распространявшимися слухами о том, что его воспитанник сочувствует идеям, изложенным в вышеупомянутых статьях, К.П.Победоносцев в письме к наследнику 20 марта 1875 г. (в самый разгар дебатов в столичном дворянском собрании по поводу проектов волостной реформы) счел необходимым посоветовать ему ознакомиться с книгой Самарина, и высказал свое собственное отрицательное к ним отношение: «...там, где автор (Фадеев. — *И.Х.*) принимается сочинять основания новых рекомендуемых им порядков, предположения его, равно как и основания новых проектов, обсуждаемых ныне дворянами, оказываются очень слабыми». (См.: Письма Победоносцева Александру III. Т. 1. М., 1925. С. 36.)

рассудительных людей, многочисленную, но рассеянную... но кроме того, он давал еще программу почину власти, то есть помогал этому почину именно с самой слабой его стороны... “Русский мир” стал почти достигать цели. Доказательство — слова, сказанные почти официально двум лицам разом, мне и Черняеву: “Во внутренней политике направление Русского мира восторжествует непременно и скоро”...». Здесь же Фадеев, сетуя на отсутствие денег на издание статей «Чем нам быть» отдельной книгой, делал важное признание: «Приступая к последнему своему труду в соглашении с пятью министерствами, я полагал, что буду обязан только умственным трудом, а не материальной жертвой... а потому прямо спросил казенного пособия на издание книги; мои высокопоставленные благоприятели отвечали, что, несмотря на самое искреннее желание, на такой предмет нельзя сделать никакой выдачи из экстраординарных сумм»¹²⁶

Тон работе дворянской комиссии задавали Лобанов-Ростовский и Орлов-Давыдов. Из дневника последнего явствует, что весной 1874 г., в пору активных совещаний комиссии, граф поддерживал контакты с Шуваловым и Валуевым и разговаривал с ними о составлявшихся проектах, хотя ни тот, ни другой не обнадеживали его никакими конкретными обещаниями¹²⁷. Еще более тесные связи должны были существовать между министрами и князем Лобановым — близким знакомым Шувалова и бывшим членом валуевской комиссии¹²⁸.

¹²⁶ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2707. Л. 9-10, 1. По мнению бар. А.П.Николаи, Фадеев в статьях «исполнял данный ему заказ» (там же. Ф. 851. Оп. 1. Д. 18. Л. 70 об.). Еще более определенно высказывался бар. А.И.Дельвиг: «Книга Фадеева заключает в себе программу реформ... кажущихся полезными только для кружка, получившего название «партии яхт-клуба», задавшего мысль образовать у нас могущественный класс богатых людей, по образцу английской аристократии, и захватить власть в свои руки». (Дельвиг А.И. Мои воспоминания. Т. 4. М., 1913. С. 473-474).

¹²⁷ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 18. Л. 19, 50, 59.

¹²⁸ Не вызывает никаких сомнений и связь Фадеева с Лобановым, как и близкое знакомство его с Орловым-Давыдовым.

Вместе с тем нет оснований предполагать, что Шувалов рассчитывал на какой-либо практический эффект от трудов дворянства. Обстоятельства говорят скорее об обратном. Именно в это время в правительстве заканчивалось растянувшееся на годы составление проекта, который предусматривал упразднение мировых посредников и создание вместо них губернских присутствий. По соглашению с великим князем Константином Николаевичем Шувалов в последний момент внес существенные изменения в проект МВД, даже не поставив в известность А.Е.Тимашева¹²⁹. Резонно предположить, что если бы шеф жандармов желал использовать проекты дворянской комиссии, он стремился бы не форсировать, а затянуть принятие нового Положения, поскольку внести в недавно утвержденный закон существенные изменения было бы крайне затруднительно. Такая позиция Шувалова имеет единственное объяснение: он понимал, что проекты, подобные тем, что составлялись дворянством, не имеют шансов на одобрение правительства и, возможно, не предполагал торопить события. Впрочем, о планах Шувалова можно говорить только предположительно — его отставка несомненно похоронила не только его собственные расчеты, но и надежды консерваторов на его содействие¹³⁰.

Назначение Шувалова послом в Лондон сделалось гласным именно в тот момент, когда в «Русском мире» заканчивалась

¹²⁹ См.: Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 304—305, 308.

¹³⁰ Едва ли можно согласиться с мнением В.Г.Чернухи, которая склоняется к выводу, что главной причиной отставки шефа жандармов стали его «конституционные» идеи (см.: Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма... С. 113—115). Едва ли императора могла настроить против Шувалова столь робкая попытка обратиться к содействию общества. Гораздо более вероятной представляется причина, на которую чаще всего указывали современники: Александр II стал тяготиться опекой Шувалова и его стремлением вмешиваться во все дела. «Перемещение Шувалова было удалением, освобождением от начинавшего тяготить влияния... — писал И.А.Шестаков. — Хитрая наперсница (фаворитка Александра II княжна Е.М.Долгорукая. — И.Х.), без сомнения побуждаемая врагами Шувалова, беспрестанно выставляла Государю его влияние и на различные предположения, высказываемые венценосным обожате-

публикация статей Фадеева, а петербургские дворяне продолжали работать над своими проектами. Общее убеждение в могуществе шефа жандармов было таким твердым, что далеко не все поверили в столь неожиданное окончание «эпохи Петра IV». В обществе начали циркулировать слухи о грядущем «возвращении» Шувалова. «Шувалов удаляется конечно временно, с тем, чтобы вернуться Государственным Канцлером иностранных и внутренних дел и опять взять в свои руки бразды правления», — считал А.В.Головнин¹³¹.

Особенно активно распространял эти слухи Р.А.Фадеев. «Гр. Шувалов, уезжая в Лондон, уверял меня клятвенно, что политическая программа, проводимая предложенною Вам книгою, восторжествует скоро и непременно... — писал Фадеев М.Н.Каткову. — Посольство его в Лондоне кончается и он остается в Петербурге; чем — это пока еще неизвестно, но вероятно председателем Комитета Министров и неофициальным, но de facto заведывающим государственной полицией, то есть шефом над шефом»¹³². Тогда же, в ноябре 1874 г., Фадеев сообщал Самарину: «За программу, изложенную в моей книге, идет теперь сильное течение в официальном круге. В будущем... успех почти обеспе-

лем, возражала: "хорошо, а что скажет гувернер?"» (ОР РНБ, Ф. 856. Д. 6. С. 209.) Плохие отношения Шувалова с Долгорукой могли стать дополнительным аргументом против него. Но были ли они главной причиной? Император, конечно, не мог не чувствовать и того, что влияние графа нарушает «баланс сил» между различными правительственными группировками и сводит на нет ту роль арбитра между ними, которую стремился играть он сам. Примечательно, что отставка последовала вскоре после того, как наметилась реальная перспектива сближения между Шуваловым и великим князем Константином Николаевичем («Я еще не знаю, следует ли радоваться его удалению», — заявил великий князь А.А.Кирееву. См.: ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 6. Л. 89 об. По свидетельству А.В.Головина, в начале 1874 г. «вел. кн. горячо защищал и хвалил Шувалова». См.: РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 14. Л. 3 об.—4). Реальная солидарность правительства угрожала власти самодержца в гораздо большей степени, чем квазипредставительство, которое не имело бы действительного веса.

¹³¹ РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

¹³² ОР РГБ. Ф. 120. Папка 20. Л. 199 об.—200.

чен, но даже ныне, то есть, говоря правильно, завтра — он весьма вероятен, *при некоторых ожидаемых переменах...*»¹³³

Оба письма Фадеев написал, посылая адресатам только что вышедшую книгу «Русское общество в настоящем и будущем». Сложно сказать, действительно ли публицист верил, что удаление шефа жандармов от дел было временным, или его надежды являлись лишь средством привлечь внимание к книге. В противоположность Фадеев, многие наблюдатели считали, что Шувалов уже не сможет влиять на внутреннюю политику. «Кажется, что Шувалов действительно надоел Государю постоянной своей опекой... — утверждал Киреев. — Едва ли ему что-либо обещано впредь. Ежели он действительно сделается со временем министром иностранных дел... и тогда ему не иметь своего прежнего влияния»¹³⁴. «Он не теряет надежды действовать на внутренние дела России через людей, с которыми он в связи, — записал после «продолжительного разговора» с Шуваловым Орлов-Давыдов. — Хотя он говорит о своем назначении как очень блестящем, многие думают, что Государь желает удалить его от дел под благовидным предлогом»¹³⁵.

Однако Фадеев добился своей цели — его книга получила широкое распространение и вызвала многочисленные полемические отклики¹³⁶. Наиболее значительным среди них была опубликованная в 1875 г. в Берлине брошюра «Революционный консерватизм», которая объединяла «письмо» Фадееву Ю.Ф.Самарина и критический очерк проектов петербургских дворян, принадлежавший перу правоведа профессора Ф.М.Дмитриева.

¹³³ Там же. Ф. 265. Папка 205. Д. 18. Л. 3—3 об. Выделено мной.

¹³⁴ Там же. Ф. 126. Оп. 1. Д. 6. Л. 89.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 19. Л. 98.

¹³⁶ См.: Кошелев А. Общая Земская Дума в России: дополнение к книжке «Наше Положение». Берлин, 1875; [Кавелин К.Д.] Чем нам быть? Ответ редактору газеты «Русский мир» в двух письмах. Берлин, 1875; Мещерский В.П. Речи консерватора. СПб., 1876. Вып. 1. Об этой полемике см.: Чернуха В.Г. Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма...; Кузнецов О.В. Указ. соч.

Фадеев разослал свое произведение очень многим более или менее влиятельным людям, однако отклик Самарина волновал его, пожалуй, более всего. Известие, что тот готовит обширный ответ, генерал воспринял с энтузиазмом и тут же предложил для публикации ожидаемой полемики страницы «Русского мира»¹³⁷. Самарин имел громадный авторитет не только в общественных, но и в правительственных кругах, и генерал рассчитывал, что дискуссия лишь добавит популярности и его сочинению, и газете, испытывавшей серьезные финансовые трудности. Ожидания не оправдались; запланированную дискуссию не удалось направить в нужное Фадееву русло: Самарин не только не принял главного тезиса книги — о расстроенном состоянии русского общества — но и подверг уничтожающей критике те исходные положения, на которые опирался Фадеев.

Дворянство никогда не стояло во главе народа; более того, именно оно составляло беспокойную стихийную силу, умеряемую устойчивостью и консерватизмом масс. Чиновничество — не отдельная сила, а часть самого дворянства; рассуждения же Фадеева проникнуты той же слепой верой в «плодотворность формы» и слепым отрицанием действительной жизни, которые составляют принадлежность типичного чиновника, утверждал Самарин.

Разочарование и раздражение Фадеева более всего вызвало то, что Самарин квалифицировал его как идеолога «партии», на протяжении полутора десятилетий пыгающейся противодействовать реформам и стремящейся сделать Россию полем для применения собственных абстрактных и небескорыстных идей¹³⁸. «Неужели Вы серьезно думали, что книга моя была внушена какою-то партией... что в душе я заботился исключительно об интересах дворянства и т.п., — вопрошал генерал в письме Самарину в сентябре 1875 г. — Если б у нас существовала такая партия, способная единодушно обдумать стройную программу, то я не

¹³⁷ ОР РГБ. Ф. 265. Картон 205. Д. 18. Л. 4.

¹³⁸ Самарин Ю., Дмитриев Ф. Революционный консерватизм. Берлин, 1875. С. 5, 72. Именно эти прозрачные намеки на Шувалова делали невозможной публикацию «письма» Самарина в России.

имел бы причины писать о русском разброде... У наших консерваторов, как и у наших либералов есть только вкусы, а не систематические планы... Действительно я писал Вам в то время, когда падение гр. Шувалова не было еще делом решенным, что книга моя при известных условиях может оказать влияние, но я писал это потому только, что имел в ту пору причину надеяться образовать вкусы в пользу своей программы, а вовсе не потому, чтоб эти вкусы диктовали мне программу. Ни разу даже я не имел систематического разговора с каким-либо официальным лицом об этой программе, пока она не была напечатана; тогда, действительно, пошли разговоры»¹³⁹. Таким образом, уже через год после отставки Шувалова Фадеев считал возможным практически полностью дезавуировать свою программу и собственные утверждения о сочувствии ей в верхах.

В столичном обществе письмо Самарина распространялось в рукописи в феврале-марте 1875 г., то есть накануне и в ходе губернского дворянского собрания, на котором обсуждались проекты всесословной волости. Как и следовало ожидать, прения здесь были поначалу достаточно острыми, в очередной раз выявив разделение дворянства на две враждующие «партии». Либеральная часть собрания использовала против проектов знакомые доводы, обвинив их авторов в крепостничестве и «защите отживших феодальных прав» и доказывая, что «образованный элемент» не нуждается в предоставлении ему полицейских и судебных прав, что необходимость преобразования не доказана никакими фактическими данными. Лобанов-Ростовский и Орлов-Давыдов в своих эмоциональных выступлениях отвергали обвинения в крепостничестве¹⁴⁰. Однако вскоре выяснилось, что ни сами авторы проектов, ни их противники не настроены углублять дискуссию¹⁴¹. Почти единогласно было принято решение «воздер-

¹³⁹ ОР РГБ. Ф. 265. Картон 205. Д. 18. Л. 9—9 об.

¹⁴⁰ См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1875 г. №№ 67—69, 72, 76, 78—80, 82.

¹⁴¹ Орлов-Давыдов, ссылаясь на проекты Валуева о волостях и выездах, заявил, что «если не осуществились... соображения лиц столь

жаться от дальнейших обсуждений преобразования сельских учреждений»¹⁴². «Этим покончены все наши труды, — записал в дневнике Орлов-Давыдов, — но я думаю, что проект мой не останется без влияния на будущие суждения о волостном управлении...»¹⁴³. Таким образом, мысль об усилении роли дворянства в местной жизни фактически была признана несвоевременной.

А.И.Дельвиг пересказывает в своих воспоминаниях интересный разговор с М.Х.Рейтерном, состоявшийся в это время: «Рейтерн... отзываясь о письме Самарина с величайшим уважением, заметил... что Самарин приписывает ему (правительству. — И.Х.) такие намерения, которых оно в виду не имеет. На его вопрос: кто же между правительственными лицами эти крепостники... я отвечал, что представленные в петербургском дворянском собрании три проекта о всесословной волости ясно указывают на дух времени... [Рейтерн] полагал, что если проекты не провалятся в самом собрании (что уже и случилось), то будут представлены в правительственные учреждения, которыми они будут отклонены, так как главные деятели в этих учреждениях те же, которые были и в 1861 г... Рейтерн... сказал между прочим, что в бытность гр. Шувалова в силе можно было ожидать от его влияния сильных реакционных мер, но с его назначением послом в Лондон никто не пользуется влиянием на Государя, достаточным для приведения таких мер в исполнение»¹⁴⁴. Еще более определенно министр финансов высказался в письме А.В.Головнину по прочтении рукописи Самарина: «Основная мысль, выраженная внизу стр. 135¹⁴⁵, не верна. Такого

высокопоставленных, то мы, члены комиссии, должны утешиться, если и мы... не успели заслужить одобрения дворянского собрания» (там же, № 79).

¹⁴² РГИА. Ф. 1284. Оп. 91-Б. 1875 г. Д. 80. Л. 3.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 20. С. 76.

¹⁴⁴ Дельвиг А.И. Мои воспоминания. Т. 4. С. 474.

¹⁴⁵ «Итак, наступает новый законодательный и вместе общественный кризис, надвигается новая историческая напраслина сверху», — утверждал Самарин в отмеченном месте.

периода вовсе не наступает и никто серьезно не думает о ломке»¹⁴⁶. П.А.Валуев в брошюре «Русские заграничные публицисты», изданной в том же году, также счел необходимым опровергнуть слухи о поддержке правительством «программы Фадеева» и вынужден был согласиться с резкой критикой Ф.М.Дмитриевым проектов петербургского дворянства¹⁴⁷.

В истории очередной попытки консерваторов добиться реализации своих идей была поставлена точка. Ставшее очевидным уже с отставкой П.А.Шувалова, политическое поражение «аристократической партии» было закреплено. Вместе с тем, едва ли можно утверждать, что уход Шувалова с политической сцены роковым образом повлиял на осуществление программы «аристократов». Достаточно сравнить ситуацию 1872–74 и 1866–67 гг. В то время также не было недостатка в речах о «консервативных началах», укреплении дворянства, реформировании местной власти и даже о политическом представительстве. Но как и позднее, Шувалов так и не смог перейти от общих деклараций к каким-либо конкретным мерам в этом направлении¹⁴⁸. С успехом проводилась лишь политика усиления административной власти. «Что же касается до поддержки со стороны сильной партии или группы прасительственных лиц, то увы! — писал в ноябре 1874 г. Фадееву князь С.М.Воронцов, как бы подводя итог “шуваловской эре”. — У нас на это рассчитывать нельзя, так как государственные люди, называющие себя консерваторами, больше других подвергаются влиянию самых странных и рискованных теорий...»¹⁴⁹

¹⁴⁶ РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 18. Л. 68.

¹⁴⁷ Русский [П.А.Валуев]. Русские заграничные публицисты. Берлин, 1875. С. 8, 11.

¹⁴⁸ Примечательно, что оба периода ознаменовались в плане усиления политической роли дворянства лишь изданием декларативных рескриптов, причем по сравнению с рескриптом на имя П.П.Гагарина от 13 мая 1866 г., близкий документ на имя Д.А.Толстого имел гораздо более узкое содержание.

¹⁴⁹ РГИА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

Очередной всплеск активности великосветских консерваторов, пришедшийся на начало 1870-х годов, закономерно сошел на нет. Отражением этого стала и ситуация вокруг газеты «Русский мир». Находившаяся в состоянии постоянного финансового кризиса, газета существовала лишь благодаря поддержке своих аристократических покровителей. Однако в 1874 г. они стали охладевать к судьбе издания, и Фадееву пришлось начать целую кампанию по поддержке «Русского мира». «Главный недостаток ее (газеты. — И.Х.), так же как всей русской печати, заключается в слабой связи с людьми, мнения которых она представляет... — писал он в уже цитировавшейся записке «О задачах и перспективах газеты "Русский мир"». — Но эта слабая сторона зависит не от редакции, а от самих деятелей; редакция с готовностью приняла бы их указания, если б они пожелали установить плодотворную связь дела с мыслью...»¹⁵⁰

«Я думаю, что с 1 января мы газету поддерживать не будем будь редактором Комаров или кто-либо другой — консервативная газета требует 25 000 рублей в год приплаты. Я буду платить если нужно за напечатание каждой моей статьи», — информировал Н.А.Лобанов-Ростовский своего друга и земляка, начальника Главного управления по делам печати М.Н.Лонгинова в сентябре 1874 г. Впрочем, кризис консервативного органа был не только финансовым, но и идеологическим. Здесь же князь Лобанов писал: «Был уговор, что пайщики определяют направление; это на словах: а на деле мне скажут Висковатов, Джульяни (ведущие сотрудники газеты. — И.Х.) и прочие: возьмитесь вести журнал. Для этого нужны деньги, а где их взять и где взять редактора. Мне скажут еще: чтобы читали газету, необходимо делать уступки общественному мнению. Что же касается до бесцветности, то это потому, что нет консерватора, который мог бы порядочно писать об наших делах и знал бы край»¹⁵¹. Отставка Шувалова и фактический распад «однородного ми-

¹⁵⁰ Там же. Ф. 919. Оп. 2. Д. 549. Л. 1 об.

¹⁵¹ ОР ИРЛИ. 23 203. CLXVI б. 14. Л. 5-6.

нистерства» не могли не вызвать у «аристократов» разочарованности и апатии...

В чем же заключалась причина очевидного бессилия консерваторов, их неспособности добиться хотя бы частичного осуществления своих планов? По мнению В.Г.Чернухи, «резкий поворот в правительственной политике, подготавливавшийся в правящих кругах П.А.Шуваловым, в 70-е годы был невозможен... Консервативная линия в то время могла существовать только как второй план правительственной политики, лицо которой определялось либеральными реформами»¹⁵². В ее концепции такой вывод закономерно переключается с мыслью, что «программа контрреформ», сформулированная, в частности, Фадеевым, все же была осуществлена, но в иных исторических условиях, в 1880-е гг.

Однако проведенный анализ этой программы позволяет утверждать: ее воплощению помешали не внешние обстоятельства, а присущие ей самой особенности, которые и делали ее неосуществимой. Два ключевых пункта идей «аристократов» — возрождение поместного дворянства как организованной силы, чья политическая роль должна разыгрываться преимущественно на местах, и разрушение традиционной социальной структуры в русской деревне находились в тесной связи и взаимообуславливали друг друга. Идеальная схема выглядела таким образом: во-первых, достаточно снять некоторые законодательные ограничения, и многие крестьяне, воспользовавшись предоставленными возможностями, превратятся в рациональных фермеров и арендаторов, и во-вторых, если помещикам дать определенные права и полномочия, то они с энтузиазмом примутся за благоустройство местной жизни и будут исполнять роль своеобразных культуртрегеров, не претендуя на материальное вознаграждение. Произвольность таких допущений была настолько очевидной, а положение в стране признавалось настолько бедственным, что и Лилиенфельд, и Лобанов, и Орлов-Давыдов — каждый по-сво-

¹⁵² Чернуха В.Г. Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма... С. 183.

ему — на деле приходили к заключению, что недостаточно дать простор «естественному» становлению чаемых порядков, что государство само должно безотлагательно принять решительные меры, которые устранили бы нежелательные последствия реформ. Фактически, это было равносильно признанию несостоятельности тех общественных сил, которые, по их мнению, должны были составлять консервативную опору правительства.

Но лишь Р.А.Фадеев озвучил такой вывод, тем самым невольно обнажив глубокую противоречивость построений идеологов консервативного дворянства. Как верховная власть может уповать на «высшее сословие», отказываться в его пользу от собственных прерогатив, передавать в его руки местное управление, если само поместное дворянство не способно к исполнению той роли, которую консерваторы призывали на него возложить, — ответа на этот вопрос никто из них дать не мог.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вы говорите: в наше время мы боролись до конца, защищая свое знамя. Я нахожу, напротив, что мы никогда не боролись. Во время собраний нашей партии мы лишь издавали жалобные стоны... Наше поколение не смогло выполнить своей миссии, борясь за собственное знамя. Во всех странах богатые и консервативные классы для защиты своих принципов совершают громадные пожертвования. Что до нас, то мы ограничивались тем, что возлагали все свои надежды на правительство и жаловались, когда оно не делало того, чего бы мы желали. Наше поколение будет осуждено историей; оно заслужило ту судьбу, которая ему досталась, — иметь ничтожно малое значение. Люди, которые ничего не могут без правительственной инициативы, немногого стоят. Что же мы видим в итоге? Раболепие перед всемогущей властью, которая не может ужиться с независимыми убеждениями.

Н.А.Лобанов-Ростовский — А.А.Бобринскому. 1 июля 1889 г.¹

В неизбежных спорах о значении и судьбе реформ 1860-70-х годов, спорах, которые на протяжении вот уже почти полутора веков ведутся не только историками, но и публицистами, общественными и государственными деятелями различных эпох и направлений, легко различим ряд устойчивых, не теряющих своей значимости идеологем. Одной из них можно считать представление о том, что успех или неудача преобразований преимущественно, если не всецело определялись волей государственной власти. В этом смысле либеральная идея о «незавершенности реформ» ничуть не отличается от консервативной, оценивавшей их как «чрезмерные». Речь могла идти о «фатальных просчетах» власти или о ее намеренном нежелании считаться с действительными интереса-

¹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 5. Д. 198. Л. 178 об.—179 об. Перевод с французского.

ми страны (которые, разумеется, понимались и понимаются по-разному).

Несомненно, представление о государственной власти как о некоем демиурге, единственной созидающей силе российской истории имело очень глубокие корни и было неотъемлемой частью традиционной имперской идеологии. Однако едва ли приходится сомневаться, что предел и реформаторским, контрреформаторским импульсам в государственной политике полагали как малоподверженная быстрым и радикальным изменениям социальная структура аграрной страны, так и состояние гражданского общества, относительно самого существования которого в России 2-й половины XIX века высказываются обоснованные сомнения. Изучение «аристократической» оппозиции Великим реформам демонстрирует, что возможность стратегического выбора между различными путями развития страны была в то время скорее эфемерной, чем реальной, а действия правительства в значительной степени определялись постоянно существовавшим противоречием между желаемым и достижимым.

В высшей степени характерным представляется и то, что непримиримые политические оппоненты в равной степени остро чувствовали необходимость создания устойчивой общественной опоры власти, которая придавала бы ее действиям осмысленность и силу, и одновременно умеряла бы «крайние мнения» в самом обществе. В 1862 г. Н.А.Милютин в письме к брату, военному министру Дмитрию Алексеевичу, так формулировал средство спасения от чреватых потрясениями шаткости и неопределенности общественных настроений: «Чтобы отвратить это, необходимо создать мнение, или пожалуй партию серединную, говоря парламентским языком: *le centre*, которой у нас нет, но для которой элементы очевидно найдутся. Одно прав<ительст>во может это сделать, и для него самого это будет лучшим средством упрочения».² Едва ли не в тех же

² Письмо Н.А.Милютина к Д.А.Милютину // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Вып. 1. М., 1991. С.97.

самых выражениях излагал в начале 1860-х гг. условия сплочения «охранительных сил» В.А.Краинский в письмах к Орлову-Давыдову.

Впрочем, конфликт между реформаторами и консерваторами как будто лишь еще раз подтверждал отсутствие почвы для компромисса, который мог бы составить основу при создании «центра». Да и сама эта почва представлялась противоборствующим сторонам совершенно различной. В 1865 году Б.М.Маркевич в письме Каткову передавал следующее знаменательное высказывание Н.А.Милютина: «Если мы разрушим общину, Россия не продержится и 24 часов. Крестьянский мир — единственный консервативный элемент у нас: все остальные классы исполнены революционных начал, и если дать им власть в руки, черт знает, что из этого выйдет»³. Нет необходимости повторять, почему «аристократы» считали такой взгляд абсолютно ложным и крайне опасным.

Между тем идейные баталии и колебания правительственного курса 1860-х — первой половины 1870-х гг. отодвинули в тень тот факт, что Положения 19 февраля 1861 г., нацеленные на активное и жесткое регулирование государством процессов в аграрной сфере, предполагали неослабный контроль правительства за развитием крестьянских хозяйств и крестьянского сословного самоуправления. Положения оставляли неразрешенными многие ключевые вопросы, в том числе о юридическом статусе наделных земель, о судьбе крестьян, не перешедших на выкуп, о перспективе унификации местной судебной-административной власти. И наверное не будет преувеличением утверждать, что 1860—70-е гг. были периодом вынужденной пассивности правительства, не имевшего ни эффективных органов действия в деревне, ни программы такого действия.

Имела ли в этих условиях хоть какие-то шансы на успех программа, предложенная власти «аристократами»? Едва ли. Ее последовательность лишь оттеняла ее умозрительный характер, демонстрируя, что она предполагает коренную ломку

³ ОР РГБ. Ф. 120. Папка 25. Д. 3. Л. 83.

социально-политического устройства страны и потому неосуществима. В результате, несмотря на то что деятельность столь влиятельных министров, как П.А.Валуев и П.А.Шувалов, во многом была ориентирована (особенно в первой половине 1870-х гг.) на проведение этой программы, так и не была реализована ни одна из предложенных «аристократами» мер по разрушению общины, ограничению крестьянского самоуправления, предоставлению помещикам доминирующего положения в местной жизни и в местных органах власти. Говоря о «людях, державшихся Шувалова», как о «представителях русской консервативной партии, вступившей в борьбу с Мраморным дворцом и Милютинщиной», граф С.Д.Шереметев вполне справедливо заключал: «Но успех, кот[орый] они имели одно время, мог быть только искусственный, временный, потому что для борьбы нужна была почва, а ее-то и недоставало нашим космополитам»⁴. Попутно стоит отметить, что произвольность построений парадоксально сочеталась в идеях «аристократов» с острым ощущением надвигающейся катастрофы, столь характерным и для позднейшей консервативной мысли.

Общественное мнение далеко не однозначно оценивало и идеи об усилении роли поместного дворянства. В среде самого «высшего сословия» было распространено восприятие их как «олигархических» и «крепостнических». После отмены крепостного права русское дворянство не демонстрировало желания охранять и укреплять свои корпоративные традиции или поддерживать государственную власть. Напротив, большинство и провинциального, и столичного дворянства, тесно связанного с двором, готово было отказаться от привилегированного положения, и лишь немногие консерваторы полагали, что отказ от традиций и разрыв «союза» дворянства и самодержавия угрожает социальной и политической стабильности в стране. Полагая, что крестьянская реформа подорвала неприкосновенность частной собственности, а земская — общественно-политическое значение высшего сословия, идеологи «аристократической» оппозиции оказывались в противоречии

⁴ Мемуары графа С.Д.Шереметева. М., 2001. С. 108.

с настроениями большей части российского общества, все еще связывавшей свои надежды с реформами.

В 1860—70-е годы деятельность представителей «аристократической» группировки развивалась в двух направлениях. С одной стороны, они пытались консолидировать консервативные силы в обществе, широко используя новые для России формы политической борьбы (основание газет, публичные выступления, полемику с оппонентами на страницах книг и журналов); с другой — не отказывались и от традиционных, закулисных способов политического влияния. Но правительство относилось с подозрением к любым формам несанкционированной общественной деятельности, а общественное мнение — к контактам «аристократов» с властью. Консервативно же настроенные министры, сочувствовавшие их идеям, сталкивались с противодействием своих политических противников, занимавших прочные позиции в правительстве. Решающий голос всегда принадлежал императору, который отрицательно относился к попыткам скорректировать курс реформ и предоставить дворянству политические права. Одновременно Александр II, по-видимому, сознательно препятствовал установлению в правительстве политического единства, полагая, что это может угрожать его власти.

Достаточно противоречивым был облик «аристократической» оппозиции как политической группировки. Она была не сплоченной и сильной сознанием своих целей «партией», а скорее совокупностью людей определенного социального положения, объединенных единством образа мыслей, симпатий и антипатий, то есть, в конечном счете — единством идеологии. Русская аристократия оказалась достаточно апатичной, а образ жизни отечественных лендлордов никак не способствовал ни политическому активизму, ни профессиональному отношению к общественной и бюрократической деятельности. Вместе с тем репутация дилетантов и верхоглядов, типичных представителей изолированного от российской действительности «космополитического» Петербурга, приклеившаяся к «аристократам», была справедлива лишь отчасти. Недостаток упорства и основательных знаний порой компенсировался у

них недюжинной социальной интуицией, нехарактерной для многих сторонников либеральных преобразований, позднее составивших авангард российской «интеллигенции». С другой стороны, «аристократы» не питали никаких иллюзий относительно «стихийного монархизма», «охранительных инстинктов» крестьянства и эффективности существовавшей административной системы, что было столь свойственно некоторым «охранителям».

Сами лидеры консервативного дворянства считали организационную размытость «охранительных» сил и отсутствие единства в среде высшего сословия важнейшими причинами собственных неудач. «Вообще нельзя не признать, — утверждал уже в начале 1880-х гг. представитель нового поколения петербургской «золотой молодежи», один из активных деятелей «Святой дружины», флигель-адъютант гр. П.П.Шувалов, — что в консервативной среде всякие соглашения более затруднительны, нежели в оппозиционной вследствие глубокого отращения целой категории охранителей, сторонников личной собственности, ко всякому даже малейшему признаку коллективизма; затруднительны они еще потому, что друзья законности и порядка представляют из себя в России разрозненные единицы, лишённые всякой между собою связи...»⁵

В начале 1880-х гг., особенно в ту пору, когда направление внутривластного курса нового царствования еще не определилось достаточно отчетливо, но осведомленным современникам уже было ясно, что попытки пересмотра реформ неизбежны, представители петербургского высшего общества вновь стали озвучивать идеи, характерные для программы «аристократической» оппозиции предшествующих десятилетий. Через полгода после убийства императора, в июле 1881 г., граф А.А.Бобринский, шурина бывшего шефа жандармов и друга князя Н.А.Лобанова-Ростовского, в одной из своих записок подводил итог минувшему царствованию таким образом: «Я не хочу спорить о том, нужно ли в России представительство или

⁵ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3319. Л. 2. Черновик записки «Состояние общественного мнения».

нет, но, во всяком случае, не нужно безначалия, а мы погружены по шею в самую полную анархию, не французскую или немецкую анархию, но настоящее славянское безначалие, анархию в особенности правителей, анархию крестьянской толпы среди гнилого болота общинного пользования, анархию, прославляемую газетами во всевозможных видах и выражениях... Надо быть слепым, чтобы не понять, что во всем, что происходит в России в последние годы, настоящий виновник есть правительство, которое само потрясло и продолжает потрясать вопрос о собственности... Те из нигилистов, которые шли в народ, ничего другого не говорили, как то, что можно найти в основании всех правительственных мер, предпринятых по почину В[еликого] К[нязя] К[онстантина] Н[иколаевича], Милютиных, Жуковского, Зеленого и всех их последователей. Суть дела в том, что царствование покойного Императора основало в России две собственности: собственность частную и собственность общинную и, породив вражду между этими двумя видами собственности, сочло нужным опираться на собственность общинную или социалистическую»⁶. Возлагая на правительство всю ответственность за общественно-политический кризис, автор записки возвращался в привычный для идеологии «аристократической оппозиции» круг рассуждений. Истоком всех неурядиц вновь оказывалась крестьянская реформа, а отказ от поддержки общины вновь признавался необходимым условием движения в нужном направлении.

Процитированная записка является одним из многочисленных свидетельств того, что представители столичного высшего общества и в 1880-е гг. придерживались прежних убеждений. Однако в это время, как и ранее, способность «аристократов» чего-либо достичь крайне скептически оценивалась не только их принципиальными противниками, но и потенциальными союзниками. В этом отношении характерно одно из писем Б.М.Маркевича. 16 января 1881 г. он сообщал М.Н.Каткову, что «некоторые лица высшего общества» (в том числе граф П.А.Шувалов) желают основать (в который раз!)

⁶ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3356. Л. 1 об. 3.

консервативную газету и через посредство Д.М.Бутурлина предлагают ему, Маркевичу, стать ее редактором. Свой отказ Маркевич объяснил Бутурлину тем, «что всех этих Ваших лиц знаю наизусть и что с ними никакого серьезного дела делать нельзя». «Желаю им, — добавлял он в письме Каткову, — полного, само собою, успеха, но сомневаюсь, чтобы эта аристократическая ‘орава’, как выражается тот же Бутурлин, способна была даже такое простое дело устроить без разногласий и всяких недоразумений.»⁷

Деятельность «аристократов» в это время заслуживает специального анализа, который выходит за рамки данной работы. Хотелось бы лишь подчеркнуть закономерность того факта, что эта группировка в 1880-е гг. не исчезла с политической сцены, не растворилась в других направлениях общественного движения. Во многом являясь порождением столь своеобразной социальной среды, как столичный *beau monde*, большинство представителей которого было связано родственными узами или близким знакомством, идеология «аристократов» отражала характерные для этого круга и, по-видимому, весьма устойчивые представления и стереотипы.

Критики их идей — князь В.А.Черкасский, князь А.И.Васильчиков, Ю.Ф.Самарин — неоднократно и настойчиво подчеркивали, что они неприменимы к российской действительности и чужды русскому обществу, в том числе основной массе дворянства. В 1880-е гг. это несоответствие обозначилось еще более отчетливо. Уже молодой граф П.П.Шувалов, несомненно разделявший симпатии других представителей высшего общества к «консервативному представительству» и их отрицательное отношение к общине, вынужден был в упомянутой записке признать «верхоглядство, искусственность и нерус-

⁷ ГА РФ. Ф. 1718. Оп. 1. Д. 10. Л. 89. Примерно в это же время, то есть еще до убийства Александра II в высшем столичном обществе обсуждалась также идея создания некоей тайной антитеррористической организации, впоследствии реализованная в «Святой дружине». См.: «Воспитанный на чуждых нам началах...» Очерк графа С.Д.Шереметева о графе П.П.Шувалове. // Исторический архив. 1997. № 1. С.192.

ское, беспочвенное отношение к государственному делу» отличительной чертой «конституционалистов консервативного происхождения», которые, как он писал, «высказываются (почти без исключения) в пользу замены общинной собственности личной»⁸.

Хорошо известно, что в основе аграрно-крестьянской политики 1880—90-х гг. лежало стремление законсервировать обособленность крестьянского землевладения, изъять его из сферы действия рыночных механизмов. Исследователи не раз отмечали, что курс на укрепление общины был поддержан обществом: земскими собраниями, публицистикой всех направлений, помещичьим дворянством⁹. В этих условиях выступления тех консервативных деятелей, которые продолжали оставаться убежденными противниками общины (например, близких к высшему обществу государственного секретаря А.А.Половцова и публициста К.Ф.Головина¹⁰), выступления, сильно напоминавшие доводы «аристократов» в 1860—70-е гг., используя выражение Е.М.Брусникина, «тонули в целом потоке заявлений и требований о необходимости оградить наделные земли от опасного превращения их в предмет купли-продажи».

Уже поэтому едва ли можно однозначно утверждать, что в период «контрреформ» осуществилась программа, сформули-

⁸ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3319. Л. 1—1 об.

⁹ Как пишет В.Л.Степанов, «многие прежние поборники частной крестьянской земельной собственности в этот период перешли в лагерь сторонников общины» (Степанов В.Л. Н.Х.Бунге: судьба реформатора. М., 1998. С. 248). См. также: Брусникин Е.М. Крестьянский вопрос в России в период политической реакции (80—90 гг. XIX века) // Вопросы истории. 1970. № 2; Степанов В.Л. Государственная власть и община во второй половине XIX — начале XX века // Система государственного феодализма в России. Вып. 2. М., 1993.

¹⁰ См.: Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. М., 1966. Т. 2. С. 221—222, 402—403; Головин К.Ф. Сельская община в литературе и в действительности. СПб., 1887. См. также: Твардовская В.А. Царствование Александра III // Гросул В.Я., Итенберг Б.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 343, 346—350.

рованная «аристократической» оппозицией¹¹, хотя внутренняя политика того времени несомненно была направлена на пересмотр либеральных реформ и на укрепление позиций помещного дворянства. Обсуждение поднятого в это время вопроса о преобладании дворянства в местной жизни и в местных органах власти закончилось принятием закона о земских начальниках¹². Однако при несомненном сходстве того, как определялась власть земского начальника и «опекуна» крестьянского сословия в проектах «аристократов», перед ними ставились прямо противоположные задачи. Задачей правительственной политики периода контрреформ, осуществить которую и был призван земский начальник, была консервация общинного строя. Между тем ни о каком *независимом положении* дворянства при наличии сельской общины не могло быть и речи. Земский начальник, таким образом, неизбежно должен был стать не проводником влияния землевладельцев, а агентом администрации (хотя бы и избираемым из среды помещиков).

Важнейшей чертой идеологии «аристократической» оппозиции была ее ориентация на европейские начала. Попытка на их основе укрепить роль крупного помещного дворянства вела не только к соответствующему решению крестьянского вопроса, но и к претензиям на независимую от государства социальную и политическую роль. Программа же консервативного дворянства 1880-х гг., в основе которой лежали традиционалистские, «национально-исторические» ценности, потому и была воспринята правительством, что она ни прямо, ни косвенно не посягала на prerogatives самодержавия и на сословный строй.

¹¹ См.: Чернуха В.Г. Борьба в верхах... С. 171.

¹² См.: Зайончковский П.А. Закон о земских начальниках 12 июля 1889 г. // НДВШ. Исторические науки. 1961. № 2; его же. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970; Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикуемый в приложении документ принадлежит перу известного общественного деятеля князя Александра Илларионовича Васильчикова (1818—1881). Сын члена Государственного Совета и киевского генерал-губернатора князя И.И.Васильчикова, внук николаевского вельможи, председателя Государственного Совета и Комитета министров князя И.В.Васильчикова, он по рождению и воспитанию был близок к столичному высшему обществу, а по политическим убеждениям — к славянофилам. В 1848—54 гг. А.И.Васильчиков был новгородским уездным, а затем губернским предводителем дворянства. В 1860-х гг. он активно занимается общественной деятельностью, являясь членом новгородского губернского по крестьянским делам присутствия (1861—62) и гласным губернского земского собрания (1865—72). В 1872—73 гг. он в качестве эксперта принимал участие в работе Валуевской комиссии.

Фрагменты записки «Тайная полиция в России» были введены в научный оборот И.В.Оржиховским в книге «Из истории внутренней политики самодержавия в 60—70-х гг. XIX в.» (Горький, 1974). В 1985 г. обстоятельства написания и содержание этого документа были проанализированы в статье В.Г.Чернухи (Чернуха В.Г. Неизвестное публицистическое сочинение А.И.Васильчикова // ВИД. Вып. 16. Л., 1985). Она же датировала рукопись: основная ее часть, по мнению исследовательницы, была написана между серединой 1872 и ноябрем 1873 г., а глава XI — в первой половине 1874 г.

Записка не закончена автором, и о причинах того, почему она не была опубликована, можно только догадываться. Представляется лишь отчасти справедливой точка зрения Чернухи, что документ потерял актуальность после отставки П.А.Шувалова (июнь 1874 г.). Не менее вероятно, что Васильчиков отдавал себе отчет в том, какую бурю негодования вызовет в обществе крайне резкий, порой скандальный тон этого политического памфлета и далеко не всегда справедливые обвинения в адрес «высших классов».

Однако ярко выраженная тенденциозность, пристрастность автора записки, на мой взгляд, не только не снижает, но напротив, повышает ее ценность как исторического источника. Важны не только сообщаемые Васильчиковым факты, но сам подход его к описанию феномена «великосветского консерватизма», его взгляд на смысл и происхождение программы «консерваторов», то, как он расставляет акценты, стремясь продемонстрировать интеллектуальное и нравственное ничтожество «аристократов» и их покровителей в правительстве.

Тема «"Аристократическая" оппозиция глазами ее политических противников» заслуживает специального рассмотрения, и предлагаемая публикация может стать первым шагом в этом отношении. Многие затрагиваемые Васильчиковым в памфлете сюжеты рассмотрены в тексте книги и специально не комментируются.

Документ публикуется полностью. Оригинал, хранящийся в фонде Васильчиковых (РГИА. Ф. 936. Оп. 1. Д. 651), – писарская рукопись с авторской правкой. Одновременно с правкой Васильчиков дописал XI главу (неоконченную).

При публикации вставки, сделанные Васильчиковым при правке, выделены курсивом, а вычеркнутый им текст – полужирным шрифтом. Текст приведен в соответствие с нормами современного правописания; явные описки исправляются без оговорок. Примечания принадлежат публикатору.

ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ В РОССИИ¹

*L'espionage serait peut-être une chose tolérable
s'il pouvait être exercé par d'honnêtes gens.
Moins l'infamie [nécessaire] de la personne peut
faire juger de l'infamie de la chose.*

Montesquieu.

[De] l'Esprit du loix. Livre XII. Chp. 23².

Русь, куда несешься ты? дай ответ!

Не дает ответа

I

Движение цивилизации в России отличается той особенной чертой³, что в течение последнего столетия представляет ряд периодических колебаний между движением вперед и назад, прогрессом и реакцией, и колебания эти, или лучше сказать повороты нашей внутренней политики были так круты и вместе с тем так последовательны, что могут быть сравнены с пароксизмами перемежающейся лихорадки, пароксизмами, возвращающимися всякий раз с новой силой и вызывающими всегда новые, все более и более энергические средства врачевания.

Но особенно замечательно то обстоятельство, что в истории последних четырех царствований повторяется с промежутками почти одинаковыми то же самое явление: поверхностный, несколько легкомысленный и бессознательный либерализм в первой половине царствования, и строгая, тоже

¹ В рукописи текст озаглавлен «Тн. плц. в России».

² «Шпионаж, может быть, был бы терпим, если бы он мог осуществляться людьми чести. Однако необходимая [для него] бесчестность человека заставляет сделать вывод о бесчестности самого дела. Монтескье. О духе законов. Книга XII. Гл. 23».

Текст Монтескье приведен Васильчиковым с незначительными искажениями. Два пропуски восстановлены в квадратных скобках.

³ Исправлено на: «История цивилизации в России имеет ту особенность».

совершенно бессознательная реакция во второй, причем самая инициатива внушений исходит не от второстепенных деятелей, не от партии и частных лиц или обществ, а непосредственно из высших правительственных сфер.

Я думаю, что эти факты довольно известны, чтобы нужно было их проследить, но интересно видеть, как они отзывались в русском обществе и какое действие имели на подданных эти разнородные стремления высшей политики.

Екатерининский либерализм, очевидно, не имел успеха и, заразив только немногих лучших людей века, рассеяв в великосветском и придворном обществе невсхожие семена французского волтерианизма, — прошел бесследно, или по крайней мере в ее царствование — бесплодно; затем с 1789 г. пошла боязливая, мнительная реакция, тоже под влиянием французских событий, так что мы, русские, поплатились безверием и развратом нашего высшего общества за грехи французских энциклопедистов и затем политическими ссылками и преследованиями за шалости французских революционеров. Царствование Павла Петровича было только продолжение этого реакционерного движения, которое не успело развиться вполне в последнее 10-летие, и оно в истории русской культуры служит только дополнением предшествующего периода.

С воцарением Александра I миновал припадок неумолимого консерватизма и наступило опять время либеральных заискиваний; все люди ссыльные были призваны к делам, а люди, бывшие в последнее время у дел, обращены в ссылку, и потекли вновь, как при великой Государыне, сладкие речи о конституциях, эманципации и всевозможных благих начинаниях. Но на этот раз русское общество оказалось более восприимчивым и легковверным; нашлось много молодых мечтателей, которые поверили на слово и в течение первых 15 лет его славного царствования так глубоко прониклись его державной волей и высокими предначертаниями, что не поверили, когда Аракчеев и Магницкий стали им внушать, что воля эта изменилась. Исход этого недоразумения известен; Александр I умер в Таганроге, а легковверные его подданные — в рудниках Сибири, и следов этой второй реакции

тоже не осталось, кроме глубокой пустоты в русском обществе, лишившемся в Декабристах лучших своих представителей.

Царствование Николая I обыкновенно относится всецело к реакционерному периоду, и действительно этот Государь менее чем другие заслуживает упрека в колебаниях; во всяком случае ему надо отдать справедливость, что он никогда не заискивал популярности, не провозглашал либеральных принципов, не увлекал молодые умы преждевременными и необдуманными обетами. Но собственно по направлению и духу внутренней политики его царствование тоже подразделяется на два совершенно противоположные периода; в первом – с Уваровым, Дашковым, Киселевым, стремление к преобразованию университетов, развитию народного просвещения, кодификации нашего законодательства и увольнению крестьян из крепостной зависимости – и во втором – с Шихматовым, Дупельтом и Клейнмихелем, стеснение университетов, запрещение печати и царство доносов и тайной полиции.

Таким образом мы приходим к настоящему времени, пройдя через длинный ряд совершенно однообразных и притом периодических, регулярных переходов от одной крайности в другую; история других государств, кроме разве Франции, едва ли представляет пример таких радикальных колебаний. Пруссия со времен Штейна⁴ и до настоящего времени неуклонно придерживалась политики консервативной; Англия с 1815 г. постоянно следовала политике прогрессивной, и временные появления вигов и тори во главе Правления служили только для проведения реформ, задуманных и проектированных либеральной и радикальной партиями. Только одна Франция из великих держав представляет нам несколько подходящую картину крайних колебаний, но с тою существенною разницей, что там они вызывались насильствами политических партий, между тем как в России не было никаких побуждений кроме изменений во взглядах и видах высшего прави-

⁴ Г.Ф.К. фон Штейн (1757—1831) – государственный деятель, инициатор ряда крупных реформ в Пруссии, известных как «реформы Штейна – Гарденберга», важнейшей из которых была крестьянская.

тельства. Во всяком случае, пример Франции в этом отношении не может нас соблазнить, и если нам суждено, подобно великой нации, переменять каждые 10—15 лет все наши образы мыслей и действий, то нельзя также не предвидеть, что подобно ей, мы дойдем до полнейшего индифферентизма и безверия, зловещих признаков политического растления.

Но мы не хотим преувеличивать и спешить⁵ заявить, что этой опасности еще не предстоит в России, потому что все движение останавливается у нас на высших и средних слоях общества, не проникая вглубь; русская интеллигенция теряет свою силу, и народ, видя беспрестанные повороты высших властей, преследуя ругательствами ссыльного Сперанского, друга Государя, провожая в 1826 году Декабристов в Сибирь и находя многих из них в 1862 г. членами губернских присутствий, привыкает только к мысли, что на милость нет примера и что всякая опала, ссылка, каторга есть несчастье.

Тем не менее много жертв понесла Россия от непоследовательности внутренней политики в прежние царствования, и всего прискорбнее то, что каждый из этих перемежающихся периодов, акций и реакций, продолжался довольно долго, чтобы возбудить все живые силы современного поколения и не довольно долго и прочно, чтобы принести какие-либо плоды. Энциклопедисты и передовые мыслители, которых Екатерина выписывала своему двору для вящего прославления своего царствования, успели правда **разложить** *развернуть* религиозные понятия придворных дворян, но не внушили им любви к науке; свирепая реакция, последовавшая в царствование Павла Петровича, была слишком кратковременна, чтобы основать что-либо прочное, и оставила по себе только память смешного самодурства.

При Александре I либеральные попытки причинили весь вред, какой только можно ожидать от легкомысленной реформации, и не принесли той пользы, какую следует ожидать от разумных преобразований; целое поколение увлеклось примером государя, про которого было известно, что он носит

⁵ Так в тексте.

в кармане проект конституции, но ни Государь, ни подданные не успели заложить даже первого камня свободного самоуправления. Аракчеевский период был так же бесплоден в смысле консервативном, как время Сперанского и Строганова в смысле прогрессивном, и не основал в России ничего, кроме военных поселений. Наконец, за смертью благодетеля последовала и опала временщика; Аракчеев удалился в Грузию, точно так, как Сперанский за 13 лет перед тем сослан был в Сибирь и как несмертный протест против аракчеевской реакции вспыхнул свирепый, неистовый бунт поселян. Таким образом в 1831 г. сведен был баланс 30-летних колебаний русского правительства; от либерализма осталась только память казненных Декабристов, от реакции – воспоминание военных поселений, немедленно упраздненных после бунта, и более ничего; все зло было сделано, весь вред того и другого направления достигнут, и ни в том, ни в другом не было добыто никаких результатов.

Преемник благословенного Императора наследовал от него тяжкое положение дел, и его можно упрекнуть только в том, что, казнив слишком строго заговорщиков 14 Декабря, он сам лишил себя лучших деятелей своего царствования; оно, это царствование, никогда не оправилось от разгрома 1826 г., и когда государь, исполненный доброй воли, искал людей для добросовестного приведения в действие важных мероприятий, то он поневоле, несмотря на свое отвращение от либерализма, принужден был выбирать из расстроенных, кассированных рядов прежних либералов, друзей и сообщников ссыльных Декабристов, но их оставалось немного.

Лучшие из них томились в рудниках, и этот недостаток сведущих и способных людей положил на все царствование Николая I отпечаток посредственности, ничтожества и окончательной несостоятельности, разразившейся в Крымской кампании.

Но и в этом царствовании произошел очень крутой перелом, имевший на настоящее поколение пагубное действие: не подлежит сомнению, что в тридцатых годах виды Государя были широки и прогрессивны; университетское образование было поощряемо высшим правительством, состав профессоров, про-

грамма преподавания обновлены, вслед за изданием свода законов приступлено было к пересмотру уголовного законодательства, устава земских повинностей и других, к эмансипации крестьян сделан был первый важнейший шаг организацией ведомства Государственных Имуществ с Графом Киселевым во главе. И что же? Достаточно было нескольких смут в отдаленном от нас краю Европы, смут, везде прекращенных через несколько месяцев восстановлением порядка и диктатуры, достаточно было заговора 50 юношей *Петрашевского* с полсотней молодых людей в России, чтобы повернуть всю политику и отсрочить все либеральные предначертания об освобождении крестьян; таким образом вся Россия, 20 мил. сельских жителей было наказано все поколение за вольнодумные сумасбродные мечты небольшого кружка Петербургской молодежи.

Все это доказывает, как шатки и смутны были образы мыслей наших правителей и, к сожалению, эта шаткость отозвалась глубоко в русском обществе; либеральные периоды нашей истории производили всякий раз благотворный отстой, при коем лучшие жизненные силы нации подымались и всплывали как сливочные части при отстое молочных скопов; но им не давали время устояться, не снимали их бережно для дальнейшего пользования и употребления впрок, а напротив, всякий раз внезапно, в минуту панического страха взбалтывали и смешивали *весь состав общества* и, лишаясь таким образом единственной пользы, какую можно ожидать от правильного отстоя и брожения, превращали весь запас в мутный и никуда не годный раствор.

Повторяя слова нашего поэта-прозаика, мы тоже спросим через 30 лет после издания *Мертвых Душ*, куда мы несемся? и нам опять никто не даст ответа! И все-таки мчится бойкая тройка, дымится пыль, гремят мосты и по знакомой песне, слышанной с вышины, летят дружные кони по воздуху с вихрями в гривах.

Но горе наше, что эта песнь, под которую мы так послушно мчимся, часто изменяет свой тон и свой такт, и что каждый раз при такой перемене люди, послушавшиеся первого мотива

песни, обвиняются в измене, хотя в сущности они только повиновались голосу с вышины и следовали тому направлению, которое им дано было правительством.

II

Реакционерное движение настоящего времени началось в 1866 г.

Впрочем многие из наших публицистов отвергают самую мысль, чтобы в политике русского Правительства произошло какое-либо изменение в смысле реакции или отречения от реформ первой половины царствования; они указывают, что ни одна из этих реформ по сие время не потерпела коренных изменений, что Положение о крестьянах, уставы судебные и земские были, напротив, распространены на целые области, не входившие прежде в их круг действий, и на основании этих данных заключают, что никакой реакции нет, что мы только поставили точку в длинном периоде нашего прогресса для того собственно, чтобы перевести дух и начать новую речь более свежим голосом; одним словом, что после 10-летних реформ наша внутренняя политика остановилась на привале, точно так, как после Крымской войны наша внешняя политика несколько лет отдыхала и одумывалась (*se recueillait*).

Мы бы были очень счастливы, если б могли разделить эти благодушные мнения и надежды, но нам кажется, что этот вопрос не может быть обсужден так односторонне и разрешен так поверхностно.

Никто не думает и не опасается, чтобы новые порядки, введенные в шестидесятых годах в России, могли быть отменены в семидесятых; для этого не хватило бы ни способностей, ни гражданского мужества в том тесном, хотя и влиятельном кружке записных консерваторов, которые завладели случайно временною властью, и мы твердо убеждены, что они бы встретили в этом покушении прямой и решительный отпор с той стороны, которую они всего более берегут, как источник всяких милостей и даяний — *со стороны самого Государя*.

Реакция обнаруживается в следующих, более потаенных признаках.

Большая часть Министерств и Главнoуправлений замещена такими лицами, которые во все время, покуда крестьянская, земская и судебная реформы обсуживались, явно или скрытно осуждали самые принципы, на коих основаны были эти положения; некоторые из них в этой своей оппозиции действовали прямо и последовательно и имели довольно твердости, чтобы отречься от высоких и почетных должностей, ими занимаемых, когда окончательное решение последовало в духе, противном их убеждениям.

Этим немногим следует отдать полную справедливость. Другие после некоторых колебаний мгновенно помирились с новыми порядками как только увидели, что они поддерживаются твердой волей Государя, — но мир этот был не искренний и продолжался столько, сколько им нужно было, чтобы утвердиться на новой почве, *которую они собирались эксплуатировать*.

Но какие бы ни были побуждения и умыслы тех и других, несомненно, что почти все главные ведомства государственного управления в настоящее время заняты людьми, не сочувствующими новому порядку вещей; общественное мнение в лице всех служащих по ведомствам судебному, мировому и земскому глубоко убеждено, что начальство, высшие власти, не только не стремятся к развитию этих законоположений в том духе и разуме, в коем они были начертаны, но напротив, порицают этот дух, осуждают главные основания, опасаются их развития и ищут случая повернуть нашу внутреннюю политику в смысле противоположном самоуправлению, свободе печати и гласности суда. Правда, этот случай еще не представился, и явной, официальной реакции еще никто не имел смелости провозгласить, так что официозные органы консервативной партии могут пожалуй и отвергать эти слухи и предчувствия, но известно, что подобные официозные опровержения имеют обыкновенно действие противное и служат большею частию подтверждением оспариваемых фактов.

Печальное сознание, что краткосрочная эра благотворных реформ пресеклась в самом своем начале, что правительство усомнилось в их пользе и своевременности, что дальнейшее их упрочение и развитие надолго прекратилось, сознание это проникло во все слои русского общества.

Оно и дает настоящей эпохе общий отпечаток реакции, которую никак нельзя смешивать с отдыхом, ни сравнивать с политикой воздержания, принятой по иностранным делам после Крымской кампании.

Разница здесь состоит в том, что управление иностранными делами после заключения мира перешло и осталось в руках людей одного направления и под личной инициативой Государя и *того Министра*⁶, который ее обновил и установил; оно велось последовательно и неуклонно к цели всей России, признаваемой восстановлением⁷ нашей политической самостоятельности, между тем как внутреннее управление всецело, за исключением двух ведомств, пало в руки лиц, **хотя может быть и вполне достойных доверия, но** противных основным началам этого управления. Реакция обнаружилась не в законодательных актах, а в секретных инструкциях и конфиденциальных переписках, не в мероприятиях и действиях, а в отзывах начальствующих лиц, их частных разговорах и личных сношениях, не в Министерствах и Департаментах, которые и до сих пор наполнены чиновниками, слывшими недавно яркими радикалами, а в гостиных и кабинетах великосветского общества, где крестьянские учреждения, земство и гласный суд составляют предмет обыденных насмешек и едких нареканий.

По всему этому нельзя не признать, что мы положительно ныне проходим одну из тех реакционерных эпох, коими изобилует наша история, и благодушные публицисты, подрядившиеся защищать это направление, напрасно уверяют нас в благих и благонамеренных видах высших сановников, заправляющих судьбами России. Доверие к правительственным лицам

⁶ Министра иностранных дел князя А.М.Горчакова.

⁷ Так в тексте.

окончательно поколеблено; всякое мероприятие, даже такое, которое не имеет политического значения, истолковывается в смысле противодействия новым порядкам, и всей России известно, что земельный надел, общинное землевладение, волостной суд, свобода печати, гласность суда, несменяемость судей, отмена телесных наказаний и введение всеобщих податей и повинностей – что все эти основные принципы, провозглашенные в начале царствования, составляют предмет горьких сетований в правительственных сферах, предмет неусыпных изысканий... Как бы, не отменяя буквы закона, текста манифестов и указов, обойти их разум и внутренний смысл, парализовать их действие, отменить их по существу.

В истории нашей и других народов мы часто встречаем подобные же примеры реакции против слишком быстрых, радикальных и насильственных переворотов, но нигде мы не находим такого крутого поворота – чтобы то же самое Правительство, которое в полноте своей неограниченной власти издало и обнародовало законоположение, через несколько лет подрывалось под основания, им самим заложенные, и оставляя сверху, снаружи весь общественный строй в новоотстроенном его виде, колебало бы самые принципы, на которых построено здание, прежде даже, чем оно успело дать правильную и прочную осадку.

Многие думают и еще надеются, что этот поворот есть только временная мера предосторожности, и видя во главе некоторых главнейших Ведомств Государственного управления людей, явно принадлежащих к партии противной полицейско-жандармской политике – людей, поддерживаемых непосредственно самим Государем против козней придворных интриганов⁸, может, действительно подумают, что они держатся в резерве для противодействия реакционерам. Может быть, что и так, но страна и народ мало выигрывают от этих ис-

⁸ Имеются в виду в первую очередь военный министр Д.А.Милютин и председатель Государственного Совета и Главного комитета по устройству сельского состояния генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич.

кусных комбинаций, производящих в умственном и социальном быту верноподданных застой.

III

Начало реакции, которую мы описываем, относится, если мы не ошибаемся, к 1866 году. В течение этой зимы собрались случайно в Петербурге несколько лиц, проживавших в течение последних лет в провинции, но принадлежавших как по рождению, так и по своим связям к высшему и придворному обществу; огорченные невыгодным ходом их хозяйственных дел после освобождения крестьян, своеволием прежних их крепостных людей, они еще более озлобились против новых порядков, когда мировые и земские учреждения начали стеснять со всех сторон разгул прежнего помещичьего быта.

Некоторые из этих огорченных людей вскоре после 1861 г. эмигрировали, переселились на житье в полуденные страны и, наезжая изредка в свои опустевшие поместья, предавались даже иногда порывам либеральной оппозиции. Другие, более энергичные, возвратились в столицу и занялись для отвлечения внимания не политическими делами, а финансовыми, банковыми предприятиями и экономическими вопросами, так как по их мнению, разделяемому в то время всем Петербургским высшим обществом, наше любезное отечество быстро приближалось к государственному, всенародному банкротству и хозяйственной ликвидации.

Приезд, также вероятно случайный, *из-за границы* некоторых особ, *находившихся в родственных связях с царской фамилией* и также негодовавших на демократическую политику русского правительства и *опасавшихся ее отголосков в других странах, ими обитаемых*, приезд этот, совпадая с съездом вышеупомянутых частных лиц, послужил, как мы думаем, первой завязкой реакционерного движения. Уже в начале этого 1866 г. слышны были такие речи, что Россия идет к неминуемому общественному растлению и что нужно совокупить

все консервативные силы страны, чтобы противостоять демагогическим стремлениям некоторых влиятельных лиц, приближенных к Государю. Мы бы не желали подражать обыкновенным приемам этих почтенных консерваторов, которые считают себя в праве обзывать всех людей, не разделяющих их мнений, *радикалами и красными*, но не можем не засвидетельствовать, что в эту эпоху, когда они, консерваторы, еще не были у дел, речи их не отличались тою преданностью престолу, которую они ныне исповедуют, и ожесточение их доходило до таких взрывов ненависти, коих едва ли позволял себе кто-либо из верноподданных русского племени.

В этих-то обстоятельствах, среди настроения очень неблагоприятного для прогресса, явился вдруг на стороне реакции неожиданный помощник, растрепанный юноша с зверским лицом – *Каракозов* – и *выстрелил в Государя*⁹. Остальное известно...

После смутных волнений этой печальной весны, Муравьевского следствия¹⁰, казни преступника, Комиссаровских оваций¹¹ и освящения множества храмов и часовен в память злодеяния, после летнего отдохновения, изгладившего (так по крайней мере казалось) мрачное впечатление *этой печальной* <нрзб.>, осенью того же года открылись уже более правильные систематические действия реакционерной партии. Основано было в виде первой попытки сплочения аристократического элемента Общество взаимного поземельного кредита, в коем приняли участие все Князья и Графы Российской Империи с целью (как тогда заявлялось) доказать, что крупные собственники могут сами собой и независимо от Правительства и капиталистов основать народный кредит; эта прямая цель не была достигнута, и после недол-

⁹ Покушение Д.В.Каракозова на Александра II было совершено 4 апреля 1866 г.

¹⁰ М.Н.Муравьев возглавил Верховную следственную комиссию по делу Каракозова.

¹¹ Крестьянин О.И.Комиссаров, якобы помешавший Каракозову выстрелить, на некоторое время стал «героем дня».

гих колебаний взаимный кредит крупных землевладельцев принужден был обратиться, с одной стороны, к еврейскому кредиту барона Ротшильда, а с другой – к казенным субсидиям правительства; но другая цель была отчасти реализована; некоторые лица, считавшие себя главами консерватизма в России, сблизились, сговорились и в скором времени достигли желаемого – высших должностей государственного управления; в то же время нанесен был очень ловкий удар политике обрусения в западном крае мерой, передавшей субсидии казны (5 мил. рублей) в распоряжение аристократического банка¹² и исторгнувшей таким образом денежные суммы и самое дело из ведомства *партии, враждебной полякам и покровительствуемой редакцией* «Московских ведомостей», слывших в то время демагогическим органом.

В скором времени после того последовало и знаменитое представление Петербургского Земского собрания, в коем два члена одной и той же фамилии¹³ играли две первые роли; один – народного агитатора, другой – усмирителя восстаний. К неопisanному удовольствию столичной публики это представление тоже не имело полного успеха; гласные не протестовали, не вышли процессией на улицу, как того ожидали по примеру студентской истории, и смиренно, всепокорно разъехались по домам вместе с полицейскими агентами, сторожившими их выход; прочие земства великороссийских губерний не увлеклись французским красноречием Петербургских ораторов и, не взывая о земской Думе, продолжали заниматься делом, школами, дорогами и уравниванием податных тягостей.

Но и этот эпизод не прошел бесследно; впечатление, которое требовалось произвести, было сделано; земство, в лице одного блистательного своего представителя, дозволило се-

¹² Эта сумма, предназначавшаяся для Товарищества приобретателей имений в Западном крае (по фамилии министра государственных имуществ известного также как «банк Зеленого»), в итоге была передана Обществу взаимного поземельного кредита.

¹³ Графы Андрей Павлович и Петр Андреевич Шуваловы.

бе несомненное превышение власти, и тень подозрения злоумышленности была наброшена на все земские учреждения.

Больше этого на первый раз ничего и не требовалось.

Мы не будем следить за всеми фазисами этого длинного процесса, посредством коего влиятельные лица постепенно колебали веру в благое действие предпринятых реформ; полная и лучшая программа этого процесса изложена в одной частной записке одного Губернатора¹⁴, которая была подана в конце 1866 г. Министру *внутренних дел* и признана им столь замечательной и достойной уважения, что была отпечатана и разослана всем начальствующим лицам. В этой записке с откровенностью, несколько даже грубой и неосторожной, проводилась мысль, которая с того времени и служит руководством для реакционерной политики и поэтому самому заслуживает несколько внимательного и подробного изложения. Земские и мировые учреждения, говорилось в записке, не должны быть предметом прямого противодействия уже и потому, что охранительной партии не подобает отменять законоположения, только что исшедшие из самодержавной власти. Но отменять их даже оказывается ненужным, если принять в соображение, что эти новые порядки еще не успели укрепиться, не принялись еще в народной почве и проявились до сего времени только в возвышении повинностей и в щедрых окладах земских и судебных должностей.

Гораздо легче, проще и безопаснее, *продолжает сочинитель*, принять в отношении этих докучных новых порядков, повсюду стесняющих благонамеренные действия администрации, другую систему – систему воздержания (*politique d'abstention*); она должна состоять, во-первых, в строгом правиле невмешательства *в дела земские и провинциальные вообще*, и это правило тем более удобно, что совпадает с либеральным принципом самостоятельности этих учреждений, но этот нейтралитет, так пишет автор записки, должен быть абсолютный, и в особенности строго соблюдаться в тех случаях, когда требуется или испрашивает-

¹⁴ Псковского губернатора Б.П.Обухова.

ся содействие правительства, чтобы выручить местное население из какого-либо замешательства, как например, стеснения в продовольствии. Далее, в видах той же политики воздержания нужно требовать от земства только исполнения его положительных обязанностей перед казной и правительством, но эти требования преследовать неумоимо и неуклонно, без снисхождения, так, чтобы, с одной стороны, предоставить народу полную свободу действий, и с другой – стеснять эту свободу всеми возможными фискальными и полицейскими мерами, принимаемыми помимо народа, полновластной администрацией.

Таковы главные черты этого административного катехизиса, исходящего, как говорят, из тех же источников, как и пресловутый Польский, но более достоверного, так как он был напечатан по распоряжению русского Министра. Мы не берем смелость утверждать, чтобы он был одобрен всеми высокопоставленными читателями, коим был поднесен, и не видим, чтобы последующие распоряжения, циркуляры и инструкции ссылались на этот символ консервативной веры. Но дух его, вероятно внушенный или даже подсказанный автору, проник глубоко в высшие сферы русской администрации и пришелся так по нраву государственных людей, нраву мягкому, благодушному и осмотрительному, что был принят ими по молчаливому соглашению за основание системы действий в отношении земских, мировых и судебных установлений.

Мы предоставляем себе указать далее, в чем заключались эти действия, здесь же заключим описание этого переходного периода последним его эпизодом – болезнью Н.А.Милютин¹⁵. Открывшись¹⁶ период перехода от прогрессивной политики к реакционерной окончился апоплексическим ударом Милютин, и игра, затеянная без больших шансов успеха при жизни М[илютин], была вдруг выиграна его противниками. Над свежей могилой¹⁷

¹⁵ 20 ноября 1866 г. Н.А.Милютин перенес инсульт, от последствий которого он уже не смог оправиться.

¹⁶ В рукописи пробел.

¹⁷ Н.А.Милютин скончался 26 января 1872 г.

Система эта с тех пор развивается последовательно.

Ее можно назвать системой подкопов. Крестьянское положение оставляется в полной силе; но высшие Правительственные институты озабочены наиболее приисканием доводов и доказательств, что это положение расстроило хозяйственный быт крестьян.

Гласный суд и суд присяжных не только поддерживаются, но и вводятся вновь в разных полосах Империи, но при каждом случае оправдания или снисхождения подымается из высших сфер глас негодования на потворство русского общества преступникам и заговорщикам.

Земским Собраниям оставляется довольно широкая свобода словопрений и полная свобода ходатайств; но в ответ на представления и предложения Управ и Собраний Высшее Правительство приняло за правило по совету автора вышеупомянутой записки¹⁸ отмалчиваться.

Вводятся даже и новые прогрессивные меры, как, например, Городское Положение, но вслед за изданием и введением Положения [назначается] Губернатор – Жандарм для укрощения мятежного духа белокаменной столицы.

Предварительная цензура не восстанавливается и не делается обязательною – но свобода печати устраивается так, что она становится для писателя несравненно стеснительнее цензуры.

И так как для таковой подпольной и подземной работы нужны специалисты – политические минеры, привыкшие работать в темноте и подводить ходы под неприятельские укрепления, то эта часть Государственного Управления и была поручена особому Ведомству, ставшему во главе всех Ведомств под скромным названием III отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.

IV

Описав в предыдущих параграфах переход нашей внутренней политики от прогрессивной к репрессивной системе, мы те-

¹⁸ Так в тексте.

перь перейдем к исследованию настоящего нашего положения. Оно имеет и светлую, и мрачную свою сторону. Россия проходит, что очевидно, через экономический и хозяйственный кризис, который неизбежно должен был следовать за радикальными реформами первой половины царствования. Кризис этот мы выдерживаем благополучно: строятся железные дороги, открываются всякого сорта и калибра банки, кредитные общества, компании торговые и промышленные, земли дорожают, биржа разыгрывается и спекуляция во всех ее родах и видах занимает почти исключительно умы и помыслы современного русского общества. Это доказывает по крайней мере, что общее состояние народного хозяйства не такое плачевное, как описывают его, и что крестьянская и все прочие реформы не расстроили экономический быт страны, как опасались и предсказывали в 60 годах ревнители помещичьих благ.

Описав в предыдущих параграфах переходное время нашей внутренней политики, мы переходим к настоящему и спешим заявить, что мы вовсе не считаем это время потерянным и бесплодно затраченным.

Россия очевидно находится в припадке экономического и финансового перерождения; она переживает плодотворную эру построения железных дорог, промышленных предприятий и обновления народного кредита.

Только при этом надо бы вспомнить, что народы, исключительно предающиеся материальным улучшениям (как напр[имер] Франция во времена Польской Монархии и Наполеона III) и пренебрегающие в эти периоды лихорадочной спекуляции нравственным своим развитием, вскоре впадают в кризисы более опасные для Правительства, чем политические смуты.

Но еще пагубнее и опасно, когда такое время быстрого обогащения и необузданной спекуляции совпадает с владычеством цензуры и тайной полиции, налагающих на общественное мнение единственную узду, которая может охранить страну и народ от опаснейшего врага – развращения высших сословий и правительственных инстанций.

Это совпадение и составляет по нашему мнению главную черту, характеризующую настоящее положение вещей в России, и мы желали бы отделить ее как можно ярче из всего этого очерка, потому что видим в этом явлении опасность, хотя и не близкую и заметную, но угрожающую будущности России таким же растлением, какое постигло Францию после владычества Переров и Пьетри, Флери и Гаусманов¹⁹, и всей сволочи биржевых игроков, окруживших властителя Франции.

Мы не принадлежим к числу тех мечтателей, которые воображают себе, что Правительства, опираясь на любовь и уважение народа, должны вовсе отречься от права самозащиты и безоружно терпеть неистовства политических агитаторов; полиция, отчасти явная, отчасти сыскная, или тайная, для раскрытия и предупреждения преступных действий, как политических, так и всех прочих, составляет печальную, но неизбежную принадлежность современных конституционных обществ.

Но она переходит предел необходимости и пользы, когда, во-первых, преследует образы мыслей и мнения, не имеющие в виду никаких преступных действий, и, во-вторых, когда, поглощая все прочие ведомства, влияет на них косвенно указанием вредных и полезных направлений, благонадежных и злонамеренных людей, вмешательством в судебные дела, частные иски, учебные программы, цензуру, распоряжения Губернаторов, концессии железных дорог и управление кредитными учреждениями.

Наконец, вред может дойти до крайних размеров, если ведомство Т[айной] П[олиции] выступает на поприще светских и общественных отношений и, пользуясь своим влиянием, расточает свое покровительство, субсидии казны, ходатайст-

¹⁹ Имеются в виду братья Эмиль (1800—1875) и Исаак (1806—1880) Перейра, французские финансовые магнаты, основатели общества «Crédit mobilier» (1867); Э.Ф.Флери (1815—1884), генерал, сенатор, французский посланник в России, один из ближайших сподвижников Наполеона III; бар. Хауссман, префект округа Сены (то есть Парижа).

во, рекомендацию, улыбки дам и любезности мужчин как будто в награду за известный образ мыслей или даже в знак благорасположения за связи родства, дружбы, знакомства.

Тогда можно сказать, что все прочие ведомства государственного управления лишаются своей самостоятельности, потому что ни одно из них не пользуется такой безотчетной властью, как Тайная Полиция, и не располагает такими средствами для увлечения и соблазна людей слабого характера; тогда наступает время темных искательств и бесследных доносов, и общество теряет окончательно нить *чувство* законности, *подсудности*, *пределов власти*.

Это чрезмерное преобладание полицейско-жандармской власти составляет отличительную черту настоящего положения России; оно проведено было с замечательной ловкостью, без шума, без насилья, с улыбками и пожатием рук, и столько же отличается от сурового владычества Аракчеева, сколько мягкие и приятные черты лица благовоспитанного царедворца отличаются от свирепых ухваток солдата-временщика; но действие этого благообразного самовластия проникает еще глубже в современное общество и вкрадывается не только во все ведомства государственного управления, не только в круг действий земства и судов, но и в частный семейный и светский быт высших сословий.

Это последнее явление заслуживает особого внимания.

²⁰В разные эпохи нашей смутной истории тайная полиция со своим страшным лозунгом, слово и дело, играла первенствующую роль; но она всегда держалась в тех слоях общества, откуда набираются агенты, **то есть в самых низких, рядом с палачами и каторжниками** *эти безымянные агенты, т.е. в низших, темных, постыдных рядах полицейских чиновников*; высшие начальники этого ведомства держали себя в стороне, не приобщали никого из своих друзей, родных, знакомых к мрачным делам

²⁰ Последующий текст до слов «...большие жалования от казны» Васильчиков сначала отредактировал (при публикации эта его правка отмечена, как во всем документе, полужирным шрифтом и курсивом), а затем полностью вычеркнул.

своей администрации и, выходя из застенков, где производились доносы, допросы и пытки, *старались забыть мрачные тайны своей службы, с омерзением скидывали с себя атрибуты своей печальной власти.* Во все царствование Императора Николая, когда Т[айная] П[олиция] действовала неусыпно, она оставалась для публики, даже для придворного и великосветского общества, невидимой, хотя и вездесущей властью.

Но нашему времени суждено видеть такое полное торжество жандармского управления, что оно даже не стыдится своего ремесла и своих служителей и что со своей стороны высшее общество не стыдится прибегать к этому тайному ведомству, коль скоро прочие явные и гласные власти не могут удовлетворить их требований. Трудно сказать, как мы дошли до этого печального извращения элементарных понятий о политической честности, и тут действовало столько **разнородных и косвенных влияний**, что уловить и описать их не представляется **возможности** и как могло это ведомство, *внушающее отвращение, достигнуть известной степени популярности в известной части высшего русского общества. Средства к этому были употреблены различные.*

Более всего помогли светские и родственные связи, ум и любезность великосветских дам, обширное родство и свойство с главными аристократическими фамилиями; помогли также и несколько распашные, товарищеские нравы начальников, **которые им дали колорит добрых малых**, разгульные пиры с гризетками и почетными гостями, вечера с цыганами, завтраки с журналистами и вообще этот добродушный тон, который **имеет особенно чарующее действие на нашу русскую натуру, чуждую немецкой чопорности** *приняли на себя главные и второстепенные начальники жандармского ведомства, заманивая в свои сети людей гуляющих, хлебосольных и поклонников парижских кокоток, посетителей банкетов и <нрзб.>*; наконец, влиянию начальствующих лиц также содействовало и то обстоятельство, что они пользовались, **и по справедливости**, репутацией бескорыстных, неподкупных, хотя, разумеется, эта добродетель теряет много своего досто-

инства в лице людей богатых, получающих еще сверх частных своих доходов большие жалования от казны.

Вот эти средства были пущены в ход для расширения полицейского управления, так что оно постепенно превратилось в средоточие, куда стекаются не только конфиденциальные переписки и секретные инструкции, но и праздная болтовня светских дам и кавалеров, частные ссоры и примирения, иски между супругами, одним словом, все те обыденные дразги, которые не могут быть разобраны законом, судом и честной расправой.

Мы знаем случаи, что офицеры, вызванные на дуэль, прибежали к Т[айной] П[олиции] как к посреднику в деле чести! (sic.)

Мы знаем дам, недовольных супругами, которые обращались к ней же и получали развод без спроса и ведома духовных и светских властей!!

Мы знаем гласных, членов земских собраний, которые перешли на службу в III отделение, и много других, которые являются в это отделение как к непосредственному своему начальству и стараются провести свои общепользные мнения через посредство этих властей.

Мы знаем многих очень порядочных людей, которые через жандармское покровительство продавали и покупали имения из казны и уделов, или в казну и уделы, выигрывали процессы, проигранные во всех судебных инстанциях, получали отсрочки по беспспорным платежам.

Нам самим очень часто советовали в делах общественных и частных, которые были решены не в нашу пользу, обратиться к этой апелляционной инстанции, и на лицах таких советников изображалось такое простодушное доверие в спасительную силу тайной полиции, такое спокойствие совести при таком постыдном предложении, что мы должны из этого заключить, что понятие добра и зла, чувство стыда и чести уже сильно притупилось в тех слоях нашего общества, которые прилегают к этой гнетущей среде.

В моей молодости, в сороковых годах этого столетия, на Михайловском театре в Петербурге давали пьесу, которая производила в то время глубокое впечатление; она носила

заглавие «Шпион по неведению» и представляла бедного и честного старика, друга и товарища Фуше²¹, шефа жандармов при Наполеоне I, которого коварный Фуше употреблял без его спроса и ведома по делам своей администрации. Он делал это так, что сохранял с почтенным Мишелем прежние светские и товарищеские свои связи, подсылал его под разными, самыми благовидными предложениями в те дома и места, где нужно было наводить справки, производить наблюдения, и затем, принимая его запросто у себя дома, в приятельской беседе, в интимном кружке выводывал у простодушного и очень болтливого старика все то, что ему требовалось проведать. Пьеса кончалась очень трогательной сценой, которую знаменитый комик того времени, Верне, разыгрывал с неподдельным чувством благородного негодования; Мишель, получая от времени до времени щедрые награды от Фуше в виде дружеских одолжений и займов, наконец случайно узнает, кто Фуше и какого рода службу оплачивают эти подаяния; тогда в порыве отчаянной скорби он бросает сверток золота, полученный за эти постыдные услуги, и рвет на себе одежду, построенную на те же деньги, бесчестную мзду тайных доносов.

Многие, очень многие мужчины и дамы высшего Петербургского общества разыгрывают роль, похожую на Michel Perrin, но с той разницей, *что личность и достоинство нашего русского Фуше им вполне известны*, что должности, занимаемые современными Фуше, не составляют для них тайны. Без злого умысла, без преднамеренного расчета, но по слабости характера, из любви к веселым пирушкам и салонным увеселениям свивают они свои гнезда около людей, эксплуатирующих их празднословие; наперсницами и подстрекателями являются французские девушки, которые как в Париже, так и в Петербурге служат наилучшими агентами тайной полиции;

²¹ Жозеф Фуше (1759—1820) — сначала жирондист, затем якобинец, комиссар Конвента, один из организаторов термидорианского переворота, министр полиции (1799—1803, 1804—1810, 1815) — был своеобразным олицетворением политической беспринципности и цинизма.

вино развяжет языки, желание блеснуть знакомством с высшим обществом привлекает и соблазняет молодых людей, и понемногу сплетается и расстилается над страной необъятная сеть взаимного шпионства.

Таким образом, в высших слоях Петербургского общества открылось в последнее время новое течение, которое вероятно будет последнее предсмертное действие нашей служебной и придворной аристократии. Бессознательно, по легкомыслию, из тщеславия и из преувеличенного страха демократии, она поступила на службу в тайную полицию и связала свое существование, **преобладание** и *вероятно* свое падение с этим институтом.

V

Упомянув в предыдущей статье о придворной аристократии и великосветском обществе, мы должны определить точнее эти выражения, потому что не желали бы, чтобы сказанное выше было отнесено к другим классам, вовсе не причастным этому направлению.

О Русском дворянстве и вообще о высшем сословии в России существуют понятия совершенно превратные, заимствованные, как и многие другие, из традиций и представлений других стран, где аристократический элемент был действительно самостоятельный и могущественный. В России же он был окончательно разрушен Петром I и с тех пор не возникал более в смысле потомственного, знатного и правительственного класса. Но дворянство в общем значении этого слова продолжает играть первенствующую роль в судьбах русской земли, потому что в нем собираются и воплощаются все образовательные силы страны и народа. Русское дворянство есть открытое, общедоступное сословие, в которое поступали в течение двух столетий почти все без исключения люди, получившие образование и достигшие первого офицерского чина на каком-либо поприще службы: военном, гражданском, учебном, медицинском; все наши ученые, литераторы, поэты, художники, профессора, медики, инженеры, архитекторы приписаны к дворянству и принадлежат большою

частью к дворянским фамилиям. Поэтому нам всегда казалось необъяснимым укоры²², иногда обращаемые к дворянству как к касте и привилегированному сословию, ибо противодействие привилегиям, сословности и вообще реакции, порывы к более либеральному духу правлений всегда в России исходили из одного дворянства и на нем и останавливались, **не встречая сочувствия в прочих классах народа.**

Но дворянство русское подразделяется на несколько разрядов, не имеющих между собой ничего общего, и эти-то разряды надо в точности определить, чтобы дать верное понятие о социальном строе нашего времени.

Великосветское общество (High life по-английски), населяющее²³ и высшие аристократические дома в Петербурге, дающее тон моде и направление нашей внутренней политике, состоит большею частью из фамилий, игравших главные роли в придворных эволюциях прошлого столетия; немногие из них ведут свои родословные из боярства прежних времен, но очень многие прославились милостями Императриц Елизаветы и Екатерины и с тех пор стоят неколебимо у подножья престола. С начала настоящего столетия эта часть благородного русского дворянства стала все более и более отделяться от всех прочих сословий, неизмеримо выше коих оно действительно стояло по своей культуре. Уже многие из первых сподвижников Александра I говорили с большим трудом по-русски и с совершенною легкостью на иностранных языках; дамы высшего общества вовсе отвыкли от русского наречия, и после войны 1812 г., когда еще не успели застыть следы иноземного нашествия, открылось в этих высоких слоях новое стремление, еще более отторгнувшее их от отечества. Молодые люди или воспитывались в чужих краях, или отдавались в Петербурге в Школы Иезуитов (l'abbé Nicole²⁴ и др.); целые семейства (Ростопчины, Голицыны, Бутур-

²² Так в тексте.

²³ В тексте пропуск.

²⁴ Д.Ш.Николь – французский эмигрант, основатель (1794) знаменитого католического пансиона в Петербурге, пользовавшегося большой популярностью в аристократической среде.

лины, Шуваловы) переходили с матерями в католическую веру; русские бары вступали в брак с поляками и основывали новые роды и целые поколения полукровных дворянских семейств, носящих русские фамилии с польскими чувствами и образом мыслей.

В то же время несчастный заговор 14 Декабря вырывал из рядов того же высшего света немногих, но лучших его членов, Волконских, Трубецких, Чернышевых, Тургеневых, и долгое царствование И[мператора] Н[иколая] открывалось в мрачной пустоте, среди общества, отчасти раскиссившего казнями и ссылками, отчасти отчужденного от народа воспитанием, религией, образом жизни и мыслей и даже самим рождением.

Император Николай глубоко сознавал эту окружающую его пустоту, но вместо того, чтобы свести высшее сословие с народом на почве плодотворной хозяйственной и земской деятельности, стал преследовать эти иноземные тенденции дисциплинарным порядком, запрещением выезда за границу, воспитания в чужих краях, цензурой и полицией. Вместе с тем, подражая Петру Великому, но с более узкими воззрениями, он привлекал почти насильственно все знатные роды к службе преимущественно фрунтовой, к пребыванию в Петербурге при Дворе и в гвардии, и негодовал почти одинаково и на туристов, посещавших Париж, и на офицеров и генералов, выходявших в отставку для заведывания своими хозяйственными делами и проживания в деревне.

Новое поколение придворных дворян стало говорить тверже по-русски и посещать русские церкви, но еще более, чем предшествующее, отвыкло от провинциальной жизни, от хозяйственных занятий, составляющих единственную связь крупного землевладения с крестьянством, и окончательно потеряло то сознание народных польз и нужд, коим отличаются Английские Ландлорды.

Когда открылся период реформ в начале настоящего царствования, то это отчуждение, эта несостоятельность великосветского общества обнаружились во всей силе и увлекли это общество к такому ряду ошибок, политических промахов и об-

щественных недоразумений, что правительство поневоле должно было на некоторое время отстранить своих обыкновенных советников (действительных и тайных) от дел управления. Ошибки начались с того, что лучшие, молодые представители знатного Петербургского дворянства стали защищать принцип безземельного, личного освобождения крестьян и, повторяя общие места французского либерализма, провозглашали благоденствия личной свободы, вольного труда, *laissez faire, laissez [passer]*.

Когда этот вопрос был разрешен в смысле для них неблагоприятном, и приступлено было к введению земских и мировых учреждений, они же не преминули поставить себя в оппозицию и против этих реформ, встреченных сочувственно в провинции и даже в среде поместного дворянства, и Петербургские салоны оглашались отзывами, что Мировые посредники и судьи подрывают уважение к властям, что земские управы эксплуатируют обывателей, а судебные установления оправдывают преступников, и отзывы эти, очень часто выражаемые в резких, оскорбительных формах, разносились по Петербургской публике и все более отчуждали нашу аристократию от прочего дворянства и средних сословий, принимавших живое участие в новых порядках управления.

Еще более грубую ошибку сделали наши правительственные классы в вопросе о так называемом обрусении западного края, вопросе, поднятом и веденном «Московскими ведомостями» с крайними пристрастиями и преувеличениями, но который имел за себя положительно в то время все общественное мнение России; вместо того, чтобы воспользоваться этим настроением, очень выгодным для противодействия польскому и немецкому элементам, и умеряя его крайности, опираться на этом «голосе народа» во внутренней нашей политике, точно так, как мы ссылались на него во внешних наших сношениях, вместо того, чтобы приласкать и удержать за собой такого преданного союзника как «Московские ведомости», консерваторы под влиянием польских панов и немецких баронов возопили с ожесточением против этого вли-

ятельного органа консервативной политики и перешли на сторону другого органа (гораздо менее рассудительного) – на сторону «Вести» против «М[осковских] В[едомостей]». Эта неосторожность и политическая бестактность имела два последствия очень невыгодные для высших классов: во-первых, вместе с журналом «Весть» они прослыли чуть ли не изменниками, по крайней мере в дальних замосковных губерниях, где «М[осковские] В[едомости]» принимались в то время за оракул русских интересов; мнение об общем заговоре Петербургского высшего общества с польским и Ост-Зейским дворянством укоренилось на долгое время, и действия эти были тем более неосторожны, что некоторые из высших сановников принадлежали действительно к числу тех полукровных русских фамилий, о которых мы выше говорили, а другие к кровному немецкому дворянству. Во-вторых, ожесточенная полемика «Вести», предостережения, постигшие редакцию «М[осковских] В[едомостей]», и вообще озлобление высшей администрации и великосветского общества против этого направления поставило их в фальшивое положение с точки зрения самой консервативной политики, которую они проводили; они, можно сказать, отвергли единственного союзника, который мог быть им полезен в русской печати, заставили его перейти в лагерь противников и таким образом доставили почтенным редакторам этого журнала славу, вовсе ими не заслуженную – представителей народной, патриотической, чуть ли не демагогической партии. Славой этой они пользовались недолго, но ей-то именно они и обязаны своими блистательными успехами в течение 6–8 лет.

Долго и трудно бы было исчислять все непростительные ошибки, содеянные в последнее время партией, называющей себя охранительной: преследования славянофильского органа, который служит полезнейшим противовесом нигилистических учений и революционерных мечтаний, неудачные попытки к усилению губернаторской власти, смешное распоряжение о невызове к суду свидетелей генеральского чина, противоречие циркуляров разных Министров по податному вопросу.

Все эти несвязные, необдуманые проекты и полумеры исходят из одного общего источника: из личных впечатлений и мнений небольшого кружка людей, живущих отдельно от России, в своем замкнутом и неприступном кругу, среди обаяний роскоши и неисчерпаемых наград и милостей, из частных их совещаний между собой, городских слухов, интимных разговоров, одним словом – из той части русского общества, которая по образу жизни, по своим вкусам, нравам и мыслям уже издавна отшатнулась от русской земли, от земства, мира, сельского хозяйства, и, подобно Ирландским Ландлордам, вследствие отсутствия (absenteisme) утратила связь с страной и народом.

Этот кружок нельзя назвать ни придворным, ни аристократическим в полном смысле этих слов, многие лица, принятые ко Двору, не принимаются в это общество и многие знатнейшие фамилии русского дворянства не имеют вовсе доступа в эти дома, потому что по манерам, тону, образу жизни они не подходят под строгие условия большого света. Английское выражение **high life** всего вернее определяет характер этого наивысшего слоя высшего общества с той только разницей, что в Англии эти львы и львицы занимаются исключительно модами, игрой и пирами, а в России они в последнее время также приняли в свое заведывание и внутреннюю политику, распределение главных должностей государственного управления, замещение их лицами благонамеренного направления и вообще покровительство консервативной партии.

Он живет отдельно от публики и народа, гнушаясь всего того, что не подходит под общие условия высшего светского общества других стран – дурного выговора на французском языке, платья, сшитого не по моде.

VI

От Петербургского великосветского общества совершенно отделяется все остальное дворянство, и хотя оно по своему обра-

зованию, по изящности светского обращения и по выговору французского языка стоит несравненно ниже первого, но на деле обнаружило в последнее время более здравого смысла и политического такта, чем та часть дворянства, которая говорит по-французски без ударения, *sans accent*.

Это сословие, которое в отличие от придворного или служилого дворянства можно назвать поместным, подразделяется на несколько слоев; лучший и высший его слой состоит из немногих древних и столбовых родов, обедневших или впавших в прежние времена в опалу и переселившихся на житье из правительственной столицы в столицу земскую – Москву. Различие взглядов и понятий между ними и блистательными представителями придворного класса проявилось с самого начала реформ настоящего царствования, и во главе партии, провозгласившей необходимость земельного надела и общинного самоуправления, стали несколько Московских дворян, в то время как личное освобождение и упразднение общины восторженно защищались в Петербургском великосветском обществе.

С тех пор антагонизм между ними рос и развивался все глубже и вскоре дошел до непримиримой вражды; самые озлобленные нарекания, клеветы и оскорбления сыпались на людей, отстаивавших эти высокие принципы, от коих ныне никто и не посмел бы отречься, и ожесточение царедворцев возрастало по мере того, как они видели, что влияние и власть переходит в руки нечиновных и незнатных дворян-помещиков.

Собственно провинциальное поместное дворянство оставалось сначала в этом споре нейтральным; даже несколько склонялось на сторону безземельного освобождения; но везде, во всех губерниях сильное и влиятельное меньшинство дружно протестовало против этой бессмысленной меры, которая прямо привела бы нас к поголовному восстанию; и как только последовал Манифест 19 февраля, всякая оппозиция прекратилась.

Нельзя не отдать полной справедливости русскому поместному дворянству, что с того рокового дня и поныне оно в

тяжких испытаниях, постигших всех и каждого, держало себя с таким достоинством и с таким благоразумием, каких в истории высших сословий других стран немного встречается примеров.

Во всех должностях и учреждениях, которые установлены были для посредничества или суда между помещичьим и крестьянским сословиями, посредники и судьи, принадлежа к одному сословию, скорее склонялись в пользу другого и успели даже заслужить, что и составляет лучшую их аттестацию, негодование того класса, к которому сами были приписаны, и который их обзывал демократами и красными.

В земских учреждениях поместное дворянство тоже выдержало с замечательною твердостью трудную роль, выпавшую на его долю, защищать общие земские интересы, во многих статьях прямо противоположные частным выгодам землевладельцев, вводить денежные повинности вместо натуральных, устраивать школы, ссудные товарищества, учительские семинарии, лечебницы, в коих они участия не имеют; наконец оно оказало одну, может быть и последнюю, но во всяком случае высшую услугу русской земле, провозгласив от лица землевладельцев высокое начало всесословного подоходного обложения, и если б других заслуг за русским дворянством и не было, то достаточно этой, чтобы сохранить для грядущих поколений добрую память о земской службе поместного сословия.

Нельзя однако скрывать от себя, что этот последний эпизод, постановления земских собраний 1871 г. по податному вопросу, был как будто крайнее проявление того разумного духа прогресса, который был внушен земским сословиям и самим положением, и общим настроением умов в первое десятилетие нынешнего царствования, и что этот дружный голос, поданный высшими классами в пользу низших, был как будто последнее усилие, последний протест против неправды, после которого, если он не будет услышан, можно и должно умыть себе руки и заняться другими, более благодарными делами. И действительно, когда после живых и шумных прений о всесословном налоге, вызванных инициа-

тивной Правительства, последовало в ответ гробовое молчание, когда оказалось, что высшая администрация в лице крупных собственников противится реформе, предложенной земством в составе таких же собственников, крупных и мелких землевладельцев и купцов, когда, одним словом, земские люди убедились, что этот подвиг самоотвержения, стоивший многих больших усилий, вырвавшийся у некоторых как невольный глас совести, прошел так же бесследно и заслужил не признательность высших властей, а напротив, их недоброжелательство – тогда поворот сделался неминуем: люди слабые устали от борьбы, люди предприимчивые начали искать другого поприща деятельности, люди чуткие услышали, что ветер подул с другой и в другую сторону и поплыли по ветру..

Таким образом, реакция, долго кружившаяся в немногих гостиных Петербургского великого света, в последние 2 года начала проникать и в провинцию, и разумеется, здесь несколько изменилась в своем характере.

Кто знаком с нашим жалким провинциальным бытом, тот вероятно согласится с нами, что число людей истинно образованных и искренно добросовестных очень ограничено, и что почти все они, сколько их есть, принадлежат к числу помещиков – хозяев среднего состояния, которые после освобождения крестьян поселились в своих имениях, выдержали с большими усилиями и лишениями кризис шестидесятых годов. Чтобы вызвать их на общественную службу и заставить отчасти пожертвовать своими хозяйственными занятиями, нужно было (мы говорим о лучших из них) некоторое одушевление, некоторое сознание приносимой пользы; мы не говорим, чтобы этот мотив был единственный и чтобы таковое одушевление могло дойти до самоотвержения; высокие оклады и желание показать и отличить себя, разумеется, тоже входили в расчет, но тем не менее, общий порыв к новому поприщу благотворной деятельности был довольно силен в 1862—1870 годах, чтобы вызвать во многих губерниях лучших людей из местного среднего дворянства в должности посредников, судей, членов управ и в звание гласных.

Но это движение решительно не было поддержано ни высшими правительственными, ни высшими общественными сферами; систематические отказы в ходатайствах и представлениях земства, пренебрежение крупных землевладельцев к скромным делам местного самоуправления вскоре охладили рвение первых дней; лучшие люди выбывали и открывали вакансии другим, и в настоящее время весы начинают склоняться опять на сторону того большинства, которое подавало голос вместе с Петербургской знатью за безземелье крестьян в 1861 г. и против земских и судебных учреждений в 1864 г.

Обвинять в этом общественное мнение или самих этих скромных деятелей было бы крайне несправедливо, ибо такое напряжение скудных наших сил, какое потребовалось для проведения всеобъемлющих реформ 60-х годов, такое напряжение не могло поддерживаться без внешнего и высшего содействия и должно было неизбежно ослабеть под влиянием равнодушия, пренебрежения и, наконец, тайного противодействия секретных инструкций, конфиденциальных циркуляров тайной полиции.

VII

Краткая летопись нашей свободной (?)²⁵ печати представляет также очень смутное зрелище, и неудивительно, что иностранные публицисты вовсе ошибаются в своих оценках русской прессы, когда сама русская администрация не могла распознать в ней своих друзей и различить их от врагов. Если мы не ошибаемся, в нашей журналистике обнаружилось с самого начала, как только снята была с нее узда цензуры, два не совершенно противные, но однако различные направления, и это различие нужно было, при некотором политическом такте, распознать, чтобы воспользоваться здоровыми и умеренными мнениями для противодействия крайним. Московский

²⁵ Так в тексте.

«День» и Петербургский «Современник» представляли в то время самые полные, несколько резкие выражения двух литературных партий, уже ратовавших в продолжение многих лет под знаменами славянофилов и западников. К ним примыкали с разными оттенками другие редакции; к первой – «Московские ведомости», «Голос», ко второй – «С.-Петербургские ведомости», «Отечественные записки» и впоследствии «Вестник Европы».

Вся эта пресса придерживалась в то время почти одинаково радикальных мнений, и с первого взгляда, издали можно было их смешать под общим именем демагогов и красных, но если предположить, что администрация черпает свои сведения не из одних иностранных журналов и не руководствуется исключительно воззрениями Ост-Зейских и Польских дворян, то можно было легко различить, какая глубокая рознь разделяет эти два направления.

С точки зрения консервативной и в интересах той политики, которой следовало Правительство, направление Московской прессы было не только безвредно, но по существу полезно для самих видов Правительства. Правда, органы славянофилов позволяли себе иногда очень резкие выходки против административных лиц и распоряжений, а «Московские ведомости» в вопросе об обрусении западного края дошли до дерзких и оскорбительных обвинений. Но эти крайности и увлечения, преувеличивая значение общественного мнения в России, которое не было вовсе так пристрастно, как органы этого мнения, эти самые преувеличения, как мы думаем, могли скорее поддержать политику правительства, давая ему возможность сваливать вину на общество, публику и прессу. К делам внутреннего управления Московская журналистика была по тону несколько заносчива, по существу – совершенно умеренна и согласна с видами правительства. Редактор «Дня» И.С.Аксаков стоял во всяком случае в общем мнении по личным, всем известным своим достоинствам, по несомненному уважению коих пользовался во всех сословиях и партиях, выше подозрения в неблагонамеренных и революционных тенденциях; добросовестной своей полемикой он только что обезоружил Гер-

цена, перед коим дрожала наша высшая администрация; глубоко религиозный и нравственно безупречный, он своим авторитетом, более чем пером, противодействовал нигилистическому направлению и в этом отношении оказал заслуги, за которые можно было ему простить резкий тон его журнальной полемики.

Этот человек, выделявшийся из ряда записных журналистов, и по своему общественному положению принадлежавший к лучшему кругу Московского общества, был избран первым предметом административных преследований, и после бесчисленных предостережений и двух запрещений был наконец вытеснен из русской печати как будто в отместку за Герцена и Лондонских эмигрантов, коим он нанес смертельные удары.

Затем очередь перешла на почтенных редакторов «Моск[овских] ведомостей», недавно еще слывших органами консерватизма и получивших от Московского дворянства в награду за мужественную защиту землевладельческих интересов... золотое перо! Здесь не место рассказывать, по какому странному извращению «М[осковские] В[едомости]» мгновенно (но не [на]долго) перешли в лагерь патриотов-либералов, сделались временно главой оппозиции и навлекли на себя в этот краткий промежуток ярое негодование Петербургских правительственных сфер; но верно то, что ни «Колокол», ни «Современник» в самых радикальных своих статьях никогда не возбуждали в высшем обществе такого озлобления, и в администрации – таких опасений, как издание этих двух талантливых ученых профессоров, которые по своему нраву скорее склонны к службе в полиции, чем к политическому агитаторству.

«М[осковские] В[едомости]» тоже удостоились предостережения и наконец запрещения, так что мероприятия русской администрации как будто совпадали с желаниями крайних радикалов и служили отголосками яростных нареканий, с коими преследовались гг. редакторы **«М[осковских] В[едомостей]» из Швейцарии и Англии наши эмигранты почтенных редакторов «М[осковских] В[едомостей]».**

Таким образом, те два единственные органа нашей печати, которые отчасти могли служить противовесом исключи-

тельно западным тенденциям, были остановлены на первых порах, и уже после того начали приводиться в порядок и в законную веру другие журналы, выигравшие между тем всю массу читателей, отставших от Московской прессы. Это приведение в порядок продолжается и поныне. Мы не считаем нужным упоминать о смешных попытках основать журналы в консервативном духе «*Вести*», или «*Гражданина*», или «*Русского мира*»; русской печати, несмотря на ее юность и неопытность, нужно отдать справедливость, что она выдерживает лучше, чем другие слои нашего современного общества, характер независимости и очень туго поддается системе устрашения и привлечения, которые попеременно к ней применяются.

Когда нам случалось (а это случается часто) слышать отзывы о продажности прессы вообще и русской – в особенности, то мы позволяли себе ставить вопрос: если это так, то отчего администрация, располагая обильными *денежными* средствами, не употребляет их для этой полезной операции, столь же законной, такой же безнравственной, как и безымянные доносы тайной полиции, и если это так, то чем же объяснить такое явление, что влиятельные и лучшие журналы во всех государствах большей частью держатся в оппозиции против реакционных Правительств, и в России все (за исключением одного) подвергаются систематическим предостережениям и преследованиям. Отговорка, что будто бы администрация пренебрегает такими презренными врагами, как журнальные писаки, и не считает нужным тратить казенные суммы на подобный непроизводительный расход, отговорка эта не чистосердечна, содержание корпуса жандармов, **заработная плата**, штатное содержание цензуры и цензоров поглощают суммы более значительные, действуют такими же неблагоприятными способами, подкупают точно так же людей для доносов и все-таки не парализуют вреда, причиняемого дурной администрации враждебной прессой.

Из этого мы считаем себя вправе заключить, что если в данной стране огромное большинство повременных изданий

и всех прочих сочинений принадлежит к одному образу мыслей (разумеется, с значительными оттенками), то это служит указанием, что и большинство читателей разделяют этот образ мыслей; опытный журналист не возьмет на себя защиту мнений, противных настроению современной публики уже и потому, что предвидит из этого уменьшение числа читателей и упадок своего издания. Поэтому хотя и нельзя сказать, чтобы пресса была всегда верный отголосок общественного мнения, но еще ошибочнее говорить, что она всесильно влияет на читающую публику и внушает ей такие мысли и мнения, каких в сознании народа нет. Если б это было так, то администрация, располагая всеми явными и тайными средствами Государства, могла бы, без сомнения, легко справиться с немногими влиятельными органами печати и не пощадила бы этих затрат для столь высокой цели.

Настоящее положение русской печати может быть описано в следующих главных чертах.

Почти все повременные издания обеих столиц редактируются в духе, несогласном с реакционерными тенденциями администрации и содержатся в повиновении только посредством предостережений, висящих над ними как дамоклов меч. Те немногие журналы, которые подходят к видам отдельных ведомств, глубоко расходятся с видами других ведомств и Министерств. «Московские ведомости», защищающие правительственные воззрения по Министерству народного просвещения, считаются в других администрациях злейшими противниками по вопросу Ост-Зейского и западного краев; редакция «Гражданина», которая другими журналами признается ретроградной, в высших административных сферах, если не ошибаемся, не пользуется, или по крайней мере не пользовалась по сие время, личным благорасположением.

«Русский мир» основан и редактируется со специальной целью, внушенной не столько политическими убеждениями, сколько личными видами, чувствами и стремлениями многоуважаемых патронов этого военного органа. За исключением этих трех неверных союзников *администрации*, мы в русской печати находим только оппонентов, более или менее сдержанных,

более или менее открытых, но по всем существенным вопросам не разделяющих образа мыслей нашей администрации.

Такое положение не может долго продлиться, и мы очевидно идем к восстановлению цензуры и... *верноподданнического* молчания.

Если вообще опыт других политических деятелей не убедил еще нас в бессилии цензурных мер, то повторять избитые доводы в пользу свободы печати было бы труд неблагодарный. Цензура имела свое значение и свою пользу (если хотят видеть в ней пользу) в те времена, как напр[имер] в царствование Ник[олая] П[авловича], когда вместе с печатанием запрещался и выезд за границу, т.е. не только печатание, но и чтение запрещенных книг. Но по мере того, как облегчаются сообщения и открывается беспредельное движение между подцензурными странами и государствами со свободной печатью, запрещения имеют только одно, совершенно обратное действие, привлекают читателей к запрещенным книгам, к заграничным изданиям, и дают им такой круг читателей, каким не пользуется ни одно из популярнейших сочинений, издаваемых в России. Если принять в соображение, что самые распространенные журналы имеют у нас не более 10 000 подписчиков, а сочинения серьезного содержания расходятся в числе 2—3 тысяч экземпляров, и что, с другой стороны, выезжает из России за границу ежегодно до 100 000 человек, то очевидно, что цензурные запрещения имеют только действия рекламы, заставляющей всякого путешественника покупать на первой станции железной дороги произведения **нашей подпольной свободной печати, часто не заслуживающие никакого внимания.** Герцен и Долгорукий, Огарев и Головин были уничтожены не цензурой, а свободой, просиявшей в 60-х годах в России, и своими убийцами они признают не III Отделение, и не Главноуправление Печати, а Редакцию «Московских ведомостей» и «Дня» и Аксакова.

В оправдание цензурных установлений иногда также приводят такой аргумент, что они имеют в виду не высшие сословия, не образованную публику, а только низшие классы, для коих чтение известных книг составляет действительно опас-

ную, неудобоваримую пищу, развращающую незрелые понятия простолюдина. С этими воззрениями можно бы было (хотя и не безусловно), пожалуй, согласиться, и для популярных изданий, учебных пособий и вообще самых дешевых книг допустить надзор ведомства Народного Просвещения, если б в то же время яд, запрещаемый в печати, не подносился тому же народу ежедневно со всех сторон в театральных представлениях, в примерах бесстыдного разврата, подаваемых высшими классами, в покровительстве из фискальных видов продаже крепких напитков, наконец, и в системе тайных доносов, развращающих народ несравненно более, чем чтение коммунистических сочинений, непотребство и пьянство.

Когда английские пуритане и квакеры бежали от Содома своего первого отечества и пожелали основать в Новой Англии гражданское общество на началах строгой нравственности, то они прибегли для охранения себя и своих детей от вредных учений не к цензуре и полиции, а к свободе печати и самоуправлению; и нам кажется, что если бы Европейские правительства были действительно так озабочены, как они уверяют, нравственным, религиозным воспитанием народа, то они бы нашли средство затрачивать на печатание полезных книг по крайней мере столько, сколько расходуется на запрещение так называемых вредных сочинений. Тогда действительно Главноуправление печати, располагая средствами казны, могло бы удешевить издание популярных, учебных, простонародных книг до таких размеров, что всякая конкуренция сделалась бы невозможной; но разумеется, для этого нужно располагать большими способностями и познаниями, чем какие требуются для перемарок, запрещений, предостережений и сожжений чужих сочинений.

Итак, сводя итог цензурного управления за последние десятилетия, мы видим следующие фазисы.

Во-первых, под надзором цензуры самое радикальное направление, доходившее до крайностей революционной пропаганды.

Во-вторых, после отмены предварительной цензуры ожесточенную полемику Московской и Славянофильской прессы с Петербургским «Современником» и Лондонским «Колоко-

лом»; полемику, окончившуюся полной победой первых и отречением Герцена.

В-третьих, и немедленно после этого торжества умеренных мнений над крайними, беспощадное преследование обоих Московских журналов, запрещение «Дня»²⁶, вторичное запрещение²⁷ и предостережения, приостановившие даже на время издание «М[осковских] В[едомостей]» *тех именно двух журналов, которые произвели в русском обществе некоторую реакцию против крайних мнений.*

В-четвертых, период реакции землевладельческого элемента со смешным своим представителем – журналом «Весть» и с поддержкой Польского и Ост-Зейского дворянства.

В-пятых, падение «Вести», упадок «Московских ведомостей» и всеобщее гонение всех остальных повременных изданий.

Таким образом управление печати прежде всего позаботилось ослабить влияние или вовсе сократить ту часть нашей прессы, которая ратовала против нигилистических, революционных учений; затем нашло средство подорвать всякое доверие русской публики к консервативной политике Правительства, дав этой политике, в единственном ее органе, «Вести», оттенок Польских и Немецких тенденций, и наконец, очистив путь другой части русской прессы, противной Московско-Славянофильскому направлению, освободив ее от докучливых ее конкурентов и противников и обеспечив ее в материальном отношении приливом всех читателей, оставших от запрещенных журналов, принялось приводить в законную веру и всю остальную прессу, усилившуюся от падения своих соперников.

Нам сдается, что если б к Главному управлению печати вместо бывших и настоящих ее начальников были призваны Бакунин и Огарев, то они ничего бы не нашли *лучшего, как продолжать тем же порядком возражать против общего хода этого управления* и помирились бы с системой предостереже-

²⁶ Ежедневная газета «День» И.С.Аксакова прекратила свое существование в декабре 1865 г.

²⁷ В тексте пропуск.

ний, избавившей их от злейших врагов, противников более опасных, чем *агенты, подсылаемые в Швейцарию для ловли этих бестолковых агитаторов.*

VIII

Одно из последних и важнейших мероприятий реакционерной политики была столь известная реформа устава гимназий и введение обязательного учения древних языков. Большая часть русской публики приняла это преобразование в буквальном его смысле и, увидев в нем только борьбу двух учебных систем, тем не менее приняла такое живое, даже страстное участие в этом споре, какого давно не проявлялось в нашем обществе, обыкновенно равнодушном к вопросам народного просвещения.

Это, я думаю, должно быть приписано тому обстоятельству, что русское общество вообще настроено в настоящее время к беспокойству и во всех мероприятиях под официальными вывесками «пересмотра сельского устава» или усиления власти Губернатора, или даже «преподавания древних языков» подсматривает, может быть и ошибочно, другие умыслы.

В вопросе о классических гимназиях многие увидели только личное увлечение ведомства народного просвещения и редакции «М[осковских] В[едомостей]», но другие не могли удержаться от некоторого недоумения, видя такой необычайный поворот этого дела, что все лица, не получившие ни малейшего классического образования, заслуженные генералы, придворные чины первого ранга и вообще особы высших классов обоего пола с необъяснимою твердостью убеждений защищали древние языки, о коих не имели никакого понятия, между тем как в рядах оппозиции являлась большая часть людей, изучивших эти языки, почти вся русская пресса и все те члены учебного и ученого сословия, которые могли заявлять свои мнения, не компрометируя своей служебной карьеры.

Это было действительно необъяснимо, точно так, как странно бы было, если б например в вопросе о вооружении войска нарезным оружием призваны были к совещанию профессора и академики, и чтобы они единогласно подали мнение за введение таких новых образцов, которых военные, тут же присутствовавшие, признавали бы бесполезными и негодными; в таком случае люди военной специальности могли бы заподозрить лиц учебного ведомства в задних мыслях и в желании расстроить военную организацию русской армии.

Таких крайних предположений не следует однако делать в вопросе о классицизме, потому что большая часть голосов, поданных за латинский и греческий язык, принадлежат лицам, не имеющим ни в этом деле, ни в других сформированных понятий, лицам, глубоко преданным Престолу и Отечеству и стоящим выше всякого злоумышления.

Мы думаем, что дело это может быть отчасти объяснено так.

Университетское образование с 1848 года не пользовалось благорасположением высшего правительства, и знаменитые распоряжения того времени о сокращении числа студентов оставили в умах служителей прежнего времени общее впечатление, что университеты составляют главные пункты зарождения политических смут. К сожалению, бессмысленные волнения 1862 г. и участие нескольких студентов в заговорах и тайных обществах последующих годов усилило это впечатление. Но очевидно было, что к таким крутым мерам нельзя более прибегать *в наше время* и что ту же самую тенденцию надо провести осторожно, скрытно и так благовидно, чтобы сами простодушные составители уставов и исполнители этой меры *поневоле не вполне* сознавали, на каких союзников они в этой реформе опираются. Мы не говорим, чтобы просвещенные деятели ведомства Народного Просвещения разделяли эти мнения; они преследовали, надо полагать, отвлеченную, чисто учебную цель, *редакторы «Моск[овских] В[едомостей]* действовали, по-видимому, бескорыстно и без задних мыслей и верили в абсолютное благо древних языков, потому что сами на них образовались, что и служило им в собственных их

глазах лучшей абсолютной рекомендацией классического воспитания.

Но они никогда не успели бы достигнуть своих высоких целей, если б в этом бурном плавании не встретили попутного течения, исходящего из другого притока, из других видов.

Здесь надо заметить, что побуждения, заставившие принять эту реформу, были разносторонние: желаемое ограничение или затруднение университетского образования совпадало с другой заботой, которая очень тревожила администрацию, а именно – с усилением состава военных офицеров, который оказывался очень слабым и требовал, особенно в виду усиления армии, привлечения молодых людей к военному воспитанию, так что предлагаемая мера достигала двух целей, стесняя поступление в университет, она принуждала всех недоучившихся гимназистов и воспитанников других учебных заведений, не выдержавших экзаменов, поступать в военную службу и усиливала ряды армии.

Итак, неожиданный успех этой меры должен быть приписан самым разнородным соображениям: во-первых, традиции времен Императора Николая I [думать] о зловредном духе, распространенном в университетах; во-вторых, глубокому впечатлению страха, произведенному студенческой историей 1862 г. на тогдашнее градоначальство и полицейских властей; в-третьих, желанию пополнить корпус офицеров, недостающих в армии, и наконец, также глубокому убеждению одного Министра и двух ученых профессоров²⁸ в спасительной силе греческого языка (о латинском споре не было).

Но если побуждения были различные, то результат был все-таки один и тот же самый, который преследовался с 1848 года: отвлечь молодое поколение от высшего образования и приманить его к военной службе, которая одна способна внушить тот дух дисциплины, чинопочитания, которым, как доказывает пример Пруссии, спасаются Империи и прославляются их правители.

Мы не касаемся собственно существа вопроса о пользе или вреде классического образования, потому что он не мог

²⁸ Министра народного просвещения графа Д.А.Толстого, редакторов «Московских ведомостей» М.Н.Каткова и П.М.Леонтьева.

войти в соображение лиц, решивших этот вопрос, точно так не мог бы, например, Медицинский совет разрешить вопрос о преимуществе 3-польного и плодопеременного хозяйства, или агрономическое общество – рассудить о вреде той или другой методы лечения. Но собственно вопрос о предпочтении классического образования реальному или наоборот мог быть и оставаться открытым; можно было даже разрешить его предварительно в пользу классицизма, и, разрешив в таком смысле, приготовиться заблаговременно к постепенному приведению в действие этой важной реформы.

Для этого следовало прежде всего усилить состав нашего учебного сословия, подготовить преподавателей, дать материальную и физическую возможность среднему классу, жителям провинции, дворянству, духовенству, купечеству исполнить программу воспитания, им так внезапно заданную, нужно было дать некоторую отсрочку обществу, только что пробуждающемуся к умственной деятельности, чтобы оно успело поднять общий уровень просвещения и тогда уже, приготовив образовательные средства, возвысить и требования обязательного образования.

И если б это было сделано так, то можно было еще продолжать спор о пользе древних языков, но следовало бы допустить, что преобразование это задумано серьезно и чистосердечно, с образовательной целью в виду усовершенствования народного просвещения. Но когда, напротив, оказывается, что обязательность учения узаконена была прежде, чем набраны учителя, когда всюду обнаруживается несостоятельность самого учебного сословия и слабость учеников, когда реформа, имеющая в виду воспитание целого поколения, вырывается внезапно оглушительным шумом, как выезжают пожарные команды на сигнал, поданный с каланчи, – тогда позволено думать, что умысел другой тут был, и что классические языки были выбраны только как один из способов, более благовидных чем другие, для стеснения высшего образования и ограничения числа студентов и слушателей университетских аудиторий.

Из всех замыслов реакционерной партии этот один можно признать вполне удавшимся, ибо последствия этой меры

должны быть столько же вредны для молодого поколения, сколько полезны для реакционерной политики. Молодые люди во всех странах и во все времена непременно впадают в одну из двух крайностей, или, предаваясь науке, серьезному учению (какому бы ни было, классическому или реальному), увлекаются общечеловеческими умозрениями, политическими теориями; или же, ставя образование на второй план, погружаются телом и душой в грубый, материальный разврат, и тогда уже делаются в политическом отношении совершенно безвредными. Поэтому государственные люди, желающие обеспечить правительства от всяких беспокойств, нарочно делают, что запрещают или затрудняют высшее образование, и наоборот, те Правители, которые менее опасаются студентских заговоров, чем телесного и нравственного растления народа, поступают благоразумно, давая полную волю университетскому самообразованию, не стесняя его полицейским надзором, допуская в известных пределах студентские общества и сходки и открывая к ним свободный доступ всем классам жителей, начиная от Наследников Престола до крестьянских сыновей. Последней из этих систем следовала Пруссия неуклонно в течение 50 лет несмотря на убийство Занда и заговоры Тугендбунда и доносы агента русской полиции Коцебу²⁹.

IX

Мы изложили в предыдущих параграфах постепенный ход реакционерного движения, случайный съезд в Петербурге нескольких влиятельных особ в 1866 г., когда еще Н.А. М[илотин] был в полной силе, и тоже отчасти случайную, отчасти предумышленную сходку этих особ в разных кредитных об-

²⁹ А.Ф.Ф. фон Коцебу, писатель, русский консул в Кенигсберге, информировал Александра I о положении в Германии, пользовался репутацией русского шпиона, в 1819 г. был убит студентом К.Ф.Зандом. Тугендбунд (Союз доблести) – немецкое патриотическое общество, основанное в Кенигсберге в 1808 г.

ществах и секретных комитетах, волнения в Петербургском земстве, подготовленные чуть ли не с общего согласия агитаторами и администрацией, чтобы компрометировать земские учреждения в глазах высшего правительства, затем ³⁰ далее болезнь М[илютина], несколько политических заговоров, в коих участвовало несколько студентов, один политический процесс, в коем приговоры оказались слишком снисходительными, задорная полемика Московских журналов по вопросу обрусения, оскорбившая двух администраторов³¹, внушения Ост-Зейского дворянства, поддержанные и некоторыми Германскими Правительствами, что вся Россия подкапывается ³² и общий вывод из всех этих событий, что надо внушить высшему обществу такой политический страх демагогии, нигилизма, социализма, чтобы оно безусловно сложило власть и попечение о внутреннем порядке в те руки, которые ему протягивают...

Мы выше уже сказали, что главные роли в современной реакции играет Польское и Ост-Зейское дворянство и немногие русские фамилии, находящиеся по происхождению или по религии в родстве или свойстве с Польской и Немецкой аристократией.

Замечательно, что между коноводами консервативной партии очень мало кровных и родовитых русских дворян, и наоборот, что все Ост-Зейские бароны поголовно и все те из русских, которые воспитывались или имели постоянное жительство и службу в чужих краях (как напр[имер] большая часть наших дипломатов), исповедуют единодушно веру в демократическое настроение русского общества, угрожающее *России смутами и революцией*.

Мы далеки от мысли приписывать это случайное раздвоение наших высших сословий антипатриотическим чувствам и намекать, как это позволяли себе «Московские ведомости», на

³⁰ В тексте пропуск.

³¹ Возможно, речь идет о графе Э.Т.Баранове, виленском генерал-губернаторе в 1866-68 гг. и А.Л.Потапове, сменившем его на этом посту.

³² В тексте пропуск.

Государственную измену. Мы даже не видим в этом разногласии ничего такого, что бы могло удивить и быть поставленным в вину нашим диссидентам.

Относительно Ост-Зейского и отчасти Польского дворянства следует даже признать, что оно не могло действовать иначе, как действовало, и должно было предвидеть от развития начала самоуправления в России и от применения крестьянского Положения с земельным наделом и волостной организацией к своим поместьям полное распадение своего сословного строя и такое хозяйственное расстройство, какое не угрожало русским землевладельцам; поэтому, не вдаваясь даже в политические соображения о народности, языке, религии (соображения, игравшие очень второстепенную роль в этой оппозиции крупных землевладельцев) и оставаясь на почве чисто материальных, хозяйственных интересов, нельзя не признать, что неудовольствие и противодействие их были основаны на самых уважительных, с их точки зрения, причинах. Они теряли более, чем землевладельцы всероссийских губерний от эмансипации крестьян, а получали вознаграждения менее; в общине, которая для русского помещика не представляла ничего нового, они видели и не могли не видеть **ничего иного, как коммуну нечто подобное коммуне**, организованной самим правительством **наподобие Парижской Коммуны**. В Положении о земских учреждениях они усматривали неминуемое поглощение польского панства и немецкого баронства **финско-латышскими племенами**; наконец, они также не могли не предчувствовать, что при дальнейшем развитии либеральной политики Россия может очень скоро прийти к народному представительству и что тогда пропорция их голосов к общему составу представительного собрания будет как 4 или 5 ко 100.

Это последнее опасение привело их само собой к тесному соглашению с воззрениями правительства, которое со своей стороны уже было несколько озабочено возгласами Петербургских ораторов о земской думе и таким образом по естественному ходу вещей, без всяких натяжек и вследствие обоюдного чувства самосохранения оказалось, что Ост-Зейские и

Польские интересы очень близко сходятся с образом мыслей тех государственных людей, которые опасаются местного и народного представительства, и что для противодействия им они, русские государственные люди, всего вернее могут рассчитывать на поддержку инородцев, заинтересованных не менее правительства в подавлении этих демократических стремлений русского общества.

Что же касается до соучастия некоторых русских или полурусских фамилий, то оно также объясняется простыми причинами, вовсе не имеющими характер предательства и измены. В летописях Польской культуры известно, какую первенствующую роль всегда играли польские женщины и с какою ловкостью, обходя влияние отцов и супругов, они умели передавать вместе с кровью и молоком польские инстинкты своим сыновьям и своим законным или незаконным сожителям; эти инстинктивные чувства и воззрения и были переданы некоторым членам Петербургского высшего общества от матерей и других особ женского пола *польского происхождения*³³, но именно инстинктивно, без сознания, что они польские, так что эти лица вовсе и не воображали себе, что они служат чужестранным интересам, поддаются иноверческим и инородческим влияниям, и думали только защищать священные права собственности, семейства, порядка точно такими же способами, как они охраняются в Западной Европе.

При этом надо еще заметить, что известная часть великосветского общества уже издавна, из рода в род, посвятила себя службе в столице, в гвардии и при Дворе, и вовсе отлучив-

³³ Мать шефа жандармов графа П.А.Шувалова, Фекла Игнатьевна (в первом браке – графиня Зубова) происходила из польского дворянского рода Валентиновичей. Своеобразный миф о подспудном, едва ли не «демоническом» влиянии польских женщин, действовавших в интересах Польши, был весьма широко распространен в русском обществе (см. об этом: Долбилов М.Д. Конструирование образов мятежа: политика М.Н.Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863—1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // Actio nova 2000. М., 2000. С. 358—367).

шись от земского, хозяйственного и мирского быта страны, имеет о нем точно такое понятие, какое иностранные авторы и публицисты дают о России. Их образ мыслей сложился по Европейским понятиям, и в особенности в вопросе аграрном и мирском они разделяют мнения Прусских феодалов и французских консерваторов, что только почетная и безвозмездная служба вотчинников, крупных собственников может охранить народ от козней революционеров.

В этом смысле сделано было несколько попыток, впрочем, оставшихся без успеха, к исправлению крестьянского и мирового положения. Я помню, что тому уже несколько лет, я был однажды приглашен вместе с двумя другими лицами в один частный дом для совещания по делам открывавшегося в то время Общества Взаимного поземельного кредита, и совещание это тем знаменательно, что в нем участвовали два лица, занявшие впоследствии высшие должности государственного управления; в этой беседе (нас было всего 6 лиц) изложена была целая программа консервативной политики, будто бы уже заручившейся согласием высокопоставленных особ, и в заключение предложено было (!!) тем двум лицам, которые были приглашены вместе со мной, поступить (?) в члены Главного комитета о кредитных учреждениях³⁴ для усиления в нем землевладельческого элемента и перестройки крестьянского управления. Мы, однако, скоро увидели, что эти господа действуют без всякого уполномочия, принимая свои собственные пожелания за совершившиеся факты, и поспешили все трое прервать эти тенденциозные совещания и дальнейшие наши сношения с этими непрошенными и незванными нашими доброжелателями.

Другой раз, это было уже менее серьезно, тоже в доме частного лица и в присутствии лиц, поступивших в состав высшей администрации, составлен был, как будто случайно, экспромтом, после ужина нечто вроде секретного Комитета; хозяин до-

³⁴ Описка. Очевидно, имелся в виду Главный Комитет об устройстве сельского состояния («о крестьянских учреждениях»), в компетенцию которого и входили изменения в крестьянском законодательстве.

ма председательствовал, а редактор журнала «Весть» исправлял, по-видимому, должность секретаря. Предложены были самые важные и всеобъемлющие вопросы, но к счастью, совещания оборвались на первом из них, на предложении предоставить крупным землевладельцам голос по праву владения в земских собраниях и почетное звание мировых судей независимо от избрания. На это было сделано одним из присутствующих возражение, что он не надеется, чтобы эти привилегии прибавили хотя бы одного полезного члена в состав земских собраний и мирового института, потому что все крупные землевладельцы, которые пожелали только в них участвовать, уже ныне избраны в гласные и почетные судьи, и что тот резерв крупных собственников, который имеет[ся] в виду еще привлечь вновь к земской службе, в действительности вовсе не существует, не имеется налицо, проживает не на местах в провинции, а в столицах и чужих краях, или же, как прибавил другой оппонент, состоит из таких неспособных и тупых личностей, что доверить им суд и расправу было бы так же опасно, как напр[имер] бросать жребий для командования дивизиями и корпусами между всеми офицерами армии и гвардии.

Эта убедительная аргументация расстроила таинственное совещание, и мы, гости, бежали со страхом из этого дома в позднюю ночь, при тусклом свете догорающих фонарей. Нам так и казалось, что нас преследуют мировые судьи из наших соседей-помещиков, арестуя нас за неблагонамеренный образ мыслей по указаниям редактора *журнала «Весть»*.

Само собой разумеется, что этим смешным эпизодам нельзя бы было придавать серьезного значения, если б действующими в них лицами не являлись между прочими и люди, постепенно впоследствии достигшие власти, и только это обстоятельство и побудило нас упомянуть об этих предварительных попытках главных вождей реакции. Они несколько времени, очевидно, производили только пробы и опыты, выбирали ратников из земских людей, надеялись найти в великороссийских губерниях союзников для поддержки землевладельческого элемента, и только впоследствии, когда эти опыты не удались, когда русские земство и дворянство не

отозвались на их клич, когда они увидели себя покинутыми даже многими из крупных собственников русского происхождения, только тогда обратились по необходимости к тем союзникам, которые уже с самого начала периода реформ предлагали свои услуги для восстановления порядка в взволнованной русской земле.

Мы опять повторяем, что видеть в этом какие-либо козни и интриги так же несправедливо, как приписывать искусственным причинам стечение вод из разных рек, имеющих один общий бассейн. Реакционерная партия в России образовалась, правда, из разноплеменных элементов, но из таких, которые имеют один общий взгляд на все общественные вопросы нашего времени, и они сошлись вместе так же естественно, как сходятся рабочие разных стран в международные ассоциации, *поддерживая свои сословные интересы помимо всех патриотических.*

Первый элемент и главный было Ост-Зейское дворянство; для него вопросы об участковом и подворном владении (противоположность общинному), о вотчинной полиции, церковном попечительстве, школьном патронате и праве голоса по владению (*virilstime*) составляют символ политической веры, исповедуемой единодушно по всем германским поместным сословиям с берегов Двины до Рейна; можно легко себе вообразить, с каким благородным негодованием это просвещенное дворянство увидело, что в России, стране варварской и обязанной первыми всходами своего народного образования немецким учителям, отрицаются с неслыханной дерзостью все те высокие начала, на которых доселе процветала Германская культура.

Второй элемент реакции состоял из немногих Польских фамилий, оставшихся верными присяге среди восстания 1862 г., и потому именно, что их было немного, они и считали себя вправе не только получить за свою верность щедрое вознаграждение, но и распространять те же милости и помилования на всех своих дальнейших родственников, друзей и знакомых, так что все Польское мятежное дворянство подошло понемногу под патронат этих верных поляков, и что правила,

узаконенные Правительством, обратились в исключение, а исключения и льготы – в правило. Но так как льготы дворянам даруются всегда на счет крестьян, то эта либеральная политика в пользу польских землевладельцев поддерживается такими же доводами, как и Ост-Зейская пропаганда, убеждениями, что крестьянское самоуправление ведет к потрясению государственного и гражданского строя России.

Наконец, третий и слабейший элемент есть русский, состоящий, как выше сказано, из людей без твердых убеждений, с высокими, но поверхностными взглядами, и с образом мыслей, позаимствованным весь, целиком, из речей и воззрений иностранных консерваторов; но внутренняя, индивидуальная их слабость отчасти заменяется твердой опорой, которую они находят в дружном содействии просвещенного Ост-Зейского дворянства, отчасти же в спасительном страхе нигилизма и интернациональной ассоциации рабочих, которые они успели внушить и эксплуатируют с большим успехом.

Общей связью между этими составными частями реакционной партии составляют землевладельческие интересы³⁵; надежда изменить основные начала крестьянского Положения слабеет с каждым днем, но возможность парализовать действия этого Положения, привести его в застой, помешать развитию благих его последствий и в то же время дать свободный рост зловердным, – эта возможность еще не утрачена, и этим путем, хотя и несколько дальним, объездным, может быть достигнута желаемая цель, восстановление вотчинных прав, суда и расправы.

По многим, более или менее явственным признакам современного движения можно заключить, что это и составляет непосредственный предмет (объект) настоящей реакции, и, с точки зрения немецкого и польского дворянства, в этом вопросе подразумеваются все прочие; они поступают благоразумно и с политическим тактом, оставляя на время в стороне животрепещущие вопросы о народности, религии, языке и все прочие, – потому, во-первых, что не имеют и надежды их провести, и, во-вторых,

³⁵ Так в тексте.

[потому,] что под влиянием вотчинной власти они впоследствии могут быть проведены сами собой, без огласки.

Для дворянства великороссийских губерний эта глубоко-мысленная комбинация имеет совершенно иное, обратное значение: она налагает на него новую общественную службу, новое тягло, и еще почетное, безвозмездное, не представляя ему даже возможности его исправлять, так как в русских губерниях число дворян в отношении к сельскому населению в *шесть* раз слабее, чем в западном крае³⁶, и не обеспечивая

³⁶ Здесь в сноске к тексту Васильчиков давал следующее, впоследствии вычеркнутое примечание: «Это обстоятельство, различная пропорция между дворянами и крестьянами в России и в Западных губерниях есть факт, заслуживающий особого внимания и до сих пор мало замеченный. По сведениям, взятым из статистического временника 1866 г. (стр. 40—41), оказывается следующее:

	В 8 Западных губерниях	В 31 прочих губерниях
Дворян потомственных, личных и служащих, было обоего пола	450.795	524.297
Сельских сословий разных наименований	6.587.652	42.897.013
На одного дворянина приходится жителей сельских сословий около	14	81

Этой пропорции достаточно, чтобы определить, во-первых, степень влияния дворянского элемента, в 6 раз сильнее в Западном краю, чем в великороссийских губерниях, и, во-вторых, удобства и возможность введения вотчинной полиции, дворянского попечительства и вообще почетной службы землевладельцев в России сравнительно с другими краями. Число кандидатов на эти должности было бы в 6 раз меньше, чем в Литве и Юго-Западном крае, район их действий еще больше, потому что население реже, и служба поэтому несравненно труднее, тяжелее в финансовом отношении и менее действительна. Поэтому понятно, что Польская шляхта домогается этих прав как очень легких и удобных для них орудий влияния, и что, напротив, Русское дворянство видит в тех же правах не привилегию и выгоду, а новое тягло и новые расходы».

ему ни одной из тех выгод, которые могут служить вознаграждением за тяжкие и докучные труды сельского начальства, так что можно безошибочно сказать, что вотчинные права в великороссийских губерниях останутся номинальными правами и мертвой буквой, между тем как в западных и Ост-Зейских губерниях они были бы действительными и многознаменательными.

Но потому-то именно, что эти домогательства, если б они были представлены с той стороны, откуда они исходят, могли бы показаться несколько опасными даже в политическом отношении, потому и требуется, чтобы на первый план, на первую очередь были выставлены русские землевладельцы, их интересы, их заслуги, дающие им право на доверие Правительства, чтобы вотчинные права под каким-либо другим новейшим названием были бы признаны в принципе как мера охранительная; затем она может оказаться по вине самих русских дворян не действительной, безнадёжной в России... но признанная в принципе, она может впоследствии быть применена и к другим областям; сначала к Прибалтийским, где дворянство не менее русского предано Престолу, и со временем и в Польских, где тоже найдутся понемногу верные и преданные сыны отечества.

Х

По делам внешней политики Россия к счастью избежала этих колебаний и поворотов благодаря твердой воли Г[осударя], непосредственно заведывавшего этой частью государственно-го правления, и благоразумному руководству Министра, принадлежащего к другому поколению и к другой школе, чем воспитанники юнкерских и кадетских корпусов времен³⁷. Иностранные дела имели род совершенно обратный внутреннему; они сначала велись скромно, смиренно, и потом, по мере того, как силы наши укреплялись после благодатных отдыхов, получали все более твердое руководство и наконец – торжест-

³⁷ В тексте пропуск.

венное подтверждение наших прав и нашей политической самостоятельности; но мы приписываем это исключительно тому обстоятельству, что внешняя политика не выходила во все настоящее царствование из непосредственного и личного заведывания Г[осударя] и М[инистра], и что все посильные стремления прочих сановников проникнуть в этот тайник остались безуспешны.

А стремления и попытки вмешательства были очень сильны, и в этом вопросе, как и в прочих, высшее общество и высшая администрация резко отделились от общего мнения прочих сословий.

С самого начала царствования и вскоре после Крымской войны обнаружилось в русской прессе и в обществе два направления: одно, исходившее из Москвы, несколько родственное славянофильству, но однако распространившееся гораздо шире, чем тесный кружок этой секты, и постепенно, с помощью польского восстания и Ост-Зейской агитации, обнявшее очень обширный круг средних наших сословий; оно имело своими органами всю Московскую прессу и часть Петербургской, и последователями – большую часть помещиков средней руки, образованных купцов, чиновников и вообще московскую и провинциальную публику. Нельзя сказать, чтобы это направление было очень твердое, ни чтобы понятия русской публики об иностранной политике были очень ясные. Но в основании лежало хотя и смутное, но верное чувство, что Россия не имеет доброжелателей в Европе, что поляки и немцы питают к ней одинаковое неблагоприятное отношение и что единственные союзники, на коих мы могли бы рассчитывать в случае Европейской войны, союзники, ожидающие от России ничего более, как своего освобождения от ига Турок и Немцев, суть Турецкие и Австрийские Славяне.

Другое направление сосредотачивалось в Петербурге, отчасти в литературных и журнальных кружках, издавна ратовавших против славянофилов и Москвы и называвших себя западниками, отчасти в космополитической публике нашей разноплеменной столицы. Оно не имело прямых органов, потому что благоразумные редакторы серьезных журналов не

хотели рисковать своею популярностью, защищая Поляков и Немцев, и с другой стороны, не могли, по причинам, от них не зависящим, проводить открыто своих Западных воззрений, которые могли показаться правительству слишком радикальными.

Полемика этих журналов и тон этой публики ограничивались восхвалением Западной цивилизации, словопрениями с Московскими журналами и в особенности едкими насмешками над славянскими симпатиями и квасным патриотизмом. Во всем этом надо было различить очень тонкие оттенки: тут были и очень крайние мнения, признававшие понятия о народности и отечестве ветошью старых времен; были и сепаратические умыслы восстановления Малороссии вслед за Украиной, Литвой и Польшей; были и родовитые Польские и кровные Немецкие внушения; были, наконец, и аристократические чувства, оскорбленные мужикоманией славянофилов. Великосветское Петербургское общество и высшая администрация стали в эти ряды, очень смешанные...

Особенно их оскорбили овации, сделанные в Москве на конгрессе Этнографического Общества³⁸, и только личной инициативе Государя обязаны бедные депутаты славянских земель, что Полицеймейстеры и Губернаторы Петербурга и Москвы их не арестовали для выдачи Австрийскому Правительству. С тех пор, и еще более при возникновении вопроса об обрусении западного края, вошло в моду, в хороший тон (*bontop или high life*) аристократических домов преследовать презрительными насмешками патриотические увлечения москвичей и обзывать всех славян дикарями и мужиками. Нам часто случалось видеть, как при первом слове о славянском вопросе кавалеры и дамы делали вид, что этот вопрос им тошен, что он него пахнет тулупом и смазными сапогами, что это бред крайних демагогов, и лица их выражали такую брюзгливость, что из приличия надо было переменить разговор. Были и некоторые серьезные попытки

³⁸ Речь, очевидно, идет о Славянском съезде, состоявшемся в Москве в 1868 г. и получившем широкий резонанс в русском обществе.

свернуть нас с пути, которому мы следовали; польские тенденции проникали довольно глубоко, чтобы заставлять нас искать союза Австрии и Франции, в жертву коим приносился славянский вопрос; одно мгновение, к счастью очень краткое, эти усилия чуть было не увенчались успехом; уже амнистия была дарована, уже новые влияния и новые лица были готовы заменить дипломатов устарелых, но безмозглый поляк *Березовский* еще раз спас Россию от происков своих соотечественников³⁹ ... и внешняя политика ускользнула из рук, заправлявших внутренними делами.

Таким образом, и в этой части управления высшее Петербургское общество перешло на сторону недоброжелателей, и хотя мы вовсе не разделяем увлечений славянофильских и еще менее – пристрастия «Московских ведомостей» в обличении интриг и измен, но должны сказать, что это спесивое, жеманное пренебрежение к общественному мнению, соответствующему политике нашего Правительства, имело вредное влияние на иностранные наши сношения; в Немецкие земли понемногу проникло убеждение, что хотя национальная политика, сочувственная Славянам и враждебная Австрии и Турции, поддерживается партией старо-московской (она же и демократическая), но что с другой стороны, в великосветском обществе (оно же и консервативное) славяне пользуются таким же благорасположением, как и при любом Германском дворе; многие дипломаты, принадлежащие к Ост-Зейскому дворянству, не могли скрывать своего чувства презрения к агитациям таких разбойников, как Черногорцы, свинопасов Сербов и земских демагогов; Палацкий и Ригер⁴⁰ считались в этих сферах такими же зловредными трибунами, как Гарибальди и Бакунин.

От этого неясного понимания произошло наконец такое смешение понятий, что почтенные редакторы «М[осковских]

³⁹ 25 мая 1867 г. польский эмигрант А. Березовский совершил покушение на Александра II во время визита русского императора в Париж.

⁴⁰ Известные деятели чешского национально-культурного движения, придерживавшиеся весьма умеренных взглядов.

В[едомостей]» оказались в главе национально-демократической партии, а некоторые Петербургские журналы – в союзе с консерваторами высшей администрации, на стороне Немецкой культуры в оппозиции славянам и москалям. Эта оппозиция также проявлялась в сочувствии блестящей Венской и Венгерской аристократии, противоположной неряшеству славянских племен, также и в искреннем уважении к Наполеоновской политике, охраняющей Европу от социальных смут; одним словом, во всех вопросах крупных и мелких, политических и светских русская аристократия имела такт всегда брать ту сторону, которая более или менее расходилась с мнениями и воззрениями простой публики в России, и поддерживать ту, на которой встречала сочувствие Немцев и Поляков и одобрение правительств и консерваторов других стран. Эта сложная оппозиция, как сказано, не повлияла на нашу внешнюю политику, но я думаю, много ослабила ее действие, и в Германии, особенно в Австрии, внушила надежду, что Немецкая культура может действовать свободно в славянских землях, рассчитывая на поддержку некоторых влиятельных лиц русского правительства и высшего круга русского общества.

XI

Итак, по всем главнейшим предметам и ведомствам нашей внутренней и внешней политики высшие сферы нашей администрации и светского общества вступили, можно сказать, в борьбу с инстинктивными мнениями и тенденциями русского народного быта: консервативные (то есть собственно имущественные и сословные) интересы так близки их чувствительным сердцам, что они становятся на сторону немецкого принципа вотчинного землевладения против русского мирского подушного надела, сочувствуют Германским Правительствам в их противоборстве славянской национальности, и в то же время французскому клерикализму, ратующему за восстановление папской власти, осуждают земское самоуправление,

гласный суд и все прочие реформы, облегчившие тягостный быт среднего и низших классов народа, <нрзб.> с недомыслием, свойственным людям недоучившимся, в суде выбирают из двух сторон ту, которая наименее соответствует образу мыслей и чувствам прочих классов и действительным нуждам и пользам своего отечества, так что в сущности тайная полиция и ультрамонтанское вероисповедание представляются, по их мнению, единственными мерами для обуздания своеволий черни и агитаций радикалов.

К нашему счастью, эти вздорные мнения останавливаются на пороге Царских чертогов, и так как этот порог составляет предмет всех пожеланий, то неудивительно, что, переступая его, истые консерваторы, точно так, как и радикалы, смягчают свои крайние мнения и крутые противоречия. За порогом, в чертогах встречаются поэтому люди с совершенно противоположными убеждениями, друзья Милютин (Николая Алексеевича), родственники Аксакова (И.С.) и с противоположного берега те сановники, которые свергли Милютин, запретили Аксакова – славянофилы и западники, консерваторы и прогрессисты, бывшие члены Редакционной комиссии и настоящие начальники жандармо-полицейского управления. Верховная власть с замечательным искусством тасует их всех вместе и парализует таким образом действия реакционной партии, отдавая ей впрочем полную честь в наружном представительстве, в придворном штате, в воинских почестях и вообще во всех тех отношениях, которые требуют некоторого блеска, приятных форм, ловкого светского обращения.

Этим объясняется некоторое противоречие в мероприятиях и внутренней политике правительства; но противоречие только кажущееся и скрывающее, если не ошибаюсь, действительные виды Верховной власти; она справедливо рассудила, что для одного царствования и одного поколения достаточно уже совершенных реформ и что для их упрочения нужен некоторый период тихого и мирного развития. Для этого она сочла нужным отчасти устранить людей, действовавших в начале царствования, отчасти допустить противную партию, кото-

рая себя выдает за главную опору престола; но окончательно и исключительно выбора между ними не делать, так чтобы они успели сами себя выказать, заслужить доверие страны и вести параллельно свои управления по своим образам мыслей; этот параллелизм проявляется, с одной стороны, в новом Положении о всесословной воинской повинности и в трудах податной комиссии для введения новой податной системы, и с другой – в предположениях об изменении крестьянского самоуправления, в установлении цензуры и многих других, замысливаемых, но еще не состоявшихся преобразованиях прежних преобразований.

Если разуметь в таком смысле виды Высшего Правительства, а другого смысла нельзя и найти, то надо признать, что испытание, производимое над обоюдными силами и способностями этих двух сторон, может принести существенную пользу дальнейшему преуспеянию русской земли. Наши консерваторы, как и консерваторы других стран, оказались очень бойкими в личных интригах, очень смелыми в проектах и разных предположениях, очень сильными в репрессивных мерах, но совершенно неспособными к инициативе, к приведению в действие каких-либо новых порядков, к делу и действию.

Поэтому мы думаем, что это временное владычество реакционной партии будет иметь в России скорее полезное, чем вредное влияние для страны и народа, и укажет как монарху, так и русскому обществу, что нельзя управлять большим государством посредством людей, неприготовленных к государственному управлению.

Но этот период нашего общественного устройства будет иметь, как нам кажется, решительное влияние на политическое и социальное значение высших сословий, и влияние для них очень невыгодное. Связав свои интересы и свою участь с полицейско-жандармским ведомством, став почти поголовно в ряды <нрзб.> агентов этого управления, унизив себя до раболепства перед нашими современными Шефами и помощниками Шефов Начальниками тайной полиции, они окончательно потеряли уважение русского общества, хотя еще и пользуются всеми наружными знаками уважения. Они потеря-

ли также и чувство собственного достоинства, и прятаясь под крыло администраторов, к коим ни один из них не питает искреннего уважения, и которых сам Государь держит только как зло, по его ошибочному мнению, неизбежное, они связали неразлучно свою участь с участью всех временищиков, оставляющих после своего падения глубокий след отвращения в памяти народов. След этот скоро простынет, но на русской земле останется надолго печать их шагов.

В 60-х годах, в первое десятилетие этого царствования, общественная жизнь, казалось, пробуждалась в России с энергией небывалой в наших летописях, и хотя среди этих порывов и были увлечения, натяжки, даже печальные и преступные покушения против правительства, но нетрудно было различить, что все это движение прямо исходит от Царя и к нему возвращается, полное преданности и благодарности за дарованные права. Люди, которые в это время стояли во главе правления и прессы, Милютины, Аксаковы, были не революционеры, но напротив, слишком преданные и покорные слуги самодержавия, воображавшие себе, что оно одно может обновить и осчастливить <?> Россию. Провинциальное местное дворянство помирилось с новыми порядками и в лице лучших избранных людей приняло живое, прямодушное участие в приведении в действие крестьянской, земской, судебной реформ. Крестьянство не только не бунтовало, как навверное то предсказывали консерваторы, но напротив, собственноручно ловило и выдавало правительству агитаторов Земли и Воли и эмиссаров от Поляков.

Вот в это-то именно время, когда⁴¹

⁴¹ Здесь текст рукописи обрывается.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВИД** – Вспомогательные исторические дисциплины.
- ГА РФ** – Государственный Архив Российской Федерации.
- Д.** – дело.
- МВД** – Министерство внутренних дел.
- Оп.** – опись.
- ОВПК** – Общество взаимного поземельного кредита.
- ОР ИРЛИ** – Отдел рукописей Института русской литературы.
- ОР РГБ** – Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки.
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки.
- РГАДА** – Российский Государственный Архив Древних Актов.
- РГИА** – Российский Государственный Исторический Архив.
- РК** – Редакционные комиссии.
- С.Е.И.В.К.** – Собственная Его Императорского Величества Канцелярия.
- Ф.** – фонд.

ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОЧНИКИ

Архивные фонды

РГИА — Российский Государственный Исторический Архив.

Санкт-Петербург

- Ф. 648 — Безобразовых
- Ф. 651 — Васильчиковых
- Ф. 777 — Петербургского цензурного комитета
- Ф. 851 — А.В.Головнина
- Ф. 869 — Милютиных
- Ф. 908 — П.А.Валуева
- Ф. 919 — И.И.Воронцова-Дашкова
- Ф. 932 — А.М.Дондукова-Корсакова
- Ф. 958 — П.Д.Киселева
- Ф. 982 — С.С.Ланского
- Ф. 1092 — Шуваловых
- Ф. 1100 — Р.А.Фадеева
- Ф. 1162 — Государственной канцелярии
- Ф. 1180 — Главного комитета по крестьянскому делу
- Ф. 1282 — Канцелярии министра внутренних дел
- Ф. 1284 — Департамента общих дел Министерства
внутренних дел
- Ф. 1291 — Земского отдела Министерства внутренних дел
- Ф. 1540 — А.П.Платонова
- Ф. 1622 — С.Ю.Витге
- Ф. 1642 — А.Н.Куломзина
- Ф. 1650 — Оболенских

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки, Санкт-Петербург

- Ф. 16 – П.П.Альбединского
- Ф. 37 – А.И.Артемьева
- Ф. 124 – Собрание П.Л.Вакселя
- Ф. 126 – П.А.Валуева
- Ф. 208 – А.В.Головнина
- Ф. 287 – С.М.Жуковского
- Ф. 379 – Ф.П.Корнилова
- Ф. 682 – Н.Н.Селифонтова и Н.И.Бахтина
- Ф. 806 – Н.Ф.Фан дер Флита
- Ф. 856 – И.А.Шестакова
- Ф. 1000 – Собрание единичных поступлений

ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы, Санкт-Петербург

ДД. 9096. LI 6.104; 23 203. CLXVI 6.14.

ГА РФ – Государственный Архив Российской Федерации, Москва

- Ф. 109 – III Отделение С.Е.И.В. Канцелярии
- Ф. 583 – А.А.Половцова
- Ф. 677 – Александра III
- Ф. 678 – Александра II
- Ф. 722 – Мраморного дворца
- Ф. 728 – Зимнего дворца
- Ф. 811 – М.Н.Муравьева
- Ф. 945 – В.А.Долгорукова
- Ф. 1155 – Ростовцевых
- Ф. 1718 – М.Н.Каткова

РГАДА – Российский Государственный Архив Древних Актов, Москва

- Ф. 1273 – Орловых-Давыдовых

- Ф. 1288 — Шуваловых
Ф. 1379 — Мещерских
Ф. 1412 — Бобринских

***ОР РГБ — Отдел рукописей Российской Государственной
Библиотеки, Москва***

- Ф. 58 — И.И. Воронцова-Дашкова
Ф. 120 — М.Н. Каткова
Ф. 126 — А.А.Киреева
Ф. 169 — Д.А.Милютина
Ф. 219 — Орловых-Давыдовых
Ф. 265 — Самариных
Ф. 327 — В.А.Черкасского

*Официально-делопроизводственные материалы,
материалы общественных и сословных учреждений*

- Труды губернских комитетов по улучшению быта крестьян.
Б.м., б.г. Т. 1—15.
- Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому
делу. Т. 1—2. Пг., 1915.
- Приложения к журналу Главного комитета по крестьянскому
делу. Пг., 1915.
- Первое издание материалов Редакционных комиссий для со-
ставления положений о крестьянах, выходящих из крепост-
ной зависимости. Ч. I—XVIII. СПб., 1859—1860.
- Второе издание материалов Редакционных комиссий для со-
ставления положений о крестьянах, выходящих из крепост-
ной зависимости. Т. 1—3. СПб., 1859—1860.
- Приложения к трудам Редакционных комиссий. Отдельные
мнения первого и второго периода занятий. СПб., 1860.
- Приложения к трудам Редакционных комиссий по крестьян-
скому делу. Отзывы членов Губернских комитетов. Т. 1—3.
СПб., 1860.

- Приложения к трудам Редакционных комиссий по крестьянскому делу. Сведения о помещичьих имениях. Т. 1—6. СПб., 1860.
- Журналы и мемории Общего собрания Государственного Совета по крестьянскому делу с 28 января по 14 марта 1861 г. Пг., 1915.
- Положения 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. М., 1916.
- Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, выходящих из крепостной зависимости. Т. 1—13. СПб., 1861—1876.
- Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования положения сельского хозяйства и сельской промышленности. Журналы комиссии. СПб., 1873.
- Приложения. 1. Свод сведений о современном положении сельскохозяйственной промышленности вообще.
- 2.—5. Свод сведений о недостатках современного положения сельскохозяйственной промышленности.
- Свод мер, предложенных для устранения недостатков современного положения сельскохозяйственной промышленности.
- Общие статистические таблицы.
- Частные записки и заметки членов комиссии и других лиц.
6. Стенографические ответы лиц, приглашенных в комиссию. Материалы по земскому общественному устройству. СПб., 1885. Т.1—2.
- Заседания Петербургского собрания сельских хозяев. СПб., 1864 — 1880.
- Журналы Московского губернского земского собрания. М., 1865 — 1880.
- Стенографический отчет заседаний Санкт-Петербургского губернского земского собрания. СПб., 1865 — 1880.
- Петербургское губ. дворянское собрание. Волостное устройство. Проект комиссии. СПб., 1875.
- [Левшин А.И.] Историческая записка о разных предположениях по предмету освобождения крестьян // Десятилетний век. Исторический сборник. Кн. 2. М., 1872.

- Незабвенные мысли незабвенных людей [Записка П.А.Шувалова. 1866 г.] // Былое. 1907. № 1.
- Предложения и проекты П.А.Валуева по вопросам внутренней политики. Публикация В.В.Гармизы // Исторический архив. 1958. № 1.
- Записка П.А.Валуева Александру II о проведении реформы 1861 г. Публикация О.Н.Шепелевой // Исторический архив. 1961. № 1.
- Записка П.А.Валуева Александру II о земских учреждениях. Публикация В.Г.Чернухи // Советские архивы. 1971. № 4.

Воспоминания, дневники, письма

- Автографы известных и замечательных людей (Из архива С.Ю.Витте) // Старина и новизна. Кн. 9. СПб., 1905.
- Валуев П.А. Дневник. 1847—1860 гг. // Русская старина. 1891. № 4—11.
- Валуев П.А. Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел. Т. 1—2. М., 1961.
- Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960.
- Воспоминания Б.Н.Чичерина. Московский университет. М., 1929.
- Воспоминания Б.Н.Чичерина. Земство и Московская дума. М., 1934.
- Дельвиг А.И. Мои воспоминания. Т. 3—4. М., 1913.
- Дневник кн. С.В.Волконского. 1859 г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1905. Т. 20. Вып. 2. Рязань, 1905.
- Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И.Барятинский. Т.3. М., 1891.
- Инсарский В.А. Записки // Русская старина. 1906. № 2—4.
- М.Н.Катков и гр.П.А.Валуев в их переписке // Русская старина. 1915. №. 10—12; 1916. № 6.
- Кокорев В.А. Экономические провалы по воспоминаниям с 1837 года. СПб., 1887.
- Кошелев А.И. Записки (1812—1883 годы). Берлин, 1884.

- Лебедев К.Н. Из записок // Русский архив. 1893. № 3—4, 8; 1897. № 8.
- Лесков Н.С. Письма // Собрание сочинений. Т. 10. М., 1958.
- Либрович С.Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг.; М., 1916.
- Мещерский В.П. Мои воспоминания. Ч. 1—2. СПб., 1897—1898.
- Милютин Д.А. Дневник. Т.1. М., 1947.
- Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860—1862. М., 1999.
- Милютина М.А. Из записок // Русская старина. 1899. №. 1—4.
- Муравьев М.Н. Письма к А.А.Зеленому // Голос минувшего. 1914. № 11.
- Муханов В.А. Из дневных записок В.А.Муханова // Русский архив. 1896. № 10—12; 1897. № 1.
- Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. 1857—1861. М., 1994.
- Переписка министра внутренних дел П.А.Валуева и государственного секретаря С.Н.Урусова в 1866 году. Публикация Л.Г.Захаровой // История СССР. 1973. № 2.
- Письма Победоносцева Александру III. Т. 1. М., 1925.
- Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма. 1840—1876. М., 1997.
- Семенов Н.П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу. СПб., 1889—1892. Т. 1—3.
- Семенов-Тянь-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России в воспоминаниях бывшего члена-эксперта и заведовавшего делами Редакционных комиссий. СПб., 1911—1913. Т. 1—2.
- Скальковский К.А. Воспоминания молодости. (По морю житейскому). 1843—1869. СПб., 1906.
- Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890.
- Соловьев Я.А. Записки // Русская старина. 1881. № 2, 4—5; 1882. № 1, 3—5, 10—11; 1883. № 2—3; 1884. № 2—3.

- Стремоухов П.Д. Заметка одного из депутатов первого призыва // Русская старина. 1900. № 4.
- Стремоухов П.Д. Из воспоминаний о графе П.А.Валуеве // Русская старина. 1903. № 1.
- Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В.А.Черкасского. Т. 1. Кн. 1—2. М., 1901-1904.
- Усов П.С. Воспоминания о Р.А.Фадееве // Исторический вестник. 1884. Т. 15. № 2.
- Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848—1896). Воспоминания. М., 1991.
- Шереметев С.Д. Мемуары графа С.Д.Шереметева. М., 2001.
- [Шереметев С.Д.] «Воспитанный на чуждых нам началах...» Очерк графа С.Д.Шереметева о графе П.П.Шувалове. // Исторический архив. 1997. № 1.

Публицистика

- Безобразов Н.А. Две записки по вотчинному вопросу с предисловием и общим замечанием. Берлин, 1859.
- Безобразов Н.А. По вотчинному вопросу мнение и развязка. Берлин, 1860.
- Безобразов Н.А. О свободном труде при поместном устройстве. СПб., 1863.
- Бланк Г. Русский помещичий крестьянин // Труды императорского вольного экономического общества. 1856. Июнь. Т. 2. № 6. С. 117—129.
- Бланк Г. Движение законодательства в России. СПб., 1869.
- [Бланк Г.Б.] Слияние сословий или дворянство, другие состояния и земство. Ответ гг. Аксакову, Кошелеву и кн. Васильчикову. СПб., 1870.
- Бумаги по крестьянскому делу М.П.Позена. Дрезден, 1864.
- [Васильчиков А.И., Самарин Ю.Ф.] Русский администратор новейшей школы: Записка псковского губернатора Б.Обухова и ответ на нее. Берлин, 1868.
- Европеец [Н.А.Лобанов-Ростовский]. Молодая Россия. Штутгарт, 1871.

- Р.С.Т. [Н.А.Лобанов-Ростовский]. Наша бедность. Берлин, 1879.
- Г. Д.[Н.А.Лобанов-Ростовский]. Социальные реформаторы. Штутгарт, 1880.
- Г. Д.[Н.А.Лобанов-Ростовский]. Что народу нужно. Штутгарт, 1881.
- Г. Д.[Н.А.Лобанов-Ростовский]. Между Востоком и Западом. Рязань, 1890.
- Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование Александра II. Т. 1—3. Берлин, 1860—1862.
- Мещерский В.П. Речи консерватора. СПб., 1876. Вып. 1—2.
- Московские письма. Предложения Н.А.Безобразова московскому дворянству. Берлин, 1862.
- [Орлов-Давыдов В.П.] Положение о крестьянах Эстляндской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1857. Кн. 6. Отд. Неофиц. С. 43—92.
- [Орлов-Давыдов В.П.] *Réflexions préalables sur les bases proposées au mode de l'emancipation des serfs en Russie, par un député d'un comité provincial.* Paris, 1859.
- [Орлов-Давыдов В.П.] *Lettre d'un député de comité à monsieur le président de la Commission de Rédaction, Aide de camp général Rostovtsoff.* Paris, 1859.
- [Орлов-Давыдов В.П.] О настоящих обязанностях русского дворянства. Париж, 1961.
- Орлов-Давыдов В.П. Земледелие и землевладение. СПб., 1873.
- Р.С.Т., З.Н.П. Три партии. Мы на перепутье. Берлин, 1860.
- Русский [П.А.Валуев]. Русские заграничные публицисты. Берлин, 1875.
- Самарин Ю., Дмитриев Ф. Революционный консерватизм. Берлин, 1875.
- Суворин А.С. Очерки и картинки. Кн. 1—2. СПб., 1875.
- Фадеев Р. Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?). СПб., 1874.
- Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М., 1862.
- Шидловский Д.Н. Записка министру внутренних дел С.С.Ланскому // Шестидесятые годы. М.—Л., 1940.

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Р.А.Фадеев, С.Ю.Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881—1883 гг. // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971 (Труды ЛОИИ СССР. Вып. 12).
- Баграмян Н.С. Помещичьи проекты освобождения крестьян // Революционная ситуация в России в 1859—61 гг. М., 1962.
- Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 1—4. СПб., 1909—1911.
- Веселовский Б.Б. Исторический обзор деятельности земских учреждений Санкт-Петербургской губернии (1865—1915). Пг., 1917.
- Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957.
- Гетманский А.Э. Российский министр европейского типа (политические взгляды и государственная деятельность П.А.Валуева в 70—80-е годы XIX века). Тула, 2001.
- Гросул В.Я., Итенберг Б.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.
- Долбилов М.Д. Политическое самосознание дворянства и отмена крепостного права в России // Общественное сознание в переходные и кризисные эпохи. М., 1996.
- Долбилов М.Д. Александр II и отмена крепостного права // Вопросы истории. 1998. № 10.
- Долбилов М.Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850—1860-х годах // Вопросы истории. 2000. № 6.
- Долбилов М.Д. Конструирование образов мятежа: политика М.Н.Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863—1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // Actio nova 2000. М., 2000.
- Дружинин Н.М. Московское дворянство и реформа 1861 г. // Известия АН СССР. Сер. История. 1948. Т. V. № 1.
- Дружинин Н.М. Журнал Землевладельцев (1858—1860) // Дружинин Н.М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. М., 1987.

- Зайончковский П.А. Военные реформы 1860—70 гг. в России. М., 1952.
- Зайончковский П.А. Советская историография реформы 1861 г. // Вопросы истории. 1861. № 2.
- Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968.
- Захарова Л.Г. Отечественная историография о подготовке крестьянской реформы 1861 г. // История СССР. 1975. № 2.
- Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права. М., 1984.
- Захарова Л.Г. Крестьянская община в реформе 1861 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1986. № 5.
- Захарова Л.Г. Самодержавие и реформы в России. 1861—1874. (К вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992.
- Захарова Л.Г. Крестьянская реформа 1861 г. в исторической перспективе (к проблеме: Россия и Запад – выбор пути развития) // Україна, Россия в панорами століть. Чернівці. 1998.
- Иорданский Н.И. Конституционное движение 60-х годов. СПб., 1906.
- Китаев В.А. К вопросу о полемике между Катковым и Чичериным в 1862 г. // Ученые записки Горьковского гос. Университета. Вып. 151. Горький, 1971.
- Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904 гг. М., 1979.
- Корнилов А.А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В.А.Арцимовиче // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904.
- Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855—1881). Исторические очерки. М., 1909.
- Корнилов А.А. Губернские комитеты по крестьянскому делу // Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905.
- Кузнецов О.В. Р.А.Фадеев – генерал и публицист. Волгоград, 1998.
- Левандовский А.А. Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А.А.Корнилов. М., 1982.

- Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995.
- Ливен Доминик. Аристократия в Европе. 1815—1914. СПб., 2000.
- Майкова К.А. Архив Орловых-Давыдовых // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 32. М., 1971.
- Нардова В.А. Законодательные документы 60-х годов XIX в. об адресах на «высочайшее» имя // ВИД. Т. IX. Л., 1977.
- Нардова В.А., Чернуха В.Г. Законы 13 июля 1867 г. // ВИД. Вып. 11. Л., 1979.
- Оржеховский И.В. Третье отделение // Вопросы истории. 1972. № 2.
- Оржеховский И.В. Комитет «общественного спасения» 1866 г. // Общественно-политическая мысль и классовая борьба в России в XVIII—XIX вв. Горький, 1973.
- Оржеховский И.В. Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866—78 гг.). Лекции по спецкурсу. Горький, 1973.
- Оржеховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60—70-х гг. XIX в. Горький, 1974.
- Попов И.П. Из истории оппозиционного движения в Рязанской губернии в начале 60-х гг. XIX в. // Ученые записки Рязанского гос. пед. института. Т. 62. Рязань, 1969.
- Попов И.П. Либеральное движение дворянства в период подготовки и проведения реформы 1861 г. // Вопросы истории. 1973. № 3.
- Попов И.П. Тверское выступление 1862 г. и его место в событиях революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1974.
- Попов И.П. Истоки и программа либерального движения в России в середине XIX века (по материалам Рязанской губернии) // Общественная жизнь в Центральной России в 16—начале 20 в. Воронеж, 1995.
- Рибер А.Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992.

- Рибер А. Социальная идентификация и политическая воля: русское дворянство от Петра I до 1861 г. // П.А.Зайончковский. 1904—1983 гг. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998.
- Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения. «Круглый стол» // Отечественная история. 2001. № 3.
- Скороспелова В.А. Основание газеты «Весть» и ее программные задачи // Проблемы истории СССР. Вып. 3. М., 1973.
- Скороспелова В.А. Московское дворянское собрание 1865 г. и газета «Весть» // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1974. № 2.
- Сладкевич Н.Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века. Л., 1962.
- Сладкевич Н.Г. Об общественно-политических настроениях дворянства в 1861—1862 гг. // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976.
- Сладкевич Н.Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х – начала 60-х годов XIX века. Л., 1979.
- Степанов В.Л. Дмитрий Андреевич Толстой // Русские консерваторы. М., 1997.
- Степанов В.Л. Н.Х.Бунге. Судьба реформатора. М., 1998.
- Филиппова Т.А. Мудрость без рефлексии. (Консерватизм в политической жизни России) // Кентавр. 1993. № 6.
- Филиппова Т.А. Петр Андреевич Шувалов // Российские консерваторы. М., 1997.
- Фриз Грегори Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Саратов, 2000.
- Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция реформам и проблема организации местного управления в России в 50—70-е годы XIX века // Отечественная история. 2000. № 1.
- Христофоров И. А. Дворянские собрания о судьбе «высшего сословия» после отмены крепостного права (60-е гг. XIX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2000. № 3.

- Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике 60—70-х гг. XIX в. Л., 1972.
- Чернуха В.Г. Программная записка министра внутренних дел П.А.Валуева от 22 сентября 1861 г. // ВИД. Вып. 7. Л., 1976.
- Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.
- Чернуха В.Г. Из истории государственных учреждений: Главный Комитет об устройстве сельского состояния. 1861—1882 // ВИД. Вып. 13. Л., 1982.
- Чернуха В.Г. Неизвестное публицистическое сочинение А.И.Васильчикова // ВИД. Вып. 16. Л., 1985.
- Чернуха В.Г. Петербургское собрание сельских хозяев (1860-е гг.) // ВИД. Вып. 17. Л., 1985.
- Чернуха В.Г. Создание Общества взаимного поземельного кредита // Монополии и экономическая политика царизма в кон. XIX — нач. XX вв. Л., 1987.
- Чернуха В.Г. Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (сер. 70-х гг. XIX в.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988.
- Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати в 60—70-е годы XIX века. Л., 1989.
- Чернуха В.Г. Забытый общественный деятель В.П.Орлов-Давыдов // Из глубины времен. 1996. № 6.
- [Чернуха В.Г.] Великие реформы. Попытка преодоления кризиса // Самодержавие и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996.
- Чернуха В.Г. Император Александр II и фельдмаршал кн. А.И.Барятинский // Россия в XIX—XX вв. Сборник статей к 70-летию Р.Ш.Ганелина. СПб., 1998.

- Czap P. P.A.Valuev's Proposal for a Vyt` Administration // Slavonic and Eastern European Review. No. XLV, July 1967.
- Czap P. Peasant-class courts and peasant customary justice in Russia, 1861—1912 // Journal of social history. 1967. Vol.1. No 2.
- Emmons T. The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge Univ. Press, 1968.

- Field D. *The End of Serfdom. Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–61.* Harvard University Press, 1976.
- Field D. *The reforms of the 1860-s // Windows on the Russian Past. Essays on Soviet historiography since Stalin.* Columbus, 1978.
- Macey D.A.J. *Government and Peasant in Russia, 1861–1906. The Prehistory of the Stolypin Reforms.* DeKalb, 1987.
- Pearson T. *Russian Law and Rural Justice: Activity and Problems of the Russian Justices of Peace, 1865–1889 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Wiesbaden, 1984. Bd. 32.
- Starr S.F. *Decentralisation and Self-Government in Russia, 1830–1870.* Princeton, 1972.
- Wcislo, Francis W. *Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855–1914.* Princeton, 1990.
- Yaney G.L. *The Sistematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia.* Urbana, 1973.
- Yaney G.L. *The Urge to Mobilize. An Agrarian Reform in Russia. 1861–1930.* Urbana, 1982.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Курсивом выделены фамилии дореволюционных и современных исследователей.

Список принятых в указателе сокращений:

ад. – адъютант

газ. – газета

гв. – гвардии

ген. – генерал

ген.-губ. – генерал-губернатор

губ. – губернский

гос. – государственный

деп-т – департамент

дир. – директор

журн. – журнал

имп. – императорский

пред. – председатель

МВД – Министерство внутренних дел

С.Е.И.В.К. – Собственная Его Императорского Величества Канцелярия

Абаза Александр Агтеевич (1821–1895) – член Совета министра финансов (1865), гофмейстер двора великой княгини Елены Павловны (1867), гос. контролер (1871–74), пред. департамента гос. экономии Гос. совета (1874–80), министр финансов (1880–81). 265

Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888) – граф, один из ближайших друзей Александра II, командующий Имп. Главной квартирой (1861–70), министр имп. двора (1870–81). 98, 161, 162

Адлерберг Владимир Федорович (1790–1884) – граф, отец А.В.Адлерберга, министр имп. двора (1852–70), член Секретного (с 1858 г. – Главного) комитета по крестьянскому делу (1857–61). 98

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – публицист и общественный деятель, славянофил, редактор журн. «Сельское благо-

- устройство» и «Русская беседа» (с 1858 г.), газ. «День» (1861–65), «Москва» (1867–68). 145, 354, 358, 360, 379, 381, 389
- Александр I** (1777–1825), император (с 1801). 323, 325, 345
- Александр II** (1818–1881), император (с 1855). 13, 26, 28, 70, 73–75, 85, 86, 90, 91, 98, 99, 102, 105, 106, 107, 109, 113, 114, 117, 128, 129, 161, 162, 164, 167, 168, 173, 176, 180–182, 186, 187, 189, 200, 204, 210–212, 216, 217, 225, 229, 232, 244, 250, 261, 267, 274, 281, 288, 300–302, 314, 316, 317, 328–331, 374–377, 384, 387, 388, 390–392, 395
- Александр Александрович** (1845–1894), великий князь, с 1881 г. – император **Александр III**. 23, 261, 298, 318, 384, 388
- Альбединский Петр Павлович** (1825–1883) – ген.-ад., лифляндский, эстляндский и курляндский (1867–70), виленский (1874–80) ген.-губ. 33, 217–220, 240, 384
- Ананьич Б.В.** 391
- Апраксин Виктор Владимирович** – граф, камер-юнкер (1849), орловский губ. предводитель дворянства (1856–65), член-эксперт Редакционных комиссий (1859–60), впоследствии – камергер и действительный статский советник (1863), почетный мировой судья Севского уезда Орловской губ. 64–66, 72, 74, 79, 82–84, 89, 91, 103, 123, 270
- Аракчеев Алексей Андреевич** (1769–1834) – граф (1799), военный министр (1808–10), пред. деп-та военных дел Гос. совета (1810–12), главный начальник военных поселений (1817–25). 323, 326, 340
- Артемьев Александр Иванович** – чиновник МВД. 30, 98, 105–108, 111, 122, 171, 384
- Арцимович Виктор Антонович** (1820–1893) – тобольский (с 1854), калужский (1858–63) губернатор, член Учредительного комитета и Гос. совета Царства Польского (1863–66). 392
- Баграмян Н.С.** 13, 14, 391
- Бакунин Михаил Александрович** (1814–1876) – революционер, идеолог анархизма. 360, 377
- Бакунины, Николай** (1818–1901) и **Алексей** (1823–1882) **Александровичи** – активные участники оппозиционного дворянского движения конца 1850-х – начала 1860-х гг. в

Тверской губернии, арестованы и осуждены по так называемому делу тверских мировых посредников (1862). 153

Баранов Эдуард Трофимович (1811—1884) – граф, ген.-ад., председатель совета Главного общества железных дорог, эстляндский, лифлянский и курляндский (1866), виленский (1866—68) ген.-губ., член Гос. совета. 208, 366

Барятинский Александр Иванович (1815—1879) – князь, ген.-фельдмаршал (1859), друг Александра II, командующий Отдельным Кавказским корпусом и наместник на Кавказе (с 1856), в 1859 г. нанес решительное поражение Шамилю и взял его в плен, в 1860 г. ушел в отставку по болезни, назначен членом Гос. совета, жил в основном за границей и в своих имениях, был активным противником военных реформ Д.А.Милютина. 7, 32, 42, 104—108, 183, 250, 259—261, 267, 268, 281, 283, 294, 387, 395

Барятинский Владимир Иванович (1817—1875) – князь, брат А.И.Барятинского, командир гв. кавалергардского полка (1861—66), ген.-ад. 183

Бахтин Николай Иванович (1796—1869) – член Гос. совета, Главного комитета об устройстве сельского состояния. 387

Безак Николай Павлович – член Петербургского губ. комитета по крестьянскому делу. 55

Безобразов Владимир Павлович (1828—1889) – экономист и публицист, секретарь Русского географического общества (1857—58, 1862—64), член комиссии по устройству земских банков (1859). 144, 145, 183, 238

Безобразов Иван Сергеевич – член и депутат Владимирского губ. комитета по крестьянскому делу. 124, 144

Безобразов Михаил Александрович (1815—1887) – крупный землевладелец, один из активнейших деятелей «крепостнической» дворянской оппозиции крестьянской реформе 1861 г., петербургский уездный предводитель дворянства (1872—75), депутат от дворянства в Главном выкупном учреждении, член дворянской комиссии Петербургской губернии по выработке проектов местной реформы (1873—75). 39, 40, 47—50, 57, 67, 70, 71, 80, 89, 91, 98, 105, 114, 117, 125, 135, 270, 277

- Безобразов Николай Александрович** (1816—1867) – брат М.А.Безобразова, петербургский (1849—53) и волоколамский уездный предводитель дворянства, один из основателей газеты «Весть» (1863), последовательный защитник дворянских сословных прав. 32, 39, 48—50, 67, 70, 80, 89, 91, 98, 114, 115, 125, 135, 139—141, 146, 147, 149, 150, 152, 157, 159, 160, 167, 175, 178, 179, 183, 188, 192, 223, 389, 390
- Березовский Антон Иосифович** (1847—?) – поляк, участник восстания 1863 г., 6 июня 1867 г. в Париже стрелял в Александра II. 377
- Бизюкин Александр Дмитриевич** – консервативный дворянский деятель, член комиссии петербургского дворянского собрания по выработке проекта земских учреждений (1862—63), член петербургского губ. по крестьянским делам присутствия. 140, 157
- Бланк Григорий Борисович** (1811—1889) – крупный тамбовский землевладелец, член губ. комитета по крестьянскому делу, публицист, автор памфлетов «крепостнического» содержания, активный сотрудник газеты «Весть», в 1870—80-х гг. гласный тамбовского губ. земского собрания. 47, 70, 71, 107, 160, 270, 389
- Бланк Петр Борисович** (1821—?) – брат Г.Б.Бланка, член тамбовского губ. комитета по крестьянскому делу, публицист, земский деятель. 70, 71, 160
- Бобринский Александр Алексеевич** (1823—1903) – граф, генеалог и общественный деятель, петербургский губернатор (1861—64) и губ. предводитель дворянства (1869—72), шталмейстер (1870), шурин графа Петра Андреевича Шувалова. 33, 194, 204, 209, 238, 248, 270, 310, 315
- Бобринский Алексей Александрович** (1852—1927) – граф, сын А.А.Бобринского, петербургский уездный (1875—76) и губ. (1876—78, 81—99) предводитель дворянства, в 1906—12 гг. – пред. Совета объединенного дворянства. 277
- Бобринский Алексей Павлович** (1826—1894) – граф, двоюродный брат Александра Алексеевича Бобринского, богородицкий уездный предводитель дворянства (1852—55), один из основателей Общества взаимного поземельного кредита (1866), товарищ министра (1871—72) и министр (1871—74)

путей сообщения, после отставки жил в Богородицком имении. 30, 31, 66, 72—75, 89, 99, 100, 106, 116, 126, 159, 182, 183, 185—193, 197, 200, 202, 208, 213, 220, 221, 259, 262, 265

Бобринский Василий Алексеевич – граф, предводитель дворянства тульской губернии (1862—63). 178

Бобринский Владимир Алексеевич (1824—1898) – граф, брат Александра Алексеевича Бобринского, товарищ министра (1868—69) и министр (1869—71) путей сообщения. 72, 99, 183

Брусникин Е.М. 318

Бунге Николай Христианович (1823—1895) – экономист, в разное время – профессор, декан, ректор Киевского университета, член-эксперт Редакционных комиссий (1859—60), товарищ министра (1880—81), министр (1881—86) финансов, пред. Комитета министров (1887—95). 247, 318, 394

Бутурлин Алексей Петрович (1802—1863) – ген.-лейтенант, сенатор (с 1861). 150, 156

Бутурлин Дмитрий Михайлович – граф. 317

Бушен Артур Богданович фон – чиновник Министерства финансов, член Валуевской комиссии (1872—73). 270, 271

Ваганов Николай Алексеевич – псковский землевладелец, гласный губ. земского собрания и член губ. земской управы. 202

Валуев Петр Александрович (1815—1890) – граф (1880), курляндский губернатор (1854—58), дир. 2 и 3-го деп-тов Министерства гос. имуществ (1858—60), управляющий делами Комитета министров (1861), министр внутренних дел (1861—68), гос. имуществ (1872—79), пред. Комитета министров (1879—81). 7, 26, 28, 30, 31, 33, 51, 88, 100, 102, 109, 117, 127—132, 140, 141, 155—157, 160, 164—171, 177, 180, 183, 186—189, 191, 195—200, 203—205, 208, 212—214, 218—222, 225—226, 230, 239, 244, 252, 254, 265, 268—274, 281—284, 287, 289, 290, 292, 293, 299, 300, 304, 306, 313, 383, 384, 387—391, 395

Ваксель П.Л. – коллекционер автографов. 40, 384

Васильчиков Александр Илларионович (1818—1881) – князь, общественный деятель и публицист. 18, 26, 155, 163, 182, 184, 185, 189, 190, 192, 195, 196, 201, 205, 214, 215, 222, 255, 257, 270, 280, 284, 317, 320—322, 340, 389, 395

- Васильчиков Илларион Васильевич** (1776—1847) – князь, пред. Гос. совета и Комитета министров (1838—47), дед А.И.Васильчикова. 320
- Васильчиков Илларион Илларионович** (1805—1862) – князь, киевский ген.-губернатор (1852—62), член Гос. Совета (1861), отец А.И.Васильчикова. 320
- Васильчиков Петр Алексеевич** (1829—1898) – гласный московского губ. земского собрания, член Славянского благотворительного комитета, зять графа В.П.Орлова-Давыдова, брат княгини Е.А.Черкасской. 178, 179, 226, 230
- Васильчикова Евгения Владимировна** – дочь графа В.П.Орлова-Давыдова. 226
- Веселовский Б.Б.* 391
- Витте Сергей Юльевич** (1849—1915) – граф (1905), племянник Р.А.Фадеева, министр финансов (1892—1903), пред. Комитета министров (1903—04), Совета министров (1905—06). 23, 32, 236, 284, 383, 387, 391
- Войцехович Алексей Иванович** – камергер (1839), сенатор (1854), член Гос. совета (1872). 161
- Волков Николай Степанович** – член и депутат псковского губ. комитета по крестьянскому делу, псковский губ. предводитель дворянства (1862—65). 227
- Волконский Сергей Васильевич** (1819—1884) – князь, раненбургский уездный предводитель дворянства, член и депутат Рязанского губ. комитета по крестьянскому делу, пред. рязанской губ. земской управы. 30, 91, 92, 95, 204, 387
- Воронцов Семен Михайлович** (1823—1882) – князь, ген.-ад., крупный землевладелец, с 1865 г. – одесский городской голова. 72, 99, 107, 164, 166, 195, 234, 262, 306
- Воронцов-Дашков Илларион Иванович** (1837—1916) – граф, зять графа Андрея Павловича Шувалова, шурина князя С.М.Воронцова, ад. князя А.И.Барятинского (1859—62), друг великого князя Александра Александровича, командир гв. гусарского полка (1867—74), главный начальник Охраны Е.И.В. (1881) и министр имп. двора (1881—97), руководитель «Святой дружины» (1881—82). 33, 134, 183, 261, 262, 265, 298, 383, 385

Гагарин Иван Васильевич (1807–1866) – князь, воронежский губ. предводитель дворянства (1853–59), председатель и депутат губ. комитета по крестьянскому делу. 70, 90, 91, 95, 97

Гагарин Лев Николаевич (1828–1868) – князь, член Московского губ. комитета по крестьянскому делу, московский губ. предводитель дворянства (1862–69). 178, 183

Гагарин Павел Павлович (1789–1872) – князь, член Гос. Совета, Секретного (с 1858 г. – Главного) комитета по крестьянскому делу (1857–61), пред. департамента законов Гос. совета (1862–64), пред. Комитета министров (1864–72). 51, 52, 127–131, 134, 198, 202, 306

Галаган Григорий Павлович (1819–1888) – прилукский уездный предводитель дворянства, член Черниговского губ. комитета по крестьянскому делу, член-эксперт Редакционных комиссий (1859–60). 88

Ганелин Р.Ш. 391, 395

Гарibaldi Джузеппе (1807–1882) – итальянский революционер. 377

Гармиза В.В. 16, 26, 145, 160, 387, 391

Георгиевский Александр Иванович (1829–1911) – друг М.Н.Каткова, пред. Ученого комитета министерства просвещения. 292

Герсванов Николай Иванович – генерал-майор, публицист, автор брошюры «О социализме Редакционных комиссий» (1860). 160

Герцен Александр Иванович (1812–1870) – русский писатель, философ и революционер, основатель «Вольной русской типографии» в Лондоне (1853), издатель газеты «Колокол» (1857–67). 177, 354, 355, 358, 360

Гетманский А.Э. 391

Годунов Борис (1552–1605), царь (с 1598). 86

Голицын Борис Дмитриевич (1819–1878) – князь, член-эксперт Редакционных комиссий (1859–60), ген.-ад. (1869). 161, 183, 207, 259, 262

Головин А.А. – сенатор. 156

- Головин Иван Гаврилович** (1816—1890) — публицист, с 1841 г. в эмиграции. 358
- Головин Константин Федорович** (1843—1913) — писатель и публицист, автор работ по местному управлению, землевладению. 318
- Головин Александр Васильевич** (1821—1886) — ближайший помощник и советник великого князя Константина Николаевича, министр просвещения (1861—66), член Гос. совета. 30, 265, 283, 301, 306, 383, 384
- Голохвастов Дмитрий Дмитриевич** (1839—?) — звенигородский уездный предводитель дворянства, гласный московского губ. земского собрания. 175, 176, 178, 179, 228, 229, 231, 252
- Горчаков Александр Михайлович** (1798—1883) — князь, министр иностранных дел (1856—82), гос. канцлер (1867). 330
- Грейг Самуил Алексеевич** (1827—1887) — дир. канцелярии морского министерства (1860—66), товарищ министра финансов (1866—74), гос. контролер (1874—78), ген.-ад. 218, 265
- Гросул В.Я.* 13, 20, 318, 391
- Губарев Дмитрий Николаевич** — рязанский земский деятель и публицист. 239
- Дашков Дмитрий Васильевич** (1788—1839) — гос. деятель и дипломат, министр юстиции (1832—39), главноуправляющий II отделением С.Е.И.В.К. (1839). 324
- Джаншиев Г.А.* 11
- Дельвиг Андрей Иванович** (1813—1887) — барон, член Комитета железных дорог, член Совета министра путей сообщения (1868—71), сенатор (1869). 31, 159, 299, 305, 387
- Дерби Эдуард Генри Смит Стенли** (1826—1893) — лорд, министр иностранных дел Великобритании. 286
- Дмитриев Федор Михайлович** (1829—1894) — правовед, профессор Московского университета. 302, 303, 306, 390
- Долгоруков Василий Андреевич** (1804—1868) — князь, военный министр (1853—56), член Секретного (с 1858 г. — Главного) комитета по крестьянскому делу (1857—61), шеф жандармов (1856—66), обер-камергер (1866—68). 28, 50—54, 104, 127, 128, 130—133, 141, 165, 198, 244, 384

- Долгоруков Петр Владимирович** (1816—1868) – князь, генеалог, с 1859 г. в эмиграции, автор многочисленных «разоблачительных» памфлетов, был близок к А.И.Герцену. 158, 159, 358
- Долгоруков Юрий Алексеевич** (1807—1882) – князь, сенатор (1857), тайный советник. 156
- Долгорукова Екатерина Михайловна** (с 1880 – светлейшая княгиня **Юрьевская**, 1847—1922) – фаворитка и морганатическая жена (1880) Александра II. 300, 301
- Долбилов М.Д.** 14,15, 39, 368, 391
- Дондуков-Корсаков Александр Михайлович** (1820—1893) – князь, ген.-ад., начальник штаба Войска Донского (1859—63), в 1863—69 гг. в отставке, гласный псковского губ. земства и член губ. земской управы, киевский ген.-губ. (1869—77). 207, 209, 213, 218, 225, 383
- Дружинин Н.М.** 46, 391
- Дубельт Леонтий Васильевич** (1792—1862) – начальник штаба (с 1835) и управляющий III отделением С.Е.И.В.К. (1839—56). 324
- Европеус Александр Иванович** (1827—1885) – один из лидеров тверской дворянской либеральной оппозиции в конце 1850-х – начале 1860-х гг., друг А.М.Унковского. 153
- Екатерина II** (1729—1796) – императрица (с 1761). 323, 325, 345
- Елена Павловна** (урожденная принцесса **Фредерика Бюргенбергская**, 1806—1873) – великая княгиня, жена великого князя Михаила Павловича, покровительствовала либеральным реформаторам. 171
- Елизавета Петровна** (1709—1761) – императрица (с 1841). 345
- Желтухин Алексей Дмитриевич** (1820—1865) – пензенский помещик, редактор «Журнала землевладельцев» (1858—60), член-эксперт Редакционных комиссий (1859—60), затем – помощник статс-секретаря в Гос. совете. 46
- Жирарден Эмиль** – французский журналист. 138
- Жуковский Степан Михайлович** (1818—1877) – управляющий делами Секретного (с 1858 г. – Главного) комитета по крестьянскому делу (1857—61), Особого комитета об уст-

ройстве крестьян в Царстве Польском, член Редакционных комиссий (1859—60) и Главного комитета об устройстве сельского состояния. 188, 316, 384

Зайончковский П.А. 7, 12, 16, 216, 319, 392

Занд К.Ф. – немецкий студент, убийца А.Ф.Ф. фон Коцебу (1819). 365

Захарова Л.Г. 12, 13, 36, 54, 58, 69, 75, 78, 127, 128, 133, 138, 186, 242, 319, 392

Зеленой Александр Алексеевич (1819—1880) – ген.-ад., товарищ министра (1857—62) и министр (1862—72) гос. имуществ. 131, 183, 198, 204, 205, 316, 334, 388

Зеленой Александр Сергеевич – псковский помещик, участковый мировой судья и гласный холмского уездного земского собрания, постоянный автор газеты «Весть». 225

Зиновьев Василий Васильевич (1814—1891) – ген.-ад., с 1868 г. – гофмаршал двора великого князя цесаревича Александра Александровича. 261

Зиновьев Дмитрий Васильевич – крупный землевладелец. 156

Зиссерман Арнольд Львович (1824—1897) – сотрудник князя А.И.Барятинского и автор его биографии. 32, 250, 261, 267, 387

Зубов Петр Алексеевич (1819—1880) – граф, сенатор. 208

Иванов Сергей Сергеевич – член и депутат губ. комитета по крестьянскому делу, смоленский губ. предводитель дворянства (1865—71), орловский губернатор (с 1871). 111, 113, 130

Игнатьев Павел Николаевич (1797—1879) – граф (1877), ген. от инфантерии, член Гос. совета (1852), петербургский ген.-губ. (1854—61), пред. Комитета министров (1872—79). 41, 57, 289

Инсарский Василий Антонович – начальник канцелярии князя А.И.Барятинского, член Совета министра внутренних дел, тайный советник (1868). 32, 284, 387

Иорданский Н.И. 12, 392

Исаков Николай Васильевич (1821—1891) – ген. от инфантерии, попечитель московского учебного округа (1859—63), главный начальник военно-учебных заведений (1863—81). 161

Итенберг Б.С. 13, 20, 318, 391

- Калитин Петр Николаевич** – холмский уездный предводитель дворянства. 202
- Каракозов Дмитрий Владимирович** (1840–1866) – студент, член кружка Н.А.Ишутина, 4 апреля 1866 г. совершил покушение на Александра II. 181, 333
- Карамзин Владимир Николаевич** (1819–1879) – сын Н.М.Карамзина, член Курского губ. комитета по крестьянскому делу, сенатор и тайный советник (1868), почетный мировой судья в Курской губернии. 61, 155, 183, 194
- Катков Михаил Никифорович** (1818–1887) – публицист, издатель журнала «Русский вестник» (с 1856) и газеты «Московские ведомости» (с 1862). 30, 32, 144, 145, 156, 160, 169, 181, 187, 190–192, 195, 205, 212, 213, 216, 220, 223, 224, 226, 259, 263, 264, 292–294, 301, 312, 316, 363, 384, 385, 387, 392
- Кауфман Константин Петрович фон** (1818–1882) – ген.-ад., дир. канцелярии военного министра (1861–65), виленский (1866–67) и туркестанский (1866–82) ген.-губ. 197
- Качалов Николай Александрович** (1818–1891) – предс. новгородской губ. земской управы, архангельский губернатор (1866–69), дир. деп-та таможенных сборов (1870–82). 204, 205
- Киндяков А.**, чиновник. 45, 62
- Киреев Александр Алексеевич** (1833–1910) – общественный деятель, ад. великого князя Константина Николаевича, гласный московского губ. земского собрания. 22, 29–31, 73, 165, 174, 177–180, 183, 184, 186–191, 193, 200, 208, 229, 230, 233, 285, 286, 292, 293, 301, 302, 385
- Киселев Павел Дмитриевич** (1788–1872) – граф (1839), ген. от инфантерии, первый министр гос. имуществ (1838–56), посол в Париже (1862–65). 37, 38, 324, 327, 383
- Китаев В.А.** 145, 392
- Клейнмихель Петр Андреевич** (1793–1869) – граф (1839), ген. от инфантерии, член Гос. совета, главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий (1842–55). 324
- Княжевич Александр Максимович** (1792–1872) – с 1854 г. сенатор и управляющий петербургской сохранный кассы, министр финансов (1858–62), член Секретного (с 1858 г. –

Главного) комитета по крестьянскому делу (1857—61), с 1862 г. в отставке. 127

Кокорев Василий Александрович (1817—1889) – предприниматель, публицист, коммерции-советник (1851), занимался винными откупами, был близок к славянофилам и М.П.Погодину, в 1859 г. выступил с проектом передачи крестьянам наделных земель. 387

Комаров Виссарион Виссарионович – полковник, издатель газ. «Русский мир» (1871—75). 33, 262, 263, 307

Комаровский Владимир Егорович (1835—?) – граф, ад. великого князя Константина Николаевича. 208

Комиссаров Осип Иванович (1832—1892) – костромской крестьянин, по официальной версии 4 апреля 1866 г. помешал Д.В.Каракозову произвести прицельный выстрел в Александра II, был возведен в дворянское достоинство. 333

Константин Николаевич (1827—1892) – великий князь, второй сын Николая I, ген.-адмирал (1831), член (1850) и предс. (1865—81) Гос. совета, управляющий морским министерством (1853—81), с июля 1857 г. – член (с сентября 1860 г. – предс.) Секретного (с 1858 г. – Главного) комитета по крестьянскому делу, предс. Главного комитета об устройстве сельского состояния (1861—81), наместник в Царстве Польском (1862—64). 29, 30, 31, 109, 129, 165, 169, 174, 180, 185—190, 193, 200, 206, 219, 288, 290, 292, 300, 301, 316, 331, 388

Корелин А.П. 17, 392

Кори Григорий Иванович – издатель и редактор газ. «Русский листок» (1862—63). 158

Корнилов А.А. 10, 11, 59, 392

Корнилов Федор Петрович (1809—1895) – московский губернатор, статс-секретарь, управляющий делами Комитета министров. 26, 384

Корф Юлий Федорович – барон, камергер (1840), член Петербургского губ. комитета по крестьянскому делу, впоследствии – председатель съезда мировых судей петербургского уезда. 55, 57

Коцебу А.Ф.Ф. фон (1761—1819) – писатель, русский консул в Кенигсберге, убит К.Ф.Зандом. 365

Кочубей Лев Викторович (1810—1890) – князь, с 1838 г. в отставке, полтавский губ. предводитель дворянства (1853—59), тайный советник (1858), председатель полтавского губ. комитета по крестьянскому делу. 161

Кошелев Александр Иванович (1806—1883) – общественный деятель, публицист, крупный помещик и предприниматель, славянофил, основатель журн. «Русская беседа» (1856), газ. «Сельское благоустройство» (1858), член от правительства и депутат Рязанского губ. комитета по крестьянскому делу, управляющий финансами в Царстве Польском (1864—66), с 1865 г. – гласный рязанского губ. земского собрания. 31, 68, 77, 94—97, 113, 117, 144, 146, 302, 387

Краинский Василий Андреевич – помещик, член Орловского губ. комитета по крестьянскому делу, брянский уездный предводитель дворянства (1859—62), с 1862 г. – чиновник канцелярии киевского ген.-губ., действительный статский советник (1869). 28, 32, 33, 64—66, 99, 106, 141—143, 154, 156, 162, 163, 164, 167, 234, 239, 312

Крузе Николай Федорович (1823—1901) – цензор (1855—59), пред. ябургской уездной и петербургской губ. земской управы (1865—67). 166, 167, 180, 186, 194, 195, 204

Кузнецов О.В. 19, 20, 259, 302, 392

Куломзин Анатолий Николаевич (1838—1923) – помещик, мировой посредник (1861—62), чиновник гос. канцелярии и канцелярии Комитета министров (1864—80), товарищ министра гос. имуществ (1880—83), с 1883 г. – управляющий делами Комитета министров. 291, 383

Ланской Михаил Сергеевич – сын С.С.Ланского, граф (1861), член от правительства и депутат Симбирского губ. комитета по крестьянскому делу. 90, 390

Ланской Сергей Степанович (1787—1862) – граф (1861), член Гос. совета (1850), министр внутренних дел (1855-61), член Секретного (с 1858 – Главного) комитета по крестьянскому делу (1857—61). 25, 58, 65, 84, 92, 383

- Лавернь, Леонс де** (1809—1880) – французский экономист и публицист, консерватор, депутат национального собрания. 65, 245
- Лебедев Кастор Никифорович** (1812—1876) – сенатор, тайный советник (1863). 92, 109, 388
- Левандовский А.А.* 11, 392
- Левашов Николай Васильевич** (1827—1888) – граф, член и депутат Петербургского губ. комитета по крестьянскому делу, в 1859—61 гг. – в Свите Е.И.В., орловский (1861—66), петербургский (1866—71) губернатор, товарищ шефа жандармов (1871—74), ген.-ад. (1866). 207, 218, 238
- Левшин Алексей Ираклиевич** (1798—1879) – товарищ министра внутренних дел (1855-59), член Гос. совета. 38, 386
- Леонтович В.В.* 255, 256, 393
- Леонтьев Павел Михайлович** (1822—1874) – профессор Московского университета, друг и единомышленник М.Н.Каткова, соредaktor газ. «Московские ведомости». 363
- Лесков Николай Семенович** (1831—1895) – писатель. 263, 388
- Ливен Д. (Lieven D.)* 24, 249, 393
- Либрович С.Ф.** – секретарь книгоиздателя М.О.Вольфа, автор воспоминаний. 388
- Лиленфельд (Лиленфельд-Тоаль) Павел Федорович фон** (1829—1903) – чиновник МВД, мировой посредник (1861—67), гласный, пред. земской управы (1865—67), почетный мировой судья, пред. мирового съезда петергофского уезда, петербургский вице-губернатор (1867—68), курляндский губернатор (1868—85), публицист и социолог. 205, 218, 237, 238, 240—242, 245, 246, 249—251, 253, 254, 258, 261, 266, 267, 270, 275, 282, 294, 309
- Лихонин Семен Семенович** – член Петербургского губ. комитета по крестьянскому делу. 55, 56, 62
- Лобанов-Ростовский Алексей Борисович** (1824—1896) – князь, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Константинополе (1859—63), орловский губернатор (1866—67), товарищ министра внутренних дел (1867—78), чрезвычайный и полномочный посол в Константинополе

(1878), Лондоне (1879—82), Вене (1882—95), министр иностранных дел (1895—96). 44, 268

Лобанов-Ростовский Николай Алексеевич (псевдоним — **Европеец**; также **Г.Д.**, **Р.С.Т.**, 1826—1897) — князь, крупный землевладелец, капитан-лейтенант флота и ад. великого князя Константина Николаевича, с 1862 г. в отставке, с 1865 г. — исполняющий должность егермейстера Двора, гласный орловского губ. земского собрания, один из основателей петербургского речного яхт-клуба, член Валуевской комиссии (1872—73), пред. дворянской комиссии петербургской губернии по выработке проектов местной реформы (1873—75), с конца 1870-х гг. проживал за границей. 33, 183, 204—209, 213, 238—240, 245, 246, 248, 254, 257—259, 261, 262, 266, 267, 269—271, 276—278, 280, 282, 294, 299, 304, 307, 309, 315, 389, 390

Лонгинов Михаил Николаевич (1823—1875) — член Тульского губ. по крестьянским делам присутствия (1865—66), крапивенский (орловской губернии) уездный предводитель дворянства (1866—67), орловский губернатор (1867—71), начальник Главного управления по делам печати (1867—75), публицист, историк. 307

Львов Дмитрий Владимирович — князь, сенатор. 150, 156

Магницкий Михаил Леонтьевич (1778-1844) — друг и сподвижник М.М.Сперанского, после ссылки — член Главного правления училищ, имел репутацию реакционера и обскуранта. 323

Майкова К.А. 393

Мальцов Сергей Иванович (1810—1893) — крупный землевладелец и промышленник, ад. принца П.Г.Ольденбургского, в 1849 г. в чине ген.-майора вышел в отставку, занимался делами так называемого мальцовского промышленного округа, член Орловского губ. комитета по крестьянскому делу. 47, 64—67, 71, 80, 90, 103, 106, 140, 164

Мария Александровна (урожденная принцесса **Максимилиана Вильгельмина Августа Гессенская**, 1824—1880) — императрица (с 1856), жена Александра II. 74, 86, 98

Маркевич Болеслав Михайлович (1829—1884) – помещик, писатель и публицист, был близок ко двору, постоянный корреспондент М.Н.Каткова, чиновник для особых поручений при министре просвещения, камергер (1866), действительный статский советник (1868). 32, 181, 183, 184, 191—193, 195, 205, 212, 213, 216, 217, 220—226, 233, 259, 263—265, 287—289, 291, 294, 295, 312, 316, 317

Маркович Александр Михайлович – член и депутат Черниговского губ. комитета по крестьянскому делу. 91

Масанов И. Ф. 238

Медем Михаил Николаевич – барон, действительный статский советник, псковский помещик и мировой судья. 148

Мейендорф Егор Федорович (1794—1879) – барон, генерал от кавалерии (1856), ген.-ад. 45

Мейси Д. (Масеу Д.) 23, 396

Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869) – князь, адмирал, ген.-ад., член Гос. совета (1830), начальник Главного морского штаба (1836—55), главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму (1853—55), кронштадтский военный ген.-губ. (1855—56), член Московского губ. комитета по крестьянскому делу. 104, 163, 167

Мещерский Александр Васильевич (1822—1900) – князь, шталмейстер, верейский уездный (1863—69), московский губ. (1869—75) и полтавский губ. (1883—89) предводитель дворянства. 178, 287

Мещерский Владимир Петрович (1839—1914) – князь, публицист и писатель, с 1861 г. чиновник особых поручений при министре внутренних дел, хозяин литературно-политического салона, издатель газ. «Гражданин» (1872—79, 1882—1914). 31, 288, 301, 388, 390

Мещерский Николай Петрович (1824—1901) – князь, брат В.П.Мещерского, гофмейстер, попечитель московского учебного округа (1874—80). 178

Милотин Николай Алексеевич (1818—1872) – дир. Хозяйственного деп-та МВД (1853—59), исполняющий должность товарища министра внутренних дел (1859—61), пред. хозяйственного отделения Редакционных комиссий (1859—60) и

Комиссии о губ. и уездных учреждениях МВД, в апреле 1861 г. уволен в отставку с назначением сенатором, основной автор проектов земельных и административных реформ 1864—65 гг. в Царстве Польском, с 1864 г. — член Комитета по делам Царства Польского, главный начальник по делам Царства Польского (1866—67), член Главного комитета об устройстве сельского состояния (с 1864) и Гос. совета (1865), после инсульта 20 ноября 1866 г. в гос. деятельности не участвовал. 24, 25, 57, 72—74, 80, 84, 85, 87, 88, 96, 100, 106—108, 114, 122, 137, 138, 171, 187, 188, 219—221, 223, 230, 236, 237, 244, 311—313, 316, 336, 365, 366, 379, 381

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912) — граф (1878), брат Н.А.Милютина, с 1856 г. — начальник штаба Отдельного кавказского корпуса (с 1857 — армии), в 1860 г. по рекомендации князя А.И.Барятинского назначен товарищем военного министра, в 1861—81 гг. — военный министр, затем — в отставке, генерал-фельдмаршал (1898). 25, 30, 31, 57, 198, 207, 219, 225, 231, 233, 236, 260, 283, 284, 289, 292, 293, 311, 316, 331, 385, 388

Милютина (урожденная Абаза) Мария Аггеевна — сестра А.А.Абазы, жена Н.А.Милютина. 31, 72, 88, 106, 108, 388

Монтескьё, Шарль Луи (1689—1755) — французский философ. 322

Морозова Е.Н. 42

Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866) — граф (1865), сенатор и управляющий межевым корпусом (1842), ген. от инфантерии (1856), пред. деп-та уделов (1856), министр гос. имуществ (1857—61), член Секретного (с 1858 г. — Главного) комитета по крестьянскому делу (1857—61), виленский ген.-губ. (1863—65), пред. Верховного следственного комитета по делу Д.В.Каракозова (1866). 51—54, 109, 127, 128, 130—133, 198, 333, 368, 384, 388, 391

Мусин-Пушкин Иван Иванович (1835—1894) — граф, гласный московского губ. земского собрания. 178, 179, 187, 190

Муханов Владимир Александрович — автор дневника. 106, 388

Нардова В.А. 17, 174, 209, 393

- Набоков Дмитрий Николаевич** (1826—1904) – чиновник канцелярии великого князя Константина Николаевича, сенатор (1864), главный начальник С.Е.И.В.К. по делам Царства Польского (1867—76), министр юстиции (1878—85). 265
- Нарышкин Василий Львович** (1841—1906) – крупный земледелец, дипломат. 262
- Наполеон I** (1769—1821) – император французов (1804—1815). 343
- Наполеон III** (1808—1873) – император французов (1852—1870). 137, 210, 338, 339
- Неелов Дмитрий Дмитриевич** (1819—1890) – член от правительства Смоленского губ. комитета по крестьянскому делу, дир. деп-та сельского хозяйства министерства гос. имуществ (1861—1873), сенатор (1873). 130
- Нейдгарт Александр Алексеевич** – гласный московского губ. земского собрания. 178
- Неплюев И.И.** – член дворянской комиссии Петербургской губернии по выработке проектов местной реформы (1873—75). 277
- Николай Александр Павлович** (1821—1899) – барон, товарищ министра народного просвещения (1861—63), начальник Главного управления наместника кавказского (1863—74), член Гос. совета (1875), министр просвещения (1881—82). 299
- Николай I** (1796—1855) – император (с 1825). 52, 324, 326, 341, 346, 358, 363
- Николь, Доминик Шарль** – основатель (1794) французского иезуитского пансиона в Петербурге. 345, 346
- Оболенский Дмитрий Александрович** (1822—1881) – князь, дир. Комиссариатского деп-та морского министерства (1853—57), статс-секретарь (1858), пред. комитета по выработке нового закона о печати, дир. деп-та таможенных сборов (1863—70), товарищ министра гос. имуществ (1870—72), член Гос. совета (1872). 30, 52, 104, 183, 269, 285
- Оболенский Александр Андреевич** – князь, товарищ председателя петербургской палаты уголовного суда. 177

- Оболенский Андрей Васильевич** – князь, член и депутат калужского губ. комитета по крестьянскому делу, впоследствии – управляющий гродненской казенной палатой. 113, 144
- Обухов Борис Петрович** (1819–1885) – член и депутат саратовского губ. комитета по крестьянскому делу, губ. предводитель дворянства (1861–65), самарский (1865–67), затем псковский (1867–68) губернатор, товарищ министра внутренних дел (1868–70), тайный советник и сенатор (1870). 26, 213, 255, 335, 389
- Огарев Николай Платонович** (1813–1876) – революционер, соратник А.И.Герцена. 358, 360
- Ольхин Александр Александрович** – член Петербургского губ. комитета по крестьянскому делу. 57
- Оржеховский И.В.** 198, 201, 288, 320, 393
- Орлов Алексей Федорович** (1786–1861) – князь (1856), генерал от кавалерии (1833), шеф жандармов и командующий Имп. Главной квартирой (1844–56), с 1856 г. – пред. Гос. совета и Комитета министров, а также Секретного (с 1858 г. – Главного) комитета по крестьянскому делу (1857–60). 51–53, 73, 74, 104, 109
- Орлов Владимир Григорьевич** (1743–1831) – граф (1762), дир. Академии наук (1766–74), затем в отставке, жил в Москве и подмосковном имении Отрада, дед графа В.П.Орлова-Давыдова. 42
- Орлов Николай Михайлович** – сын декабриста М.Н.Орлова, член комиссии петербургского дворянского собрания по выработке проекта земских учреждений (1862–63). 157, 158, 270
- Орлов-Давыдов Анатолий Владимирович** (1837–1905) – граф (1856), сын В.П.Орлова-Давыдова, ад. князя А.И.Барятинского, затем служил в гв. кавалергардском полку, ген.-майор Свиты (1875), обер-шталмейстер (1881), заведующий московской дворцовой частью. 218, 270
- Орлов-Давыдов Владимир Владимирович** (1837–1870) – граф (1856), сын В.П.Орлова-Давыдова, ад. князя А.И.Барятинского, командир кабардинского пехотного полка, ген.-майор Свиты (1866), симбирский губернатор (1866–68). 218

Орлов-Давыдов Владимир Петрович (1809 — 1882) — граф (1856), общественный деятель, публицист, крупный земле-владелец. Сын Петра Львовича Давыдова и дочери графа В.Г.Орлова Натальи. Носил фамилию отца до 1856 г., когда Высочайше утвержденным мнением Гос. совета ему было предоставлено право принять имя и титул деда по матери. В 1823 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел. Будучи причислен к российскому посольству в Лондоне, окончил Эдинбургский университет (1825—29), получив степень доктора права. В 1829—30 гг. продолжал обучение в Париже и Берлине. Вернувшись в Россию, служил в Главном архиве (1831—34) и азиатском деп-те министерства иностранных дел. В 1838—42 гг. — чиновник для особых поручений в министерстве просвещения. В 1842—48 гг. — в отставке. В 1848—52 гг. — совестной судья в Санкт-Петербурге. Вице-президент Санкт-Петербургского комитета Общества попечительного о тюрьмах (1855—61), член Совета министра внутренних дел (1855—61), Симбирского губернского комитета по крестьянскому делу, тайный советник (1862), обер-церемонимейстер (1862—65), петербургский губ. предводитель дворянства (1866—69), главноуполномоченный Общества попечения о раненых и больных воинах для помощи пострадавшим от неурожая жителям Самарской губернии, член комиссии по составлению проектов реорганизации местного управления петербургского губ. дворянского собрания (1874—75), почетный член Академии наук (1879). 24, 25, 27—29, 33, 42—47, 52, 56, 61, 63, 64, 67, 80—82, 89—93, 95, 99, 103, 105, 114, 116, 117, 119, 126, 135, 140, 141, 143, 147, 149, 150, 154, 156, 158, 159, 161—167, 169, 173—180, 183, 186—188, 192—195, 197, 203, 210—212, 218, 223, 228, 229, 232, 233, 238—240, 245, 249, 250, 254, 258, 260—262, 270, 273, 274, 276, 277, 280—282, 294, 299, 302, 304, 305, 309, 312, 390, 395

Орлова-Давыдова Ольга Ивановна (1814—1876) — графиня, сестра князя А.И.Барятинского, жена В.П.Орлова-Давыдова. 107

Офросимов Федор Сергеевич — член и депутат Рязанского губ. комитета по крестьянскому делу. 95

- Павел I** (1754—1801), император (с 1796). 323, 325
- Павлов Николай Филиппович** (1805—1864) — писатель и журналист, издатель и редактор газ. «Наше время» (с 1860). 156
- Палацкий Франц** (1798—1876) — чешский ученый и политический деятель. 377
- Пален Константин Иванович фон дер** (1833—1913) — граф, псковский губернатор (1864—67), товарищ министра (1867), министр юстиции (1868—78). 202, 214, 219, 265
- Панин Виктор Никитич** (1801—1874) — граф, министр юстиции (1841—62), член Секретного (с 1858 г. — Главного) комитета по крестьянскому делу (1857—61), пред. Редакционных комиссий (с 18 февраля 1860 г.), главноуправляющий II отделением С.Е.И.В.К. (1864—67). 51—53, 108—111, 113, 120
- Паскевич-Эриванский Федор Иванович** (1828—1903) — князь, ген.-ад., член-эксперт Редакционных комиссий (1859—60). 72, 74—79, 91, 99, 102, 107, 150, 183, 194, 233
- Пашков Александр Васильевич** (1792—1868) — ген.-майор. 62
- Перейра, Эмиль и Исаак** — французские банкиры. 339
- Петр I** (1672—1725), царь (с 1682), император (с 1721). 344, 346
- Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) Михаил Васильевич** (1821—1866) — революционер. 327
- Персон Т.С. (Pearson T.S.)** 23, 396
- Платонов Александр Платонович** (1806—1894) — подполковник, внебрачный сын графа П.А.Зубова, царскосельский уездный предводитель дворянства (1841—86), член Петербургского губ. комитета по крестьянскому делу, член комиссии петербургского дворянского собрания по выработке проекта земских учреждений (1862—63), с 1865 г. — гласный петербургского губ. земского собрания. 32, 39—41, 49, 50, 55—57, 60, 63, 65, 70, 89, 116, 125, 140, 146, 157, 159, 163, 165, 180, 192, 194, 275, 383
- Победоносцев Константин Петрович** (1827—1907) — обер-прокурор 8 деп-та Сената (1863—68), преподаватель законоведения великих князей Николая и Александра Александровичей, сенатор (1868), член Гос. совета (1872), обер-прокурор Святейшего Синода (1880—1905). 298, 388

- Позен Михаил Павлович** (1798—1871) – тайный советник, член и депутат Полтавского губ. комитета по крестьянскому делу, член-эксперт Редакционных комиссий (1859—60). 53, 97, 113, 120, 121, 130, 389
- Половцов Александр Александрович** (1832—1909) – обер-прокурор 1 деп-та Сената (1867—73), сенатор (1873), гос. секретарь (1883—92), член Гос. совета. 30, 318, 384
- Попов И.П.** 153, 393
- Потапов Александр Львович** (1818—1886) – начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением С.Е.И.В.К. (1861—64), помощник виленского ген.-губ. (1864—65), войсковой атаман Войска Донского (1866—68), виленский ген.-губ. (1868—74), шеф жандармов и главный начальник III отделения С.Е.И.В.К. (1874—76). 218, 366
- Потулов Александр Александрович** – член Орловского губ. комитета по крестьянскому делу. 64
- Потулов Дмитрий Иванович** – помещик. 71
- Прудон, Пьер Жозеф** (1809—1865) – теоретик анархизма. 177, 239, 246
- Рейтерн Михаил Христофорович** (1820—1890) – чиновник особых поручений морского министерства (1855—58), член Совета министра финансов (1859—60), член финансовой комиссии Редакционных комиссий (1859—60), министр финансов (1862—78), пред. Комитета министров (1881—86). 204, 218, 268, 289, 293, 305
- Ржевский Владимир Константинович** (1811—1885) – член Орловского губ. комитета по крестьянскому делу, публицист, чиновник министерства просвещения. 66, 101, 183, 208
- Рибер А.Дж. (Rieber A.J.)** 7, 21, 22, 215, 265, 393, 394
- Ригер, Франц-Ладислав** – чешский публицист и политический деятель. 377
- Ростовцев Николай Яковлевич** – граф, сын Я.И.Ростовцева, полковник, гласный псковского губ. земского собрания, председатель порховской уездной земской управы псковской губернии. 202

Ростовцев Яков Иванович (1803—1860) — начальник штаба главного начальника военно-учебных заведений (с 1835), друг Александра II, ген.-ад. (1849), член Гос. совета (1856), член Секретного (Главного) комитета по крестьянскому делу, пред. Редакционных комиссий. 39, 52, 53, 58, 60, 62, 64, 74—77, 80, 81, 90, 91, 93, 98, 103, 105, 106, 108, 110, 111, 126, 390

Ротшильд Джемс — барон, французский банкир. 334

Сабуров Иван Васильевич — помещик, публицист, автор работ по сельскому хозяйству. 45, 46

Савельев Яков Яковлевич — гласный петербургского губ. земского собрания. 275, 276

Саломирский Владимир Николаевич — помещик, консервативный дворянский деятель. 145

Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — славянофил, общественный деятель, публицист, член и депутат Самарского губ. комитета по крестьянскому делу, член-эксперт Редакционных комиссий (1859—60), член самарского губ. по крестьянским делам присутствия, гласный московских городской думы и губ. земского собрания (1866—75). 26, 33, 77, 91, 117, 146, 213—215, 218, 236, 242, 252, 276, 277, 293, 298, 301—306, 317, 388—390

Селифонтов Николай Николаевич (1836—1900) — сенатор, товарищ министра путей сообщения (1872—80). 384

Семевский М.И. 39

Семенов Николай Петрович (1823—1904) — действительный статский советник, обер-прокурор 2 отделения Сената, член Редакционных комиссий (1859—60) от министерства юстиции. 25, 73, 99, 101, 113, 388

Семенов Петр Петрович (с 1906 — **Семенов-Тянь-Шанский**, 1827—1914) — ученый, географ и статистик, член-эксперт Редакционных комиссий (1859—60), директор Центрального статистического комитета (1864—75), пред. Статистического совета МВД (1875—97), вице-президент Русского Географического Общества (с 1873). 31, 58, 59, 74, 75, 99, 100, 104, 388

Скальковский Константин Аполлонович (1843—1906) — литератор, публицист, чиновник, дир. (1891—96) Горного депта министерства гос. имуществ. 31, 388

- Скарятин Владимир Дмитриевич** – соредактор газ. «Русский листок» (1862–63), издатель и редактор газ. «Весть» (1863–70), с 1867 г. – гласный псковского губ. земского собрания. 158–160, 179, 183, 192, 197, 201, 202, 224–226, 234, 256, 258, 259
- Скарятин Владимир Яковлевич** (1813–1870) – гофмейстер двора великого князя Александра Александровича, убит на охоте. 183
- Скороспелова В.А.** 16, 17, 159, 174, 394
- Сладкевич Н.Г.** 13, 14, 17, 150, 394
- Смирнов Николай Михайлович** (1808–1870) – калужский (с 1845), затем петербургский губернатор, в 1860-х гг. – гласный московского губ. земского собрания. 161, 252
- Соловьев Яков Александрович** (1820–1876) – неперменный член Земского отдела МВД и Редакционных комиссий (1859–60), член Учредительного комитета по крестьянскому делу в Царстве Польском (с 1864), сенатор. 31, 51, 53, 58, 70, 72, 73, 388
- Сольский Дмитрий Мартынович** (1833–1910) – товарищ главноуправляющего II отделением С.Е.И.В.К. (1864–67), гос. секретарь (1867–78), гос. контролер (1878–89). 265
- Сперанский Михаил Михайлович** (1772–1839) – граф (1839), гос. деятель. 325, 326
- Старр С.Ф. (Starr S.F.)** 23, 41, 396
- Стасюлевич Михаил Матвеевич** (1826–1911) – профессор Петербургского университета, либеральный историк и публицист, издатель и редактор журн. «Вестник Европы» (1865–1908). 239
- Степанов В.Л.** 247, 318, 394
- Столыпин Петр Аркадьевич** (1862–1911) – гос. деятель, министр внутренних дел и пред. Совета министров (1906–11). 23, 236
- Стремоухов Петр Дмитриевич** (1828–?) – член и депутат Нижегородского губ. комитета по крестьянскому делу, горбатовский уездный и нижегородский губ. предводитель дворянства, член Совета Главного управления по делам печати, нижегородский губернатор, член Валуевской

комиссии (1872–73). 31, 47, 92, 93, 97, 137, 270, 271, 388, 389

Строганов Александр Григорьевич (1795–1891) – граф, ген.-ад., новороссийский и бессарабский ген.-губ., член Гос. совета. 150

Строганов Григорий Александрович (1824–1878) – граф, муж великой княгини Марии Николаевны, шталмейстер, ген.-ад., член Гос. совета. 167

Твардовская В.А. 13, 20, 318, 391

Тимашев Александр Егорович (1818–1893) – начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением С.Е.И.В.К. (1855–61), временный казанский, пермский и вятский ген.-губ. (1863–64), министр почт и телеграфов (1867–68), внутренних дел (1868–78), ген. от кавалерии (1872), член Гос. совета. 104, 218, 225, 226, 241, 259–261, 265, 274, 300

Токвиль, Алексис де (1805–1859) – граф, французский политический деятель, историк и публицист. 65, 145

Толстой Александр Петрович (1801–1873) – граф, обер-прокурор Св. Синода (1856–62), член Гос. совета. 161

Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – граф, дир. канцелярии морского министерства (1853), сенатор (1861), обер-прокурор Св. Синода (1865–80), министр просвещения (1866–80), с 1882 г. – президент Академии наук и министр внутренних дел. 198, 264, 265, 306, 363, 394

Трубецкая О.Н., княгиня. 30, 68, 91, 106, 117, 125, 146, 389

Трубецкой Петр Никитич (1827–1880) – князь, петербургский уездный предводитель дворянства (1866–72). 159, 191, 192, 225, 260

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – писатель и общественный деятель. 66

Тургенев Михаил Борисович (1828–?) – самарский губ. предводитель дворянства (1881–84). 205

Тьер, Луи Адольф (1797–1887) – французский гос. деятель, историк и публицист. 286

Тютчев Сергей Николаевич – чиновник деп-та уделов, член Валуевской комиссии (1872–73). 270

Тютчев Федор Иванович (1803—1873) – поэт, пред. комитета цензуры иностранной. 216

Уваров Алексей Сергеевич (1825—1884) – граф, сын С.С.Увара, пред. Русского археологического общества, гласный московской губ. земского собрания. 178

Уваров Сергей Семенович (1786—1855) – граф (1846), президент Академии наук (с 1818), министр народного просвещения (1833—49). 324

Унковский Алексей Михайлович (1828—1893) – тверской губ. предводитель дворянства (1857—59), пред. и депутат губ. комитета по крестьянскому делу, в 1859 г. удален от должности, в 1860 г. сослан в Вятку, впоследствии – присяжный поверенный. 94, 96, 97, 113, 144, 153

Усов П.С. – журналист. 32, 389

Урусов Сергей Николаевич (1816—1883) – князь, член Московского губ. комитета по крестьянскому делу, дир. духовно-учебного управления при Св. синоде (1859—64), товарищ обер-прокурора Св. синода (1864), гос. секретарь (1865—67), главноуправляющий II отделением С.Е.И.В.К. (1867—81). 75, 186, 265, 388

Фадеев Ростислав Андреевич (1824—1883) – волонтер на Кавказе (1844—50), с 1850 г. – офицер Кавказской армии, с 1859 г. состоял при князе А.И.Барятинском, генерал-майор (1864), с 1866 г. – в отставке, в 1868 г. причислен к МВД, в 1871—75 гг. – один из руководителей газ. «Русский мир», в 1875 г. – фактический командующий египетской армией, в 1876 г. – в Сербии, откуда отозван русским правительством, в 1877—78 гг. – в Черногории. 15, 20, 28, 32, 33, 134, 212, 259—261, 262, 264, 265, 282, 283, 294—299, 301—304, 306—309, 383, 389—392

Фан дер Флит Николай Федорович – действительный статский советник, с 1869 г. гласный псковского губ. земского собрания, чиновник министерства финансов, член Валуевской комиссии (1872—73). 30, 270—272, 282, 384

Феоктистов Евгений Михайлович (1829—1898) – литератор и публицист, редактор журн. «Русская речь» (1861), чинов-

ник министерства просвещения, редактор «Журнала министерства народного просвещения» (1871–83), начальник Главного управления по делам печати (1883–96). 31, 216, 218, 284, 285, 389

Филд Д. (Field D.) 12, 16, 54, 59, 75, 87, 127, 396

Филиппова Т.А. 20, 21, 215, 394

Фитингоф (Фитингоф-Шель) Александр Борисович фон – барон, член Петербургского губ. комитета по крестьянскому делу, псковский губ. предводитель дворянства (1865–76). 55, 202

Флери, Эмиль Феликс (1815–1884) – генерал, с 1870 г. – французский посол в России. 339

Фредерикс Александр Александрович – барон, псковский уездный предводитель дворянства, член губ. земской управы. 202

Фриз Г. Л. (Freeze G.L.) 17, 394

Фуше, Жозеф (1759–1820) – министр полиции Франции. 343

Хауссман (Гаусман) – барон, в 1860-х гг. – префект округа Сены (Франция). 339

Хвостов Алексей Николаевич – член и депутат Орловского губ. комитета по крестьянскому делу. 111

Ходкевич Дмитрий Матвеевич – полковник, штаб-офицер корпуса жандармов в Пскове. 148

Хрущов Дмитрий Александрович – член и депутат Харьковского губ. комитета по крестьянскому делу. 124, 144

Хрущов Дмитрий Петрович (1816–1864) – сенатор, товарищ министра гос. имуществ (1856–57). 80, 144

Цап П. (Czap P.) 23, 395

Цуриков Александр Сергеевич – член Орловского губ. комитета по крестьянскому делу. 64, 66

Черкасская Екатерина Алексеевна (урожденная **Васильчикова**, 1825–1888) – княгиня, жена В.А.Черкасского. 30, 106, 107

Черкасский Владимир Александрович (1824–1878) – князь, гос. и общественный деятель, близкий к славянофилам, публицист, член от правительства Тульского губ. комитета

по крестьянскому делу, член-эксперт Редакционных комиссий (1859—60), главный дир., председательствующий в правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского (1864—66), московский городской голова (1870—71), в 1877 г. — уполномоченный Общества Красного Креста, начальник гражданского управления действующей армии (1877—78). 24, 25, 68, 77, 86, 87, 96, 100, 101, 114, 125, 146, 277, 317, 385, 389

Чернуха В.Г. 8, 18, 19, 20, 26, 43, 159, 163, 182, 186, 204, 208, 213, 214, 236, 237—239, 241, 256, 262, 264, 266, 267, 288, 289, 291, 293, 300, 302, 308, 318, 320, 321, 387, 393, 395

Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898) — ген.-лейтенант, командовал отрядом, взявшим Чимкент и Ташкент (1864—65), до 1866 г. — ген.-губ. Туркестанской области, затем в отставке, в 1871—75 гг. издавал газ. «Русский мир», в 1876 г. — командующий Главной сербской армией, ташкентский ген.-губ. (1882—84). 261, 299

Чичерин Борис Николаевич (1828—1904) — профессор Московского университета (1861—68), философ и публицист, преподаватель великого князя цесаревича Николая Александровича, гласный тамбовского губ. земского собрания, московский городской голова (1882—83). 31, 144, 145, 154, 387, 390, 392

Шаховской Федор Васильевич — князь, член псковского губ. комитета по крестьянскому делу, председатель псковской губ. земской управы (1865—68). 202

Шаццлло К.Ф. 13, 20, 318, 391

Шепелева О.Н. 26, 387

Шереметев Сергей Дмитриевич (1844—1918) — граф, крупнейший землевладелец империи, ад. великого князя цесаревича Александра Александровича (1868—81), начальник придворной певческой капеллы, московский губ. предводитель дворянства (1885—90), автор воспоминаний. 32, 38, 195, 206—208, 286, 313, 389

Шестаков Иван Алексеевич (1820—1888) — контр-адмирал (1861), таганрогский градоначальник (1866—68), вилен-

ский губернатор (1868—69), временный агент в государствах южной Европы (с 1873), управляющий морским министерством (1882—88). 187, 300, 384

Шидловский Дмитрий Николаевич – член и депутат Симбирского губ. комитета по крестьянскому делу, один из лидеров «крепостнической» оппозиции Редакционным комиссиям. 62, 63, 70, 89—91, 93, 97, 114, 116, 173, 183, 192, 390

Шипов Сергей Павлович (1790—1876) – ген. от инфантерии, ген.-ад., сенатор. 37—40, 44, 46—48

Шихматов (Ширинский-Шихматов) Платон Александрович (1790—1853) – князь, товарищ министра (1842—50), министр (1850—53) просвещения. 324

Шохин Л.И. 32

Шретер Александр Григорьевич – член и депутат Харьковского губ. комитета по крестьянскому делу. 124, 144

Штейн Генрих Фридрих Карл фон (1757—1831) – государственный деятель, инициатор ряда крупных реформ в Пруссии. 324

Шувалов Андрей Павлович (1816—1876) – граф, брат Петра Павловича Шувалова, в 1838—40 гг. входил в аристократически-фрондерский «кружок 16-ти», полковник, флигель-ад., гласный петербургского губ. земского собрания (1865—67), в 1867 г. за оппозиционное выступление на земской сессии выслан за границу, петербургский губ. предводитель дворянства (1872—76). 72, 74, 99, 117, 150, 151, 156, 163, 166, 167, 180, 183, 194—196, 204, 228, 334

Шувалов Андрей Петрович (1802—1873) – граф, отец Петра Андреевича Шувалова, обер-гофмаршал, президент придворной конторы (с 1850), член Гос. совета (1857), состоял при императрицах Александре Федоровне и Марии Александровне, обер-камергер (1868). 74

Шувалов Павел Петрович («Боби», 1847—1902) – граф, сын Петра Павловича Шувалова, закончил Петербургский и Гейдельбергский университеты, ад. великого князя Владимира Александровича, один из основателей и руководителей «Святой дружины», флигель-ад. (1882), впоследствии – ген.-майор, командир гв. егерского полка. 315, 317, 389

Шувалов Петр Андреевич (1827—1889) – граф, сын Андрея Петровича Шувалова, петербургский обер-полицмейстер (1857—60), дир. деп-та Общих дел МВД (1860), начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением С.Е.И.В.К. (1861), лифляндский, эстляндский и курляндский ген.-губ. (1864—66), шеф жандармов и главный начальник III отделения С.Е.И.В.К. (1866—74), член Гос. Совета, посол в Великобританию (1874—79), второй представитель России на Берлинском конгрессе (1878), член Кахановской комиссии (1884—85). 7—9, 15, 19—21, 26, 31, 33, 89, 182, 183, 187, 189—191, 192, 195—201, 203—205, 208—221, 225, 238, 240, 258—262, 264—269, 272, 274, 282—294, 298—302, 304—306, 308, 313, 316, 321, 334, 368, 387, 394

Шувалов Петр Григорьевич (1826—1882) – граф, старший секретарь миссии в Дрездене (1858), камергер, причисленный к МВД (1861), сенатор. 183, 189

Шувалов Петр Павлович (1819—1900) – граф, действительный статский советник, петербургский губ. предводитель дворянства (1854—63), камергер, пред. и депутат Петербургского губ. комитета по крестьянскому делу, член-эксперт Редакционных комиссий (1859—60), пред. комиссии петербургского дворянского собрания по выработке проекта земских учреждений (1862—63). 11, 41, 55, 58—61, 65, 67—68, 72, 74—82, 86, 89—92, 95—97, 99, 100, 110, 115—117, 126, 135, 150, 152, 156, 157, 163, 183, 194, 205

Шувалова Фекла Игнатьевна (урожденная Валентинович, в первом браке – графиня Зубова, 1801—1873) – жена Андрея Петровича Шувалова. 368

Щербатов Александр Алексеевич (1829—1892) – князь, верейский уездный предводитель дворянства, московский городской голова (1862—69), был близок к славянофилам. 147, 154, 184

Щербатов Григорий Александрович (1819—1881) – князь, попечитель петербургского учебного округа (1856—58), пред. Цензурного комитета, петербургский губ. предводитель дворянства (1863—66), пред. петербургского общества

сельских хозяев (1864–70), гласный петербургского губ. земского собрания и городской думы. 150, 156, 161, 163, 166, 167, 184, 186, 189, 190, 192–195, 205, 228

Эймонтова Р.Г. 13, 20, 318, 391

Эммонс Т. (Emmons T.) 16, 103, 153, 395

Юматов Николай Николаевич – поручик в отставке, журналист, соредактор газ. «Русский листок» (1862–63), редактор-издатель газ. «Весть» (1863–67, совместно с В.Д.Скарятиным), в 1868–69 гг. – сотрудник газ. «Новое время». 158

Янсон Юлий Эдуардович (1835–1893) – экономист и статистик. 270

Яни Дж. (Yaney G.L.) 23, 396

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5

ГЛАВА I

Консервативное дворянство накануне отмены крепостного права: идеология, программа, политическая активность	35

1. Первые отклики на правительственную инициативу в разработке реформы	37

2. Попытки консолидации и разработки контрпрограммы	54

Губернские дворянские комитеты: поиск решения	54

Редакционные комиссии и оппозиция в среде столичной аристократии	69

Депутаты Губернских комитетов, провинциальное дворянство и «аристократическая» оппозиция	81

3. Программа «аристократов»: смысл и содержание	118

4. Оппозиция проекту Редакционных комиссий в Главном комитете	126

ГЛАВА II

Оппозиционное движение дворянства,
правительство и попытки создания
«консервативной партии» (1861—1869 гг.)137

1. Дворянские собрания 1861—1862 гг.
о последствиях крестьянской реформы
и будущем «высшего сословия»138
2. Попытки консолидации «охранительных сил»
в 1862—1864 гг. Консервативное дворянство
и деятельность П.А.Валуева155
3. Земская реформа и обострение противоречий
в среде оппозиционного дворянства172
4. «Аристократы» и изменение
внутриполитического курса в 1866 г.181
5. Программа «охранительной» политики
в 1866—1869 гг.: укрепление власти
или структурные реформы?197
6. Общественно-политическая борьба
в 1866—69 гг. и кризис «Вести»221

ГЛАВА III

«Аристократическая» оппозиция
в первой половине 70-х гг.:
программа и попытки ее реализации235

1. Программа «аристократической» оппозиции
к началу 1870-х гг.235
2. «Аристократы» и правительство в 1870—73 гг. 258
Создание газеты «Русский мир»258
Организация и деятельность
сельскохозяйственной комиссии266

Проекты всесословной волости в петербургском дворянском собрании	275
3. П.А.Шувалов, Р.А.Фадеев и поражение консервативной группировки. 1874—1875 гг.	282
Заключение	310
Приложение А.И.Васильчиков. Тайная полиция в России	320
Список сокращений	382
Источники и литература	383
Указатель имен	397

Игорь Анатольевич Христофоров родился в 1970 году. Выпускник, затем аспирант исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, кандидат исторических наук (2000), специалист в области внутренней политики России второй половины XIX века и истории русского консерватизма. В настоящее время – научный сотрудник Института российской истории РАН и редактор отдела журнала «Отечественная история».

Научное издание

Христофоров Игорь Анатольевич
«Аристократическая» оппозиция Великим реформам
(конец 1850 — середина 1870-х гг.)

Редактор —

Володина Наталия Ивановна

Художественно-технический редактор —

Ордынский Никита Георгиевич

Компьютерная верстка —

Иванова Ольга Николаевна

ООО «ТИД "Русское слово — РС"».

Лицензия ЛР № 066327 от 23.02.1999. Тел. (095) 203-28-46, 351-44-51.

Подписано в печать 2 июня 2002 г. Формат 60 х 90/16.

Бумага офсетная.

Гарнитура РТ Петербург. Печать офсетная.

Печ. л. 27. Тираж 1000 экз. Заказ № 6375

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография "Наука"».

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Император Александр II

Великий князь Константин Николаевич

Граф Сергей Степанович Ланской

Граф Михаил Николаевич Муравьев

Яков Иванович Ростовцев

Князь Василий Андреевич Долгоруков

Граф Виктор Никитич Панин

Николай Алексеевич Милютин

Граф Дмитрий Алексеевич Милютин

Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский

Яков Александрович Соловьев

Граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов

Граф Владимир Владимирович Орлов-Давыдов

Юрий Федорович Самарин

Князь Владимир Александрович Черкасский

Граф Петр Андреевич Шувалов

Александр Егорович Тимашев

Граф Петр Александрович Валуев

Граф Алексей Павлович Бобринский

Граф Александр Алексеевич Бобринский

Князь Александр Илларионович Васильчиков

Михаил Никифорович Катков

Князь Александр Иванович Барятинский

Ростислав Андреевич Фадеев

Михаил Григорьевич Черняев

Граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков

Александр Александрович Половцов